

# ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ  
НАУК  
СССР

ИНСТИТУТ  
ИСТОРИИ  
СССР

ЖУРНАЛ  
ОСНОВАН  
В МАРТЕ  
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ  
6 РАЗ  
В ГОД

НАУКА  
МОСКВА

**В НОМЕРЕ:**

В огне тяжелых испытаний 1941—1942 гг.

«...Автономию немцев Поволжья ликвидировать»

Послеоктябрьский меньшевизм

Столыпинская аграрная реформа и пути развития России

Социальная активность крестьян в 20-е годы.  
Судебная статистика

Советские и зарубежные авторы о политическом кризисе самодержавия

Как возникли города на Руси?

Н а ш и п у б л и к а ц и и :

Следственное дело провокатора Малиновского

Документы ЦК партии октябристов

2

1991

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),  
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,  
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Н. Е. КОРОЛЕВ, Ю. С. КУКУШКИН,  
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,  
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),  
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),  
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 126-94-02

## EDITORIAL BOARD

К. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*)  
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVICKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,  
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, N. E. KOROLEV, Iu. S. KUKUSHKIN,  
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,  
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),  
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistarn editor-in-chief*),  
A. N. SAHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address

19, Dm. Ulianova. Moscow, U. S. S. R. Tel. 123-90-61

Managing Editor Iu. V. Mochalova, tel. 126-94-02

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

## **В помощь преподавателям и студентам**

---

### **ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

#### **Краткий очерк (1917—1945 гг.)**

---

© 1991 г.

#### **Глава шестая**

#### **В ОГНЕ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ**

(июнь 1941 — ноябрь 1942 г.)

**Г. А. КУМАНЕВ**

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

В 3 часа 30 минут утра, когда немецко-фашистские войска получили условный сигнал «Дортмунд», по советским пограничным заставам и укреплениям был внезапно нанесен мощный артиллерийский удар, а через несколько минут вражеские полчища вторглись в пределы СССР. Крупные силы германской авиации обрушили тысячи тонн смертоносного груза на советские аэродромы, мосты, склады, железные дороги, военно-морские базы, линии и узлы связи, на спящие города. В приграничных районах страны забушевал гигантский огненный смерч. Для советского народа началась жестокая и неимоверно тяжкая Великая Отечественная война.

Армия вторжения насчитывала 5,5 млн человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47 200 орудий и минометов<sup>1</sup>.

Ей противостояли силы пяти советских западных приграничных округов и трех флотов, которые почти вдвое уступали противнику в людях, имели несколько меньшее количество артиллерии и превосходили врага в танках и самолетах, правда, большей частью устаревших образцов<sup>2</sup>. Что касается первого эшелона армий, то здесь гитлеровское командование развернуло 103 дивизии, в том числе 10 танковых, тогда как в первом эшелоне наших армий прикрытия имелось только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий<sup>3</sup>.

Особенно подавляющим было превосходство немецко-фашистских войск на направлениях главных ударов. К исходу первого дня войны их мощные танковые группировки на многих участках фронта вклинились в глубь советской территории от 25 до 35, местами даже до 50 км. К 10 июля глубина вражеского вторжения на решающих направлениях составила уже от 300 до 600 км. В руки противника попало почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением, находившихся в приграничной зоне.

Атакованные внезапно, части Красной Армии были вынуждены вступать в тяжелые бои без необходимой подготовки и без завершения стратегического развертывания, будучи укомплектованными на 60—70% до штатов военного

---

**Куманев Георгий Александрович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института истории СССР АН СССР.

времени, с ограниченным количеством материальных средств, транспорта, связи, нередко без воздушной и артиллерийской поддержки.

Под ударами наступавшего агрессора воины Красной Армии попадали в окружение, терпели тяжелые поражения и неудачи. За три недели войны противнику удалось полностью разгромить 28 советских дивизий. Кроме того, более 72 дивизий понесли потери в людях и боевой технике от 50% и выше. Общие наши потери только в дивизиях без учета частей усиления и боевого обеспечения за это время составили около 850 тыс. человек, до 6 тыс. танков, не менее 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. противотанковых орудий, около 12 тыс. минометов, а также около 3,5 тыс. самолетов.

Противник потерял около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1700 танков и штурмовых орудий и 950 самолетов<sup>5</sup>.

Значительный урон понес и Советский Военно-Морской Флот. Они составили к 10 июля 3 эсминца, 1 лидер, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров и ряд других боевых судов и транспортов.

За это же время враг лишился только 4 минных заградителей, 2 торпедных катеров и 1 «охотника»<sup>6</sup>. И все же расчеты гитлеровского командования на низкую боеспособность Красной Армии не оправдались. Уже в первые дни войны в невероятно тяжелых условиях ее бойцы и командиры оказывали врагу мужественное и отчаянное сопротивление.

13-я пограничная застава лейтенанта А. В. Лопатина Владимир-Волынского пограничного отряда сражалась в окружении 11 дней. Стойко обороняли свои рубежи пограничники 9-й заставы Брестского пограничного отряда во главе с лейтенантом А. М. Кижеватовым, 17-й пограничной заставы Рава-Русского пограничного отряда во главе с лейтенантом Ф. В. Мориним, 98-го пограничного отряда и др.

Так же сражались и воины, оборонявшие Перемышль. Они оставили город после тяжелых боев по приказу командования к концу первого дня войны. Но уже на следующей утро внезапным контрударом подразделения и части 99-й стрелковой дивизии совместно с пограничниками вновь освободили Перемышль и удерживали его в течение пяти дней. Стойко и умело действовали защитники Лиэпаи — воины 67-й стрелковой дивизии под командованием генерала Н. А. Дедаева.

Воины более тридцати национальностей упорно защищали пограничную Брестскую крепость. Окруженный со всех сторон малочисленный гарнизон, руководимый полковым комиссаром Е. М. Фоминым, майором П. М. Гавриловым и капитаном И. Н. Зубачевым, держался более месяца.

С самого начала войны немало подвигов совершили советские летчики. Когда кончались боеприпасы, многие из них, жертвуя своей жизнью, шли на воздушные тараны. По имеющимся подсчетам, за годы войны их было совершено 636. Уже 22 июня 1941 г. воздушные тараны применили: на Юго-Западном фронте — старший лейтенант И. И. Иванов, младший лейтенант Л. Г. Бутелин; на Западном фронте — младший лейтенант Д. В. Кокорев, лейтенант П. С. Рябцев, старший политрук А. С. Данилов, лейтенант С. М. Гудимов; на Южном фронте — старший лейтенант А. И. Мокляк — всего около двадцати героев.

В этот же день в районе юго-западной границы командир звена 62-го штурмового авиационного полка старший лейтенант П. С. Чиркин и младший лейтенант В. С. Слюнкин совершили первый во время войны наземный таран. Свой горящий самолет они направили на танковую колонну врага. 24 июня этот подвиг повторили экипаж старшего лейтенанта Г. А. Храпая и старший политрук С. М. Айрапетов, 25 июня — экипаж капитана А. Н. Авдеева, а на следующий день — экипажи капитана Н. Ф. Гастелло и лейтенанта С. Н. Кошелева. Всего за время войны подобные подвиги совершили 503 героических экипажа.

В боях под Новгородом подвиг самопожертвования во имя спасения жизни

воинов, во имя победы совершил политрук роты 1-го батальона 125-го танкового полка А. К. Панкратов, бывший рабочий из Вологды. В критический момент, когда боеприпасы оказались израсходованными, он бросился на вражеский пулемет и грудью закрыл его огонь. А. К. Панкратову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Всего, по последним данным, его подвиг во время войны повторили 204 воина и партизана.

Войска фашистской Германии до этого нигде не встречали такого сопротивления и никогда не несли таких больших потерь.

До середины июля 1941 г. враг терял на советско-германском фронте в среднем 4 тыс. человек в день, во второй половине июля — более 7 тыс., а к концу третьего месяца войны его общие потери превысили 500 тыс. солдат и офицеров. Для сравнения заметим, что до нападения на СССР за весь предшествующий период второй мировой войны немецко-фашистская армия, завоевавшая почти всю Европу, потеряла только около 300 тыс. человек.

Красная Армия усиливала сопротивление врагу, нанося ему все более чувствительные удары. Однако остановить агрессора в приграничной зоне не удалось. Немецко-фашистские войска продолжали развивать наступление вглубь территории СССР. Над Советской Родиной нависла смертельная угроза.

И тогда, в те горькие и страшные месяцы лета сорок первого, и сейчас, спустя почти полвека со дня начала войны, миллионы советских людей задают вопрос: каковы причины того чрезвычайно тяжелого и опасного положения, в котором оказалась страна, какие факторы повлияли на крупные поражения Красной Армии уже в первые недели войны?

В исторической литературе имеется немало публикаций, содержащих различные ответы на этот вопрос. Обычно ссылаются на огромный военно-экономический потенциал фашистского рейха, который к июню 1941 г. опирался на ресурсы почти всей поработанной гитлеровцами Европы. Внимание читателей обращается и на тот факт, что немецко-фашистская армия имела двухлетний опыт войны, была хорошо обученной и оснащенной по последнему слову техники. Наши неудачи объясняются также ошибочной оценкой высшим политическим и военным руководством военно-стратегической обстановки, неправильным определением возможного срока вражеского нападения на СССР и направления главного удара агрессора, нашей недостаточной подготовленностью к войне в экономическом плане, слишком краткими рамками мирного времени, не позволившими выполнить все намеченные планы и т. д. В целом все это так.

Но сегодня в ходе перестройки, когда большое число ранее не доступных документов, свидетельств становится достоянием гласности, перед обществоведами открылись широкие возможности для отказа от устаревших догм, новых подходов к изучению проблем, переосмысливания и углубления многих прежних представлений и выводов.

Темой споров и дискуссий являются и вопросы о степени готовности Советского государства к войне, о влиянии на ее ход фактора внезапности нападения и о персональной ответственности Сталина за наши крупные потери и неудачи в первый период войны.

При этом имеют место отдельные «открытия» (публикуемые в печати или высказываемые в популярных телепередачах), которые не основаны на серьезных, достоверных источниках и поэтому только вводят читателей и слушателей в заблуждение. Встречаются в публицистике, например, утверждения, что неготовность Советского Союза к войне была «потрясающая», что оборонный потенциал, который ценой огромных лишений создавался в стране в предвоенные годы, во время войны сработал лишь отчасти и перед войной «нужна была немедленная передышка, снижение количественного роста». Высказывается суждение, что Красная Армия перед началом войны «ни в чем существенно не уступала немецкой»<sup>7</sup>. В передовой статье шестого номера «Военно-исторического журнала» за 1988 г. говорится, что «для укрепления

обороноспособности страны, развития армии и флота Сталин сделал немало...» «Вместе с тем очевидно, — пишет далее журнал, — что именно Сталиным были допущены ошибки (заметим, не преступления, а всего лишь ошибки, — Г. К.) в реорганизации Вооруженных Сил»<sup>8</sup>. Что касается вопроса о внезапности нападения, то появились публикации, где вообще отрицается, что она имела место<sup>9</sup>.

С одной стороны, исторические факты убедительно свидетельствуют, как много успели сделать советские люди, чтобы подготовиться к вражескому нападению. Только с 1939 г. по июнь 1941 г. было сформировано 125 новых дивизий. Ассигнования на оборону, составлявшие в 1939 г. 25,6% к государственному бюджету, возросли в 1940 г. до 32,6%, а в начале 1941 г. они достигли уже 43,4%. Ускоренными темпами развивалась наша оборонная промышленность, прирост продукции которой за три года третьей пятилетки втрое превысил общий прирост промышленной продукции в стране. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. в советские войска поступило более 7 тыс. танков, 17 745 боевых самолетов, 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов. За первую половину 1941 г. производство боеприпасов по важнейшим видам увеличилось на 66%<sup>10</sup>.

С другой стороны, крайне отрицательное воздействие на состояние обороноспособности СССР оказали извращения и деформации социализма, и главным образом массовые репрессии, которые по прямым указаниям Сталина обрушились на советское общество в довоенные годы. Общие масштабы репрессий, развернувшихся во второй половине 30-х гг., охватили миллионы советских людей. Историкам предстоит провести большую работу, чтобы выявить точные размеры этой народной трагедии, достигшей своего апогея в 1937 г. Определенное представление о преступлениях сталинизма дают, например, такие цифры. Если в 1936 г. по политическим приговорам так называемых «троек», особых совещаний и военных трибуналов было расстреляно 1118 человек, то в 1937 г. — 353 074<sup>11</sup>. Эти данные выглядят заниженными, ибо они не учитывают уничтоженных без суда и следствия, погибших во время депортаций, от голода, мучений, болезней, пыток на допросах и т. п.

Что касается репрессий в отношении военных кадров, то используемая в наши дни цифра — около или свыше 40 тыс. репрессированных из числа офицерского корпуса Красной Армии — тоже не отражает действительных размеров сталинских преступлений. По архивным сведениям, только с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкцию на расстрел 38 679 военнослужащих<sup>12</sup>. Если же к этим данным прибавить более 3 тыс. уничтоженных командиров Военно-Морского Флота и учесть, что истребление военных кадров имело место до 27 февраля 1937 г. и после 12 ноября 1938 г., то количество безвинно погибших наших военнослужащих приблизится к 50 тыс., а общие размеры репрессированных в Красной Армии и Военно-Морском Флоте, несомненно, превысят указанное число.

К 1941 г. только в сухопутных войсках не хватало по штатам 66 900 человек командных кадров. Некомплект в летно-техническом составе ВВС достиг 32,3%<sup>13</sup>.

Что все это означало? Это означало существенное ослабление обороны страны и боеспособности Советских Вооруженных Сил накануне столь тяжелых испытаний. И ликвидировать такое положение за короткий срок было просто невозможно. Считается, например, что для подготовки майора генштаба, который мог бы организовать снабжение дивизии или руководить ее боевыми действиями, требуется в среднем от 8 до 10 лет. Между тем по личному указанию или с одобрения Сталина была арестована и казнена почти половина всего состава Генерального штаба Красной Армии, а времени, чтобы восполнить такой опустошительный урон, просто не было. Вот, что означала «реорганизация Вооруженных Сил» по-сталински!

Нельзя не согласиться с мнением военного историка генерал-лейтенанта Н. Г. Павленко, подчеркнувшего, что «максимально избежать просчетов

можно лишь при высоком профессионализме командных кадров, глубоком знании ими боевого опыта и способов действий противника. Именно таких кадров и не хватало нам в начальный период войны»<sup>14</sup>.

Уже советско-финляндская война продемонстрировала многие слабые места в боеспособности Красной Армии. Во всех ее неудачах, имевших место в конце 1939 — начале 1940 г., Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия и Мехлис обвинили командный состав наших войск, обрушив на них новую волну жестоких репрессий.

Почти одновременно с 24 января 1940 г. по приказу Наркомата обороны и НКВД на боевых участках ближайших тылов пяти действующих армий было создано 27 контрольно-заградительных отрядов НКВД по 100 человек в каждом с весьма широкими функциями и полномочиями<sup>15</sup>.

Массовые репрессии породили в нашем обществе, в том числе в Красной Армии, атмосферу тотальной подозрительности, недоверия, доноительства и шпиономании, что также оказывало отрицательное влияние на обороноспособность Советского государства. Анализируя итоги советско-финляндской войны, командарм 2-го ранга Н. Н. Воронов, в своей докладной в НКО СССР от 1 апреля 1940 г. имел смелость и мужество отметить: «В армии создалась такая обстановка (после 1937 г.), что командир как-то не чувствует себя уверенным в своих действиях: любой подчиненный может в любой момент поднять шум по любому его мероприятию по партийной и комсомольской линии, по линии органов, пойти пожаловаться политруку или военному комиссару, и командир никогда не может быть гарантирован, что немедленно не начнется разбор дела»<sup>16</sup>.

Конечно, уничтожение лучших военных кадров Красной Армии не могло не вызвать у руководства фашистского рейха чувства большого удовлетворения. Ведь среди них были такие крупные военачальники, как: Маршалы Советского Союза Н. Х. Тухачевский, В. К. Блюхер, А. И. Егоров, командармы 1-го ранга И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов, флагманы флота 1-го ранга В. М. Орлов, М. В. Викторов, командармы 2-го ранга В. М. Примаков, И. Ф. Фельд, П. Е. Дыбенко, А. И. Корк, А. И. Алкснис, Н. Д. Каширин, М. К. Левандовский, И. И. Вацетис, флагман 1-го ранга Г. П. Киреев, флагман флота 2-го ранга И. К. Кожанов и многие другие.

Всего сталинскими палачами было ликвидировано из числа высшего офицерского состава до 80%, в том числе 3 из 5 маршалов, 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 командиров дивизий, 220 из 406 комбригов, а также почти все командующие военными округами, все командующие эскадрами и т. д.

Как показал на Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал В. Кейтель, некоторые немецкие генералы предостерегали фюрера от нападения на СССР, считая Красную Армию весьма сильным противником. Однако Гитлер в этом отношении с конца 30-х гг. был уже другого мнения. «Первоклассный состав высших советских военных кадров, — заявил он Кейтелю, — истреблен Сталиным в 1937 году. Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене еще пока отсутствуют».

Как видим, у нацистского главаря для этого вывода имелись серьезные основания. «Без тридцать седьмого года, — справедливо заметил Маршал Советского Союза А. Василевский, — возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел... Был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы»<sup>17</sup>.

Незаконным репрессиям и арестам в предвоенные годы подвергались также десятки и сотни тысяч работников промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, в том числе руководящие кадры.

На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) один из доклад-

чиков — Председатель СНК СССР В. М. Молотов — с удовлетворением сообщил, что с 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г. было «разоблачено» в качестве «членов антисоветских троцкистских организаций» и осуждено по одному лишь центральному и местному аппарату восемнадцати наркоматов и других организаций и учреждений 1984 хозяйственных руководителей<sup>18</sup>. Только за один день — 21 ноября 1938 г. — НКВД представил список для санкции на осуждение к расстрелу 292 партийных, советских и хозяйственных работников, в том числе 26 арестованных наркомов, заместителей наркомов и председателей облисполкомов. Сталин, Молотов и Каганович санкционировали расстрел 229 человек включая 21 наркома<sup>19</sup>. С 1937 г. и последующие довоенные годы были арестованы и погибли заместители Председателя СНК СССР Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор, Н. К. Антипов, Председатель Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимов, руководители Госплана СССР Э. И. Квириг, В. И. Межлаук, наркомы: М. Л. Рухимович (оборонная промышленность), А. Д. Брускин (машиностроение), Р. И. Эйхе (земледелие), М. И. Калманович, Н. Н. Демченко (зерновые и животноводческие совхозы), Н. И. Пахомов (водный транспорт), М. М. Каганович (авиационная промышленность), И. Е. Любимов (легкая промышленность), А. В. Бакулин (НКПС), И. А. Халепский (связь) и др.

Подневольный труд огромной армии безвинно осужденных стал в соответствии с указаниями «великого вождя» все более активно использоваться на наиболее тяжелых, а нередко и опасных работах. В этом «отец народов» видел и «верный путь» к решению проблемы рабочей силы. Документы свидетельствуют, что уже в начале августа 1940 г. так называемый спецконтингент (или «лагерная рабсила») составлял на предприятиях только 18 наркоматов более 119 тыс. человек<sup>20</sup>.

«Большой сталинский террор» против своего народа, конечно, не мог не сказаться пагубным образом на экономике страны, замедлив темпы ее развития. Так, за период с 1937 по 1940 г. производство стали в стране выросло лишь на 3,4, чугуна — на 2,75, проката — на 0,77%. За это же время выпуск тракторов сократился на 18,4 тыс., автомобилей — на 54,5 тыс. штук. Заметно уменьшилось производство зерновых культур, льна-волокна, сахарной свеклы, заготовки хлопка-сырца<sup>21</sup>.

Хотя темпы роста советской оборонной промышленности поддерживались на высоком уровне, аресты многих ведущих конструкторов, инженеров и техников имели серьезные последствия. К концу 30-х — началу 40-х гг. обозначилось существенное отставание ряда важнейших видов отечественной боевой техники от техники вероятного противника. Новейшие достижения в этой области медленно внедрялись в серийное производство.

Несмотря на то, что самолетный парк советских ВВС был значительным (на 1 июня 1941 г. он составлял без военно-учебных заведений 20 662 исправных самолета, в том числе 15 990 боевых), большую часть из них представляли машины устаревших конструкций, которые по своим летно-техническим данным значительно уступали самолетам немецко-фашистской авиации. Например, в общем парке боевых самолетов 82,7% составляли старые типы и только 17,3% — новые. К сожалению, и новые типы самолетов, принятые на вооружение в 1940 г. и в первой половине 1941 г., по ряду тактико-технических данных также уступали германским. Главный недостаток заключался в слабом вооружении и низкой живучести. На 1 июня 1941 г. только 9,8% общего количества истребителей имели пушечное вооружение, остальные — 90,2% — пулеметное<sup>22</sup>. Ударная сила бомбардировщиков и штурмовиков была также низкой. В своем боекомплекте они не имели достаточно эффективных средств для борьбы с танками и мотомеханизированными войсками противника.

Все эти и другие факторы оказали, таким образом, весьма отрицательное

воздействие на степень готовности страны к достойному отражению фашистской агрессии.

Переходя к проблеме внезапности вражеского нападения на СССР, прежде всего отметим, что весной и в начале лета 1941 г. многие данные свидетельствовали о том, что гитлеровская Германия форсированно готовится к походу на Восток и война стоит уже буквально у нашего порога.

С самого начала 1941 г. существенно возросли переброски немецких войск и боевой техники в районы западной границы Советского Союза. С 25 мая германское командование стало перебрасывать сюда по максимальному военному графику до 100 эшелонов в сутки. Резко участились нарушения советской границы. Наши пограничники только за одиннадцать предвоенных месяцев задержали около 5 тыс. вражеских лазутчиков.

За первую половину 1941 г. германские самолеты 324 раза безнаказанно вторгались в воздушное пространство СССР, производя разведку и аэрофото съемки<sup>23</sup>. Однако было строжайшее указание Сталина огня по ним не открывать. И в связи с этим еще 29 марта 1940 г. возглавлявший НКВД Берия направил директиву пограничным войскам западных округов, в которой говорилось: «При нарушении советско-германской границы самолетами или воздухоплавательными аппаратами огня не открывать, ограничиваясь составлением акта о нарушении государственной границы»<sup>24</sup>. В апреле 1940 г. подобные указания получили войска прикрытия западных военных округов, а в марте 1941 г. — Краснознаменный Балтийский Флот.

Тревожные сообщения ежедневно поступали в Кремль по самым различным каналам. Но Сталин в условиях созданного им тоталитарного режима упрямо игнорировал все донесения о нависшей над страной военной угрозе. Как свидетельствовал позднее автору этих строк А. И. Микоян, Сталин убедил себя в том, что, пока Германия не разделалась с Англией (а это, по мнению «гениального стратега», могло произойти не раньше середины или в конце 1942 г.), воевать на два фронта она не решится и поэтому нарушить Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. пока не посмеет<sup>25</sup>.

Стремясь оттянуть военное столкновение с нацистской Германией, Сталин опасался дать Гитлеру повод для нападения и поэтому медлил с осуществлением самых неотложных мер по приведению советских войск в состояние полной боевой готовности, хотя агрессор для «обоснования» своего вооруженного вторжения мог найти, сфабриковать любой предлог или вообще обойтись без него.

Без какого-либо внимания была оставлена полученная незадолго до войны многочисленная разведывательная информация из Берлина, Бухареста, Лондона, Стокгольма, Токио, в частности от советского разведчика Рихарда Зорге, сообщившего дату предстоящего фашистского нападения — 22 июня<sup>26</sup>. Как это не кажется невероятным, но эту же дату назвал советскому руководству и германский посол в СССР граф фон Шуленбург — скрытый противник войны с СССР. Однако Сталин с раздражением отмахнулся от всех этих новых предостережений.

Более того, 14 июня 1941 г. в советских газетах было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергались появившиеся в западной печати слухи о предстоящей войне и утверждалось, что «Германия так же неуклонно соблюдает условия Советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз», ввиду чего, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Это сообщение неправильно ориентировало советских людей. Оно, безусловно, притупило бдительность наших войск, породив уверенность, что правительство располагает какими-то данными, позволяющими ему оставаться спокойным и уверенным в безопасности западных границ СССР.

В соответствии со строжайшими указаниями Сталина всякая инициатива со стороны командующих округами и армиями по приведению в боевую готовность войск прикрытия стала немедленно пресекаться руководством Наркомата обороны СССР и Генерального штаба, которое само находилось под сильным сталинским прессом и «бдительным оком» НКВД<sup>27</sup>.

Характерной в этом отношении является телеграмма, направленная 10 июня 1941 г. начальником Генштаба генералом армии Г. К. Жуковым в адрес командующего Киевским особым военным округом (КОВО) генерал-полковника М. П. Кирпоноса: «Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреватые всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение»<sup>28</sup>. 20 июня подобное строгое предупреждение от Генштаба получил командующий Прибалтийским военным округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов за то, что отдал распоряжение о приведении в боевую готовность системы ПВО округа. Несколько раньше всем командующим приграничными округами было приказано «во избежание могущих быть провокаций запретить полеты нашей авиации в 10-км пограничной полосе»<sup>29</sup>.

Даже буквально за один день до фашистской агрессии реакция Сталина на весьма тревожные разведсообщения оставалась резко отрицательной. Так, на срочном донесении советского атташе во Франции генерала И. С. Суслопарова, сообщавшего, что нападение на СССР состоится 22 июня, он наложил следующую резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его»<sup>30</sup>.

И только в ночь на 22 июня под давлением новых угрожающих сведений Сталин, наконец, разрешил Наркомату обороны дать в округа директиву о возможном внезапном нападении немцев 22—23 июня и о приведении всех частей в полную боевую готовность, не поддаваясь при этом «ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения»<sup>31</sup>. Но было уже слишком поздно: непосредственно в войска директива поступила фактически уже после вторжения врага на советскую территорию.

В результате грубейшего просчета Сталина в оценке возможного срока нападения врага фашистская агрессия была совершена внезапно, что имело далеко идущие последствия, поставив войска Красной Армии в исключительно тяжелое положение. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что за один лишь первый день войны в результате неожиданного удара германских ВВС советская авиация потеряла из 5434 самолетов более 1200, из них 800 самолетов было уничтожено на аэродромах. В итоге враг сразу же получил ощутимый перевес в воздухе, что в тех условиях имело чрезвычайно важное значение.

Заявляя, что нападение фашистской Германии на СССР не было внезапным, некоторые современные авторы охотно при этом критикуют выступление Сталина 3 июля 1941 г. Указав на то обстоятельство, что «фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении», он назвал это одной из главных причин наших крупных неудач в начале войны<sup>32</sup>. Однако правильно, на наш взгляд, выделив этот фактор, оказавший существенное влияние на многие последующие месяцы войны, Сталин не назвал себя в качестве его главного творца. А ведь именно он из-за своей маниакальной уверенности, что летом 1941 г. военного столкновения с Гитлером не будет, вплоть до позднего вечера 21 июня не давал разрешения командованию на осуществление самых неотложных мер, на приведение войск в полную боевую готовность. Тем самым именно Сталин обеспечил противнику эту внезапность и в оперативно-тактическом, и стратегическом, и ином плане.

По словам маршала Г. К. Жукова, главная опасность заключалась в том, это «для нас оказалась неожиданной ударная мощь немецкой армии, для нас оказалось неожиданностью их (немцев. — Г. К.) шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались неожиданностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара»<sup>33</sup>.

В первые часы войны Сталин находился в подавленном состоянии и наотрез отказался 22 июня выступить по радио с обращением к стране, заявив, по свидетельству Микояна, что ему «нечего сказать народу». Это было поручено сделать Молотову, который в своем выступлении по радио сообщил о вторжении врага, раскрыв далеко идущие цели фашистской агрессии. Он выразил уверенность, что трудящиеся СССР отнесутся к своему долгу перед страной с высоким сознанием ответственности и поднимутся все как один на отпор врагу и его последующий неминуемый разгром.

Несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, была развернута мобилизация всех материальных и духовных ресурсов государства. 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указы об объявлении в отдельных областях СССР военного положения и о проведении мобилизации военно-обязанных 1905—1918 гг. рождения по четырнадцати округам<sup>34</sup>.

Хотя был воскресный день, советские люди с возрастающим чувством тревоги поспешили к местам своей работы. На состоявшихся повсеместно массовых митингах и собраниях они выражали стремление все как один встать на защиту Родины. При этом многие из них под влиянием довоенной пропаганды и сложившихся упрощенных представлений о будущей войне не сразу осознали всю серьезность обстановки, весь драматизм ситуации, наивно полагая, что вооруженное сопротивление не станет продолжительным и фашистский агрессор, как только подойдут «регулярные части Красной Армии», будет сразу же отброшен с Советской земли и разгромлен.

В первые дни войны сотни тысяч граждан были призваны в ряды Вооруженных Сил. Одновременно в стране развернулось широкое добровольческое движение. Люди самого различного возраста буквально осаждали призывные участки, военкоматы, партийные и советские органы, настойчиво требовали немедленно зачислить их в действующую армию, послать на фронт. В первых рядах добровольцев, пополнявших действующую армию, шли коммунисты и комсомольцы. В начале июля 1941 г. ЦК ВКП(б) одобрил инициативу трудящихся Ленинграда и Москвы о создании в помощь фронту частей и соединений народного ополчения, костяком которого становились индустриальные рабочие. Уже к 7 июля в Москве и области было сформировано 12 дивизий общей численностью около 120 тыс. человек, а в Ленинграде за короткий срок — 10 дивизий и 14 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, куда входило свыше 135 тыс. человек. Одновременно формирование народного ополчения шло в других городах, краях, областях и республиках страны.

Из числа добровольцев создавались также истребительные батальоны для обеспечения в прифронтовой полосе строжайшего порядка и для борьбы с вражескими диверсионными группами. К концу июля 1941 г. было сформировано 1755 истребительных батальонов общей численностью свыше 328 тыс. человек, а в течение лета и осени 1941 г. — около 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков и большое число других подразделений<sup>35</sup>.

Создание добровольческих народных формирований было естественным результатом массового отклика трудящихся на фашистскую агрессию и призыв партии. Оно явилось также реакцией на чрезвычайно тяжелую обстановку первых месяцев войны. Создание ополчений, формируемых не военными комиссариатами, а самой общественностью, позволяло существенно расширить работу по мобилизации населения. Разумеется, это была вынужденная мера. Ибо сюда вступали люди, хотя и способные владеть оружием, и с высоким нравственно-патриотическим духом, но не состоявшие на военном учете. Вооружение, военная подготовка и общая боеспособность формирований народ-

ного ополчения были, как правило, ниже кадровых соединений Красной Армии.

Всего с 22 июня по 1 декабря 1941 г. удалось дополнительно сформировать и направить в действующую армию 291 дивизию и 94 бригады<sup>36</sup>.

Вместе с тем следует также иметь в виду, что сотни тысяч несправедливо репрессированных\*, кто страстно горел желанием с оружием в руках встать на защиту Родины или создавать для фронта все необходимое, были административно-командной системой лишены этого. Остро переживая за судьбу своего Отечества, они гибли в лагерях и тюрьмах от голода, болезней, холода, истязаний и каторжного труда. А как нуждалась в их эффективной помощи страна, оказавшаяся в смертельной опасности!

Царизм не доверял многим угнетенным народам национальных окраин оружия и не привлекал их к несению воинской службы. Теперь они принимали активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. За первые десять военных месяцев только из республик Закавказья, Средней Азии, Казахстана было призвано в армию свыше одного миллиона человек. Наряду с этим своим указом, подписанным 28 августа 1941 г. М. И. Калининым, Президиум Верховного Совета СССР под предлогом якобы наличия «большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья» принял решение «переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы»<sup>37</sup>. Речь, разумеется, шла не об эвакуации, а о настоящей депортации оклеветанного народа. Около 380 тыс. немцев Поволжья были в административном порядке переселены в восточную часть страны, многие из них брошены за колючую проволоку. Автономная советская республика немцев Поволжья перестала существовать. Вскоре вышел приказ об их отчислении из действующей армии.

В конце войны депортации и жестким репрессиям подвергнутся также калмыки, ингуши, крымские татары, греки, карачаевцы, балкарцы и ряд других народов Крыма и Северного Кавказа. Все это было грубейшим нарушением Сталиным и его подручными ленинских принципов национальной политики и элементарной законности.

Поскольку сотни тысяч рабочих, служащих, крестьян влились в ряды Вооруженных Сил, их места на заводах, фабриках, шахтах, железных дорогах, у машин, станков и механизмов заняли женщины, старики и подростки. Призыв «Заменяем ушедших на фронт!» прокатился по всей стране.

Широкое распространение получили и такие проявления народного патриотического движения в помощь фронту, как создание комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, организация воскресников, строительство оборонительных укреплений, шефство над госпиталями, забота о сиротах и инвалидах войны, сбор средств на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, бронепоездов, боевых катеров и других видов боевой техники. Выражением заботы советских людей о защитниках Родины явилось также создание фонда обороны, сбор теплых вещей, коллективных и индивидуальных подарков для воинов Красной Армии. Все эти формы всенародной помощи фронту оказывали на них огромное моральное воздействие, придавая новые силы в борьбе с врагом. Мужественно перенося все лишения и тяготы, многие советские люди с первых дней войны трудились по-фронтовому, совершая подвиги, невозможные по меркам мирного времени.

Таким образом, внезапно разразившаяся война всколыхнула всех советских людей, которые поднялись на священную борьбу во имя высшей справедливости и высшего долга.

Эту борьбу возглавила Коммунистическая партия в лице ВКП(б), ее местных отрядов, сотен тысяч коммунистов, став действительно сражающейся

---

\* 2,3 млн. человек — таково было «население» «архипелага ГУЛАГ» на 22 июня 1941 г. Значительную часть (28%) составляли те, кто отбывал заключение по печально знаменитой 58-й статье.

партий. Несмотря на серьезные деформации и значительные потери, понесенные в довоенные годы, она в целом не утратила социалистических ценностей и идеалов, сохранив свой творческий потенциал. Миллионы коммунистов на фронте и в тылу искренне и често выполняли свой патриотический долг, находясь в первых рядах защитников Родины.

В первые полгода войны партия потеряла в боях за Родину 500 тыс. своих лучших сынов и дочерей. Чтобы пополнить ряды партии, ЦК ВКП(б) 19 августа 1941 г. вынес постановление, облегчавшее вступление в партию воинам, особо отличившимся в боях. В окопах и землянках, часто перед самым боем воины писали заявления о приеме в члены партии. К концу 1941 г. в Вооруженных Силах насчитывалось 1 234 тыс. коммунистов — в два с лишним раза больше, чем до войны. Почти каждый второй коммунист с оружием в руках защищал свое Отечество<sup>38</sup>.

Главные усилия в первые дни войны были сосредоточены на руководстве Вооруженными Силами и организации крепкого тыла, чтобы выдержать громадное напряжение и во что бы то ни стало остановить врага.

29 июня Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) направили партийным и советским организациям прифронтовых областей специальную директиву<sup>39</sup>, которая содержала основные задачи по сплочению всех сил советского народа на отпор немецко-фашистским захватчикам. Но, поскольку этот документ не был тогда обнародован, он не мог сыграть сколько-нибудь существенной роли в превращении страны в единый военный лагерь.

И в этом плане, несомненно, важное мобилизующее значение, в снижении настроений благодушия и «шапкозакидательства» имела речь Сталина по радио 3 июля, в которой он изложил и конкретизировал главные положения правительственно-партийной директивы. Катастрофически ухудшающаяся обстановка на фронте заставила его открыто заявить о смертельной угрозе, нависшей над Советской страной и призвать народ к спасению Отечества.

Вооруженные Силы страны с 23 июня 1941 г. возглавила Ставка Главного командования под председательством наркома обороны маршала С. К. Тимошенко. Однако в условиях режима личной власти Сталина Тимошенко фактически ничего не мог решать без санкции «великого вождя». С 10 июля Председателем Ставки, переименованной в Ставку Верховного Главнокомандования, стал Сталин, что было неоправданным решением, поскольку он в целом недостаточно разбирался в вопросах современной военной стратегии, военного искусства и мало считался тогда с мнениями кадровых специалистов. Незадолго до этого, придя в себя после некоторой растерянности и апатии, Сталин занял также пост Председателя Государственного Комитета Обороны — нового чрезвычайного органа военного времени, а вскоре и должность наркома обороны.

«В начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать, — вспоминал маршал Г. К. Жуков. — Он прежде всего тогда плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом...» По словам Жукова, Сталин «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало»<sup>40</sup>.

Об этом свидетельствовал и другой советский полководец — маршал А. М. Василевский. «На первых порах войны, — писал о Сталине Василевский, — он явно переоценивал свои силы и знания в руководстве войной, основные вопросы крайне сложной фронтовой обстановки пытался решать единолично, что нередко приводило к еще большему осложнению обстановки и тяжелым потерям»<sup>41</sup>.

\* В состав созданного 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны (ГКО) вошли: И. В. Сталин (Председатель), В. М. Молотов (заместитель Председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия. Позднее в состав ГКО были введены Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, а выведен К. Е. Ворошилов.

ного ополчения были, как правило, ниже кадровых соединений Красной Армии.

Всего с 22 июня по 1 декабря 1941 г. удалось дополнительно сформировать и направить в действующую армию 291 дивизию и 94 бригады<sup>36</sup>.

Вместе с тем следует также иметь в виду, что сотни тысяч несправедливо репрессированных\*, кто страстно горел желанием с оружием в руках встать на защиту Родины или создавать для фронта все необходимое, были административно-командной системой лишены этого. Остро переживая за судьбу своего Отечества, они гибли в лагерях и тюрьмах от голода, болезней, холода, истязаний и каторжного труда. А как нуждалась в их эффективной помощи страна, оказавшаяся в смертельной опасности!

Царизм не доверял многим угнетенным народам национальных окраин оружия и не привлекал их к несению воинской службы. Теперь они принимали активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. За первые десять военных месяцев только из республик Закавказья, Средней Азии, Казахстана было призвано в армию свыше одного миллиона человек. Наряду с этим своим указом, подписанным 28 августа 1941 г. М. И. Калининым, Президиум Верховного Совета СССР под предлогом якобы наличия «большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья» принял решение «переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы»<sup>37</sup>. Речь, разумеется, шла не об эвакуации, а о настоящей депортации оклеветанного народа. Около 380 тыс. немцев Поволжья были в административном порядке переселены в восточную часть страны, многие из них брошены за колючую проволоку. Автономная советская республика немцев Поволжья перестала существовать. Вскоре вышел приказ об их отчислении из действующей армии.

В конце войны депортации и жестким репрессиям подвергнутся также калмыки, ингуши, крымские татары, греки, карачаевцы, балкарцы и ряд других народов Крыма и Северного Кавказа. Все это было грубейшим нарушением Сталиным и его подручными ленинских принципов национальной политики и элементарной законности.

Поскольку сотни тысяч рабочих, служащих, крестьян влились в ряды Вооруженных Сил, их места на заводах, фабриках, шахтах, железных дорогах, у машин, станков и механизмов заняли женщины, старики и подростки. Призыв «Заменяем ушедших на фронт!» прокатился по всей стране.

Широкое распространение получили и такие проявления народного патриотического движения в помощь фронту, как создание комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, организация воскресников, строительство оборонительных укреплений, шефство над госпиталями, забота о сиротах и инвалидах войны, сбор средств на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, бронепоездов, боевых катеров и других видов боевой техники. Выражением заботы советских людей о защитниках Родины явилось также создание фонда обороны, сбор теплых вещей, коллективных и индивидуальных подарков для воинов Красной Армии. Все эти формы всенародной помощи фронту оказывали на них огромное моральное воздействие, придавая новые силы в борьбе с врагом. Мужественно перенося все лишения и тяготы, многие советские люди с первых дней войны трудились по-фронтовому, совершая подвиги, невозможные по меркам мирного времени.

Таким образом, внезапно разразившаяся война всколыхнула всех советских людей, которые поднялись на священную борьбу во имя высшей справедливости и высшего долга.

Эту борьбу возглавила Коммунистическая партия в лице ВКП(б), ее местных отрядов, сотен тысяч коммунистов, став действительно сражающейся

---

\* 2,3 млн. человек — таково было «население» «архипелага ГУЛАГ» на 22 июня 1941 г. Значительную часть (28%) составляли те, кто отбывал заключение по печально знаменитой 58-й статье.

партий. Несмотря на серьезные деформации и значительные потери, понесенные в довоенные годы, она в целом не утратила социалистических ценностей и идеалов, сохранив свой творческий потенциал. Миллионы коммунистов на фронте и в тылу искренне и често выполняли свой патриотический долг, находясь в первых рядах защитников Родины.

В первые полгода войны партия потеряла в боях за Родину 500 тыс. своих лучших сынов и дочерей. Чтобы пополнить ряды партий, ЦК ВКП(б) 19 августа 1941 г. вынес постановление, облегчавшее вступление в партию воинам, особо отличившимся в боях. В окопах и землянках, часто перед самым боем воины писали заявления о приеме в члены партии. К концу 1941 г. в Вооруженных Силах насчитывалось 1 234 тыс. коммунистов — в два с лишним раза больше, чем до войны. Почти каждый второй коммунист с оружием в руках защищал свое Отечество<sup>38</sup>.

Главные усилия в первые дни войны были сосредоточены на руководстве Вооруженными Силами и организации крепкого тыла, чтобы выдержать громадное напряжение и во что бы то ни стало остановить врага.

29 июня Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) направили партийным и советским организациям прифронтовых областей специальную директиву<sup>39</sup>, которая содержала основные задачи по сплочению всех сил советского народа на отпор немецко-фашистским захватчикам. Но, поскольку этот документ не был тогда обнародован, он не мог сыграть сколько-нибудь существенной роли в превращении страны в единый военный лагерь.

И в этом плане, несомненно, важное мобилизующее значение, в снижении настроений благодушия и «шапкозакидательства» имела речь Сталина по радио 3 июля, в которой он изложил и конкретизировал главные положения правительственно-партийной директивы. Катастрофически ухудшающаяся обстановка на фронте заставила его открыто заявить о смертельной угрозе, нависшей над Советской страной и призвать народ к спасению Отечества.

Вооруженные Силы страны с 23 июня 1941 г. возглавила Ставка Главного командования под председательством наркома обороны маршала С. К. Тимошенко. Однако в условиях режима личной власти Сталина Тимошенко фактически ничего не мог решать без санкции «великого вождя». С 10 июля Председателем Ставки, переименованной в Ставку Верховного Главнокомандования, стал Сталин, что было неоправданным решением, поскольку он в целом недостаточно разбирался в вопросах современной военной стратегии, военного искусства и мало считался тогда с мнениями кадровых специалистов. Незадолго до этого, придя в себя после некоторой растерянности и апатии, Сталин занял также пост Председателя Государственного Комитета Обороны — нового чрезвычайного органа военного времени, а вскоре и должность наркома обороны.

«В начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать, — вспоминал маршал Г. К. Жуков. — Он прежде всего тогда плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом...» По словам Жукова, Сталин «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало»<sup>40</sup>.

Об этом свидетельствовал и другой советский полководец — маршал А. М. Василевский. «На первых порах войны, — писал о Сталине Василевский, — он явно переоценивал свои силы и знания в руководстве войной, основные вопросы крайне сложной фронтовой обстановки пытался решать единолично, что нередко приводило к еще большему осложнению обстановки и тяжелым потерям»<sup>41</sup>.

\* В состав созданного 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны (ГКО) вошли: И. В. Сталин (Председатель), В. М. Молотов (заместитель Председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия. Позднее в состав ГКО были введены Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, а выведен К. Е. Ворошилов.

Конечно, очень трудно определить границы между тем, что Сталин удачно делал ради общих интересов защиты Советской страны, и тем, что диктовалось его упрямством, непомерными амбициями и жадой не только сохранения, но и дальнейшего расширения и укрепления своей и без того необъятной власти. Диктатору и в дни войны повсюду мерещились заговорщики, трусы, предатели, «пятая колонна», и он жестоко расправлялся, как правило, с мнимыми «врагами народа», находя их в первую очередь среди военных.

Так, вину за крупные неудачи и поражения Красной Армии на центральном направлении Сталин взвалил на командование Западного фронта. По его указанию были арестованы, а затем на основании сфальсифицированных приговоров осуждены и расстреляны за «трусость и измену» командующий войсками Западного фронта генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба того же фронта генерал-майор В. Е. Климовских, командующий войсками 4-й армии генерал-майор А. А. Коробков\*.

Военная обстановка потребовала от руководства страны принятия экстренных мер по обеспечению поворота народного хозяйства на военные рельсы, создания прочного, организованного тыла, способного бесперебойно удовлетворять важнейшие потребности фронта. Был разработан и введен в действие народнохозяйственный план на III квартал 1941 г., предусматривавший увеличение производства военной техники на 26%, а затем и «Военно-хозяйственный план на IV кв. 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии»<sup>42</sup>. Существенные изменения пришлось внести в государственный бюджет. Ассигнования на оборонные нужды во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым полугодием возросли на 20,6 млрд. руб., одновременно расходы на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшились на 21,6 млрд. руб., а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд. руб.<sup>43</sup>

Сотни и тысячи промышленных предприятий стали переключаться с выпуска гражданской продукции на оборонную. На график военного времени была переведена работа транспорта. Перед тружениками сельского хозяйства была поставлена задача — обеспечить бесперебойное снабжение продовольствием фронт и городское население, дать необходимое сырье промышленности.

Решать эти сложнейшие военно-хозяйственные проблемы советским людям пришлось в необычайно трудной обстановке. Неудачи на фронте в первые месяцы войны тяжело отражались на работе промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Нелегко было восполнить временную потерю очень важных в экономическом отношении районов и промышленных центров. Военное хозяйство испытывало острую нехватку рабочей силы, металла, топлива, электроэнергии, сырья, различных материалов.

Следует также иметь в виду, что в распоряжении фашистской Германии к началу войны против СССР помимо ее собственной промышленной базы находились экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. К ней перешли оружие, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий. Одни только чехословацкие предприятия «Шкода» могли снабдить многими видами вооружения не менее 40—45 немецких дивизий<sup>44</sup>. К моменту гитлеровской агрессии мощности по производству металла, электроэнергии и добыче угля, находившиеся в распоряжении фашистской Германии, были примерно в 2—2,5 раза больше, чем у СССР<sup>45</sup>. Таким образом, Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной, опиравшейся на мощный военно-экономический потенциал.

Составной частью военной перестройки народного хозяйства являлось

\* В конце октября 1941 г. их тяжелую участь разделили помощник начальника Генштаба генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич, заместители наркома обороны генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов и генерал-полковник А. Д. Локтионов, начальник ПВО страны генерал-полковник Г. М. Штерн и другие, арестованные накануне или в первые дни войны.

беспрецедентное по своим масштабам и срокам перебазирование производительных сил СССР из угрожаемых районов на Восток.

Эвакуация осуществлялась нередко под огнем наступавшего противника, порой с опозданием и с неизбежными при этом потерями и жертвами. Одно лишь временное прекращение производственного процесса на сотнях и тысячах предприятий из-за вынужденного перемещения в тыл уже влекло за собой ущерб, исчислявшийся в миллионах рублей.

Проведение эвакуации осложнялось тем, что заблаговременная подготовка к спасению от врага миллионов масс населения и материальных ценностей была Сталиным запрещена накануне войны. Так, по его указанию 5 июня была распущена Комиссия по эвакуации населения г. Москвы в военное время, созданная весной 1941 г. В резолюции Сталина, адресованной председателю комиссии В. П. Пронину, говорилось: «Ваше предложение о „частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время“ считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и СНК уведомят Вас»<sup>46</sup>.

Поэтому различные эвакуационные планы пришлось спешно разрабатывать уже в ходе разразившейся фашистской агрессии, в условиях вражеского наступления, в тяжелейшей обстановке. Вся тяжесть по перебазированию производительных сил СССР из угрожаемых районов на восток легла на плечи советского народа.

«Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 г. — это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости», — отмечал в своей книге «Россия в войне 1941—1945» известный английский публицист А. Верт<sup>47</sup>. Американский журналист Л. Сульцбергер в статье, опубликованной в дни войны в журнале «Лайф», назвал перемещение производительных сил СССР в глубокий тыл легендарным. «Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток, — писал он, — одна из величайших саг в истории»<sup>48</sup>. Небывалая производственная операция, равная по своей значимости, как отмечал маршал Г. К. Жуков, «величайшим битвам второй мировой войны»<sup>49</sup>, была в целом осуществлена.

За две — три тысячи километров лишь в течение второго полугодия 1941 г., по данным Наркомата путей сообщения СССР, только по железным дорогам было переброшено в тыл оборудование 2593 промышленных предприятий<sup>50</sup>. Если же учесть, что значительная часть производительных сил СССР вывозилась в глубокий тыл по решениям местных органов с использованием всех видов транспорта и что при этом имелось большое количество так называемых бездокументных грузов, то приведенная выше цифра неизмеримо возрастет. Из угрожаемых районов различными видами транспорта удалось эвакуировать миллионы людей, сотни тысяч тонн сырья, топлива, громадные ресурсы сельского хозяйства, а также другие материальные и культурные ценности.

Хотя и в правительственно-партийной директиве от 29 июня, и в речи Сталина от 3 июля 1941 г. ставилась задача о тотальном вывозе в тыл или о безусловном уничтожении (если невозможно вывезти) всего ценного имущества, не оставляя врагу «ни одного паровоза, ни одного вагона», «ни килограмма хлеба, ни литра горючего», ясно, что ее абсолютное выполнение было делом неосуществимым.

Вследствие быстрого продвижения противника немало материальных ценностей пришлось оставить в приграничных районах страны. Некоторые предприятия почти целиком достались врагу. Например, эвакуация была фактически сорвана по важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской (ныне Донецкой) области. С одной Никитской базы

Главметаллсбыта УССР не удалось вывезти 70,5 тыс. т проката, 68,5 тыс. т слитков и заготовок, 63,5 тыс. т чугуна, 21,2 тыс. т труб, 6 тыс. т ферросплавов. Что касается эвакуации населения, то по многим причинам, в том числе из-за острой нехватки транспортных средств, на оккупированной гитлеровцами территории СССР осталось не менее 70 млн. советских граждан.

На новых местах эвакуированные предприятия и рабочие коллективы оказались в труднейшем положении. Часто не было готовых фабрично-заводских корпусов для размещения оборудования, не хватало питания и жилищ для рабочих, топлива, электроэнергии. Но советские люди, преодолевая все эти трудности, быстро вводили в строй предприятия. Немало крупных эвакуированных предприятий было восстановлено всего лишь за полтора-два месяца.

Перевод всей промышленности на военные рельсы занял лишь около года. И это в условиях острейшего кризиса, который переживала экономика СССР в конце 1941 г. Валовая продукция промышленности с июля по ноябрь уменьшилась в 2,1 раза. Но уже в декабре благодаря усилиям советских людей падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г., хотя и с некоторыми колебаниями, начался его рост<sup>51</sup>.

Превращение СССР в единый боевой лагерь, последовательная перестройка народного хозяйства и всей жизни страны на военный лад создавали важные внутренние предпосылки для необходимого отпора врагу. При этом все же следует учесть, что уже в самом начале войны благодаря активной внешнеполитической деятельности Советского государства была заложена основа антигитлеровской коалиции — того союза свободолюбивых народов, которому суждено было сыграть огромную роль в борьбе с фашизмом. Эту коалицию во главе с СССР, США и Великобританией поддерживали народы оккупированных Германией стран: Югославии, Польши, Франции, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании, Греции, Албании, Люксембурга. К ней примкнули Китай, боровшийся против империалистической Японии, английские доминионы и ряд других государств.

\* \* \*

В результате вынужденного отступления Красной Армии осенью 1941 г. на северо-западном участке фронта немецко-фашистские войска блокировали Ленинград. В нем к тому времени находилось свыше 3 млн. человек, среди которых преобладали женщины, дети, люди престарелого возраста. Связь Ленинграда со страной по всем направлениям, за исключением Ладожского озера, была прервана. Запасы продовольствия и топлива в городе быстро уменьшались. Захватив ленинградские пригороды, противник днем и ночью подвергал город массированным воздушным налетам и обстрелам.

Враг готовился к решительному штурму. Маршал К. Е. Ворошилов, назначенный 5 сентября 1941 г. командующим Ленинградским фронтом, не сумел добиться какого-либо улучшения обстановки под Ленинградом. Более того, вместе с членом Военного совета фронта А. А. Ждановым он пришел к выводу, что защитить город от постоянного натиска вражеских войск практически невозможно. Не найдя ничего лучшего, главнокомандующий дал указание об изготовлении на ленинградских заводах пик и сабель для «баррикадных боев».

10 сентября в Ленинград прибыл генерал армии Г. К. Жуков, сменивший основательно растерявшегося Ворошилова. Посылая сюда Жукова, Сталин тоже оценивал положение города как «катастрофическое» и «безнадежное»<sup>52</sup>. В связи с этим он даже был намерен осуществить взрыв и потопление кораблей Балтийского флота<sup>53</sup>.

Новый командующий фронтом принял энергичные меры по созданию глубоко эшелонированной и развитой обороны на всех уязвимых направлениях и по повышению активности войск. Положение под Ленинградом постепенно стабилизировалось, и он превратился в неприступную для врага крепость.

На центральном участке советско-германского фронта с 10 июля развернулось Смоленское сражение. Войска Западного фронта, вдвое уступавшие вражеской группировке по численности личного состава и в несколько раз — по боевой технике, должны были упорной обороной сдерживать продвижение нацистов, чтобы выиграть время для подготовки и подтягивания резервов.

Под командованием маршала С. К. Тимошенко они вели активную оборону и неоднократно наносили контрудары по врагу. Под Оршей впервые было применено новое грозное оружие — установки реактивных минометов («ка-тюши»).

В середине июля благодаря превосходству в живой силе и технике фашистам удалось прорвать оборону советских войск и 16 июля захватить Смоленск. Однако и после этого сражение продолжалось с еще большим ожесточением. Пополнив войска Западного фронта резервами, советское командование в 20-х числах июля неожиданно для противника предприняло наступательные действия в общем направлении на Смоленск.

Напряженные сражения на смоленском направлении продолжались почти до середины сентября. Кровавопролитные бои развернулись за Ельню. 6 сентября она была освобождена советскими войсками, которыми командовал генерал армии Г. К. Жуков. Это была первая, пусть небольшая, но очень радостная победа. Четыре особо отличившиеся дивизии западного направления — 100, 127, 153-я и 161-я — 18 сентября 1941 г. первыми среди соединений Красной Армии были преобразованы в 1, 2, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии.

Наступление группы армий «Центр» на главном стратегическом направлении — московском — было таким образом задержано на два месяца. В ходе боевых действий ее танковые и механизированные войска потеряли половину личного состава и материальной части<sup>54</sup>. Врагу пришлось топтаться на месте ровно столько времени, сколько по плану «Барбаросса» отводилось на весь «восточный поход». Это позволило советскому командованию сделать многое для создания резервов и укрепления обороны столицы.

Противник, вынужденный приостановить наступление на Москву, решил перенести главный удар на Киев, рассчитывая окружить и уничтожить основные силы Юго-Западного фронта, а после этого вновь двинуться на Москву и развить наступление на Ростов. 72 дня длилось ожесточенное сражение за Киев. Вместе с войсками Юго-Западного фронта трудящиеся Киева самоотверженно защищали свой город.

Героическая оборона Киева также сыграла большую роль в задержке вражеского наступления на Москву: У стен украинской столицы враг потерял более 100 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, много танков и другой техники. Но все же противнику удалось прорвать оборону Юго-Западного фронта. Поскольку Сталин не разрешил своевременный отход наших войск, 15 сентября они попали в окружение. Всего в нем оказалось 452 720 человек, в том числе 58 895 человек командного состава. В окруженных частях и соединениях имелось 2642 орудия, 1225 минометов, 64 танка, 8038 пулеметов, 305 715 винтовок, 2100 автомашин, 300 вагонов боеприпасов<sup>55</sup>. Однако и на этот раз Верховный запретил их отвод. Лишь во второй половине 17 сентября Военный совет Юго-Западного фронта смог вынести решение о прорыве из окружения. Но было уже слишком поздно. Бои в окружении продолжались до 27 сентября. Из вражеского кольца сумели выйти лишь отдельные отряды. Многие воины вместе с командующим Юго-Западного фронта генерал-полковником М. П. Кирпоносом погибли, значительная часть попала в плен.

Большое стратегическое и политическое значение имела героическая оборона Одессы. 73 дня войска Приморской армии и Черноморского флота при активной помощи населения сдерживали натиск врага, имевшего более чем пятикратное превосходство в силах и средствах. Город был оставлен только по приказу командования из-за резкого ухудшения военно-стратегической обстановки на юге Украины. Героические защитники Одессы были переброшены

в Севастополь. После падения Одессы немецко-фашистские войска вторглись на Крымский полуостров, одновременно создав реальную угрозу захвата Донецкого бассейна.

На оккупированной советской территории развертывалась партизанская и подпольная борьба, которую возглавляли коммунисты. Организация активного сопротивления оккупантам проводилась как на основе директивы партии и правительства от 29 июня 1941 г., так и постановления ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». В этих документах население захваченных фашистами районов призывалось к активным и широким действиям. Всего в 1941 г. здесь в труднейших условиях развернули работу 18 подпольных обкомов, около 300 подпольных партийных органов, большое число первичных партийных организаций и групп<sup>56</sup>.

Одновременно с партийными организациями в захваченных противником районах переходили на нелегальное положение и комсомольские организации. В первые полгода войны начали активную деятельность несколько сот подпольных комсомольских организаций.

Несмотря на жесточайший оккупационный режим, зверства захватчиков, лживую нацистскую пропаганду, местное население активно включалось в борьбу против оккупантов и их «нового порядка». К концу 1941 г. в тылу врага действовало более 2 тыс. партизанских отрядов общей численностью свыше 90 тыс. человек<sup>57</sup>. Наряду с формированием партизанских вооруженных сил партийные организации создавали боевые подпольные группы в городах, на железнодорожных станциях, предприятиях — всюду, где можно было причинить ущерб захватчикам. Совершая нападения на отряды фашистов, разрушая железные дороги, мосты и переправы, устраивая лесные завалы и другие диверсии, партизаны и подпольщики осложняли положение армий противника, замедляя темпы его наступления.

Следует заметить, что народная борьба за линией фронта уже в первые месяцы войны была бы неизмеримо эффективнее и шире, а провалов и неудач было бы гораздо меньше, если бы не тот весьма существенный урон, который понесли во второй половине 30-х гг. специально обученные кадры будущих партизан и подпольщиков. Вместе с командармами 1-го ранга И. Э. Якиром и И. П. Уборевичем, возглавлявшими эту работу, по указанию Сталина органами НКВД были необоснованно репрессированы и уничтожены десятки и сотни подготовленных партизанских руководителей, связных, минеров, чекистов, разведчиков и др. Одновременно были ликвидированы все заблаговременно созданные партизанские склады, базы, убежища, пункты связи, «явки» и др.

\* \* \*

Опасаясь полного провала плана «молниеносной войны», немецко-фашистское командование решило вновь сосредоточить основные усилия на московском стратегическом направлении. В замыслах противника, подготовившего операцию «Тайфун», захват Москвы имел особое значение. Против Западного, Резервного и Брянского фронтов, оборонявших московское направление, враг скрытно сосредоточил больше половины всех немецких подвижных соединений, действовавших на советско-германском фронте. Наступавшая на советскую столицу группа армий «Центр» превосходила войска трех названных фронтов в живой силе в 1,4 раза, артиллерии — в 1,8 раза, танках — в 1,7 раза, самолетах — в 2 раза. На направлениях, где концентрировались основные ударные группировки гитлеровцев, их численное превосходство было особенно значительным.

К сожалению, ни нашему Генеральному штабу, ни штабам фронтов не удалось своевременно обнаружить сосредоточение столь мощной группировки противника, раскрыть его замысел и начало (день и час) операции «Тайфун».

Все это крайне неблагоприятно отразилось на развитии военных событий под Москвой в октябрьские дни 1941 г.

Вот что вспоминал позднее генерал-полковник Л. М. Сандалов, назначенный 14 октября 1941 г. начальником штаба Брянского фронта: «Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли тогда разгадать намерений противника?... Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов — Новгород-Северский — Шостка — не найти. Путь отсюда на Орел — Тулу был кратчайшим... Командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр...»<sup>58</sup>

Наступление на Москву началось 30 сентября 1941 г. силами южной группировки противника, действовавшей в направлении Орел—Тула—Кашира против войск Брянского фронта. 2 октября развернули наступление центральная и северная группировки фашистских войск.

Ударом встык между 30-й и 19-й армиями Западного фронта враг прорвал оборону наших войск и уже в первые дни генерального наступления на Москву достиг серьезных успехов, захватив Орел, Ярцево, Дорогобуж, Ельню, Спас-Деменск, Брянск и ряд других городов. 5 октября он овладел Юхновым. Дорога на Москву через Малоярославец оказалась открытой.

Положение создавалось чрезвычайно опасное. Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Оборона и Ставка Верховного Главнокомандования принимали срочные меры для укрепления подступов к Москве. В ночь на 5 октября Государственный Комитет Оборона вынес специальное решение о защите столицы, определив Можайскую линию главным рубежом обороны<sup>59</sup>.

7 октября 3-я и 4-я группы противника соединились в районе Вязьмы, окружив войска 16, 19, 20, 24-й и 32-й армий Западного и Резервного фронтов. В числе окруженных находилось несколько дивизий народного ополчения, которые были сформированы непосредственно для обороны столицы, а затем переброшены с Можайского оборонительного рубежа на вяземский. Тяжелое положение сложилось и в полосе Брянского фронта, войска которого враг расчленил на три части. Их отход происходил в исключительно сложной обстановке.

Оказавшись в отчаянном положении, почти обреченные на гибель или плен, воины окруженных армий тем не менее не сложили оружия, как ожидал противник, а бились насмерть, сковав действия от 28 до 30 фашистских дивизий. 14 из них до середины октября не смогли высвободиться для дальнейшего наступления на Москву.

В условиях резкого ухудшения обстановки на фронтах не состоялся Пленум ЦК, намеченный Политбюро на 10 октября 1941 г.\* За день до его открытия, когда в Москву уже прибыла большая часть членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), последовало новое решение: «Ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей... отложить Пленум ЦК на месяц»<sup>60</sup>.

Однако Пленум так и не был созван без каких-либо оснований до января 1944 г. Безусловно, обстановка к концу первой декады октября 1941 г. на оборонительных рубежах под Москвой весьма обострилась. Но вряд ли это должно было стать главной причиной отмены столь важного мероприятия. Не исключено, что на какое-то время Сталин вновь оказался в состоянии гнетущей подавленности и растерянности, как это с ним уже было в первые часы войны и в конце июня. Возможно, как и 22 июня, когда Сталин отказался выступить по радио, у него не хватило мужества, чтобы прямо и честно объяснить членам Пленума, почему страна оказалась на краю гибели...

\* В решении Политбюро ЦК ВКП(б) «О Пленуме ЦК ВКП(б) от 2 октября 1941 г., подписанным Сталиным, говорилось: «Созвать Пленум ЦК ВКП(б) на 10 сентября 1941 года.

#### Порядок дня:

1. Военное положение нашей страны.
2. Партийная и государственная работа для обороны страны».

Как рассказывал автору этих строк А. И. Микоян, Сталин не пожелал встретиться с прибывшими на Пленум членами и кандидатами в члены Центрального Комитета партии, сославшись на большую занятость, и поручил это сделать секретарям ЦК А. А. Андрееву и Г. М. Маленкову.

По свидетельству бывшего управляющего делами СНК СССР Я. Е. Чадаева, «в этот период поступали многочисленные письма в адрес правительства и лично Сталина». Авторы некоторых из них требовали объяснений, «почему наша армия терпит такие поражения, спрашивали, что намерено делать правительство, чтобы остановить врага», высказывали критику в адрес Сталина. «Многие из этих писем, — отмечал Чадаев, — читал сам Сталин»<sup>61</sup>.

Но что мог ответить «великий вождь» и «величайший полководец» на столь справедливые недоумения, кроме как дать очередные указания карательным органам выявить и обезвредить «этих малOVERов» и «пособников врага»?

В первой половине октября немецко-фашистские войска вплотную приблизились к Туле и вышли на подступы к столице. С каждым днем ее положение становилось все более угрожающим.

8 октября «для проведения специальных мероприятий по предприятиям города Москвы и Московской области» ГКО организовал специальную комиссию (пятерку), в составе заместителя наркома внутренних дел СССР И. Я. Серова, начальника управления НКВД Н. А. Журавлева, секретаря МГК ВКП(б) Г. М. Попова, секретаря МК ВКП(б) Б. Н. Черноусова и начальника Главного военно-инженерного управления НКО СССР Л. З. Котляра. Комиссии было предписано в однодневный срок определить и представить в ГКО список предприятий, «на которых должны быть проведены специальные мероприятия»<sup>62</sup>. 9 октября комиссия представила на имя Сталина список, включающий 1119 предприятий Москвы и области, подлежащих ликвидации или путем взрыва или механической порчи и поджога<sup>63</sup>.

12 октября ГКО принял постановление о создании вокруг столицы Московской зоны обороны, состоявшей из двух оборонительных рубежей.

Враг рвался к столице, предвкушая скорую победу. В приказе по группе армий «Центр», направленном в войска 15 октября, падение Москвы преподносилось как неизбежный факт: «Капитуляция Москвы не должна быть принята, если она будет предложена противником. До захвата она должна быть измотана артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а ее население обращено в бегство».

Упорные и ожесточенные бои развернулись на всех направлениях — волоколамском, Можайском, малоярославецком и калужском.

И вот наступила, пожалуй, самая критическая ситуация. В вечерней сводке Совинформбюро 15 октября сообщалось: «В течение ночи с 14 на 15 октября положение на Западном фронте ухудшилось. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на *одном участке прорвали нашу оборону*»<sup>64</sup> (курсив наш. — Г. К.).

15 октября 1941 г. Государственный Комитет Оборонь вынес постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Постановление требовало немедленно эвакуировать в тыл дипломатический корпус, правительственные учреждения, население, различные материальные ценности. Сталин должен был эвакуироваться 16 октября «или позднее, смотря по обстановке». «В случае появления противника у ворот Москвы» НКВД было поручено произвести взрыв предприятий, складов и учреждений \*, а также всего электрооборудования метро, исключая водопровод и канализацию<sup>65</sup>.

Вот так описывал ту критическую обстановку А. И. Микоян: «15 октября в 8 часов вдруг меня будит сотрудник охраны и сообщает, что Сталин

\* Среди этих объектов значились, например, заводы «Красный металлист», «Красный пролетарий», «Калибр», «Серп и молот», «Компрессор», автозавод им. Сталина, «Красная Пресня», 1-й подшипниковый им. Орджоникидзе, а также вокзалы, мосты, депо, склады, Центральный почтамт, Центральный телеграф и др.

просит в 9 часов зайти к нему... Как я помню, вместе со мной пришли В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский, А. С. Щербаков, Л. М. Каганович. Сталин внешне держался спокойно. Коротко изложил обстановку, сказав при этом, что до подхода наших войск немцы попытаются раньше подбросить свои резервы и фронт под Москвой может быть прорван. Он предложил срочно, сегодня же, эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, видных политических и государственных деятелей, подготовить город на случай прорыва фронта противником и вторжения его в Москву. Сталин приказал заминировать важнейшие машиностроительные заводы и другие предприятия, которые в случае занятия столицы могут быть использованы неприятелем для военных нужд и производства боеприпасов.

Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня, „а я выеду завтра утром“, — сказал он...

Через несколько часов я зашел к Сталину в кабинет. Там был Молотов. На столе лежала рельефная карта западной части Москвы, включая Бородинский мост через Москву-реку, где были обозначены оборонительные рубежи. Молотов указкой показал Сталину, как будут отходить войска...»<sup>66</sup>.

Эти документы красноречиво свидетельствуют о том, что твердой уверенности у Сталина в неприступности Москвы в октябре 1941 г. не было.

16 октября газета «Правда» вышла с передовой статьей «Враг продолжает наступать — все силы на отпор врагу». В этот день, когда уже шла массовая эвакуация населения, московских предприятий и учреждений, в городе возникла довольно сложная и напряженная обстановка. Поступали сообщения о попытках грабежей квартир, магазинов, складов, нарушениях общественного порядка. Но решительными мерами беспорядки и проявления паники были пресечены.

Многие москвичи, несмотря на тяжелейшую обстановку, все же были убеждены, что враг не пройдет в Москву. Продолжался выпуск продукции, необходимой для фронта, люди шли в партийные комитеты и военкоматы с требованием направить их на передовые рубежи, шло формирование коммунистических батальонов (позже их стали называть рабочими).

По решению Государственного Комитета Обороны с 20 октября в столице и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. Оборона столицы на рубежах 100—120 км западнее города возлагалась на командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова<sup>67</sup>.

Москва дополнительно послала на фронт около 50 тыс. человек. Успешно отражались налеты на город вражеской авиации. В эти дни партийные и советские органы немало сделали для поддержания порядка не только в Москве, но и в прифронтовых районах области, где развернулась подготовка к партизанской борьбе.

В последних числах октября наступление немецко-фашистских армий захлебнулось у порога столицы. К 29 октября дивизии 2-й танковой армии генерала Г. Гудериана продвинулись от Мценска до Тулы, но, так и не взяв города, были остановлены.

И все же к началу ноября 1941 г. исход борьбы за Москву еще не был ясен.

Советский Союз находился в чрезвычайно тяжелом положении. Страна лишилась территории, на которой в довоенные годы добывалось больше половины сырья для промышленности страны, а также производилась значительная часть продуктов сельского хозяйства. Вся тяжесть военного снабжения легла на Урал, Сибирь, Дальний Восток и среднеазиатские республики.

Армии не хватало оружия, боеприпасов. За летне-осеннюю кампанию 1941 г. Советские Вооруженные силы потеряли свыше 20,5 тыс. танков (из 22,6 тыс. танков, имевшихся к началу войны), около 17 тыс. боевых самолетов, более 60 тыс. орудий и минометов и много другой техники и вооружения<sup>68</sup>. Число бойцов и командиров, оказавшихся во вражеском плену, составило около 3,9 млн. человек. Промышленность СССР за вторую половину 1941 г. смогла восстановить понесенные потери в стрелковом вооружении только на 30%,

в танках — на 27, в орудиях и минометах — на 58 и в боевых самолетах — на 55%<sup>69</sup>.

В начале ноября на фронте наступило кратковременное затишье. Выигранное время было использовано для укрепления обороны, создания резервов и их переброски к подмосковным рубежам. Около 130 тыс. москвичей вступили в соединения народного ополчения, батальоны истребителей танков. К 15 ноября во внутренних военных округах было сформировано 75 стрелковых бригад общей численностью свыше 328,6 тыс. человек, из которых 33 прибыли на Западный фронт<sup>70</sup>. Ряды защитников Москвы пополнились за счет дивизий, переброшенных из Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, а также соединений, переданных с соседних фронтов.

В канун 24-й годовщины Великого Октября в Москве было проведено торжественное заседание, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. В морально-политическом отношении это имело большое значение для укрепления уверенности советского народа в неминуемом разгроме врага.

В положении на фронте происходили значительные изменения. В середине ноября Красная Армия предприняла контрнаступление в районах Тихвина и Ростова-на-Дону, нанеся противнику серьезные удары. Это оказало большую помощь защитникам столицы, лишив вражеское командование возможности перебросить под Москву войска с других направлений.

Между тем фашистское командование не оставляло своих планов захвата Москвы до наступления зимы. «Хотя начиная с середины октября неоднократно шел снег, у солдат Восточной армии и к началу ноября не было зимнего обмундирования и снаряжения», — пишет в своей книге «Поворот под Москвой» немецкий историк К. Рейнгардт. На предостережения обер-квартирмейстера штаба сухопутных войск вермахта о предстоящих в зимнее время трудностях в отношении снабжения войны Гитлер заявил: «Я не хочу больше слышать этой болтовни о трудностях снабжения наших войск зимой. Никакой зимней кампании не будет. Сухопутные войска должны нанести русским еще только несколько мощных ударов... И тогда мы увидим, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Поэтому я категорически запрещаю говорить мне о зимней кампании»<sup>71</sup>.

На состоявшемся 13 ноября совещании в Орше начальников штабов групп и армий с участием Гитлера было решено продолжать наступательную операцию по планам, разработанным командованием группы армий «Центр». 15—16 ноября после двухнедельной паузы противник возобновил наступление на Москву. Ударные группировки гитлеровцев насчитывали здесь 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных. Соотношение сил на московском направлении было по-прежнему на стороне противника: в живой силе — в 1,9 раза, по орудиям и минометам — в 2,5 раза, по танкам — в 1,5 раза. Советские войска имели небольшое преимущество только в авиации<sup>72</sup>.

Враг стремился обойти Москву с севера — через Клин, Солнечногорск — и с юга — через Тулу, Каширу. Ноябрьские бои носили крайне ожесточенный характер.

Но несмотря на большие потери, враг продолжал рваться к Москве. Захватив Клин и Солнечногорск, он попытался осуществить прорыв северо-западнее Москвы. В ночь на 28 ноября небольшими моторизованными силами противнику удалось выйти к каналу Москва—Волга и форсировать его у Яхромы. Однако дальнейшее продвижение противника северо-западнее Москвы было сорвано контрударами войск 1-й ударной и 20-й армий, и он оказался отброшенным на западный берег канала. Немецко-фашистские войска находились в 25—30 км от столицы, но их наступательные возможности в столкновении с упорной и активной обороной Красной Армии были уже исчерпаны. 30 ноября 1941 г. командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок записал в своем дневнике: «Мысль о том, что противник перед фронтом группы армий,

обессилев, рухнет, оказалась, как показали бои за последние 14 дней, миражом. Стоять у ворот Москвы, где соединяется сеть шоссе и железных дорог почти всей Восточной России, равнозначно ведению тяжелых оборонительных боев с превосходящим по силе противником. Группа армий „Центр“ в ограниченное время не в состоянии это сделать... Наступление, таким образом, не имеет ни смысла, ни цели»<sup>73</sup>.

В этих условиях развернулась подготовка контрнаступления Красной Армии под Москвой. По свидетельству маршала А. М. Василевского, идея этого контрнаступления возникла еще в начале ноября. Но от нее пришлось тогда временно отказаться из-за натиска врага, и лишь в конце ноября, когда гитлеровцы стали выдыхаться, Ставка возвратилась к этому замыслу. 30 ноября командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков направил в Генштаб план контрнаступления войск фронта. 1 декабря Ставка утвердила его. Накануне были рассмотрены предложения Военного совета Юго-Западного фронта. В ночь на 5 декабря была дана директива на переход в контрнаступление и войскам Калининского фронта. На московское направление из резерва были выдвинуты 3 армии, 11 стрелковых и кавалерийских дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых бригад. К Москве из тыловых районов нарастающим потоком шли эшелоны с подкреплением.

Общие замыслы контрнаступления, как рассказывал автору А. М. Василевский, были первоначально достаточно скромными: снять самую непосредственную угрозу столице, отбросить врага от Москвы хотя бы на 20—30, а в случае удачи — на 40 км. Но успех контрнаступления превзошел все ожидания. На рассвете 5 декабря сильный удар по врагу нанесли войска левого крыла Калининского фронта, а утром следующего дня в контрнаступление перешли ударные группы Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. С 7 декабря контрнаступление Красной Армии развивалось все более нарастающими темпами.

В последнее время в некоторых публикациях нашей печати, в выступлениях на научных конференциях высказываются суждения о том, что якобы 5—6 декабря 1941 г. командование вермахта, дескать, уже само отдало приказ об отступлении своих войск. Подобная трактовка событий по меньшей мере противоречит историческим фактам. Как утверждают источники, в начале декабря фашистское военное руководство все еще не хотело примириться с провалом своих планов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к документам генерала Ф. Гальдера. Вот запись его переговоров с начальником штаба группы армий «Центр» фон Грейфенбергом, состоявшемся 4 декабря. «Я заявил ему, — отметил Гальдер, — если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов на то, что в ходе наступления северо-западнее Москвы противнику могут быть нанесены большие потери, то ему предоставляется право прекратить наступательные действия. Фон Грейфенберг ответил: на фронте 4-й армии наступление уже приостановлено. Намечено, что наступление 3-й — 4-й танковых групп будет продолжено 6.12.1941. Нет никаких оснований прекращать наступательные действия на фронте танковой армии Гудериана»<sup>74</sup>.

Несколькими днями позже, 7 декабря, тот же Гальдер записал в своем дневнике: События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого писемноосца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий „Центр“ на рубеж Руза, Осташков»<sup>75</sup>.

Только 8 декабря Гитлер подписал, наконец, директиву № 39 о немедленном прекращении всех крупных наступательных операций и о переходе к обороне из-за «внезапно наступивших сильных морозов». 16 декабря в ответ на предложения ряда генералов о немедленном отводе всей группы армий на тыловой

рубеж. Гитлер запретил отвод крупных соединений, дав «строжайшее указание»: «Ни шагу назад, залатать бреши и держаться!»<sup>76</sup>

Вскоре немецко-фашистские захватчики были отброшены от нашей столицы на 100—250 км, а на некоторых участках в итоге наступления — и до 400 км.

Серьезные успехи, достигнутые Красной Армией под Москвой и на западном направлении, Сталин решил использовать для развития общего наступления на многих направлениях советско-германского фронта, считая, что для такого наступления имеется «самый подходящий момент». 5 января 1942 г. во время обсуждения этого вопроса в Ставке ВГК Г. К. Жуков высказался за то, чтобы осуществить мощное наступление только на западном направлении, усилив здесь советские войска резервами<sup>77</sup>.

Однако Сталин навязал Ставке свое мнение<sup>78</sup>. Перешедшие в наступление на различных участках фронта советские войска не имели необходимого превосходства в силах и средствах над противником ни на одном из трех стратегических направлений и поэтому уже нигде не смогли достичь таких крупных результатов, какие были первоначально обеспечены в ходе контрнаступления под Москвой. «Сталин требовал от нас наступать, — вспоминал Г. К. Жуков. — Он говорил: если у вас сегодня нет результата, завтра будет, тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках. Конечно, эти рассуждения — младенческие... В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата — никакого. А если бы имевшиеся у нас в то время силы и средства были использованы на западном направлении, то итог был бы иной»<sup>79</sup>.

Следует при этом учесть, что советская экономика, только еще начинавшая выходить из полосы серьезного кризиса, далеко не полностью обеспечивала потребности фронта. В начале 1942 г. оборонная промышленность систематически не справлялась с устанавливаемыми ГКО месячными и квартальными заданиями. Так, план первого квартала по производству танков был выполнен лишь на 45%, а по боевым самолетам — на 65%. Особенно тяжелое положение создалось с выпуском боеприпасов, в результате чего войска испытывали острый недостаток в минах и снарядах<sup>80</sup>. К началу 1942 г. укомплектованность вооружением только Западного и Калининского фронтов по отношению к штатной потребности составляла: по винтовкам — 66,7%, по пистолетам-пулеметам — 35, станковым пулеметам — 36, минометам — 45, ручным пулеметам — 60,6% и т. д.<sup>81</sup>

Таким образом, свою первую зимнюю наступательную кампанию Красная Армия проводила в условиях недостаточной обеспеченности войск необходимыми материальными средствами, это помешало ей в Московской битве, которая закончилась 20 апреля 1942 г., добиться более внушительных результатов. Но и достигнутое в сражениях у стен советской столицы трудно переоценить. Впервые в ходе второй мировой войны фашистские армии потерпели жестокое поражение, был развеян миф об их непобедимости. План «молниеносной войны» против СССР полностью провалился, и война приняла затяжной характер.

За месяцы зимнего контрнаступления Красная Армия разгромила до 50 вражеских дивизий, причем только сухопутные войска противника потеряли свыше 832 тыс. человек<sup>82</sup>. Мощь германской военной машины оказалась подорванной, что имело далеко идущие результаты. «...Для дальнейшего ведения боевых действий, — с горечью отмечал гитлеровский генерал К. Типпельскирх, — исход этой зимней кампании имел губительные последствия...»<sup>83</sup>.

Крупным победам Красной Армии в первые месяцы 1942 г. способствовала героическая борьба советских людей в тылу врага. Они вели эффективную борьбу на коммуникациях, громили вражеские гарнизоны в городах и селах, помогали советским войскам в проведении боевых операций. Нередко партизанам удавалось освободить от оккупантов обширные районы. Возникли целые партизанские края, в которых были восстановлены органы Советской власти, государственные советские учреждения, колхозы, работали школы и больницы.

К весне 1942 г. борьба в тылу врага приняла еще более широкий размах. Обстановка все настойчивее диктовала необходимость централизации руководства партизанским движением. Однако под разными предлогами Сталин неоднократно откладывал решение этого вопроса. И только 30 мая 1942 г. постановлением ГКО был, наконец, создан при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). При подготовке постановления ведомство Берия представило на пост начальника ЦШПД наркома внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко. Но Сталин все же предпочел кандидатуру члена ЦК ВКП(б), первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, что, безусловно, оправдало себя. Этим и последующими решениями учреждались также 13 республиканских, областных и краевых штабов партизанского движения. Принятые меры позволили значительно улучшить организацию и обеспечение партизан всем необходимым, увеличить размах и эффективность боевых действий. На 10 июня 1942 г. в тылу врага насчитывалось 387 крупных партизанских формирований, состоявших на учете в штабах партизанского движения и насчитывавших свыше 6,5 тыс. патриотов<sup>84</sup>.

Первое серьезное поражение немецко-фашистских захватчиков подняло дух советского народа, вселило уверенность в неминуемый разгром фашистских агрессоров. Это событие оказало огромное влияние на весь последующий ход второй мировой войны, явившись предвестником грядущей победы. В этих условиях союзница Германии — Япония не решилась напасть на СССР. В оккупированных нацистами странах усилилось национально-освободительное движение.

К началу 1942 г. уже сложилась мощная антигитлеровская коалиция, включавшая около 30 государств. Их людские и материальные ресурсы значительно превосходили ресурсы Германии и ее союзников. В войну с Японией, а затем с Германией и Италией вступили США, что было важным событием и имело далеко идущие последствия. Однако основную тяжесть вооруженной борьбы с фашистским блоком по-прежнему приходилось нести Советскому Союзу. Правительства Великобритании и США, несмотря на торжественные обязательства, затягивали открытие второго фронта в Европе, ограничиваясь боевыми действиями на второстепенных театрах войны — в Африке и на Тихом океане. Это позволило Германии и ее союзникам к апрелю 1942 г. дополнительно перебросить на Восточный фронт 39 дивизий, 6 бригад и около 800 тыс. человек маршевого пополнения<sup>85</sup>.

\* \* \*

В конце апреля на полях сражений наступило относительное затишье. Немецко-фашистским войскам удалось закрепиться на рубеже 120—400 км от Москвы, продолжая непосредственно угрожать столице. На северо-западном крыле фронта враг по-прежнему осаждал Ленинград. Гитлер не оставлял намерений поскорее оправиться после поражения и в ходе новой наступательной операции взять реванш и достичь того, чего не удалось осуществить в 1941 г. Разрабатывая план военных действий против СССР на лето 1942 г., командование вермахта учитывало, что его войска уже не в состоянии наступать на всех основных направлениях, поэтому основной удар было решено нанести на юге нашей страны. Летом 1942 г. численность фашистских войск, действовавших против Красной Армии, увеличилась до 237 дивизий, а к осени — до 266. Заметим, что против англичан в Северной Африке в то время действовало всего лишь 4 немецких и 11 итальянских дивизий<sup>86</sup>. Главная цель нового наступления противника состояла в том, чтобы разгромить советские войска Юго-Западного и Южного фронтов, выйти в большую излучину Дона, овладеть районами Нижней Волги и Кавказа, а затем добиться и общей победы. Для захвата кавказской нефти и выхода на Волгу немецко-фашистское командование сосредоточило на южном крыле советско-германского фронта мощную группировку, составлявшую 90 дивизий.

Развитие военных событий вновь оказалось крайне неблагоприятным для нашей страны. Ставка Верховного Главнокомандования ожидала нового наступления противника, но не на южном, а снова на центральном стратегическом направлении, и в соответствии с этим расположила свои резервы. Сталин считал необходимым вместо активной стратегической обороны, как предлагал Генштаб, осуществить серию частных наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска. Несмотря на возражения начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова, он дал разрешение главному юго-западному направлению маршалу С. К. Тимошенко провести силами направления наступление на Харьков. При этом Генштабу было запрещено вмешиваться в какие-либо вопросы по данной операции. Как писал маршал Г. К. Жуков, «события мая и июня показали, что в этом решении был допущен чрезвычайно большой просчет»<sup>87</sup>.

Первый удар в летней кампании 1942 г. противник нанес по войскам Крымского фронта, где 8 мая перешла в наступление его ударная группировка.

В результате плохо организованной командованием Крымского фронта (командующий генерал-лейтенант Д. Т. Козлов) обороны и некомпетентного вмешательства в его дела представителя Ставки ВГК генерал-лейтенанта Л. З. Мехлиса сражение закончилось нашей полной катастрофой и потерей Керченского полуострова<sup>88</sup>. Это существенно осложнило положение защитников осажденного Севастополя. Лишенные сухопутных связей с тылом, испытывая огромные трудности с подвозом боеприпасов, продовольствия, питьевой воды и медикаментов, они мужественно выполняли свой воинский долг. Только в июне и начале июля противник потерял под Севастополем до 150 тыс. солдат и офицеров, более 250 танков, до 250 орудий, более 300 самолетов<sup>89</sup>.

4 июля 1942 г. после 250-дневной обороны, когда были израсходованы все резервы, Ставка приказала оставить город.

Крупным поражением ознаменовалось и начатое 12 мая наступление войск Юго-Западного, а затем и Южного фронтов на харьковском направлении и на участке Лозовая—Барвенково—Славянск. Причем, когда стало ясно, что наступавшие в районе Барвенково соединения Красной Армии оказались под угрозой окружения, Сталин не дал согласия на прекращение наступления. В результате значительная часть сил юго-западного направления оказалась в окружении: многие из воинов не смогли вырваться из вражеского кольца и, не желая сдаваться в плен, сражались до последней капли крови. Общие потери Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 г. составили около 230 тыс. человек, 775 танков, более 5 тыс. орудий и минометов и большое число других видов боевой техники и вооружения<sup>90</sup>.

Серьезные неудачи Красной Армии в Крыму, под Харьковом, а также в Донбассе, под Воронежем, Ржевом, в районе Демянска привели к тому, что противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подтянув свежие резервы, начал быстрое продвижение к Волге и в направлении Кавказа.

Уже с конца мая 1942 г. военная обстановка вызвала необходимость проведения новой эвакуации. Правда, проходила она на этот раз с более ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ. В течение лета и осени 1942 г. были вывезены в тыл сотни тысяч людей, более 150 наиболее крупных предприятий, огромное количество скота, продовольствия и различных материальных ценностей. Как и эвакуация 1941 г., она позволила сохранить значительные материальные ресурсы, которые после перемещения в тыловые районы немедленно включались в работу для фронта.

Вскоре враг захватил плодородные правобережные земли Дона и восточные промышленные районы Донбасса. Вслед за этим его войска овладели Росто-

вом-на-Дону, форсировали Дон и создали угрозу Кавказу. 17 июля началась Сталинградская битва, а 25 июля — битва за Кавказ.

Воины Красной Армии мужественно сдерживали продвижение противника, нанося ему чувствительные потери. Для обороны волжских рубежей Ставка ВГК выдвинула часть войск из своего резерва. 12 июля был образован Сталинградский фронт (фронтом последовательно командовали маршал С. К. Тимошенко, генералы В. Н. Гордов и А. И. Еременко). Однако значительная часть его войск была недостаточно укомплектована и обескровлена в тяжелых и изнурительных боях при отступлении к Сталинграду. На помощь советским войскам Сталинградская партийная организация подняла все население города и области. Воздвигались оборонительные укрепления. Рабочие заводов сутками не покидали заводских помещений, готовя и ремонтируя, оружие, выпуская боеприпасы и военную технику для фронта.

28 июля 1942 г. Сталин как нарком обороны СССР подписал приказ № 227, которому суждено было войти в историю Советского государства военных лет в качестве одного из наиболее суровых и жестоких директивных документов. И по сей день он вызывает неоднозначную оценку исследователей, ветеранов войны и читателей относительно его целесообразности, содержания и последствий.

Фактически возложив всю вину за неудачи и отступления на Красную Армию, которая, как говорилось в приказе «отдает наш народ по ярму немецких угнетателей, а сама утекает (!) на восток», и наградив ее рядом других оскорбительных ярлыков, нарком обороны призвал бойцов и командиров прекратить дальнейшее отступление без приказа командования. Для устрашения паникеров, трусов и «ликвидации отступательных настроений» в пределах фронтов и армий вводились штрафные батальоны, а в пределах армий «хорошо вооруженные заградительные отряды» (до 200 человек в каждом)<sup>91</sup>.

Безусловно, обстановка диктовала принятие решительных мер по наведению в войсках строгого порядка и дисциплины. И сегодня, конечно, трудно определить, какую конкретно позитивную роль сыграл этот документ в стабилизации положения на том или ином участке советско-германского фронта.

Но не менее трудно и отрицать, что приказ № 227 имел и негативные последствия. Подменяя собой метод убеждения, великую силу личного примера, он резко усиливал в войсках далеко не всегда справедливые действия репрессивных органов, еще более насаждая среди бойцов и командиров тотальную подозрительность, чувство страха и взаимного недоверия, вел к новым неоправданным жертвам. Обращает на себя внимание и тот факт, что после 28 июля Красная Армия отступила на южном крыле фронта еще на многие сотни километров (и, разумеется, не только «по приказу высшего командования»).

Сражения за Сталинград и Кавказ развертывались с нарастающим ожесточением. На юге натиск врага был остановлен войсками Северо-Кавказского (с 1 сентября Закавказского) фронта в предгорьях западной части Кавказского хребта, на перевалах центральной части Кавказа и на рубеже Терека в районе Моздока.

В районе Нижней Волги развернулись особенно тяжелые бои. Здесь мужественно оборонялись воины 62, 64, 51-й и 57-й армий. В условиях, когда город стал фронтом, а заводы находились под постоянным обстрелом вражеской артиллерии и воздушными бомбардировками, рабочие ремонтировали и выпускали новые танки, которые прямо из заводских ворот шли в бой.

Напряженные боевые действия велись и на других участках советско-германского фронта: в августе—сентябре войска Западного и Калининского фронтов перешли в наступление на ржевском и вяземском направлениях, а воины Ленинградского и Волховского фронтов — в районе Синявина. Это не позволило немецкому командованию перебросить отсюда часть своих войск под Сталинград. И все же положение оставалось критическим. 25 августа 1942 г. Сталинград был объявлен на осадном положении. Враг подвергал его

непрерывным ударам с воздуха и обстрелам. Гитлеровцы бросили на город не только наиболее боеспособные силы, но и всю авиацию своего 4-го воздушного флота. Город потонул в грохоте бомбардировок, обвалов и разрушений, окутанный сплошной завесой пламени, дыма и копоти. Вскоре из строя вышел водопровод и прекратилась подача электроэнергии, но работа городских предприятий, выпускавших оборонную продукцию, ремонтировавших танки и другие виды вооружения и боевой техники, продолжалась. Грань между тылом и фронтом здесь исчезла.

12 сентября непосредственная оборона города была возложена на войска 62-й армии под командованием генерала В. И. Чуйкова и на часть сил 64-й армии и генерала М. С. Шумилова. Утром 13 сентября войска 6-й немецкой армии начали штурм города. Разгорелись беспрецедентные в истории уличные бои, продолжавшиеся два месяца. Это был самый тяжелый и критический этап в разыгравшейся битве, когда с исключительным упорством оборонялась каждая пядь священных волжских рубежей, политых кровью герцов Царицынской обороны.

Сталинград защищали представители всех советских народов. Их боевое содружество явилось одним из решающих условий невиданной стойкости города-героя на Волге.

Дорогой ценой расплачивался враг за каждый свой шаг. С июля по ноябрь 1942 г. в ожесточенных боях в междуречье Волги и Дона противник потерял до 700 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 1 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1400 самолетов<sup>92</sup>.

Чрезвычайно тяжелая обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте летом и осенью 1942 г., поставила военную экономику СССР перед новыми серьезными испытаниями. Так, после захвата противником восточной части Донбасса центральные районы страны остались без донецкого угля, а вторжение фашистских войск в глубь Северного Кавказа отрицательно сказалось на работе нефтепромыслов Майкопа и Грозного. Ощутимым для Советского государства был вывод из строя Сталинграда, являвшегося одной из крупных баз производства качественных металлов, танкостроения и артиллерийского вооружения. Враг захватил территорию, на которой до войны проживало 45% всего населения страны, производилось 33% валовой продукции промышленности, находилось 47% посевных площадей<sup>93</sup>. Серьезные потери в летне-осенней кампании понесли Советские Вооруженные Силы. С мая по ноябрь 1942 г. они составили 10 297 танков (из них 9,85 тяжелых и 43,8% средних), около 40 тыс. орудий и минометов, 7089 самолетов и много другой техники и вооружения<sup>94</sup>.

Работа советской промышленности, транспорта и сельского хозяйства испытывала огромные трудности. Но к середине года завершилась перестройка хозяйства СССР на военный лад. К этому времени в восточных районах СССР вступило в строй свыше 1200 крупных эвакуированных предприятий различных отраслей промышленности. Развернутая на Востоке усилиями народа, военно-промышленная база стала давать столько военной продукции, сколько до войны выпускала вся индустрия страны. Удельный вес размещенных здесь заводов военной промышленности повысился с 18,5% и июне 1941 г. до 76% в июне 1942 г.

Труженики сельского хозяйства в целом организованно провели весенний сев, значительно увеличив при этом посевной клин в восточных районах СССР. По сравнению с 1941 г. эти площади удалось расширить здесь на 2,8 млн. га<sup>95</sup>.

Все большее значение стали приобретать военно-экономические поставки союзников в соответствии с заключенным между СССР и США соглашением о ленд-лизе. Только в порты Советского Заполярья с 13 декабря 1941 г. по 6 мая 1942 г. прибыло с внешними конвоями 112 советских и иностранных транспортов с различными военными и народнохозяйственными грузами<sup>96</sup>.

Уже через год после начала войны советская военная промышленность, преодолевая невероятные трудности, смогла не только восстановить утраченные мощности, но и значительно превзойти их. В июле 1942 г. предприятия Наркомата авиационной промышленности произвели продукции в 1,3 раза, предприятия Наркомата вооружений — в 1,2 раза и Наркомата боеприпасов — в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г. Вооруженные Силы СССР в течение первого полугодия 1942 г. получили 9744 самолета, 11 178 танков, 70 817 орудий и минометов, свыше 45 млн. снарядов и мин<sup>97</sup>.

Во втором полугодии 1942 г. выпуск военной продукции на предприятиях оборонной индустрии заметно возрос. Так, по сравнению с первым полугодием Советские Вооруженные Силы получили в 1,6 раза больше самолетов и среди них более совершенные истребители «Ла-5», «Як-7», «Як-9». Производство танков «Т-34» за это же время увеличилось почти в 1,5 раза<sup>98</sup>. С учетом понесенных нашей экономикой потерь, это был серьезный успех труженников советского тыла.

К середине ноября 1942 г. упорное сопротивление советских войск в районе Нижней Волги, отбивших 700 вражеских атак, вынудило противника перейти к обороне. Однако большая часть Сталинграда находилась в его руках.

На Кавказе немецко-фашистским войскам удалось дойти до Главного Кавказского хребта. Но затем и здесь, стойкость воинов Северо-Кавказского и Закавказского фронтов заставила гитлеровцев отказаться от наступательных действий. Более 100 тыс. человек потеряли немецко-фашистские захватчики в ходе своего летнего и осеннего наступления на Кавказе. И хотя им удалось захватить плодородные районы Дона и Кубани, главная цель гитлеровского плана «Эдельвейс» — прорваться в Закавказье и овладеть богатыми источниками кавказской нефти и других видов сырья — не была достигнута.

Срывом наступления немецко-фашистских войск на юго-западном стратегическом направлении под Сталинградом и на Северном Кавказе осенью 1942 г. завершился первый, наиболее тяжкий период Великой Отечественной войны. Во второй половине ноября здесь произошли события, значение которых трудно переоценить.

Впереди еще были новые жестокие испытания, новые жертвы и лишения. Но на советско-германском фронте уже разгоралась заря нашей грядущей победы над фашизмом.

#### Примечания

- <sup>1</sup> История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975.
- <sup>2</sup> Институт истории СССР АН СССР. (далее — ИИ АН СССР). Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 156—157.
- <sup>3</sup> Там же, л. 157.
- <sup>4</sup> Там же, л. 190.
- <sup>5</sup> Там же.
- <sup>6</sup> Там же, л. 191.
- <sup>7</sup> См: Комсомольская правда, 1989. 22 января; Московская правда. 1989. 11 марта.
- <sup>8</sup> См: Военно-исторический журнал. 1988. № 6. С. 6.
- <sup>9</sup> См: Советская культура. 1988. 21 июня; Красная звезда. 1989. 23 декабря; Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 58
- <sup>10</sup> Куманев Г. А. 1941—1945. Краткая история, документы, фотографии. М., 1983. С. 15; Правда. 1989. 22 июня.
- <sup>11</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 49. л. 51.
- <sup>12</sup> Там же, Инв. № 04/467, л. 137.
- <sup>13</sup> Там же
- <sup>14</sup> Коммунист. 1988. № 9. С. 88.
- <sup>15</sup> Архив Института военной истории МО СССР (далее — Архив ИВИ), ф. 221, оп. 263, д. 21. л. 103—105.
- <sup>16</sup> Там же, л. 258.
- <sup>17</sup> Коммунист. 1988. № 9. С. 88.
- <sup>18</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 49, л. 37.
- <sup>19</sup> Там же, л. 51.
- <sup>20</sup> ЦГАСА. ф. 29, оп. 35, д. 99, л. 190.

- <sup>21</sup> Архив ИВИ. Документы и материалы. Инв. № 819, л. 6—7.
- <sup>22</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 126—127.
- <sup>23</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. т. 5. Кн. 1. С. 141.
- <sup>24</sup> Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 44.
- <sup>25</sup> Это подтверждение и следующая выдержка из докладной записки Берия Сталину от 21 июня 1941 г.: «...Начальник разведупра, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Голиков жалуется... на своего подполковника Новобранца, который врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной госгранице... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!...» (курсив наш. — Г. К.).
- <sup>26</sup> В самый канун фашистской агрессии, 15 июня 1941 г. Р. Зорге сообщал в Центр. «...Повторяю, девять армий в составе 170 дивизий начнут наступление на широком фронте на рассвете 22 июня 1941 г.»
- <sup>27</sup> Выступая 13 августа 1966 г. в редакции «Военно-исторического журнала» Г. К. Жуков говорил по этому поводу: «Он (Сталин. — Г. К.), узнал, что Киевский округ начал развертывание по звонку Тимошенко. Тимошенко начал кое-что двигать, несмотря на строжайшие указания. Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал: „вот, мол военные не выполняют, провоцируют... занимают боевые порядки... Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку. Этот удар спустился до меня. Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести, назвать виновных и прочее... Ну и пошло. А уже другие командующие не рискнули. Давайте приказ... а кто приказ даст? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: „развернуть“. Сталину докладывают. На каком основании? Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал...» (Коммунист, 1988. № 14. С. 99).
- <sup>28</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 161—162.
- <sup>29</sup> Там же, л. 162.
- <sup>30</sup> В этот же день, 21 июня, подобную резолюцию на одном из тревожных донесений наложил и Берия: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников... за систематическую дезинформацию стереть в лагерьную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих посорить нас с Германией...»
- <sup>31</sup> Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 36—37.
- <sup>32</sup> Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 10—11.
- <sup>33</sup> Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 53.
- <sup>34</sup> См.: История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 50.
- <sup>35</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 180, 183.
- <sup>36</sup> 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1967. С. 273.
- <sup>37</sup> См.: Знамя. 1989. № 11. С. 193.
- <sup>38</sup> Куманев Г. А. Указ. соч. С. 39.
- <sup>39</sup> См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1941—1952 годы). М., 1968. Т. 3. С. 38—40.
- <sup>40</sup> См.: Московские новости. 1988. 8 мая.
- <sup>41</sup> См.: Комсомольская правда. 1975. 30 апреля.
- <sup>42</sup> Вознесенский Н. А. Избранные произведения. 1931—1947. М., 1979. С. 501—502.
- <sup>43</sup> Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 89.
- <sup>44</sup> Вознесенский Н. А. Указ. соч. С. 590; Великая Отечественная Война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1970. С. 35.
- <sup>45</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, Кн. 1. С. 155.
- <sup>46</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 49, л. 53.
- <sup>47</sup> Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967. С. 144.
- <sup>48</sup> Life. 1942.22.06.
- <sup>49</sup> Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 278.
- <sup>50</sup> Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. С. 139.
- <sup>51</sup> Вознесенский Н. А. Указ. соч. С. 505.
- <sup>52</sup> См.: Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 56.
- <sup>53</sup> См.: Советская Россия. 1988. 29 июля.
- <sup>54</sup> ИИ СССР. документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 222.
- <sup>55</sup> Там же, л. 229.
- <sup>56</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. т. 260.
- <sup>57</sup> Там же. С. 264.
- <sup>58</sup> Советская Россия. 1989. 21 октября; Сандалов Л. М. На московском направлении. М., 1970. С. 201.
- <sup>59</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 96.
- <sup>60</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 148, л. 43.
- <sup>61</sup> Личный архив автора; Советская Россия. 1989. 21 октября.
- <sup>62</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 148, л. 58—59.
- <sup>63</sup> Там же, л. 62—63 об.
- <sup>64</sup> Сообщения Советского Информбюро. Т. 1. М., 1944. С. 308.
- <sup>65</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 49, л. 76.
- <sup>66</sup> Московская правда. 1988. 24 ноября.
- <sup>67</sup> Москва — фронту 1941—1945: Сб. документов и материалов. М., 1966. С. 26—27.
- <sup>68</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 254; Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 15.

- <sup>69</sup> Там же. С. 16.
- <sup>70</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 241.
- <sup>71</sup> Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980. С. 143—144.
- <sup>72</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 242.
- <sup>73</sup> См: Рейнгардт К. Указ. соч. С. 189.
- <sup>74</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 244.
- <sup>75</sup> Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 103.
- <sup>76</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 285.
- <sup>77</sup> Коммунист. 1988. № 9. С. 91.
- <sup>78</sup> По-видимому, не последнюю роль в принятии Ставкой решения на проведение наступательных операций одновременно на всех направлениях сыграли данные о потерях врага, которые сообщило Главное разведывательное управление РККА. По его сведениям, вооруженные силы Германии с 22 июня 1941 г. по февраль 1942 г. (включительно) потеряли 6,5 млн. человек, в том числе сухопутная армия — 5,8 млн. человек. По данным же генерального штаба сухопутных сил противника, общие потери его сухопутных войск за это время составили немногим более 1 млн. человек (ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 347).
- <sup>79</sup> Коммунист. 1988. № 9. С. 92.
- <sup>80</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 266.
- <sup>81</sup> Там же, л. 271.
- <sup>82</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 323.
- <sup>83</sup> Типельских К. История второй мировой войны. / Пер. с нем. М., 1956. С. 206.
- <sup>84</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 355.
- <sup>85</sup> Великая Отечественная народная 1941—1945. Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 77.
- <sup>86</sup> Краткая история СССР. М., 1983. Ч. 2. С. 364.
- <sup>87</sup> Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1983. Т. 2. С. 255.
- <sup>88</sup> Всего в течение мая 1942 г. войска Крымского фронта потеряли 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов и 400 самолетов (ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 379).
- <sup>89</sup> Куманев Г. А. Указ. соч. С. 93.
- <sup>90</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 387.
- <sup>91</sup> Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73—75. Отдельные заградительные отряды действовали на фронте до 13 ноября 1944 г. и были расформированы приказом НКО от 29 октября 1944 г.
- <sup>92</sup> Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1983. Т. 2. С. 283.
- <sup>93</sup> История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 5. С. 318.
- <sup>94</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 423.
- <sup>95</sup> Краткая история СССР. Ч. 2. С. 371.
- <sup>96</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 341.
- <sup>97</sup> Куманев Г. А. Указ. соч. С. 98—100.
- <sup>98</sup> ИИ СССР. Документы и материалы. Инв. № 04/467, л. 354—355.



## ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ МЕНЬШЕВИЗМ

Переосмысление исторического пути нашего Отечества побуждает обратиться к изучению всех ветвей российского социализма, включая и бывших политических противников большевиков. Известно, что официальное общественное воззрение долгие годы строилось на «отбрасывании» либо «разоблачении» идей и взглядов тех мыслителей и идеологов, которые не принадлежали к большевизму. Замалчивалась или искажалась их роль в развитии российского революционно-освободительного процесса. Правда в 60—80-е гг. советские историки предприняли ряд попыток преодолеть негативные и догматические оценки политических партий России в «Кратком курсе...»<sup>1</sup>. Однако до сих пор не изжит упрощенчески-тенденциозный взгляд на историю меньшевизма как на свод оппортунистических деяний, цепь перманентных банкротств и поражений. В некоторых публикациях меньшевистские «пособники буржуазии» по-прежнему предстают перед читателем в уготованной им роли «мальчиков для битья». С другой стороны, сегодня все шире распространяются версии, которые идеализируют меньшевиков, возводя их в сан непогрешимых пророков<sup>2</sup>. Советские исследователи, по сути, только приступают к выработке объективных оценок деятельности и теоретико-публицистического наследия меньшевизма. И свой посильный вклад в это трудное дело, требующее коллективных усилий ученых, авторы надеются внести данной статьей, посвященной истории меньшевизма в послеоктябрьский период.

\* \* \*

Логике политического поведения меньшевиков на протяжении всего 1917-го и первой половины 1918 г. нельзя понять, не обратившись к их теоретическим представлениям о характере революции в России. Все течения меньшевизма от плехановской группы «Единство» до меньшевиков-интернационалистов исходили из того, что Россия переживает буржуазную революцию и соответственно перед социал-демократами стоит задача реализации программы-минимум, принятой на II съезде РСДРП. Так, в своей первой речи, произнесенной после прибытия в Петроград в марте 1917 г., И. Г. Церетели делает упор на пределы, дальше которых не должна идти революция. Он уверен, что «... не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач...»<sup>3</sup>. Стремление «удержать революцию» от «социалистического соблазна» прослеживается во всей меньшевистской публицистике 1917 г. В брошюре, посвященной урокам 1905 г., Е. Маевский сетует на то, что «совершенно особая обстановка, в какой произошла русская революция (Февральская. — Авт.) 1917 года, и та легкость, с какой вооруженный в процессе развития войны народ совершил переворот, сделали утопию захвата власти пролетариатом (или — что все равно — Советами, пока они идут под флагом социализма) особенно популярной и соблазнительной для неискушенных в клас-

**Волобуев Олег Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской.

**Ильящук Галина Ивановна**, кандидат исторических наук, доцент Белорусского государственного университета.

совой борьбе русских рабочих»<sup>4</sup>. Естественно, что враждебное отношение к Октябрьской революции меньшевиков было связано не только и не столько с вооруженным свержением Временного правительства, сколько с отрицанием «социалистического выбора».

В ходе развития революционного процесса в 1917 г. определились и два направления в политике меньшевистских групп и течений. Одно из них ориентировалось на коалицию с либеральными силами общества, другое — на создание однородного социалистического правительства. Августовский (1917 г.) Объединительный съезд заведомо не мог сплотить сторонников коалиционного Временного правительства и тех, кто поддерживал лозунг однородного социалистического правительства. Съезд лишь декларировал единство РСДРП.

Важными вехами послеоктябрьской политической эволюции меньшевизма обоснованно считают Второй Всероссийский съезд Советов (25—26 октября 1917 г.), Чрезвычайный съезд (ноябрь—декабрь 1917 г.) и Всероссийское партийное совещание РСДРП (май 1918 г.)\*. Конфликт между большевиками с одной стороны, и меньшевиками и эсерами — с другой — на II съезде Советов во многом обусловил дальнейшее развитие политической системы страны и межпартийных отношений. Позиция меньшевиков на этих вопросах выработывалась на заседаниях (23—25 октября 1917 г.) ее съездовской фракции. Дебаты происходили бурно и длительно. 25 октября затянувшееся заседание фракции РСДРП (объединенное) даже задержало (более чем на два часа) церемонию открытия съезда. Представленные среди его делегатов меньшевистские группировки весьма неоднозначно реагировали на постановление своего ЦК отказаться от участия в работе II съезда Советов и вступить в переговоры с Временным правительством о создании коалиционной власти. Если правое крыло (плехановская группа «Единство», сторонники А. Н. Потресова и др.) устраивал курс на срыв съезда, то левые (меньшевики-интернационалисты и «новожизненцы») предлагали потребовать от форума Советов образования нового органа власти из представителей всех социалистических партий. Уйти со съезда они считали возможным только в случае его отказа удовлетворить это требование. Правда, и среди интернационалистской группировки были, по свидетельству Н. Н. Суханова, «определенные сторонники ухода»<sup>5</sup>.

Повод для межпартийной конфронтации возник на II съезде Советов уже при формировании президиума. Подали его представители правых эсеров (М. Я. Гендельман) и меньшевиков (Л. М. Хинчук), заявившие о неучастии своих фракций в выборах этого органа съезда<sup>6</sup>. Тон деструктивным действиям был задан во вступительной речи Ф. И. Дана, открывшего съезд от имени ЦИК первого созыва и солидаризировавшегося с уже почти свергнутым Временным правительством. Но съезд не поддержал атаки «справа», утвердил кандидатуры, предложенные в президиум, и приступил к обсуждению повестки дня.

Именно тогда Ю. О. Мартов, выступив от имени меньшевиков-интернационалистов, потребовал начать работу съезда с вопроса о власти — обсудить возможность мирного разрешения кризиса «для создания власти, которая была бы признана всей демократией». Он считал необходимым «избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения»<sup>7</sup>. Идею Мартова поддержали объединенные социал-демократы-интернационалисты; левые эсеры и фронтовая группа. В интересах сотрудничества с левыми течениями социалистических партий большевики пошли на компромисс: А. В. Луначарский заявил, что фракция РСДРП(б) не возражает против предложения Мартова. Съезд принял его единогласно.

Однако коллективное решение съезда тут же оказалось торпедированным делегатами правого крыла эсеров и меньшевиков. Для них смысл межпартийного соглашения заключался в сохранении или косметическом ремонте преж-

ней коалиционной власти, в достижении, возможно, и определенного выигрыша во времени. Большевик-оборонец Я. А. Хараш (делегат Комитета 12-й армии) заявил, что «меньшевики и эсеры считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть»<sup>8</sup>. Его поддержали эсер М. Я. Гендельман, меньшевики Г. Д. Кучин (Оранский) и Л. М. Хинчук, бундовец Р. А. Абрамович<sup>9</sup>. Все они призвали делегатов покинуть неправомочный и несвоевременный съезд, зачитали от имени своих фракций антибольшевистские декларации. Наконец, Абрамович оповестил собравшихся в белоколонном зале Смольного, что меньшевики, бундовцы и эсеры, исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов и гласные городской Думы «решили погибнуть вместе с правительством и потому все они направляются к Зимнему дворцу под обстрел». В ответ раздались крики: «Не по пути!», «Дезертиры! Предатели! Скатертью дорога!»<sup>10</sup> Покидая зал заседаний под негодующие возгласы участников съезда, правые социалисты отвергли возможность компромисса с большевиками и другими левыми силами<sup>11</sup>.

После этого инцидента Ю. О. Мартов, выражая мнение оставшихся на съезде меньшевиков-интернационалистов, опять выдвинул идею переговоров со «всеми социалистическими партиями», до выяснения результатов которых рекомендовал приостановить работу съезда<sup>12</sup>. Делегаты отказались даже обсуждать это предложение. Такая их реакция объяснялась, очевидно, не только обретением фракцией РСДРП(б) абсолютного большинства на съезде, но и наглядным уроком, только что полученным его участниками от правых социалистов. В итоге на съезде Советов примерно к 2 час 40 мин. ночи 26 октября произошла изоляция правых группировок. С осуждением их поведения выступили представители объединенных социал-демократов-интернационалистов и грузинских социал-демократов<sup>13</sup>. Зал Смольного встретил аплодисментами заявление Б. Д. Камкова о том, что фракция левых эсеров остается на съезде. Одновременно оратор высказался за создание «единого революционного фронта», упрекнув большевиков за самоизоляцию от «умеренных элементов демократии»<sup>14</sup>.

Для понимания обстановки на заседаниях важно, на наш взгляд, учесть сложное взаимодействие курса правых меньшевиков и эсеров на срыв съезда, недоверие и непримиримость большевиков, колебания сторонников «единого революционного фронта». Характерна в этой связи речь А. В. Луначарского, возражавшего Камкову. «Если бы мы, начав заседание,— говорил он,— сделали какие-либо шаги, отмечающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса, но ведь нас засыпали градом заявлений. Против нас повели форменную атаку... стали нас называть преступниками, авантюристами и т. д.» Заканчивая выступление, Луначарский пояснил и позицию своей фракции по отношению к повторному заявлению Мартова: «К тем, которые ушли, давно уже неприменимо название революционеров, они прекращают даже свою соглашательскую работу и открыто переходят в лагерь корниловцев. С ними нам разговаривать не о чем»<sup>15</sup>.

Меньшевики-интернационалисты, поскольку их предложение о приостановке работы съезда не встретило сочувствия, в тот же день заявили об уходе со II съезда Советов. Однако часть их оставалась в Смольном и 26 октября, чтобы «стремиться к организации власти, ответственной перед демократией, перед ее широкими слоями, а не перед Советами». Убедившись, что съезд идет за большевиками и рассматривая создание Советского правительства как путь к неминуемому поражению революции, и эта группа покинула зал заседаний<sup>16</sup>. Тем самым социал-демократией был сделан новый шаг, подрывавший основы ее возможного сотрудничества с новым правительством. Большевики, правда, оказались в обстановке своеобразного бойкота. Но их это ничуть не

обескуражило. Они обладали политическими контактами с революционными массами.

Имела ли идея однородного социалистического правительства перспективу после Октябрьского переворота? Думается, да, она могла бы обрести плоть на базе Советов. Таковой виделась В. И. Ленину основа политического компромисса с эсеро-меньшевистским блоком ранее, в апреле — июле и в начале сентября 1917 г. Однако лозунг правительства «от энесов до большевиков» не связывался его инициаторами с радикальным преобразованием старой государственной машины, сводился к простой смене кабинета.

Идея однородного социалистического правительства в равной степени отвергалась большинством в РСДРП(б) и наиболее влиятельным, правоцентристским крылом основных социалистических партий. Большевики не могли не учитывать, что сторонники создания правительства «от энесов до большевиков» не оказывали в то время решающего влияния на эсеро-меньшевистскую политику. Об этом Ю. О. Мартов написал Н. С. Кристи 9 октября 1917 г.: «Вообще надо признать, что мы солидной силы собой не представляем... Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу — к большевикам»<sup>17</sup>.

Обращаясь к политической судьбе лозунга однородного социалистического правительства, уместно поставить вопрос: какой смысл вкладывался Мартовым в предложение начать переговоры всех социалистических партий? Были ли он сам и его сторонники готовы к конструктивному сотрудничеству с большевиками? Было ли правительственное соглашение социалистов возможным, если стратегические установки большевиков (курс на социалистическую революцию) принципиально отличались от позиций других партий, мыслимых Мартовым партнерами по коалиции? Из печати и многочисленных высказываний меньшевиков-интернационалистов, в том числе Мартова, известно, что политическую линию большевиков они считали для себя столь же неприемлемой, как и соглашательский курс эсеро-меньшевистского блока. «Пропасть остается между нами глубокая», — писал Мартов 30 марта 1917 г. о своих взаимоотношениях с Лениным<sup>18</sup>. В его переписке с Кристи содержится немало свидетельств, что эта позиция и позже, в 1917 г., почти не претерпела изменений<sup>19</sup>.

В отношении Мартова к идее однородного социалистического правительства, возможно, проявилось подмеченное за ним Н. Н. Сухановым противоречие между высочайшим интеллектом и «слабостью действия»<sup>20</sup>. Не исключено, что в этом случае оказалась права Л. О. Дан, давшая своему брату весьма любопытную характеристику: «Мартов знал и понимал всю наготу и мизерность настоящего, но не позволял себе об этом думать... потому всю тактику свою строивший, ориентируясь на завтра, не желавший останавливаться на мизерии сегодняшнего дня. И „сегодня“ часто жестоко мстило за себя. Но, может быть, именно поэтому так много от Мартова... оказалось способным пережить его и оказалось так современно...»<sup>21</sup>

Переговоры социалистов, по всей вероятности, мыслились левым крылом партии меньшевиков как наиболее безболезненное и эффективное средство побудить большевиков отказаться от намеченного курса. В свою очередь и РСДРП(б) исходила в отношении к левым силам из принятия последними программы Советской власти. Джон Рид, описывая заседание большевистского ЦК 26 октября (на нем решался вопрос о создании и названии Советского правительства), сделал весьма характерную зарисовку: «Ленин... стоял незбылемо, как скала: „Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело“»<sup>22</sup>.

Большевистская партия, отвергая старую идею новой «коалиционной карусели», оказалась не готовой к диалогу с теми социалистическими силами,

которые враждебно отнеслись к Октябрьскому перевороту, но могли стать активными участниками революционно-демократических преобразований и строительства нового общества. Вместе с тем она не ставила перед собой цели формирования своего, исключительно однопартийного правительства, предложив войти в его состав левым эсерам и объединенным социал-демократам-интернационалистам<sup>23</sup>. И те, и другие от предложения отказались, потребовав создания исполнительной власти «в согласии с группами революционной демократии, ушедшими со съезда». Блок левых сил, частично и кратковременно осуществленный после соглашения РСДРП (б) с левыми эсерами, также не получил полного развития.

Камнем преткновения во взаимоотношениях меньшевиков с большевиками оставалось отношение к Октябрьской революции. Меньшевизм увидел в ней не завершение освободительной борьбы трудящихся, начатой под знаменем социал-демократии, а большевистский военный переворот, утвердивший диктатуру с целью преждевременного «введения социализма». Меньшевики хранили убежденность в правоте собственной программы и стратегии. Лишь двумя годами позже Мартов (в немалой степени под влиянием активизации европейского революционного движения) сделал вывод, что всякая национальная революция, порожденная мировой войной, обладает антиимпериалистической направленностью и неизбежно «передает государственную власть в руки пролетариата — одного или в союзе с другими классами»<sup>24</sup>. Одновременно он обращал внимание на общее для большевиков и меньшевиков, вплоть до 1917 г., понимание процесса созидания нового общества как сравнительно быстрого и весьма прямолинейного «перехода в непосредственное управление общества всех, сколько-нибудь существенных отраслей производства и торговли и построения на этой основе коммунистической системы народного хозяйства»<sup>25</sup>.

Но в 1917 г. Мартов рассматривал Октябрьскую революцию как катастрофу, хотя признавал ее неотвратимой, учитывая, что за партией большевиков шла преобладающая часть рабочего класса. В письме к П. Б. Аксельроду от 19 ноября 1917 г. он отметил: «Наступило время, когда сознание мешает нам, марксистам, поступить так, как велит наш долг, — оставаться с пролетариатом, даже если он ошибается. После мучительных колебаний и сомнений я решил, что в сегодняшней ситуации наиболее правильным было бы „умыть руки“ и на время отступить в сторону...»<sup>26</sup>.

Осенью 1917 г. меньшевикам предстояло извлечь уроки из октябрьских событий. Правое, оборонческое крыло рассматривало их вне связи с политической Временной правительства и действиями широких масс. Его идеологи говорили и писали о «революции усталости» и о большевистском заговоре, успех которого обеспечил удачно выбранный «благоприятный момент». Их левые оппоненты исходили из факта политического поражения собственной партии. В опубликованном 19 ноября 1917 г. обращении 11 меньшевиков-интернационалистов, членов и кандидатов в члены ЦК РСДРП, недвусмысленно говорилось, что меньшевики «поражены 25 октября» как одна из партий, «на которые опиралось Временное правительство <...> как пролетарская партия фактом последних неудач на политических выборах всякого рода в крупнейших центрах <...> как организация, которая через три месяца после объединительного съезда находится в состоянии внутренней анархии <...>» Мартов и его сторонники предъявляли серьезные претензии партийному руководству РСДРП: 1) за его бесконечные колебания и эмпирический («ощупью») подход к выработке политической линии; 2) за отставание теоретической мысли и партийных установок от практики местных организаций и за превращение ЦК партии в запоздалого регистратора событий вслед за их стихийным развитием; 3) за склонность к «каучуковым», ничего не значащим и ни к чему не обязывающим резолюциям; 4) за попытки поддерживать единство партии путем «механического соединения противоречивых тенденций»<sup>27</sup>.

Несколько позже, на Чрезвычайном съезде РСДРП (ноябрь—декабрь

1917 г.), потеря меньшевиками влияния в массах объяснялась утратой популярности коалиционной политики<sup>28</sup>. Именно она впрягла РСДРП в общую с буржуазными партиями правительственную упряжку и возложила на меньшевизм столь же общую политическую ответственность за курс коалиционного кабинета. Политическая власть, рожденная Февралем, как признал меньшевистский съезд, не удовлетворила социальных ожиданий широких слоев населения (выход из мировой войны, аграрная реформа, регулирование хозяйственной жизни в обстановке усиливавшейся разрухи и др.). Тем самым она вызвала и стимулировала стихийные стремления масс к устранению имущих классов<sup>29</sup>.

После Октябрьской революции партия меньшевиков долгое время, по свидетельству Ю. П. Денике, не имела какой-либо «заранее выработанной, планомерной стратегии». ЦК РСДРП полагал, что большевики, осознав неудачу предпринятого социалистического эксперимента, «отступят и будут стремиться к соглашению с другими партиями». Впрочем, среди меньшевистского руководства и по этому вопросу отсутствовало единство. В таких условиях, вспоминал Денике, «нельзя было разработать никаких конкретных планов, и все действия меньшевиков в значительной мере носили характер импровизации...»<sup>30</sup>.

Положение меньшевиков к концу 1917 — началу 1918 г. было весьма незавидным. Не ослабевали внутривнутрипартийные противоречия. Как отмечал впоследствии один из видных функционеров РСДРП — Д. Ю. Далин, «на крайне левом, как и на крайне правом фланге меньшевизма, находились люди и группы, твердо отстаивающие однажды усвоенную доктрину»<sup>31</sup>. Правое крыло во главе с А. Н. Потресовым считало допустимым объединение против большевиков с любыми силами, не исключало для себя вооруженных методов борьбы. В первые послеоктябрьские дни ЦК РСДРП значительным большинством отверг позицию правых. Сначала (в резолюции от 29 октября) он признал недопустимым любое соглашение с РСДРП(б) «до полной ликвидации большевистской авантюры»<sup>32</sup>. Но после поражения мятежа Керенского — Краснова высказался за «соглашение» с большевистской партией. Смысл лозунга «соглашения» был сформулирован Ф. И. Даном: заставить большевиков отказаться от власти Советов и признать равноправие всей демократии, прекратить отождествление большевизма со всем рабочим движением. «В первые дни заговора (так Дан характеризовал Октябрьскую революцию. — *Авт.*) была надежда, что он может быть ликвидирован военной силой, — посягнул он. — Но попытка подавления оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата...» Именно это обстоятельство, признал Дан, и побудило меньшевиков к соглашению с РСДРП(б), которое, по его мнению, было «невозможно без раскола в большевизме»<sup>33</sup>. Ставку и главные надежды своей партии на раскол РСДРП(б) подтвердили спустя годы в своих мемуарах и меньшевики<sup>34</sup>. Военное подавление большевиков было сочтено осенью 1917 г. преждевременным из-за поддержки значительной частью трудящихся Октябрьского переворота. На партию меньшевиков, по воспоминаниям Далина, произвело наиболее сильное впечатление отсутствие серьезного и массового сопротивления «захвату власти» большевиками<sup>35</sup>.

Меньшинство ЦК не желало откладывать «подавления» и вело свою линию, по признанию Мартова, не считаясь с мнением партийного центра<sup>36</sup>. Представители правого крыла в ЦК РСДРП 1 ноября 1917 г. вышли из его состава. Не возымело на них влияния и исключение Московским комитетом РСДРП из партии тех меньшевиков, которые, поддержав местную Думу, с оружием в руках противодействовали установлению Советской власти. Левоцентристские силы меньшевизма сознавали, что подобные акции будут неизбежно опираться на реакционную военщину и партии правее кадетов. Руководящие учреждения РСДРП пытались «не допустить участия находящихся под влия-

нием партийных элементов в каких бы то ни было попытках вооруженного отпора перевороту». Но отсутствие партийного единства, как отмечал Мартов, препятствовало выполнению поставленной задачи<sup>37</sup>. Кроме того, и сам меньшевистский ЦК первоначально не противодействовал вступлению членов РСДРП в «Комитет спасения Родины и революции», более того, призвал пролетариат и широкие слои демократии сплотиться вокруг этого органа.

Резолюция ЦК РСДРП от 29 октября требовала от «Комитета спасения» немедленно вступить в переговоры с Временным правительством, Советом Республики и рабочими организациями о реконструкции дооктябрьского Временного правительства, обратиться к ВРК с предложением сложить оружие, отказаться от захваченной власти и признать идущие за ним воинские части к подчинению Временному правительству. Перед «отремонтированным» правительством меньшевистский центр ставил задачи «быстрой ликвидации большевистской авантюры методами, обеспечивающими интересы демократии», противодействия выступлениям контрреволюции и погромам, созыва Учредительного собрания в установленные сроки<sup>38</sup>. ЦК РСДРП надеялся, что «Всероссийский комитет спасения Родины и революции» немедленно начнет переговоры о мире «и будет поддержан страной с большей готовностью, чем однопартийный Совет Народных Комиссаров»<sup>39</sup>.

Оборонческое крыло меньшевиков («потресовцы») поддерживало контакты с военным отделом Комитета, но отнеслось к его созданию настороженно, опасаясь трансформации последнего в «однородное социалистическое правительство». Идея «Комитета спасения» не нашла сочувствия и среди тех групп в социалистических партиях, которые сохраняли верность кабинету Керенского.

10 ноября 1917 г. ЦК РСДРП решил отойти от активной работы в «Комитете спасения Родины и революции». По мнению Мартова, он отозвал оттуда своих представителей, «как только убедился, что некоторыми элементами, группирующимися вокруг него (Комитета.— *Авт.*), предпринимаются действия, рассчитанные на контрреволюционное восстание при участии офицерства»<sup>40</sup>. Меньшевистский функционер Л. С. Ланде придерживался в своих воспоминаниях несколько иного мнения. Он объяснял выход социал-демократов из этого органа разочарованием в идее однородного социалистического правительства и намерением РСДРП создать центр, который бы объединил «местные самоуправления» и другие организации, не признающие Совнарком, но одновременно не стремящиеся к его свержению»<sup>41</sup>.

Для обсуждения вопросов тактики ЦК меньшевиков созвал Чрезвычайный съезд партии (30 ноября — 7 декабря 1917 г.). Его делегаты представляли более чем 143 тыс. членов РСДРП. Не присутствовали посланцы грузинской социал-демократии (ок. 50 тыс.), организаций Сибири, Дальнего Востока и некоторых других районов страны. Центральным на съезде был вопрос об отношении к Советской власти. Проявив единодушие в негативной оценке Октябрьской революции, его делегаты продемонстрировали два различных подхода к перспективам партии. Первый, основанный на учете реальностей, расстановки сил в стране и допущенных ошибок, преследующий цель преодоления партийного кризиса на базе обновления РСДРП. И другой, исходящий из верности прежней доктрине, но требовавший проводить ее более решительными и определенными методами, без каких-либо колебаний. Первое направление представляло левое крыло во главе с Мартовым. В речи о текущем моменте он напомнил делегатам, что «переворот 25 октября был далеко не случайным», а предопределенным «всем ходом русской революции» событием. Неспособность мелкобуржуазной городской и деревенской демократии «освободиться от тяготения к имущим классам, действовать без них и против них», разрешить в интересах широких масс кардинальные проблемы революции, коалиционная политика и «стремление государственную власть в революцию сделать общенациональной» доказали непригодность мелкой буржуазии, считал Мартов, «к роли общенационального вождя революции, несмотря на возможность ее поддержки пролетариатом». Мартов возлагал «долю ответственности»

за происшедшее и на партию меньшевиков. «... Своим отношением к идее коалиции, господствовавшим в партии так долго, — говорил он, — мы тормозили самоопределение буржуазной демократии». После корниловщины, по мнению Мартова, создались условия для распространения идеи однородного социалистического правительства (активизация масс, переход власти на местах в руки революционных органов и др.). Но Демократическое совещание, отвергнув ее, способствовало усилению резких противоречий между настроениями народа и центральной властью. Одновременно он отметил наличие в обществе групп («и слева, и справа»), заинтересованных «в разрешении вопроса путем стихийного взрыва»<sup>42</sup>.

В отличие от многих меньшевистских лидеров, Мартов полагал, что Октябрьский переворот, несмотря на свою «отрицательную форму», объективно ставил перед собой прогрессивные, хотя и неосуществимые задачи<sup>43</sup>. Из этого тезиса выступающий делал вывод о двух возможных путях «ликвидации этого переворота»: 1) в форме развала русской революции; 2) посредством восстановления единства рабочего движения, координации сил пролетариата и мелкобуржуазной демократии. Второй путь мыслился Мартовым как единственный шанс спасения революции. Во имя его Мартов предлагал вернуться к лозунгу единой революционной власти: от народных социалистов до большевиков. Возражая оппонентам, Мартов подчеркивал: правительство без большевиков — иллюзия, поскольку за ними идут массы и значительная часть рабочего класса. Докладчика поддержал Р. А. Абрамович, назвавший доктринерством попытки не считаться со «стихийными стремлениями» пролетариата, которые выражает большевизм. «Большевистский переворот совершен не одними солдатами, — напомнил он делегатам съезда, — ему пассивно и активно сочувствовало большинство рабочих»<sup>44</sup>.

В то же время материалы Чрезвычайного меньшевистского съезда, в том числе выступления его «левых» делегатов, не свидетельствуют о попытках выработать какой-то механизм межпартийного сотрудничества. Такой вопрос тогда даже не ставился. Мартов, в частности, рекомендовал занять позицию, при которой на партию не легла бы ответственность за срыв создания революционной власти от энесов до большевиков. Как свидетельствуют мемуары меньшевиков, Мартов в ту пору «понимал умом» необходимость соглашения с «умеренными элементами» большевизма, но «моралист в нем одерживал верх над интеллектуальными выводами»<sup>45</sup>.

В 1919 г., когда партия меньшевиков поддерживала Советскую власть в борьбе с белогвардейщиной и интервентами, Мартов, разъясняя линию социал-демократии, напомнил читателям агитационной брошюры о Чрезвычайном съезде РСДРП. Он утверждал, что меньшевистский форум в ноябре—декабре 1917 г. признал «из программы Октябрьского переворота то, что в ней было не утопическим и лежащим на линии революционного развития: немедленный мир, передача земли крестьянам, государственное регулирование всего производства»<sup>46</sup>. Подобные выводы действительно частично содержались в выступлениях самого Мартова на съезде. Но они не вошли ни в предложенный им проект, ни в принятый текст резолюции о текущем моменте. Не говорилось о том и в других съездовских решениях. И это вполне понятно, если принять во внимание расстановку сил на Чрезвычайном съезде РСДРП. Речь Мартова, по свидетельству современников<sup>47</sup>, произвела на делегатов неоднозначное впечатление. Некоторых не устраивало «копание в прошлом». Ее не восприняла и часть делегатов, не принадлежавших к оборонцам, из-за малодоступности по форме и «излишнего» теоретизирования.

Характеризуя атмосферу и решения Чрезвычайного съезда РСДРП, не следует сбрасывать со счетов и позиции правого, оборонческого крыла его делегатов — оно ревностно защищало дооктябрьские устои меньшевистской политики, отвергало любые компромиссы с Советской властью. «Мы стоим перед большевиками как враги, и ведем борьбу с ними»<sup>48</sup>, — говорила, к примеру, С. М. Зарецкая. Потресов провозгласил долгом социал-демократии

«пойти в рабочие кварталы и сказать прямо и резко, что у нас нет ничего общего с большевизмом». Он открыто отстаивал тезисы о большей общности меньшевиков с буржуазной демократией, чем «со Смольным», и об отсутствии в стране контрреволюционных сил «за пределами большевизма». На вопрос из зала: чем свергнуть «самодержавие Смольного»? — Потресов ответил: «Чем угодно. Если сил нет, то это не значит, что мы должны примириться, как не примирались мы с самодержавием при Николае»<sup>49</sup>. С Потресовым солидаризировались М. И. Батурский, П. Н. Колокольников, М. И. Либер и др. Последний призвал делегатов «не бояться поддерживать те партии, с которыми нам по пути». «Как не поддержать кадетов в их борьбе за элементарные свободы против большевиков?» — вопрошал Либер бундовцев<sup>50</sup>. Еще более откровенный разговор о необходимости «равняться направо» происходил на совещаниях меньшевиков-оборонцев, которые заседали параллельно со съездом.

Выработка в обстановке полураскола и непримиримой разногласности общепартийной линии и тактики, казалось бы, не представлялась возможной. Однако Дану удалось сформулировать общую точку зрения, которая затем и легла в основу резолюции, дополнив предложение Мартова. Дан согласился с постановкой задачи создания однородного социалистического правительства в рамках Учредительного собрания. Но сделал оговорку о невозможности заставить большевиков войти в его состав. Он советовал рассчитывать на сторонников Л. Б. Каменева, стремиться отколоть колеблющихся. Таким образом, лозунг однородного социалистического правительства, как и в первые послеоктябрьские дни, мыслился на почве добровольного отказа большевиков от власти и от программы осуществления социалистической революции.

Особое место в повестке дня Чрезвычайного съезда РСДРП занимала проблема единства партии. Обстановка в рядах меньшевиков к концу 1917 г. приближалась, как подметил Мартов, «к положению, подобному гражданской войне»<sup>51</sup>. Центральные учреждения РСДРП (объед.) «оказались лишенными возможности регулировать партийную политику, влиять на партийную работу на местах», почти ни одна из меньшевистских группировок не считалась с партийной дисциплиной. На выборах в Учредительное собрание в ряде мест выставлялось по два противостоящих друг другу списка кандидатур от РСДРП. По мнению делегата А. А. Югова, РСДРП (объед.) превратилась в массу «партийных республик — в каждом городе самостоятельная»<sup>52</sup>.

Выступая на съезде с докладом о единстве партии, Мартов подробно проанализировал положение в меньшевистском доме. Возможное усиление «партийной разрухи» он связывал с позицией «центра», с его попытками «механически сглаживать разногласия путем каучуковых формул и резолюций, дающих право каждой стороне вкладывать в них свое собственное содержание». Подлинное единство было возможным, по Мартову, только при существовании сильного большинства, которое смогло бы четко определить линию РСДРП в основных политических вопросах и достаточно энергично проводить ее в жизнь, не нарушая прав меньшинства на выражение мнений внутри партии. Лидер меньшевиков-интернационалистов допускал, что РСДРП может в случае раскола разбиться на четыре и более фракций. Однако считал, что как-то из внутрипартийных группировок должна взять на себя такую ответственность. Иначе «партии предстоит пережить период дальнейшего разложения»<sup>53</sup>. С Мартовым солидаризировались О. А. Ерманский и А. С. Мартынов. Оба они констатировали, что «партия давно больна», и видели спасение в размежевании с оборонцами, сторонниками Потресова. «Лед и пламень, вода и камень не могут быть так различны, как мы с вами», — заявил Мартынов. Ерманский был еще более откровенен, признав, что меньшевиков-интернационалистов связывает с правым крылом партии «только отрицание большевизма»<sup>54</sup>.

Основная масса делегатов все-таки страдала расколом, и выразила несогласие с докладчиком. Серьезные претензии предъявил Мартову Дан,

назвав его выступление «скорее докладом о расколе, чем о единстве». По мнению Дана, от Мартова требовалось указать платформу, на которой большинство будет «строить партийное единство», выявить пути максимального уменьшения оттока сил от партии. Он считал, что единство РСДРП (объед.) должно быть обеспечено «введением дисциплины»<sup>55</sup>. Мартов решительно возражал своим оппонентам: «Мой доклад поняли как обоснование раскола. Это ошибка. Я думаю, что в партии должна быть дисциплина, но при условии органического единства разных направлений в самом основном, а не механическом господстве одной фракции над другой»<sup>56</sup>.

Против раскола высказался ряд видных представителей как интернационалистского (И. С. Астров, Югов и др.), так и оборонческого и центристского (Либер, С. О. Ежов и др.) течений. Астров, в частности, высказал несогласие с позицией Мартова, назвав ее пробольшевистской. Он мотивировал свою приверженность единству не преодолением расхождений с другими меньшевистскими группировками, а необходимостью отыскать ради спасения меньшевизма общность, среднюю линию «между нами и центром партии, а не между нами и большевиками»<sup>57</sup>.

Острые споры о дальнейшем отношении к партии (выйти из нее или при сохранении формального единства создавать в ее рамках автономные структуры) разгорелись на совещании оборонцев. После долгих дебатов победила раскольническая точка зрения: отмежеваться в специальной декларации от резолюции съезда, использовать все средства и силы для завоевания большинства в РСДРП, допустить существование параллельных (оборонческих) партийных организаций. Было избранно Временное бюро оборонцев. Правые (10 человек) отказались войти в ЦК, а при выборах этого руководящего органа 31 делегат-оборонец воздержался при голосовании.

Избранный съездом новый ЦК РСДРП (объед.) выступил 15 декабря 1917 г. с обращением ко всем партийным организациям, в котором утверждал, что «при наличии в партии далеко расходящихся крыльев, она все же представляет собой сплоченное целое, дорожащее своим единством и способное к единому действию»<sup>58</sup>. Делегаты Чрезвычайного съезда меньшевиков приняли за основу предложенную Мартовым резолюцию о единстве партии. Основой таковой был определен принцип «самостоятельной классовой политики пролетариата и признание международной солидарности верховным принципом классовой борьбы». Съезд провозгласил единство политических выступлений представителей РСДРП (объед.) и единство организации «необходимыми условиями выполнения партией ее задач». Партийному меньшинству любого оттенка было предоставлено право отстаивать свои взгляды внутри партии и в социал-демократической печати. Выступления «против решений соответствующих правомочных партийных организаций» вне партии объявлялись абсолютно недопустимыми<sup>59</sup>. На практике решение о единстве партии в основном осталось на бумаге, а желанного преодоления «полураскола» так и не произошло.

Для дальнейших судеб меньшевизма первостепенным оказалось другое явление: образование блока «бывшей части фракции интернационалистов и левой части прежнего партийного большинства»<sup>60</sup>. После достижения на Чрезвычайном съезде РСДРП (объед.) соглашения между сторонниками Мартова и Дана политику «официального меньшевизма» стало определять его левоцентристское крыло. Последнее не отказалось от замены «анархического и противонародного», по его оценкам, «большевистского режима» демократической республикой, но отвергало, в отличие от оборонцев, насильственные методы достижения такой цели, равно как и объединение во имя нее с реакционными силами. Расхождения во взглядах между меньшевистскими группировками не носили программного или стратегического характера. «... Были преходящие разногласия почти по всем вопросам тактики... о методах борьбы с большевиками в те или иные моменты, — вспоминал один из деятелей РСДРП (объед.)

и Бунда Г. Я. Аронсон.— Но в течение первого года после Октября никто и никогда из социал-демократов не менял своих основных принципиальных воззрений... по вопросу о характере русской революции»<sup>61</sup>.

Вступив в 1918 год «организационно и количественно ослабленной», партия меньшевиков была, по выражению Г. Д. Кучина, «сильно подорвана всем предыдущим ходом событий <...> сдвлена между эсерами и большевиками»<sup>62</sup>. РСДРП первоначально проявляла, как считал Далин, определенную политическую пассивность. Причины этого он видел в воздействии таких психологических факторов, как реакция населения на Октябрьский переворот, уверенность членов партии в скором крахе большевизма<sup>63</sup>.

Меньшевики пережили почти катастрофические для них результаты выборов в Учредительное собрание. По стране за РСДРП (объед.) проголосовало всего 2,3% избирателей (т. е. 1158 тыс. чел.), больше половины которых проживало в Закавказье. РСДРП (объед.) получила в Учредительном собрании всего 17 мандатов. Роспуск Учредительного собрания, на которое меньшевики возлагали главные надежды, был воспринят населением страны в целом равнодушно и даже с безразличием.

Возникает вопрос: почему меньшевики не оказали организованного сопротивления и не предприняли в январе 1918 г. попыток защитить Учредительное собрание. По всей видимости, в их среде возобладала точка зрения Церетели: лучше уж Учредительному собранию тихо скончаться, нежели развязать своим выступлением гражданскую войну<sup>64</sup>. «Разгон Учредительного собрания, показавший, что активная часть народных масс еще всецело увлечена идеей диктатуры меньшинства в ее обманчивой форме «всей власти Советам»,— писал Мартов,— поставила перед партией задачу длительной борьбы за влияние на трудящиеся массы в Советах и пролетарских организациях»<sup>65</sup>.

В начале 1918 г. левоцентристское руководство партии меньшевиков, извлекая уроки из предыдущих поражений, возвратилось к поискам главной социальной опоры в рабочем классе, к активизации деятельности прежде всего в пролетарской среде. Партия меньшевиков разворачивала послеоктябрьскую деятельность в условиях серьезной потери политического авторитета. Несмотря на это, в первой половине 1918 г. число ее сторонников не только не сократилось, а в некоторых районах (Петроград, Тула, Брянск, Сормово, Юг Украины и др.) даже возросло. Оживление меньшевистских организаций объяснялось в первую очередь резким ухудшением продовольственной ситуации в городах (особенно в Петрограде), усилением безработицы, новым обострением топливного кризиса, резким упадком промышленности и прогрессирующим развалом транспорта, ошибками и злоупотреблениями центральных и местных органов власти и их отдельных работников и т. д.

В феврале 1918 г., когда в центре политической жизни страны стоял вопрос об отношении к мирному договору с Германией, меньшевики организовывали кампанию против заключения мира. В дни переговоров в Бресте ЦК РСДРП (объед.) выпустил прокламацию с призывом мира не подписывать, делегацию из Бреста отозвать, начать «революционную войну». Резолюция меньшевистской фракции на IV съезде Советов (21 делегат) выразила (наряду с ультимативным отрицанием договора) недоверие Советскому правительству, призвала к созыву Учредительного собрания и формированию «народной армии». Одновременно меньшевики требовали организации на «широкой демократической основе» новой власти, «которая могла бы найти за собой достаточно сил и возможности, чтобы сорвать этот мир и вести войну»<sup>66</sup>. Впоследствии бывшие меньшевистские функционеры назвали в своих мемуарах эту политику криком отчаяния, ошибкой, порожденной утопическими оценками, исключавшими возможность военного поражения Германии в борьбе один на один с Антантой<sup>67</sup>. Весной же 1918 г. они активно проводили намеченный курс во ВЦИК IV созыва и местных Советах, в устных заявлениях лидеров и на страницах печати.

В сложившейся обстановке РСДРП, как вспоминал Денике, считала воз-

можным оказать влияние на ход событий благодаря возникновению «нового антисоветского движения»<sup>68</sup>. Речь шла, очевидно, о собраниях уполномоченных фабрик и заводов, которых весной 1918 г. избрали на «беспартийных конференциях» в Петрограде, Москве и некоторых других городах. Собрания планировались как независимые от партий и от тогдашней государственной власти, а на деле — противостоявшие ей, альтернативные. В этом направлении на заводах и фабриках Петрограда меньшевики начали работу сразу же после роспуска Учредительного собрания. Инициатива организации «собраний уполномоченных» принадлежала, видимо, оборонцам<sup>69</sup>. Среди меньшевистских лидеров поначалу не было единства в отношении к новому движению и его организации. Некоторые из них не желали отказываться от попыток укрепить влияние РСДРП в Советах, от роли оппозиции в рамках советской системы. Весной 1918 г. на перевыборах Советов меньшевикам (в союзе с эсерами) удалось в ряде промышленных центров укрепить свои позиции. Со стороны большевиков последовали обвинения меньшевиков в контрреволюционной пропаганде, имелись случаи ареста их функционеров и роспуска отдельных Советов<sup>70</sup>.

В результате среди меньшевиков возобладал другой подход: они сосредоточили все свое внимание на движении «уполномоченных фабрик и заводов». Даже вопрос об интервенции был тогда, как отмечал Денике, для партии российских социал-демократов второстепенным<sup>71</sup>. Большевики надеялись на реванш. Социал-демократический барометр в те месяцы чутко регистрировал настроение масс, улавливая их колебания и разочарование части населения, главным образом городского, в новой власти и правительстве.

Положение в Петрограде было особенно тяжелым. Продовольствия едва хватало для обеспечения населения по минимальным нормам. Многие предприятия остановились из-за нехватки топлива. Росла безработица. Тысячи горожан, в том числе рабочих, потянулись в деревню. Общая численность петроградского пролетариата составляла в апреле 1918 г. чуть более половины (57%) от числа рабочих столицы накануне Февральской революции<sup>72</sup>. Многие из этих проблем активно обсуждались на петроградских предприятиях.

Первое общегородское (чрезвычайное) заседание уполномоченных фабрик и заводов прошло в Петрограде 13 марта 1918 г. На нем присутствовали делегаты от 19 предприятий и железнодорожных мастерских, 5 городских типографий<sup>73</sup>. Провозгласив целью собрания поиск совместными усилиями выхода из ситуации, сложившейся «во время наступления австро-германских войск на Петроград», рабочие обсуждали наболевшие вопросы реальной жизни — голод, неумелое проведение промышленной эвакуации, угрозу безработицы, произвол администрации и др. Большевикам удалось организационно «оформить» оправданные и обоснованные тревоги пролетариата за положение в стране.

Совещание приняло декларацию к Всероссийскому съезду Советов<sup>74</sup>, в которой осудило роспуск Учредительного собрания, решение многих вопросов государственной жизни партией большевиков помимо Советов и ЦИКа, заключение «похабного» Брестского мира и подавление воли рабочих. Оно объявило Советскую власть неспособной противостоять наступлению голода, разрушению промышленности и расстройству финансов, обвинило большевиков и развязывании гражданской войны. Детонатором недовольства оказался и переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. «Покидая Петроград, — говорилось в декларации — Совнарком бросает нас на произвол судьбы, закрывая фабрики и заводы, вышвыривая нас на улицу без денег, без хлеба, без работы, без органов самозащиты, без всяких надежд на будущее». Далекое не случайно в требованиях совещания уполномоченных петроградских фабрик и заводов к съезду Советов на первом месте стоял отказ от ратификации «предательского мира» с Германией. Затем говорилось об отставке Совета Народных Комиссаров, немедленном созыве Учредительного собрания и передаче ему «всей власти для прекращения гражданской войны, воссоздания

единства свободных народов России, организации промышленности, сельского хозяйства, собирании сил для отпора вторжению насильников и заключения мира на основах, ограждающих интересы революционной России»<sup>75</sup>. Экономические требования, которые послужили истоком для движения «уполномоченных», отошли на второй план.

27 марта 1918 г. аналогичное собрание «уполномоченных», представлявших 25 предприятий, несколько профсоюзов и рабочих кооперативов, состоялось в Москве. В нем также приняли участие посланцы Петрограда и Тулы. Для организации последующих (планировалось — еженедельных) таких совещаний было избрано специальное бюро в составе 12 человек<sup>76</sup>.

Движение «уполномоченных» не приобрело, однако, всеобщего и общероссийского характера. Сами меньшевики признавали, что оно прививалось главным образом там, где создавалось наиболее трудное экономическое положение, либо имели место серьезные ошибки Советской власти<sup>77</sup>. Характерно, что и органы власти первоначально не видели в новом движении серьезной опасности, воздерживались от применения к его участникам репрессивных мер. До апреля 1918 г. известен, пожалуй, один случай вмешательства государства в дела «собраний уполномоченных» — обыск красногвардейцами 31 марта помещения их Бюро<sup>78</sup>. Отношения организации «уполномоченных» с Советской властью обострялись по мере распространения этого движения и его все более ярко проявлявшегося антиправительственного характера.

Противопоставление Советам альтернативной структуры активизировалось к концу мая. Своего рода политической платформой движения стали резолюции собраний уполномоченных фабрик и заводов. В обращении «Ко всем рабочим и работницам г. Петрограда», Советы квалифицировались как оторвавшиеся от своих избирателей канцелярские министерства, судебные палаты и полицейские управы, переставшие быть политическими представителями пролетариата. Документы «уполномоченных» призывали рабочих требовать, «чтобы Советы сбросили с себя ответственность за действия власти и вернулись к выполнению тех задач, которые мы (рабочие. — Авт.) им поставили в весенние дни 17 года»<sup>79</sup>. Фактически предлагалось, таким образом, предъявить Советам ультиматум о добровольной сдаче власти и повороте страны к дооктябрьскому развитию, к прежней, послефевральской, политической системе. Одновременно выдвигалось требование разрыва профсоюзов и фабзавкомов с Советской властью, сопровождавшееся призывами к созданию «независимых от производства» рабочих организаций.

В начале мая 1918 г. на некоторых заводах Петрограда (Путиловском, Обуховском и др.) прошли митинги с требованием улучшения продовольственного снабжения, принявшие резолюции о новых выборах в Учредительное собрание и Петроградский Совет, отмене запрещения свободной торговли хлебом, о «безотложном и решительном объединении всех социалистических и демократических сил»<sup>80</sup>. 9 мая 1918 г. рабочие и работницы предприятий поселка Колпино (пригород Петрограда) вышли на митинг протеста по поводу затянувшейся нехватки продовольствия и растущей безработицы. Один из местных руководителей приказал войскам открыть огонь по безоружной толпе<sup>81</sup>. Расстрел вызвал панику. По поселку, затем по Петрограду, а скоро и в других городах страны распространились слухи о многочисленных жертвах преступного применения оружия. Впоследствии выяснилось, что погиб только один участник митинга, а шестеро получили ранения<sup>82</sup>.

События в Колпино вызвали волну протеста на петроградских заводах (Обуховском, Путиловском, «Арсенале» и др.), массовые митинги и даже остановку работы некоторых, правда, единичных предприятий<sup>83</sup>. Во всех принимавшихся резолюциях протеста фигурировало требование немедленного созыва Учредительного собрания. Это обусловило новый виток конфронтации между государственной властью и движением уполномоченных. Тем более, меньшевики и другие оппозиционные партии считали, что получение РКП(б) большинства

на перевыборах Советов было достигнуто путем прямого и массового нарушения избирательного закона, фальсификацией результатов голосования, роспуска неугодных Советов<sup>84</sup>.

24 мая 1918 г. собрание уполномоченных фабрик и заводов подавляющим большинством отвергло Декрет СНК (от 20 мая 1918 г.) о продотрядах<sup>85</sup>. Через 3—4 дня начались волнения на заводах Петрограда, митинги протеста в Москве, Туле, Нижнем Новгороде и Сормово, Орле и Твери. Выступления проходили под лозунгами перехода власти к Учредительному собранию, восстановления органов местного самоуправления, борьбы за единство и независимость российской республики<sup>86</sup>. Размах движения ширился. Социал-демократическим политикам казалось, что вскоре оно охватит всю страну и «опрокинет» Советскую власть. В обстановке эйфории ЦК РСДРП открыто заявил о поддержке движения «уполномоченных» и 16 мая 1918 г. призвал к созыву всероссийской конференции рабочих представителей. Кроме работы по созданию структур «собраний уполномоченных фабрик и заводов» партия меньшевиков активизировала деятельность в Советах «в роли непримиримой оппозиции большевистскому режиму»<sup>87</sup>. Именно такой была установка Всероссийского партийного совещания РСДРП, проходившего в Москве в конце мая 1918 г.

Меньшевистский форум (он представлял около 60 тыс. членов РСДРП) подвел итоги более чем полугодового противоборства с Советской властью и наметил дальнейшую тактику партии. Основным итогом совещания стал призыв его резолюции к замене «Советской власти властью, сплывающей силы всей демократии»<sup>88</sup>. Разрабатывая политическую линию, меньшевики, от лидеров правого крыла до Мартова, исходили из признания начавшегося процесса ослабления новых форм власти.

Р. Пайпс склонен упрекать «меньшевистскую и эсеровскую интеллигенцию» за то, что ее непоследовательная позиция, непризнание вырождения большевизма в контрреволюционную силу и пассивное сопротивление его диктатуре парализовали у «движения уполномоченных» «волю к действию»<sup>89</sup>. Думается, что подобная оценка несколько преувеличивает колебания лидеров меньшевизма в вопросе о методах борьбы «собраний уполномоченных». Отрицание частью меньшевиков использования политических стачек было связано, наверное, не только и не столько с опасениями, что последние сыграют на руку контрреволюции, но и, главным образом, с пониманием и учетом реалий тогдашней обстановки, в первую очередь — недостаточности поддержки в массах политизированных и альтернативных Советам структур. Меньшевики оправданно предпочитали выявить перспективы создания в столице и других городах «независимых рабочих организаций».

Между меньшевистскими группировками существовали некоторые расхождения в мнениях относительно значимости «движения уполномоченных», приоритетности тех или иных форм борьбы против Советской власти. Однако они не носили принципиального характера. Организация «уполномоченных» рассматривалась как одно из средств ликвидации «большевистской диктатуры», и это, пожалуй, не вызывало споров в руководстве РСДРП. Не случайно органы Советской власти с лета 1918 г. принимают решительные меры по пресечению деятельности собраний «уполномоченных фабрик и заводов». Так, например, 13 июня за связь с этим движением в Москве было задержано 56 человек<sup>90</sup>. Через три дня, одновременно с объявлением о созыве V Всероссийского съезда Советов, Петроградское бюро Совета уполномоченных фабрик и заводов постановило созвать Всероссийскую рабочую конференцию<sup>91</sup>. Конференция мыслилась и готовилась как альтернатива V съезду Советов.

Политическая направленность «движения уполномоченных», выступления эсеров и меньшевиков с резкой критикой правительственной политики в деревне (чрезвычайные полномочия Наркомпроду, хлебная монополия, продотряды, декрет ВЦИК от 11 июня о комбедах), ухудшение военно-политической ситуации в стране, особенно в связи с чехословацким мятежом и образованием 8 июня

в Самаре Комитета членов Учредительного собрания, не могли не вызвать тревоги за будущее Советской власти у большевистского руководства. Странники «немедленного подавления» советского «режима» образовали в РСДРП фракцию «активной борьбы» с большевиками. Еще в марте 1918 г. несколько меньшевиков-оборонцев и членов группы «Единство» вошли в «Союз возрождения России» — коалиционную организацию (энесы, правые эсеры, кадеты и др.), ставящую своей целью образование переходной власти для продолжения до-октябрьской политики Временного правительства и созыва Учредительного собрания. В мае-июне 1918 г. «активисты» поддерживали все региональные движения Советской власти, выступавшие под лозунгом возрождения Учредительного собрания. В такой обстановке и было принято 14 июня постановление ВЦИК об исключении из его состава представителей партий эсеров (правых и центра) и меньшевиков (во ВЦИК четвертого созыва входили Абрамович, Дан, Мартов, Суханов и Череванин) и о ликвидации их фракций в местных Советах. Принятие решения мотивировалось обострением гражданской войны в стране, изобличением эсеров и меньшевиков «в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами, на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в последние дни с чехословаками и примкнувшими к последним черносотенцами», неприемлемостью присутствия в Советах партий, «явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов»<sup>92</sup>. Оценивая это постановление ВЦИК, нельзя не отметить, что прямое обвинение меньшевиков в организации вооруженных восстаний не соответствовало действительности.

Официальный меньшевизм был противником гражданской войны против Советской власти и интервенции. В мае 1918 г. Всероссийское партийное совещание РСДРП отвергло всякое вмешательство союзных держав в российские дела, выразив тем самым и свое отношение к чехословацкому мятежу. Однако фактически ЦК меньшевиков пытался занять «среднюю» позицию между Комучем и Советской властью. Активно выступить против «Комитета членов Учредительного собрания» и «рядом с большевистской властью» для меньшевиков, как объяснял в 1920 г. Мартов, было невозможно, поскольку: 1) они принципиально отвергали Программу и методы РКП(б) и Советского правительства; 2) считали, что вокруг Комуча «мобилизовались под знаменем народо-властия и аграрного переворота революционно-демократические элементы, опиравшиеся на крестьянство или хотя бы на часть рабочих»; 3) рассматривали борьбу против Комуча как содействие углублению и обострению гражданской войны внутри демократии. Вместе с тем ЦК РСДРП отказал Комитету членов Учредительного собрания и партии эсеров в открытой поддержке, опасаясь, что их политика может усилить реакцию<sup>93</sup>. И все же непоследовательность позиции руководства и отсутствие у меньшевиков в условиях гражданской войны связей между центром и местными комитетами позволяли как «активистам», так и их оппонентам сосуществовать в рамках одной партии.

Будучи поставленной вне Советов, партия меньшевиков делает ставку на альтернативные им рабочие организации и структуры. Руководящие центры «движения уполномоченных» собирались в июньские дни при участии главным образом меньшевиков почти ежедневно. 26 июня 1918 г. Бюро Петроградского Совета уполномоченных фабрик и заводов единогласно проголосовало за однодневную всеобщую политическую стачку 2 июля<sup>94</sup>. В последний момент, опасаясь отождествления с контрреволюцией, руководство РСДРП выступило против ее проведения<sup>95</sup>. Основная масса петроградского пролетариата не откликнулась на призыв к забастовке. В ней участвовало не более одной седьмой части рабочих.

Меньшевики активизируют также работу по подготовке Всероссийского «рабочего съезда». Еще в начале июня местные конференции и собрания «движения уполномоченных» (Нижегородской и Владимирской губ., Петрограда,

Москвы, Коломны, Тулы, брянских заводов и др.) принимают резолюции о его созыве<sup>96</sup>. До образования Оргкомитета будущего съезда его подготовкой занимались Бюро Петроградского, Московского и Нижегородского собраний уполномоченных фабрик и заводов, куда кроме меньшевиков входили правые эсеры и бундовцы. На базе этих организаций постепенно сформировался Оргкомитет, членами которого стали меньшевики и эсеры<sup>97</sup>.

Оргкомитет «рабочего съезда» выпустил два воззвания к рабочим. Первое содержало призыв к развертыванию на местах предсъездовской избирательной кампании, созыву с этой целью рабочих конференций, собраний уполномоченных фабрик и заводов. Во втором говорилось об «антирабочей политике» Советской власти, подавлении свобод, о предательской капитуляции большевиков перед германским империализмом и т. д.<sup>98</sup> Несколько позже был выработан проект «Устава рабочего съезда Центральной и Северной областей». На предварительном совещании Оргкомитета определился следующий порядок дня съезда: 1. Ближайшие задачи рабочего класса в России (предполагалось рассмотреть этот вопрос в трех аспектах: рабочий класс и социализм, пролетариат и Советская власть, рабочие и Брестский мир). 2. Всероссийский рабочий съезд (борьба за независимость и единство рабочего движения). 3. Восстановление промышленности и экономическая политика пролетариата<sup>99</sup>.

Петроградская, Московская, Нижегородская (Сормово), Тульская, Коломенская, Вологодская, Рыбинская и Брянская организации «уполномоченных» начали агитационно-пропагандистскую работу по формированию делегатского корпуса<sup>100</sup>. Для координации этой деятельности Оргкомитет созвал в Москве специальное совещание, разослав письма-приглашения к участию в нем 106 организаций тиражом в 150 тыс. экз.<sup>101</sup> Кроме 7 членов Оргкомитета в Москве собрались 22 делегата уполномоченных фабрик и заводов. Меньшевики представляли 14 участников<sup>102</sup>. После своего открытия 22 июля 1918 г. совещание имело два вечерних заседания. Участники последнего из них были 23 июля арестованы. При обыске у задержанных были изъяты документы по созыву рабочего съезда. На основании заключения обвинительной коллегии революционного трибунала при ВЦИК Р. А. Абрамович, В. И. Альтер, А. Е. Бейлин и другие участники июльского совещания в Москве предавались суду Революционного трибунала<sup>103</sup>. Вскоре, однако, организаторы Всероссийского рабочего съезда были освобождены.

В тезисах резолюции, которую предполагало принять совещание, недвусмысленно провозглашалась борьба за замену Советской власти демократическим строем. «В этой борьбе,— провозглашалось в проекте резолюции,— предоставленный самому себе пролетариат обречен заранее на поражение, так как его собственные силы недостаточны для этого. В этой борьбе ему необходимы союзники из других классов. Борьба с Советской властью принимает характер общенациональной задачи, объединяющей во имя общей цели всю страну во главе с наиболее передовым классом — пролетариатом»<sup>104</sup>.

Меньшевистское руководство, как уже отмечалось, неоднократно заявляло о неучастии РСДРП в подготовке вооруженных выступлений, в правительствах, возникших при помощи иностранного штыка. Однако меньшевики-«активисты» являлись участниками региональных областных правительств.

Некоторые из них получили портфели министров: И. М. Майский — в Совете управляющих ведомствами Самарского Комуча, а Л. И. Шумиловский — в Административном совете «Временного сибирского правительства». Вместе с эсерами, знесами и кадетами меньшевики были в составе Уральского областного правительства. Меньшевик М. А. Садовский возглавил «Диктатуру Центрокаспия», созданную 1 августа 1918 г. после ликвидации Бакинской коммуны и содействовавшую оккупации Баку английскими войсками. Местные комитеты РСДРП, занимавшие позиции «правее ЦК», или поддерживали подобные действия, или оправдывали их. Собственными решениями они отменяли санкции общепартийного центра в отношении «активистов». Тем самым офици-

альное руководство меньшевиков и партия в целом в глазах большевиков разделяли политическую ответственность за антисоветскую деятельность правых меньшевиков, участвующих в «областных правительствах» и поддерживающих вооруженную борьбу контрреволюционеров.

Несомненно, что постановление ВЦИК от 14 июня и развал под гром пушек большевистско-левоэсеровского блока в июле 1918 г. явились для части меньшевиков «сигналом» к переходу от «опасной» политики «мирной оппозиции» в рамках Советской власти к поддержке немирных методов борьбы с большевизмом, к их личному участию в этой борьбе. Нараставшая конфронтация оборачивалась трагедиями на окраинах.

Как и в первые послеоктябрьские дни, умами значительной части меньшевиков завладела надежда на недолговечность большевистской власти. Эта надежда подпитывалась присущим меньшевикам с 1917 г. убеждением, что никакое однопартийное социалистическое правительство не может быть прочным. Тем более такое, которое, с точки зрения меньшевиков, проводит утопическую политику и удерживается не столько благодаря поддержке народа, сколько благодаря применению террора по отношению к своим как явным, так и потенциальным противникам.

На всем протяжении рассматриваемого периода, с момента победы Октябрьской революции в Петрограде до лета 1918 г., несмотря на зигзаги тактики, и левые, и правые меньшевики последовательно отстаивали лозунг Учредительного собрания. Иначе обстояло дело с лозунгом однородного социалистического правительства. В отличие от ЦК и левого течения в меньшевизме представители правого течения считали, что надо идти на сближение с кадетами. Итак, у одной части — противопоставление блока социалистических партий «буржуазной демократии», сотрудничающей с «белым Доном» и с Колчаком, у другой — объединение «всей демократии» против большевиков. Наибольшее расхождение между относительно лояльными к Советской власти «левыми» и непримиримыми к ней «правыми» происходит на время от разгона Учредительного собрания до Брестского мира, хотя сам факт разгона Учредительного собрания оценивается всеми меньшевиками однозначно. Для них это — величайшее преступление против революции.

Самый принципиальный вопрос для меньшевиков — демократия. По их мнению, только демократия может спасти Россию от гражданской войны и от утопических экспериментов. Меньшевики готовы признать целесообразность Советов в условиях отсталой России, но не считают их идеальным выражением демократической власти. Советы не могут, утверждают меньшевики, заменить всенародного представительства, возникающего на основе всеобщего и равного избирательного права. С этих позиций они подвергают критике Конституцию РСФСР за ее классовый подход к гражданским правам. Еще выходящая в июле 1918 г. «Новая жизнь» — последняя из оппозиционных газет (орган ЦК РСДРП газета «Вперед» была «закрыта» в конце апреля, а орган ЦК ПСР «Дело народа» — в июне) — опубликовала несколько статей Н. А. Рожкова, в которых он характеризовал Конституцию РСФСР как антидемократический и даже реакционный законодательный акт. «Республика эта — социалистическая, — писал Рожков. — Но странно: читая ее Конституцию, видишь в ней многое, нам знакомое еще со времен царистской России»<sup>105</sup>. А в другой статье автор пояснил, в чем он обнаруживает сходство политических режимов царской и Советской России: «В „социалистической“ республике нет всеобщего и прямого избирательного права, зажат рот оппозиции, она изгоняется из всех учреждений, уничтожены все свободы, свирепствует террор, воскрешены все предания старого строя»<sup>106</sup>. Столь резкие высказывания одного из самых левых членов ЦК РСДРП показывают, сколь велика была разница в менталитете, в отношении к демократическим ценностям у большевиков и меньшевиков.

Собственно коренной вопрос, по которому, наверное, историкам предстоит еще долго спорить, заключается в том, можно ли было закрепить и защитить за-

воевания революции, сохраняя тот уровень демократии, какой был достигнут в России после февраля 1917 г., или же переход к революционной диктатуре и ее ужесточение были единственным спасением для большевиков, выступающих под социалистическими лозунгами.

Постановление ВЦИК от 14 июня 1918 г. не ставило меньшевиков и эсеров вне закона, как, скажем, случилось с кадетами. Если, пользуясь более полугодом советской легальностью, меньшевики имели, как они сами признавали, возможность «свободно использовать трибуну ВЦИК для изложения своих анти-правительственных взглядов»<sup>107</sup>, то с июня 1918 г. пределы их политической деятельности были существенно ограничены. Фактически деятельность меньшевиков стала на время полуполюгальной, но в дальнейшем в условиях разгоревшейся гражданской войны меньшевики вновь были легализованы. Тем не менее «вытеснение» меньшевиков из Советов и лишение их органов печати не прошло бесследно, значительно ослабив сферу их влияния.

Анализируя политику и большевиков, и меньшевиков в послеоктябрьские месяцы, Мартов в 1919 г. признавал, что меньшевики ошибались, игнорируя возможность прихода рабочего класса к власти в тех странах, где отсутствуют предпосылки, необходимые, согласно марксистской теории, для проведения социалистических преобразований. Основной упрек, адресованный им большевикам, состоял не в преждевременности социалистического эксперимента, но в игнорировании новых задач, а именно системы революционной политики для всего переходного исторического периода<sup>108</sup>. В этих размышлениях Мартова много верного, ведь и те, и другие — каждые по-своему — оказались доктринарами: большевики, стремясь как можно скорее воплотить идеи Маркса в жизнь, надеясь и на мировую революцию, и на классовую сознательность пролетариата отсталой страны; меньшевики, будучи не в силах расстаться с ортодоксальными представлениями о буржуазной революции в России, заставлявшими их считать Октябрьский переворот только эпизодом (пусть и затянувшимся), подобным якобинской диктатуре во Франции.

## Примечания

<sup>1</sup> Историографический обзор см.: Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 5—20.

<sup>2</sup> Наиболее значительным явлением в зарубежной историографии послеоктябрьского меньшевизма можно считать вышедшую в США монографию В. Бровкина (*Вг о v k i n V. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship*. N. Y., 1987). В ней исследуется деятельность меньшевиков в первый год пролетарской диктатуры. Работа основана на большом круге имевшихся в распоряжении автора источников, но без привлечения материалов из советских архивов. Изучаемые сюжеты хронологически разделены на три периода: октябрь 1917 г. — март 1918 г., март — май 1918 г., май — октябрь 1918 г. Достоинство книги в том, что автор не ограничивается освещением позиции представителей партии меньшевиков в ЦИК Советов, а пытается выяснить результативность их деятельности в местных Советах и рабочих организациях. Последнее в известной мере ему удается, хотя для окончательных суждений необходимо тщательное изучение архивов. Отсутствие полноценных работ о меньшевизме по региональной тематике не позволяет в настоящее время сделать обоснованные выводы, базирующиеся на документах местных Советов и других репрезентативных источниках.

<sup>3</sup> Речи И. Г. Церетели. Пг., 1917. С. 12.

<sup>4</sup> Маевский Е. 1905 год. Очерк революционного движения. Пг.; М., 1917. С. 4.

\* Даты приводятся по старому стилю.

<sup>5</sup> Суханов Н. Записки о революции. Кн. 7. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 195.

<sup>6</sup> Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.; Л., 1928. С. 33. Фракции протестовали против выбора президиума на основе пропорционального представительства, но такое предложение родилось в результате соглашения большевиков, имевших к открытию съезда более половины мандатов (390 из 649 зарегистрировавшихся делегатов), с рядом других партий.

<sup>7</sup> Там же. С. 34.

<sup>8</sup> Там же. С. 36—37.

<sup>9</sup> Там же. С. 5, 6, 36—37.

<sup>10</sup> Там же. С. 40—41, 45.

<sup>11</sup> Ушло, по данным мандатной комиссии, не более 51 делегата, а согласно воззванию ВРК—70 (Правда. 1917. 29 октября; Известия. 1917. 10 ноября).

<sup>12</sup> Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 42.

- <sup>13</sup> Там же. С. 46.
- <sup>14</sup> Там же. С. 45.
- <sup>15</sup> Там же. С. 46.
- <sup>16</sup> Там же. С. 14.
- <sup>17</sup> ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 362, оп. 1, д. 51, л. 161 об.
- <sup>18</sup> Там же, л. 123.
- <sup>19</sup> Там же, л. 129 об.— 130, 131—132 об. и др.
- <sup>20</sup> Суханов Н. Записки о революции. Берлин; Пг.; М., 1922. Кн. 4. С. 32.
- <sup>21</sup> Из архива Л. О. Дан. Амстердам, 1987. С. 69.
- <sup>22</sup> Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 115.
- <sup>23</sup> Голос социал-демократа [Пг.]. 1917. 3 декабря.
- <sup>24</sup> Мартов Л. Предисловие // Нэн Ш. Диктатура или демократия; Адлер М. Проблемы социальной революции. Харьков, 1919. С. 5.
- <sup>25</sup> Там же. С. 7.
- <sup>26</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War / Ed. by L. H. Haimson. Chicago; L., 1974. P. 102—103.
- <sup>27</sup> Луч. [Пг.]. 1917. 19 ноября.
- <sup>28</sup> Об этом говорилось в резолюции съезда, принятой 50 голосами по проекту Ю. О. Мартова.
- <sup>29</sup> Вперед. [М.]. 1917. 20 декабря.
- <sup>30</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 109.
- <sup>31</sup> Ibid. P. 98.
- <sup>32</sup> За Родину и революцию. [Пг.]. 1917. 29 октября.
- <sup>33</sup> Рабочая газета. [Пг.]. 1917. 5 ноября.
- <sup>34</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 4.
- <sup>35</sup> Ibid. P. 95.
- <sup>36</sup> Мартов Л. Линия социал-демократии // Оборона революции и задачи социал-демократии: Сб. ст. Пг.; М., 1920. С. 4.
- <sup>37</sup> Там же.
- <sup>38</sup> За Родину и революцию. 1917. 29 октября.
- <sup>39</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 48.
- <sup>40</sup> Оборона революции и задачи социал-демократии. С. 4.
- <sup>41</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 90.
- <sup>42</sup> Вперед. 1917. 6 декабря.
- <sup>43</sup> Там же.
- <sup>44</sup> Там же. 7 декабря.
- <sup>45</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 103.
- <sup>46</sup> Оборона революции и задачи социал-демократии. С. 4.
- <sup>47</sup> Вперед. 1917. 6 декабря.
- <sup>48</sup> Там же.
- <sup>49</sup> Там же. 7 декабря.
- <sup>50</sup> Цит. по: Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968. С. 355.
- <sup>51</sup> Вперед. 1917. 13 декабря.
- <sup>52</sup> Там же. 15 декабря.
- <sup>53</sup> Там же. 13 декабря.
- <sup>54</sup> Там же. 15 декабря; 13 декабря.
- <sup>55</sup> Там же. 13 декабря.
- <sup>56</sup> Там же. 15 декабря.
- <sup>57</sup> Там же.
- <sup>58</sup> Новый луч [Пг.]. 1917. 16 декабря.
- <sup>59</sup> Вперед. 1917. 22 декабря.
- <sup>60</sup> Оборона революции и задачи социал-демократии. С. 4.
- <sup>61</sup> Социалистический вестник [Берлин]. 1922. № 22. С. 9.
- <sup>62</sup> Кучин Г. [Оранский]. О нашей партии // Социалистический вестник. 1922. № 18. С. 4.
- <sup>63</sup> The Mensheviks. From the Revolution of the 1917 to the Second World War. P. 98.
- <sup>64</sup> Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (1917—1921 гг.). М., 1922. С. 8.
- <sup>65</sup> Оборона революции и задачи социал-демократии. С. 4.
- <sup>66</sup> Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. М., 1919. С. 23.
- <sup>67</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 113—114.
- <sup>68</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 114.
- <sup>69</sup> Ibid. P. 118. Это свидетельство подтверждается перепечатанным летом 1918 г. омской право-социалистической газетой «Заря» документами «уполномоченных» Петрограда.
- <sup>70</sup> См.: Аксютин Ю. В. Борьба большевиков за дальнейшее укрепление революционного единства рабочего класса против мелкобуржуазных партий в первый год Советской власти / Канд. дис. М., 1977. С. 89—126; Brovkin V. Op. cit. P. 126—160.
- <sup>71</sup> The Mensheviks. From the Revolution of the 1917 to the Second World War. P. 151(152).
- <sup>72</sup> Наш век [Пг.]. 1918. 16 июля.
- <sup>73</sup> Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда [Пг.]. 1918. № 1.

- <sup>74</sup> Текст ее на съезде оглашен не был, хотя Мартовым и предпринималась такая попытка.
- <sup>75</sup> Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. 1918. № 1. С. 15.
- <sup>76</sup> Там же. С. 2.
- <sup>77</sup> Там же. № 3—4. С. 17—18.
- <sup>78</sup> Там же. С. 16.
- <sup>79</sup> Там же. С. 15.
- <sup>80</sup> Наш век. 1918. 9 мая.
- <sup>81</sup> В кадетской и социалистической оппозиционной печати он назван «большевистским комиссаром».
- <sup>82</sup> Наше слово [М.]. 1918. 15 мая.
- <sup>83</sup> Наш век. 1918. 10 мая.
- <sup>84</sup> П а й п с Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918) // Минувшее. Вып. 4. 1987. С. 131—132; Brovkin V. Op. cit. P. 129—159.
- <sup>85</sup> Новая жизнь [Пг.]. 1918. 31 мая.
- <sup>86</sup> Утро [Пг.]. 1918. 3 июня.
- <sup>87</sup> Партийные известия [М.; Пг.]. 1918. № 8(15). 10 июня. С. 2, 5, 7, 18.
- <sup>88</sup> Цит. по: Спири н Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 159.
- <sup>89</sup> П а й п с Р. Указ. соч. С. 134—135.
- <sup>90</sup> Там же. С. 136.
- <sup>91</sup> Новая жизнь. 1918. 16 июня.
- <sup>92</sup> Декреты Советской власти. Т. 2. С. 430—431.
- <sup>93</sup> Оборона революции и задачи социал-демократии. С. 5.
- <sup>94</sup> Новая жизнь. 1918. 2 июля.
- <sup>95</sup> Наш век. 1918. 2 июля.
- <sup>96</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 224, л. 2, 6, 7, 9.
- <sup>97</sup> Там же, л. 4, 5, 6, 7.
- <sup>98</sup> Там же, л. 2.
- <sup>99</sup> Там же, л. 3.
- <sup>100</sup> Там же, л. 9, 13.
- <sup>101</sup> Там же, л. 11.
- <sup>102</sup> Там же, л. 4—10.
- <sup>103</sup> Там же, л. 1, 15.
- <sup>104</sup> Там же, л. 14.
- <sup>105</sup> Р о ж к о в Н. Советская конституция // Новая жизнь. 1918. 6 июля.
- <sup>106</sup> Р о ж к о в Н. Авантюризм и советская государственность // Там же. 13 июля.
- <sup>107</sup> The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. P. 136.
- <sup>108</sup> См.: М а р т о в Л. Предисловие // Н э н Ш. Диктатура или демократия; А д л е р М. Проблемы социальной революции.



## СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

### (Мифы и реальность)

---

Современная эпоха характеризуется бурным ростом интереса к историческому прошлому нашей страны, особенно в XX в., в новейший период ее истории.

Широкий интерес к познанию прошлого, стремление как можно больше и быстрее узнать о его «белых пятнах» и «всю правду» истории оказывают воздействие на историко-познавательный процесс. Этот процесс характеризуется в настоящее время, во-первых, особым смыслом в тех событиях, в которых заключены истоки современных недостатков и искажений в развитии советского общества. Во-вторых, все большее внимание уделяется выявлению в прошлом альтернативных возможностей развития, реализация которых привела бы к иному ходу и результату этого развития. Наконец, в-третьих, в условиях, когда выдвигаются новые цели, современники, как писал В. О. Ключевский, «ищут и исторического оправдания этим интересам и практических указаний на средства к достижению этой цели»<sup>1</sup>.

В указанной связи одним из явлений в истории нашей страны, которое вызвало в последнее время много споров, оказалась столыпинская аграрная реформа. Советские историки уделяют значительное внимание ее изучению<sup>2</sup>. История этого изучения заслуживает специального историографического анализа. Поэтому отметим здесь лишь некоторые моменты, обусловившие выбор круга вопросов, рассматриваемых в настоящей статье.

При освещении советскими историками столыпинской аграрной реформы акцентировалось внимание на раскрытии ее консервативности и ограниченности, антикрестьянской направленности и помещичьей самодержавной сущности. Отмечалось, что реформа ускорила развитие капитализма в помещичьем и крестьянском хозяйстве, но не привела к завершению буржуазных аграрных преобразований. Соответствующие выводы основываются на анализе значительного конкретно-исторического материала. Однако целый ряд аспектов в истории реформы не получил надлежащего и обоснованного освещения.

Во-первых, чаще всего столыпинская реформа рассматривается как таковая, без учета того, что в России буржуазное аграрное развитие шло двумя путями — буржуазно-помещичьим и буржуазно-крестьянским, и реформа, направленная на утверждение первого из этих путей, была вслед за революцией 1905—1907 гг. кульминационным моментом в борьбе за утверждение того или иного из них.

Во-вторых, при показе ускоряющего воздействия реформы на развитие сельскохозяйственного производства и социальные процессы в деревне, не раскрывается тот конкретный вклад, который вносила в это развитие реформа, ибо прогресс в аграрной сфере имел место и помимо нее.

В-третьих, нельзя признать достаточно полно раскрытыми все причины провала реформы, в частности те объективные факторы в истории аграрного

развития, которые вообще исключали возможность торжества «стольпинского варианта», а те основные причины, которые анализируются, сводятся к тому, что реформаторам мешали и им не хватило мирного времени!

В итоге остаются нераскрытыми те глубинные противоречия в аграрном развитии, которые обуславливали необходимость Октябрьской социалистической революции.

Представляется, что в силу указанных пробелов в научном изучении реформы и в результате поверхностного подхода к ее освещению неспециалистами в массовой печати, и получила в настоящее время широкое распространение трактовка «стольпинского пути» чуть ли ни как образца аграрного развития, который, якобы, должен быть учтен и даже воспроизведен в современной перестройке аграрных отношений в советской деревне. Имеет место не только игнорирование исторического подхода и достоверных фактов, но и конъюнктурная фальсификация важного исторического события, что нашло отражение в выступлении нынешнего премьер-министра российского правительства И. С. Силаева на Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР<sup>3</sup>.

Цель настоящей статьи, во-первых, сводится к выявлению соотношения двух путей буржуазной аграрной эволюции, к показу места и роли в сельскохозяйственном производстве и аграрных отношениях помещичьего и крестьянского хозяйства как основы этих путей. Во-вторых, предпринимается попытка рассмотреть конкретные изменения, которые произошли в период стольпинской аграрной реформы в экономике и социальных отношениях в деревне и которые показывают и позитивные сдвиги в аграрном секторе, и причины краха реформы. Здесь рассматривается как реальный ход аграрного развития, так и прогнозируются некоторые его аспекты при допустимых альтернативных вариантах. В-третьих, в обобщенном виде раскрываются те противоречия аграрного развития, которые неизбежно вели к Октябрьской революции.

Проделанный анализ ограничивается территорией Европейской России, так как, с одной стороны, характер ее аграрного строя оказывал определяющее воздействие на всю страну, а с другой — имеющиеся источники наиболее полно отразили ход процесса именно в этом регионе.

Конкретно-фактической основой для решения указанных задач послужили прежде всего данные сельскохозяйственной статистики, собранные Центральным статистическим комитетом и содержащиеся в различных публикациях и архивных фондах<sup>4</sup>.

Обработка и анализ использованных данных потребовали применения наряду с традиционными и математико-статистическими методов. В плане методическом наибольший интерес здесь представляет попытка применения методов имитационно-прогностического моделирования.

\* \* \*

Стольпинская аграрная реформа была, как известно, второй после реформы 1861 г. «чисткой» земель для развития аграрного капитализма по консервативному, буржуазно-помещичьему («прусскому») пути. В этой связи необходимо напомнить о сути двух путей буржуазной аграрной эволюции и особенностях их проявления в России, ибо без учета этого обстоятельства невозможно раскрыть истинный характер и историческое значение стольпинской реформы.

Вопрос о двух путях буржуазной аграрной эволюции был поставлен и широко освещен В. И. Лениным на основе конкретного и фундаментального изучения хода аграрного развития России и других стран. Суть двух путей состояла в следующем. «Буржуазное развитие, — писал В. И. Ленин, — может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными... Оно может идти также имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „нарос“ крепостнических латифундий и свободно развиваются

затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа»<sup>5</sup>.

Объективно-исторически возможными были лишь два пути буржуазной аграрной эволюции (в их различных вариантах) в силу того, что формы организации сельскохозяйственного производства, предшествующие капитализму, исчерпывались крупным помещичьим (или рабовладельчески-плантационным, как было на Юге США) и мелким крестьянским хозяйством. Естественно, что победить мог лишь один из этих путей. И хотя оба они представляли собой типы прогрессирующего аграрного развития, условия этого прогресса, особенно в период утверждения аграрного капитализма, были существенно различными для широких крестьянских масс. Развитие по «прусскому» пути характеризовалось максимальным сохранением «помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации». «Американский» путь обеспечивал «в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»<sup>6</sup>.

Победа того или иного из двух путей определялась в плане экономическом соотношением в сельскохозяйственном производстве помещичьего и крестьянского хозяйства и их производственно-техническим уровнем, а в плане социально-политическом — расстановкой и активностью классовых и общественно-политических сил, отстаивающих тот или иной путь. При наличии объективных исторических предпосылок развитие по «прусскому» пути могло быть обеспечено реформами, проводимыми государством, выражающим интересы помещиков, а по «американскому» пути — в результате победы буржуазно-демократической революции, устрояющей все полукрепостнические пережитки и прежде всего их основу — дворянско-помещичье землевладение. Поэтому первый из этих путей был реформистским, а второй — революционным.

Борьба двух путей буржуазно-аграрной эволюции могла иметь место повсюду, где соседствовали помещичье и крестьянское хозяйства. Практически к началу XX в. почти везде в Европе и Северной Америке победил один из двух путей. Важнейшей исторической особенностью России было то, что острейшая борьба двух путей буржуазной аграрной эволюции, развернувшаяся со времени отмены крепостного права, вплоть до 1917 г. так и не привела к победе того или иного из них. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего следует указать на то, что в Европейской России и к моменту отмены крепостного права, и в течение всей эпохи капитализма господствующее положение в сельскохозяйственном производстве занимало крестьянское хозяйство. Так, в основной отрасли этого производства, т. е. в земледелии, в 50-х гг. XIX в. на долю помещиков приходилось 21,9% всех посевов, а в 1916 г. — 11,3%<sup>7</sup>. Таким образом, роль помещичьего хозяйства в земледельческом производстве была не только незначительной, но и существенно сократилась в эпоху капитализма<sup>8</sup>.

Важные изменения произошли и на рынке в отношении крестьянского и помещичьего хлеба. Если, как показывают подсчеты, в середине XIX в. помещики производили немногим более половины товарного хлеба, то в конце эпохи капитализма — лишь пятую часть<sup>9</sup>.

Аналогичным было положение и в сфере скотоводства. Так, на долю частновладельческого (помещичьего по своим размерам) хозяйства приходилось лошадей в 1900 г. 15,3%, а в 1916 г. — 6,2%, а всего скота соответственно — 17,9% и 5,7%<sup>10</sup>.

Естественно, соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в различных регионах было неодинаковым, как и разными были темпы падения доли помещичьего хозяйства в различные периоды.

Помещичье хозяйство было наиболее широко распространено в западных

районах страны (Эстония, Латвия, Литва, западные губернии Белоруссии и Украины). В начале XX в. большая часть товарного хлеба производилась здесь помещиками<sup>11</sup>.

Господствующее положение крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве к моменту крестьянской реформы 1861 г. было обусловлено особенностями аграрного развития России в эпоху феодализма. Важнейшая из них состояла в широком распространении системы государственного феодализма. Даже во многих районах Европейской России (прежде всего на северных, восточных и южных ее окраинах) государственные крестьяне составляли подавляющую часть сельского населения, не знавшего помещичьего хозяйства и помещичьего гнета. Поэтому с учетом того, что более 70% помещичьих крестьян находилось на барщине, крестьянское хозяйство все время оставалось ведущей формой организации сельскохозяйственного производства.

Другим существенным фактором, обуславливавшим ведущую роль крестьянского хозяйства и особенно специфику ведения помещичьего хозяйства, была крестьянская община с системой уравнильных земельных переделов и круговой порукой. В районах распространения такой общины (великорусские, восточнобелорусские и украинские левобережные губернии) при всей ограниченности возможностей к уравнительности тем не менее в силу того, что каждый крестьянин имел право на надел и получал его, сдерживалось образование слоя крестьян, не имевших земли и своего хозяйства<sup>12</sup>.

Особенно важным следствием указанного положения было то, что в период крепостничества подавляющая часть помещиков, ведущих свое хозяйство и эксплуатирующих крестьян на барщине, не имела собственной производственно-технической базы (рабочий скот и сельскохозяйственные орудия) или она была крайне неразвитой. Помещики имели возможность пользоваться не только даровым трудом крепостных крестьян, но и их рабочим скотом, инвентарем и т. д. Тем самым не был накоплен опыт ведения хозяйства на основе собственной производственно-технической базы и эксплуатации лишнего средств производства крестьянства.

Поэтому помещичье хозяйство было не в состоянии быстро перестроиться на буржуазный лад после отмены в 1861 г. крепостного права. Сама эта неготовность, а также нежелание лишиться дарового крепостного труда обусловили, с одной стороны, сохранение после реформы не только привилегированного дворянского землевладения, но и целого ряда других факторов, связывавших крестьянское хозяйство с помещичьим (отрезки земли у крестьян, высокие выкупные платежи, право замены угодий и переселения крестьянских усадеб, помещичья власть над деревней вплоть до сохранения телесных наказаний и т. п.), а с другой стороны, потребовали переходного периода, необходимого для создания в помещичьем хозяйстве условий для буржуазной организации этого хозяйства. В результате на два десятилетия с лишним растянулся процесс перехода крестьян на выкуп, без чего крестьянское хозяйство не могло утвердиться как самостоятельная и свободная форма сельскохозяйственного производства, и возникла отработочная система помещичьего хозяйства, во многом сохранявшая его крепостнические черты (крестьянин обрабатывал у помещика со своим рабочим скотом и инвентарем аренду земли и различные ссуды).

В итоге крестьянское хозяйство оказалось под мощным гнетом феодально-крепостнических пережитков, ограничивавших потенциальные возможности его развития. Обычно основное выражение этого гнета исследователи вслед за В. И. Лениным усматривают в отработках. Безусловно, отработки — сильнейшее проявление помещичьего гнета, наиболее очевидное по своей экономической неадекватности (компенсация трудовых затрат крестьян была здесь примерно вдвое ниже, чем при свободной продаже рабочей силы) и рутинности организации помещичьего хозяйства. Однако при незначительном его объеме и снижении гнет отработок не был столь тягостным для крестьян, как это представляется на первый взгляд. В самом деле, если бы в начале XX в. весь

объем производства в помещичьем хозяйстве базировался бы на отработках первого рода, то и тогда, при том что на долю помещиков приходилось не более десятой части сельскохозяйственного производства, отработки не были бы для крестьян невыносимыми. Кроме того, следует иметь в виду, что такая форма обработочной системы, как издольщина (при предоставлении помещиками не только земли, но и посевных материалов); была для крестьян, располагавших определенными избыточными сравнительно с имеющимся наделом трудовыми ресурсами и средствами производства, но не обладавшими денежными средствами для аренды земли, экономически выгодна. Она позволяла несколько расширить свое хозяйство без риска потерять денежный капитал в случае неурожая. Крестьянин терял здесь лишь свой труд<sup>13</sup>.

Вместе с тем отработки, несмотря на их сокращение, сохранились вплоть до 1917 г. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., учет соотношения площадей посевов и количества рабочего скота в помещичьем хозяйстве показывает, что помещики могли обработать своим рабочим скотом в Европейской России в целом только примерно две трети своих посевов<sup>14</sup>. Это свидетельствует о медленном развитии капитализма в помещичьем хозяйстве и широком распространении рутинных, полуфеодалных форм его организации в течение всей эпохи капитализма.

Однако значительно более мощным прессом, ограничивавшим развитие крестьянского хозяйства, были те платежи, которые несло крестьянство за выкуп наделных, покупку и аренду помещичьих земель. Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд. руб. выкупных платежей. С начала 60-х гг. XIX в. до 1910 г. они затратили 2 млрд. руб. на покупку частновладельческих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн. дес. земли. На это уходило ежегодно в конце XIX — начале XX в. примерно 150 млн. руб., а в период столыпинской аграрной реформы — не менее 250 млн. руб. Следовательно, крестьяне уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. В целом за период капитализма эта плата безусловно превысила 10 млрд. руб. Это был мощнейший пресс, ограничивавший развитие крестьянского хозяйства. Громадные ресурсы были изъяты из производственной сферы, ибо помещики, которым досталась подавляющая часть этих средств, тратили их чаще всего непроизводительно.

Здесь, правда, заслуживает специального изучения вопрос о том, в какой мере извлеченные у крестьян ресурсы в конечном счете оказались использованными для индустриального развития.

Однако помещики паразитировали не только на развитии крестьянского хозяйства. Они получали также огромные ссуды под залог земли в акционерных земельных банках и Дворянском государственном земельном банке. К началу 1915 г. этими банками было выдано 3545,1 млн. руб. ссуд<sup>15</sup>.

Наконец, привилегированное помещичье землевладение создавало общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру как для развития сельскохозяйственного производства, так и прогресса на основе буржуазных отношений народного хозяйства в целом. Тормозящая роль помещичьего землевладения и хозяйства приобрела наибольшую остроту в начале XX в. В это время развитие промышленного капитализма достигло высокого, монополистического уровня. На новый уровень вышло и развитие аграрного капитализма. В начале века происходило интенсивное формирование единого аграрного капиталистического рынка. Вслед за складыванием во второй половине XIX в. единого товарного рынка на основную сельскохозяйственную продукцию в начале XX в. в основном сложился единый рынок на средства производства и рабочую силу. Однако для завершения формирования единого капиталистического аграрного рынка необходим был единый рынок на основное средство сельскохозяйственного производства — землю. Но в силу ограниченности этого рынка (из свободного товарного оборота были исключены наделные земли, составлявшие в Европейской России, по земельной переписи 1905 г., 138,8 млн. дес. против 101,7 млн. дес.

частновладельческих земель<sup>16</sup>) и господства на нем привилегированного помещичьего землевладения в начале XX в. формирование его находилось лишь в самой начальной стадии<sup>17</sup>. От этого страдало прежде всего крестьянство, ибо отсутствие единого земельного рынка приводило к тому, что в России арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли. Помимо учета этой стоимости аренда включала в себя еще и экономически необоснованный налог землевладельца на арендатора, опирающийся на земельную монополию, привилегии помещичьего землевладения и нужду крестьян в земле. Этим и обуславливались огромные затраты крестьян на аренду земли.

С другой стороны, неразвитость земельного рынка, задерживая складывание единой средней нормы прибыли в сельском хозяйстве, исключала формирование единой средней нормы прибыли и в народном хозяйстве страны в целом. Тем самым ограничивался свободный перелив капиталов из одной сферы в другую, что является неперенным условием производственного прогресса на основе законов рынка (законы стоимости, средней нормы прибыли, свободы хозяйственной деятельности и конкуренции).

К сожалению, указанные аспекты тормозящего воздействия помещичьего землевладения и хозяйства на аграрный прогресс и крестьянское хозяйство, а также на народное хозяйство страны в целом еще не привлекли должного внимания исследователей<sup>18</sup>.

Итак, мощное давление на крестьянское хозяйство со стороны помещика было одним из главных факторов аграрного процесса. Но это давление не сломало внутренних потенций прогрессирующего развития крестьянского хозяйства, важнейшим показателем чего может служить фактор весьма значительного расширения в пореформенной России земледельческого производства вообще и сбора зерновых культур и картофеля в особенности. Если в 70-х гг. XIX в. среднегодовые валовые сборы зерновых составляли 243,4 млн. чтв. (четвертей), а картофеля — 40,8 млн. чтв., а в переводе на зерно (3 чтв. картофеля = 1 чтв. зерна) — 257 млн. чтв., то в 1909—1913 гг. они равнялись 395,5 млн. чтв. зерна и 168,2 млн. чтв. картофеля, или 451,6 млн. чтв. зерна<sup>19</sup>, т. е. прирост валового сбора составлял 75,7%. Он шел значительно быстрее, чем увеличение населения. Поэтому чистые сборы хлебов и картофеля выросли в это время с 2,68 до 3,53 чтв. на душу населения, т. е. на 31,7%. Это весьма значительный даже по современным условиям прогресс, и он был всецело достигнут крестьянским хозяйством. Разумеется, это никоим образом не означало, что произошло и пропорциональное этому прогрессу улучшение положения крестьян. Основные его плоды достались господствующим классам, и прежде всего помещикам. Ясно, что если бы крестьянское хозяйство было свободно от давления, то указанный прогресс был бы намного большим, а его плодами воспользовалось бы и крестьянство. Однако в существовавших условиях крестьянский тип аграрного капитализма не мог восторжествовать. Для этого было необходимо прежде всего устранить помещичье землевладение.

Что касается помещичьего хозяйства, то, несмотря на огромные ресурсы, которые оно извлекло из крестьянского хозяйства и мощную экономическую и социально-политическую поддержку самодержавного государства, оно не только не смогло увеличить свой вклад в развитие сельскохозяйственного производства, но и при сократившихся размерах не достигло в целом производственно-технического превосходства над хозяйством крестьянским.

В таблице 1 на основе данных земельной и сельскохозяйственной переписи показана обеспеченность помещичьего и крестьянского хозяйств орудиями и скотом в 1917 г. (в среднем по 34 губерниям Европейской России). Лучше крестьян помещики были обеспечены лишь усовершенствованными орудиями (сеялки, жатки, валики, молотильные машины). Наличие у помещиков некоторого количества машин, приводимых в движение паровыми установками и двигателями внутреннего сгорания, не оказывало существенного воздействия на производственно-техническую базу их хозяйства<sup>20</sup>. И только по применению

Таблица 1

**Уровень помещичьего и крестьянского хозяйства Европейской России  
в 1917 г.  
(на 100 дес. посева)**

	Помещики	Крестьяне
Рабочий скот	18,1	35,0
Продуктивный скот	6,6	55,8
Плуги	6,8	13,1
Усовершенствованные орудия	5,6	4,2
Наемные рабочие	14,4	1,1

наемного труда помещичье хозяйство значительно превосходило крестьянское. Основой первого был труд наемных рабочих, а второго — семейный труд. Общее положение было таково, что и в указанном аспекте помещичье хозяйство не могло определить исход борьбы двух путей буржуазной аграрной эволюции.

Таким образом, в пореформенную эпоху и помещичье, и крестьянское хозяйства развивались по пути капитализма, и к началу XX в. буржуазные отношения в обоих типах хозяйств играли ведущую роль. Однако уровень аграрного капитализма был низким и его развитие сочеталось с многочисленными полукрепостническими пережитками<sup>21</sup>. В крестьянском хозяйстве господствующее положение занимал мелкобуржуазный уклад, основой этого хозяйства служил семейный труд. Собственно капиталистическое, фермерское хозяйство, базой которого был наемный труд, играло незначительную роль.

Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX — начале XX в. По данным военно-конских переписей, в 1888—1891 гг. безлошадные и однолошадные дворы в губерниях Европейской России составляли 55,8% всех дворов, а дворы с четырьмя и более лошадьми — 10,7%. В 1912 г. это соотношение соответственно равнялось 63,8% и 6,4%. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, с другой — неустойчивое положение зажиточного крестьянства, приводившее в условиях растущего давления на деревню к его прямо-таки стремительному сокращению, что ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров. Все это порождало общее недовольство существующим положением.

В помещичьем хозяйстве господство буржуазных отношений сочеталось с сохранением привилегированного, феодального по своей природе землевладения, служившего основой для экономического и другого гнета крестьянства. Следствием этого было то, что в стране сформировался новый социальный слой, представители которого выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства, и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица одновременно были и капиталистами-аграриями, и помещиками-полукрепостниками.

Альтернативный характер становления в стране аграрного капитализма вызывал острейшую борьбу, охватывающую все классы и социальные слои и общественно-политические силы, а аграрно-крестьянский вопрос был основным вопросом общественной жизни в течение всей эпохи капитализма. И хотя объективно-исторические предпосылки для торжества «крестьянского» капитализма имели под собой несравненно более широкую основу, чем капитализма «помещичьего», исход борьбы двух путей определялся соотношением социальных сил. К началу XX в. неизбежность, если можно так выразиться, прямой «схватки» этих сил, стала очевидной. В революции 1905—1907 гг. решался вопрос о создании условий, необходимых для победы «крестьянского» типа капитализма в буржуазном аграрном развитии. Но революция потерпела

поражение, и такие условия не были созданы<sup>22</sup>. Естественно, помещики и самодержавное государство должны были предпринять усилия для укрепления своего господства и обеспечения главенства помещиков в аграрном строе страны и, в конечном счете, торжества консервативного типа буржуазной аграрной эволюции. Столыпинская аграрная реформа и должна была решить эту задачу.

\* \* \*

Официально столыпинская аграрная реформа была провозглашена именным высочайшим указом Сенату 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования», который был принят как закон 10 июня 1910 г. Основные идеи, положенные в основу реформы, а именно необходимость ликвидации общин и вовлечение наделных земель в свободный режимный оборот, высказывались задолго до П. А. Столыпина. Их, в частности, активно развивал еще до революции 1905—1907 гг. С. Ю. Витте.

Прежде чем рассматривать суть и ход реализации реформы, напомним об общей оценке реформы, данной современниками. Наиболее концентрированно и развернуто она прозвучала при обсуждении аграрного вопроса в III Государственной думе.

Сам Столыпин, выражая позицию правительства в своем выступлении в Думе (в ноябре 1907 г.), отстаивая реформу, говорил: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»<sup>23</sup>. В другой речи он подчеркивал, что, проводя реформу, правительство «ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»<sup>24</sup>.

Лидер крайне правых Н. Е. Марков-второй приветствовал «появление нового класса крестьян — мелких собственников или крестьян — помещиков... ибо они дадут больше пищи народу, а следовательно, от их появления народу будет лучше». Те, кто требует отчуждения частной земли, «стоят за голод и нищету народа»<sup>25</sup>. Помещик-октябрист А. Д. Голицын оценивал общину как стоячее болото, которое дает «послушный материал для всякого рода массовых выступлений». Путь к прогрессу деревни, по его мнению, — «свободная от гнета общины личность, просвещение, культура и ограждаемый законом упорный частный труд»<sup>26</sup>. Кадет А. Е. Березовский указывал, что «теперь истинный план и расчеты правительства не скрываются и им самим; оно откровенно говорит, что эта мера (аграрная реформа. — *И. К.*) необходима для того, чтобы приступить к насаждению крепкого крестьянского хозяйства»<sup>27</sup>. Фракция трудовиков в III Думе полагала, что указ от 9 ноября 1906 г. «преследует политическую цель расслоения деревни на зажиточное меньшинство, которое должно явиться прочной опорой правительства и земледельческого класса, и экономически зависимую и политически совершенно бесправную массу». «Он выгоден главным образом помещикам и фабрикантам, так как значительно увеличивает предложение труда и понижает и без того крайне низкую заработную плату»<sup>28</sup>. «Правительство поняло, — подчеркивал В. И. Ленин, — что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев»<sup>29</sup>. Социально-экономическую и общественно-политическую направленность реформы можно резюмировать словами немецкого свидетеля профессора Аугагена: «В широкие крестьянские массы, — писал он, — вгоняется клин путем создания слоя крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создают в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»<sup>30</sup>.

Таким образом, основная цель реформы состояла в расширении путем раскола относительного единства и общности интересов крестьянского мира условий для торжества аграрного капитализма в его консервативно-помещичьем, «прусском» варианте и укрепления социальной опоры самодержавного строя.

Главным путем достижения указанной цели были ликвидация крестьянской общины с присущей ей системой землевладения и землепользования и создание широкого слоя личных крестьян-собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство и расширяющих его прежде всего за счет покупки бывших общинных наделных, а не только частновладельческих (прежде всего дворянских) земель, как было до реформы. Указанную суть реформы следует иметь в виду нашим современникам, усматривающим в ней чуть ли не образец для решения современных аграрных проблем.

Посмотрим, в какой мере правительству удалось практически реализовать намеченные реформой меры.

Прежде всего об общине. По данным земельной переписи 1905 г., в 50 губерниях Европейской России<sup>31</sup> насчитывалось 12,3 млн. дворов, владевших 138,8 млн. дес. наделной земли. На общинном праве владели землей 9,2 млн. дворов (76,7% всех дворов), которым принадлежало 100,7 млн. дес. (80,4% наделной земли). Вместе с казачеством на общинном праве находилось 77,2% дворов и 83,4% наделных земель.

По сведениям губернаторов, которые далеко не были заинтересованы в преуменьшении успехов в проведении реформы и располагали наиболее обширными данными о положении дел в губерниях, к 1 января 1916 г. выделены из общины и укрепили землю в личную собственность 2,5 млн. дворохозяев (27% всех общинных дворов), имевших 15,9 млн. дес. (14% всех общинных земель)<sup>32</sup>. Наиболее активным выход из общины был в 1908—1910 гг. (вышло более половины всех выделившихся дворов), а с 1911 г. выход из общины резко сократился.

Очевидно, что курс на ликвидацию общины потерпел провал, что подрывало возможность достижения основной цели реформы. И дело здесь не только в том, что выделено из общины лишь немногим более пятой части дворов. Важно и то, что, во-первых, из общего числа выразивших желание выйти из общины лишь немногим более четверти дворов (26,6%) получили от сельского общества согласие на выход. Большая же часть выделившихся (72,3%) получила разрешение на выход от местных властей, т. е. утверждение личного землевладения совершалось под административным нажимом на деревню<sup>33</sup>. Во-вторых, из общины вышли отнюдь не только наиболее состоятельные крестьяне, стремившиеся вести предпринимательское хозяйство. Это прежде всего видно из того, что на 27% дворов, вышедших из общины, приходилось всего 14% общинных наделных земель.

Конкретные цели выхода из общины рассматриваются в обследованиях и опросах, проводившихся различными организациями и обществами. Так, в ответах корреспондентов Вольного экономического общества выделяются три причины выхода из общины: 1) боязнь потерять при переделе имевшиеся излишки земель; 2) стремление продать землю; 3) желание вести самостоятельное хозяйство<sup>34</sup>. По сведениям, собранным Московским обществом сельского хозяйства, в 1909 г. укрепили землю в собственность для ее продажи 52,5% опрошенных, из опасения потерять излишки земли при переделе — 27,3% и для улучшения хозяйства лишь 18,7%<sup>35</sup>. Аналогичное положение было и в других районах<sup>36</sup>.

Таким образом, из общины уходили прежде всего представители полярных слоев деревни — полностью или в значительной мере пролетаризированные ее слои, стремившиеся продать надел, и наиболее состоятельные крестьяне, ведущие предпринимательское хозяйство. Этим было обусловлено то, что самая высокая доля дворов, вышедших из общины, была в районах с наибольшим

развитием капитализма в крестьянском хозяйстве. Это губернии — Таврическая (63,6%), Екатеринославская (54,1%), Самарская (49,4%), Киевская (48,6%), Курская (43,8%). Наименьшее число дворов вышло из общины в Пермской (4%), Вятской (4,9%), Астраханской (5,3%), Вологодской (6,5%) губерниях, т. е. на окраинах Европейской России, где помещичье землевладение и хозяйство играли незначительную роль, а обеспеченность крестьян наделной землей была самой высокой сравнительно с другими районами. Обращает на себя внимание и тот факт, что доля вышедших из общины в нечерноземной полосе (13,8%) была вдвое ниже, чем в черноземной (27,7%). Исключением была Московская губерния (31,2%)<sup>37</sup>.

Столь существенные различия в выходе из общины свидетельствуют о том, что этот процесс был тесно связан со спецификой социально-экономического развития различных регионов. Поэтому необходим специальный анализ зависимости выхода из общины от соотношения помещичьего и крестьянского землевладения и хозяйства, развития капитализма в городе и деревне и других факторов. Нуждаются в более глубоком изучении и причины того, почему община выдержала мощный натиск на нее. Поэтому следует не только раскрыть негативное воздействие общины на аграрное развитие, что прежде всего и делается в историографии, но и конкретно показать общину «как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз»<sup>38</sup>, в котором остро нуждалось крестьянство, в том числе и зажиточное.

Выход из общины не только превращал наделы в личные владения крестьян, но и предусматривал право сведения их воедино в виде отрубов или хуторов, что значительно расширяло свободу хозяйственной деятельности, без которой не мог сложиться слой крестьян-предпринимателей, на насаждение которого и была направлена реформа.

В 1907—1915 гг. на наделных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3% от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12 232 тыс. дес. земли (8,8% всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн. дес. земли<sup>39</sup>, что составляет 11% от общей площади наделных земель. Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны.

Важным является и то обстоятельство, что почти половина участкового землевладения (7 млн. дес. из 15,4 млн. дес.) было сконцентрировано всего в семи южных и юго-восточных губерниях (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Саратовская, Самарская, Ставропольская губернии)<sup>40</sup>, на которые приходилось менее 10% всех наделных земель. По отношению к ним участковое землевладение составляло здесь примерно треть. Именно здесь, в районах Степного юга и юго-востока Европейской России, личное участковое землевладение и землепользование могло в наибольшей мере воздействовать на ход буржуазной аграрной эволюции.

Расширить и укрепить слой личных собственников-крестьян правительство рассчитывало, во-первых, путем скупки ими наделной земли, поступившей в свободный товарооборот, и, во-вторых, путем содействия покупке крестьянами частновладельческих земель через Крестьянский поземельный банк. Итоги здесь были такими.

Всего в 1908—1915 гг. наделную землю полностью или частично продали 1,1 млн. дворов (9% всех крестьянских дворов). Ими было продано 4 млн. дес. земли (2,8% всех наделных земель). При этом 87% проданных земель находилось в общинном, а 13% — в подворном владении<sup>41</sup>. Очевидно, что указанный размах продажи наделных земель лишь в малой степени влиял на развитие земельного рынка, замедленность формирования которого, как указывалось, тормозила развитие капитализма в стране. Продавали землю в основном бед-

нейшие слои деревни<sup>42</sup>. Это была, если можно так выразиться, продажа «из нужды». Поэтому, как правило, продавался весь надел. Продавали наделную землю и зажиточные крестьяне, но это было связано с более рациональной организацией хозяйства (например, переселение на купленные частновладельческие земли). Покупали наделные земли прежде всего крестьяне самостоятельные.

Значительно большую роль в расширении участкового крестьянского землевладения в годы столыпинской реформы сравнительно с наделными землями имели покупки частновладельческих земель. Содействие этим покупкам оказывал Крестьянский поземельный банк, учрежденный в 1882 г. Банк продавал крестьянам или принадлежавшие ему земли, купленные у частных землевладельцев, или оказывал путем выдачи ссуд содействие в приобретении ими этих земель у самих владельцев. В годы столыпинской реформы деятельность банка значительно активизировалась. Если до 1906 г. крестьянами было приобретено через банк 8,3 млн. дес., то в 1906—1916 гг.— 9,6 млн. дес. При этом наиболее активной деятельностью банка была в 1908—1911 гг., когда площадь приобретенной через банк земли составляла 5,2 млн. дес. Далее идет существенное сокращение этих покупок. Три четверти проданной через банк земли принадлежало дворянам. Среди покупателей росла доля зажиточных крестьян, которым, несомненно, принадлежала большая часть купленных земель<sup>43</sup>.

В целом рынок приобретаемых крестьянами через банк земель был более широким, чем рынок земель наделных. Однако и покупка земли через Крестьянский банк также не дала существенных сдвигов ни в насаждении предпринимательских крестьянских хозяйств, ни в развитии земельного рынка. Общие покупки крестьянами наделных и частновладельческих земель за время столыпинской реформы составляли лишь 10% по отношению к наделным землям (4 млн. дес. наделных и 9,6 млн. дес. частновладельческих земель при 139 млн. дес. наделных земель). При этом, как указывалось, с 1912 г. начинается падение объема приобретаемой крестьянами земли. Так, если в 1910—1911 гг. было приобретено (наделных и частновладельческих) 4 млн. дес., то в 1913—1914 гг. — лишь 2,9 млн. дес.

Одной из важнейших причин низкого уровня товарного оборота земли была социальная узость, помещичья направленность земельной политики самодержавия. Крестьянский банк покупал помещичьи земли по явно завышенным ценам, которые к тому же росли. Так, средняя цена десятины земли, купленной крестьянами через банк до 1906 г., была 81 руб., а в 1906—1916 гг.— 133 руб.<sup>44</sup> В итоге росли платежи по ссудам банка, а вместе с ними и задолженность. Характерно, что до 1911 г. задолженность сокращалась (в 1910 г. она составляла 21,3% к годовому окладу), а с 1911 г. начинает быстро расти (в 1914 г. она равнялась 51,6% оклада)<sup>45</sup>.

Таким образом, с одной стороны, самодержавие стремилось насадить в деревне слой самостоятельных крестьян-предпринимателей, а с другой, выдвигая на первый план интересы помещиков, оно мало содействовало этому процессу. Ставка делалась на то, что распад общины приведет к концентрации состоятельными крестьянами в своих руках материальных, и прежде всего земельных, ресурсов деревни.

Этой же цели, а также разрядке социального напряжения в деревне, служила и политика переселения крестьян за пределы Европейской России. Итоги этого процесса хорошо известны. Напомним лишь, что в 1880—1895 гг. в восточные районы страны переселилось 461,7 тыс. человек, в 1896—1905 гг.— 1075,9 тыс., а в 1906—1911 гг.— 3078,9 тыс. Около пятой части (18,6%) переселившихся в 1896—1916 гг. вернулись обратно. При этом и переселенческое движение достигло своего максимума в 1907—1909 гг., после чего начался его спад<sup>46</sup>.

При всех трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, они несомненно внесли, как показано в обширной литературе, существенный вклад в хо-

зыйственное освоение новых регионов. Однако переселения не ослабили ни земельной нужды крестьянства, ни социальной напряженности в деревне. Не привели они и к заметному росту могущества состоятельных слоев деревни, хотя прежде всего им достались земли переселенцев.

Таковы основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы. Со всей очевидностью эти итоги свидетельствуют о том, что столыпинская аграрная реформа провалилась еще до первой мировой войны. Поэтому безусловно-вальные всякие утверждения о том, что для успеха реформы, а следовательно, и для торжества в России порядков, установившихся в Западной Европе, не хватило мирного времени. При этом, как уже указывалось, игнорируется и то обстоятельство, что буржуазное аграрное развитие шло и по альтернативному, буржуазно-демократическому пути.

\* \* \*

Посмотрим теперь, каково было воздействие столыпинской реформы на общий ход аграрного развития. Судить об этом по целому ряду важных аспектов этого развития позволяют имеющиеся статистические данные как хорошо известные (урожайная статистика, военно-конские переписи), так и еще не введенные в широкий научный оборот. Особую ценность среди последних имеют сведения о землевладении и землепользовании, размерах посевов и количестве рабочего и другого скота в крестьянских и частновладельческих (помещичьих) хозяйствах в 1906—1907 гг. и 1912—1913 гг., т. е. непосредственно в период реформы, собранные Центральным статистическим комитетом и хранящиеся в ЦГИА. Эти сведения дают реальную, а не искаженную в официальных публикациях картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства<sup>47</sup>. Правда, они охватывают лишь 19 губерний на первый момент (11 губерний за 1906 г. и 8 — за 1907 г.) и 12 губерний на второй (6 губерний за 1912 г. и 6 — за 1913 г.). Итоги обработки этих данных по ряду показателей приведены в таблице 2.

Прежде всего интересно посмотреть, как изменилось в годы реформы соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства. Доля помещиков в крестьянском и частновладельческом землевладении во всех районах сократилась. Сократилась (кроме Нечерноземного района) и доля помещичьих посевов. Характерно, что в двух черноземных районах, на которые приходилась подавляющая часть посевов всех 17 рассматриваемых губерний, сокращение доли помещичьих посевов в Южном районе было намного ниже, чем в Среднечерноземном. Но в целом падение роли помещичьего хозяйства в рассматриваемый период происходило интенсивней, чем в период от реформы 1861 г. и до реформы Столыпина<sup>48</sup>. Это — следствие широкой распродажи земель помещиками под воздействием революции. Столыпинская реформа не внесла здесь существенных изменений. Крестьянский поземельный банк лишь более активно, чем прежде, содействовал выгодной продаже земли помещикам.

Существенным является тот момент, что в Западном и Южном районах возросла доля рабочего скота, принадлежавшего помещикам. Следствием этого было то, что здесь значительно увеличилась доля помещичьих посевов, которые могли быть обработаны собственным рабочим скотом (на западе — с 71,1 до 90%, а на юге — с 68,1 до 82,4%)<sup>49</sup>. Это — несомненное свидетельство ускорения процесса утверждения буржуазных отношений в помещичьем хозяйстве. Вместе с тем в Среднечерноземной полосе, где была сосредоточена большая часть помещичьих посевов рассматриваемых губерний, эта доля изменилась несущественно (с 53,2 до 55,9%) и была лишь немногим более половины. Это значит, что здесь были широко распространены отработки. Среднечерноземная полоса, как и до реформы, осталась бастионом полукрепостнических пережитков.

В целом столыпинская реформа не внесла каких-либо существенных изменений в развитие помещичьего хозяйства. Да она и не ставила такой задачи.

## Крестьянское и помещичье хозяйства в 1906—1913 гг.\*

Показатели	Районы					
	Северный (1 губ.)	Нечерно- земный (4 губ.)	Западный (3 губ.)	Среднечер- ноземный (7 губ.)	Южный	
					2 губ.	4 губ.
Дворов	199,4	529,5	378,4	2 162,4	462,4	—
	238,5	706,9	460,8	2 462,8	506,4	1 081,9
Всего крестьянских и частновладельческих зе- мель, тыс. дес.	1 879,8	8 723,6	6 965,6	25 903,5	9 193,7	—
Частновладельческих земель, %	1 912,2	8 782,9	7 052,5	25 165,0	9 354,4	21 943,9
	6,2	11,1	32,2	23,4	27,9	—
	3,4	8,6	28,1	19,8	26,1	24,9
Крестьянской земли, %:						
надельной	96,8	95,0	97,3	88,1	69,5	—
	91,8	95,2	91,5	84,9	74,9	72,0
купчей	1,8	3,2	2,4	5,5	11,6	—
	4,2	3,7	8,0	10,1	8,9	10,9
арендованной	1,4	1,8	0,3	6,4	18,8	—
	4,0	1,1	0,5	5,0	16,2	17,1
Всего землепользования крестьян, дес. на двор		14,6	12,5	9,5	12,9	—
		11,4	11,1	8,6	12,8	15,2
Всего крестьянских и частновладельческих (тыс. дес.)	596,4	2 794,5	2 692,7	13 013,4	5 436,8	—
Частновладельческих посевов, %	671,2	3 137,3	2 829,2	14 417,9	5 905,4	14 673,7
	4,0	7,7	31,3	21,7	22,5	—
	3,0	7,8	27,3	17,2	20,0	19,0
Частновладельческих посевов, обрабатываемых своим рабочим скотом, %	100,0	91,7	71,0	53,2	68,1	—
	100,0	97,7	90,0	55,9	82,4	76,0
Всего крестьянского и частновладельческого рабочего скота (тыс. гол.)	117,2	1 161,3	691,0	3 237,5	929,2	—
Частновладельческого рабочего скота, %	125,4	1 061,0	762,2	3 457,8	956,6	2 581,4
	2,3	7,1	22,2	11,6	15,2	—
	1,3	4,5	24,6	9,7	16,4	14,8
У крестьян на двор:						
посевов (дес.)	2,9	4,9	4,9	4,7	9,1	—
	2,7	4,1	4,5	4,9	9,3	11,1
голов рабочего скота	1,2	2,0	1,4	1,3	1,7	—
	1,2	1,4	1,2	1,3	1,6	2,0

\* Таблица составлена по данным ЦСК. ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 5, д. 119—120, 130—132. В первой строке сведения за 1906/07 г., во второй — за 1912/13 г. **Северный район** — Вологодская губ.; **Нечерноземный** — Костромская, Новгородская, Псковская, Петербургская; **Западный** — Виленская, Грозненская, Ковенская; **Среднечерноземный** — Орловская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Харьковская, Полтавская, Черниговская; **Южный** — за оба периода — Таврическая, Саратовская, а за второй — еще Екатеринославская, Донская губернии.

## Динамика сбора хлебов и картофеля в Европейской России \*

Валовой сбор за год	Годы				
	70-е	80-е	90-е	1900—1905	1909—1913
Зерновые, млн. чтв.	243,4	284,2	335,5	381,2	395,5
Картофель, млн. чтв.	40,8	49,8	96,4	118,8	168,2
Всего **	257,0	300,8	367,6	420,8	451,6
В % к предыдущему периоду		117,0	122,2	114,5	107,3
Среднегодовой прирост в %		1,70	2,22	2,41	1,46

\* Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века (данные за 70—90-е гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й (данные по началу XX в.). Подсчет автора.

\*\* С пересчетом картофеля на зерно.

Цель состояла в обратном — в сохранении в неприкосновенности буржуазно-консервативного, сопряженного с крепостническими пережитками характера развития помещичьего хозяйства.

Конкретные изменения в крестьянском землепользовании и хозяйстве состояли в следующем. Везде в землепользовании (кроме западных губерний) сократилась доля арендованных и возросла (кроме южных губерний) доля покупных земель. Покупные и арендуемые земли составляли существенную часть землепользования в Южном районе, но за время реформы она не возросла, а сократилась (с 30,4 до 25,1%). В другом земледельческом районе (Среднечерноземном) товарная часть землепользования возросла в 11,9 до 15,2%. В общем изменения в структуре крестьянского землепользования не были существенными. Так, среднегодовой прирост покупных земель крестьян в 19 губерниях составил в 1877—1905 гг. 6,9%, а в 1906—1913 гг. — 7,4%, т. е. реформа, несмотря на то, что теперь крестьяне покупали в собственность и надельные земли, не дала ожидаемых результатов<sup>50</sup>. В целом крестьянское землепользование осталось низкотоварным, надельно-натуральным.

В состоянии крестьянского хозяйства каких-либо серьезных сдвигов также не произошло. Относительные размеры общего землепользования крестьян (всех земель на двор), за исключением Южного района (где они остались прежними), несколько сократились. Но размеры посевов и количество рабочего скота на двор, кроме Нечерноземного района, остались неизменными. Наиболее высоким в указанном отношении уровень крестьянского хозяйства был в Южном районе.

Конечные результаты воздействия столыпинской реформы на развитие сельскохозяйственного производства отражаются в его состоянии. Посмотрим, каким было состояние основной отрасли этого производства — земледелия. Выше уже говорилось о его существенном прогрессе в конце XIX — начале XX в. Что же дала для этого прогресса столыпинская аграрная реформа?

Обобщенным показателем успехов в развитии сельскохозяйственного производства являются данные об объеме производимой продукции (см. табл. 3).

Валовые сборы земледельческой продукции в 1909—1913 гг., т. е. в разгар столыпинской реформы, возросли сравнительно с началом века незначительно (всего на 7,3%). Среднегодовой же прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46% против 2,41%). Поэтому утверждения о росте сбора хлебов в период реформы в два раза<sup>51</sup> являются чистейшим вымыслом. Даже по сравнению с 70-ми гг. XIX в. этот прирост (по зерновым и картофелю) составил всего 75,7%. Реформа не привела к сдвигу в развитии земледелия. Пик этих сдвигов был пройден до революции 1905—1907 гг.

Столь же беспочвенны и утверждения о процветании сельскохозяйственного производства в период столыпинщины на том основании, что Россия экспортировала много хлеба. Да, действительно вывоз был большим. Так, в 1909—

## Соотношение в Европейской России различных слоев крестьянства \*

Показатели	Губернии				47 губерний
	нечерноземные (23 губ.)	среднечерноземные (15 губ.)	степные (6 губ.)	прибалтийские (3 губ.)	
<b>1888—1891 гг.</b>					
Всего дворов, тыс.	4 376,3	4 163,8	1 084,1	207,7	9 831,9
в %:					
безлошадных	20,6	34,9	28,9	11,0	27,2
с 1 лошастью	36,6	23,0	16,4	33,8	28,6
с 2 »	23,4	21,8	23,7	22,8	22,7
с 3 »	11,4	10,2	10,0	16,1	10,8
с 4 и более »	8,4	10,1	21,0	16,3	10,7
<b>1899—1900 гг.</b>					
Всего дворов, тыс.	4 957,6	4 685,5	1 216,2	261,1	11 119,4
в %:					
безлошадных	23,9	36,6	25,2	17,9	29,3
с 1 лошастью	38,6	25,0	16,0	32,3	30,3
с 2 »	21,4	22,3	24,0	20,4	22,0
с 3 »	9,2	8,8	11,6	14,1	9,4
с 4 и более »	6,9	7,3	23,2	15,3	9,0
<b>1912 г.</b>					
Всего дворов, тыс.	5 905,3	5 507,2	1 482,0	231,4	13 125,9
в %:					
безлошадных	25,8	39,5	27,4	22,2	31,6
с 1 лошастью	41,9	25,9	16,1	33,8	32,2
с 2 »	21,0	22,4	26,2	22,6	22,2
с 3 »	6,9	7,4	10,6	11,5	7,6
с 4 и более »	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4

\* Подсчет по: Военно-конская перепись. 1888 г. СПб., 1881; ... 1891 г. СПб, 1894; ... 1899—1900 гг. СПб., 1902; ... 1912 г. СПб., 1913. Исключены из-за неполных данных Архангельская и Астраханская губернии и Область Войска Донского.

1913 гг. вывозилось в год 724,4 тыс. пуд. (или примерно 90 млн. четвертей)<sup>52</sup>, что составляло более пятой части сбора зерновых культур в это время (см. табл. 3). Но громадный вывоз был обусловлен не наличием излишков хлеба сравнительно с внутренней потребностью. Выше указывалось, что в это время производилось в расчете на душу населения примерно 3 четверти чистого сбора зерна. Если учесть, что это количество считалось еще в XIX в. минимальной нормой, необходимой для удовлетворения продовольственных и хозяйственных нужд, то даже при значительных сборах картофеля действительные излишки хлеба в стране были невелики.

Огромный вывоз, достигший в период реформы максимальных объемов, безусловно понижал потребление хлеба подавляющей частью крестьян, т. е. ухудшал их положение. Интенсивный экспорт хлеба был обусловлен тем, что его вывоз был основным источником поступления валюты. В те же 1909—1913 гг. экспорт хлеба давал ежегодно более 650 млн. руб. За 14 предвоенных лет экспорт дал 7,3 млрд. руб.<sup>53</sup> И хотя продавался хлеб, произведенный прежде всего крестьянством, маловероятно, что значительная часть этой огромной суммы валютных поступлений досталась крестьянству.

Наконец, о результатах главной цели реформы, а именно о радикальном изменении социальной структуры деревни путем насаждения мощного слоя состоятельных индивидуальных собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство.

Обобщенным показателем здесь могут быть сведения об изменении соотношения в деревне различных слоев крестьянства. В таблице 4 указано соотношение этих слоев по данным об обеспеченности лошадьми.

В самом общем плане процесс характеризовался следующими чертами. В нечерноземных и среднечерноземных районах в течение всего периода происходило сокращение доли состоятельных (с 4 и более лошадьми) дворов и возрастание доли беднейших (безлошадных и однолошадных) дворов. При этом в начале XX в. оно шло интенсивней, чем в конце XIX в. Таким же было направление процесса и в Прибалтике. Здесь особенно существенно сократился слой многолошадных дворов в начале XX в. Наименьшими изменения в соотношении групп были в Южном и Юго-Восточном районах. Его отличием было то, что здесь сравнительно с другими районами слой беднейших крестьян был наименьшим, а зажиточных — наибольшим. Значительным слой состоятельных крестьян был и в Прибалтике.

В целом процесс социального расслоения деревни характеризовался преимущественным выделением в деревне нечерноземной и среднечерноземной полосы пролетарских и полупролетарских слоев, а в Прибалтийском и особенно Южном — обуржуазившихся слоев деревни. При этом не обнаруживается расширения слоя зажиточного крестьянства под воздействием столыпинской реформы.

Однако соотношение дворов различной хозяйственной состоятельности не отражает их веса в экономике деревни. Применительно к земледельческому производству достаточно точное представление об этом весе дает распределение хозяйств по наличию рабочего скота. Имеющиеся данные показывают, что доля зажиточных слоев в земледельческом производстве примерно равнялась доле принадлежащих им лошадей<sup>54</sup>. В целом по Европейской России последняя сократилась с 38,1% в 1888—1891 гг. до 32,2% в 1899—1900 гг. и до 26% в 1912 г. Доля зажиточных крестьян в земледельческом производстве упала примерно с двух пятых до трети в конце XIX в. и до одной четвертой в начале XX в. Земледелие все в большей мере основывалось на середняцко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. еще более усилила ее.

Сокращение доли рабочего скота у зажиточных крестьян было наиболее интенсивным в Нечерноземном районе. В названные выше периоды эта доля составляла соответственно 33,8, 24 и 17,2%. Очень существенно она сократилась и в Среднечерноземной полосе: 34,5, 27,4 и 21,1%. В Прибалтике падение этого показателя началось лишь в начале XX в.: 37,7, 39,4 и 29,9%. И наиболее устойчивой роль состоятельного крестьянства в экономике деревни была в Степном районе: 60, 59,9, 55,1% раб. скота. Кроме того, это был единственный район, где на долю зажиточного слоя деревни в течение всего рассматриваемого периода приходилось более половины земледельческого производства. Определенную роль в этом сыграла и столыпинская реформа. Вызванное ею расширение предпринимательской деятельности крестьян почти предотвратило сокращение здесь удельного веса состоятельного крестьянства в экономике деревни.

Производственно-технический уровень хозяйства зажиточных крестьян в начале XX в. несколько повысился. Они имели в среднем по Европейской России на двор лошадей: в 1888 г. — 6,1, в 1900 г. — 5,2, в 1912 г. — 5,5. Но в целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замышлялось, но их роль даже заметно уменьшилась. Значит, еще до первой мировой войны и в своем главном аспекте реформа не достигла цели. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что для торжества замыслов реформаторов не хватило мирного времени, и в этом плане являются необоснованными. Ход проведения реформы в жизнь полностью подтверждает сделанное выше на основе анализа общих условий и тенденций аграрного развития заключение о невозможности победы в России буржуазно-консервативного, помещичьего типа аграрного капитализма не только в форме непосредственного господства помещичьего хозяйства, но и в форме союза помещиков и состоятельных индивидуальных земельных собственников-крестьян. Достаточно обширный слой зажиточных

Таблица 5

## Имитационная модель соотношения типов крестьянских хозяйств в Европейской России (в %)

Показатели	Губернии				Европейская Россия
	нечерно- земные	средне- черноземные	степ- ные	прибал- тийские	
Фактическая доля дворов в					
1912 г.*:					
беднейшие	67,6	65,4	43,5	56,0	63,8
средние	27,9	29,8	36,8	34,1	29,8
зажиточные	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4
Расчетная доля дворов (в %)					
в 1912 г. по данным за 1900 г.:					
беднейшие	65,6	63,1	38,6	48,8	59,6
средние	28,2	30,3	37,0	37,3	31,8
зажиточные	6,2	6,3	24,4	13,9	8,6
Расчетная доля дворов в начале					
1920-х г. по данным за 1912 г.:					
беднейшие	67,2	66,3	42,7	55,9	66,4
средние	29,1	29,4	37,6	37,3	28,1
зажиточные	3,7	4,3	19,7	6,8	5,5

\* Доля дворов за 1888, 1900, 1912 гг. указана в табл. 4. К беднейшим отнесены безлошадные и однолошадные дворы, к средним — с 2 и 3 лошадьми, к зажиточным — с 4 и более.

крестьян предполагалось создать в результате ликвидации общин и передачи им наделных земель в личную собственность. Но нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне сделали невозможным утверждение и этого варианта помещичьего капитализма.

Такое положение подтверждается еще одним аспектом анализа. Речь идет об имитации возможных изменений в социальной структуре деревни путем построения альтернативно-имитационной модели процесса<sup>55</sup>. Суть этого моделирования состоит в выявлении хода развития при условиях, отличных от реально существовавших, но исторически допустимых. Подобные модели важны не тем, как нередко полагают, что они, рисуя иной ход процесса, могут быть основой для суждений о благоприятном или неблагоприятном ходе реального развития, а тем, что они позволяют более глубоко понять, почему реальный процесс был таким, а не иным.

Применительно к столыпинской реформе теоретически допустимы два варианта хода аграрного развития. Посмотрим, какова могла бы быть при этом социальная структура деревни.

В данном случае при моделировании был использован метод так называемых «марковских цепей». Суть его состоит в том, что по имеющимся данным о соотношении различных групп объектов, относящимся к двум или более временным моментам, рассчитывается возможное соотношение этих групп на следующем временном рубеже<sup>56</sup>. В таблице 5 приведены результаты соответствующих вычислений.

В плане подтверждения бесперспективности в результате столыпинской реформы утверждения в России буржуазно-консервативного варианта аграрного развития результаты имитационного моделирования превосходят всякие ожидания.

Начнем с прогноза о возможном соотношении разных групп дворов в 1912 г. при допущении того, что аграрное развитие в 1900—1912 гг. протекало бы при таких же условиях, которые существовали в конце XIX в. и зафиксированы в данных о соотношении дворов в 1888 и 1900 гг. Прогноз показывает, что в этом случае в 1912 г. повсеместно, во всех регионах и Европейской России в целом доля беднейших дворов была бы заметно меньше, а зажиточных значительно больше, чем было в действительности.

Это значит, что давление на деревню (а суть столыпинской реформы сводилась именно к этому) давало лишь негативные результаты в изменении социальной структуры деревни. Говоря шире, полученные результаты свидетельствуют о том, что именно свободное развитие крестьянского хозяйства, т. е. буржуазно-демократический путь аграрной эволюции, могло привести к наиболее благоприятным экономическим и социальным результатам.

Второй прогноз направлен на выявление того, какой могла бы быть социальная структура деревни в начале 20-х гг. сравнительно с 1912 г., если бы в это время в аграрном развитии сохранились условия 1900—1912 гг., т. е. если бы для реализации столыпинской реформы было больше мирного времени. Прогноз показывает, что и в подобной контрфактической ситуации, идеальной с позиций реформаторов и отстаивающих их устремления некоторых современных ученых, не удалось бы добиться достижения социальных целей, преследуемых реформой, а именно утверждения господства в деревне состоятельного слоя крестьян. Повсеместно расчетная доля зажиточных дворов оказалась значительно меньшей, чем эта доля была в 1912 г. Процесс осереднячивания и обеднения деревни мог еще более усилиться по сравнению с 1900—1912 гг.

В целом рассматриваемый прогноз показывает несостоятельность суждений тех, кто полагает, что столыпинская реформа при иных условиях ее проведения могла бы обеспечить аграрный прогресс и тем самым предотвратить Октябрьскую революцию.

Таковы реальные итоги аграрного развития в период столыпинской реформы и его возможные результаты при иных вариантах этого развития.

\* \* \*

Таким образом, проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до первой мировой войны. А это значит, что ходом исторического развития была снята возможность победы «прусского», буржуазно-консервативного варианта аграрного капитализма. Оставалась вроде бы лишь возможность победы «американского», крестьянского типа аграрного капитализма. Однако и здесь ход исторического развития привел к ситуации, когда уже в силу социально-политических причин победа и этого типа становилась невозможной.

Для торжества крестьянского пути буржуазной аграрной эволюции необходимо было устранение крепостнических пережитков, и прежде всего ликвидации помещичьего землевладения. Но ликвидировать в начале XX в. полуфеодалное помещичье землевладение, преимущественно дворянское по своей сословной принадлежности (примерно 70% частновладельческих земель принадлежало дворянам), было невозможно, не покушаясь на буржуазную собственность вообще. Как указывалось, сами помещики были одновременно и полукрепостниками, и буржуазными предпринимателями. Это последнее проявлялось не только в том, что развитие помещичьего хозяйства подчинялось законам капиталистического производства, но и в том, что многие дворяне занимались предпринимательской деятельностью в области промышленности и банковском деле<sup>57</sup>. С другой стороны, значительная часть ссуд, полученных помещиками под залог земли, была выдана акционерными, буржуазными по своей природе, земельными банками. А примерно треть частновладельческих земель принадлежала не дворянам, а купцам, мещанам и крестьянам. Короче говоря, полуфеодалная и буржуазная собственность все более тесно переплетались. Поэтому нельзя было, покушаясь на первую, не затрагивать вторую.

В итоге решение буржуазных по своей сути задач, а именно ликвидации помещичьего землевладения и связанных с ним других феодальных пережитков, становилась невозможным в условиях буржуазного строя. Эти задачи могли быть решены не буржуазной, а социалистической революцией, передающей власть в руки трудящихся, а основные средства производства, включая землю,— в общественную, народную собственность.

Уже в начале XX в. это было очевидно и самим помещикам. Так, в основных положениях по аграрному вопросу, принятых Первым съездом уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: «Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т. д., т. е. к социалистическому строю»<sup>58</sup>. В данном случае представителям дворянства нельзя отказать в исторической проницательности.

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала особенно очевидной в годы первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что Февральская революция 1917 г. не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказалась страна, было невозможно, «не покидая почвы буржуазных отношений»<sup>59</sup>. Так ход исторического развития страны привел к необходимости социалистической революции, которая, проведя национализацию земли, т. е. решая буржуазно-демократическую задачу, вместе с тем открывала путь для движения к социализму.

Тем самым противоречие между настоящей необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка в деревне, и невозможностью решения этой задачи в буржуазных условиях было одной из важнейших исторических предпосылок социалистической революции в России.

Особенности аграрной эволюции обусловили и ряд других черт в историческом развитии страны. Одна из них состояла в том, что невозможность ликвидации помещичьего землевладения без покушения на буржуазную собственность ослабляла, а то и вообще подрывала социально-экономические основы для компромисса с буржуазными слоями общества при проведении послереволюционных преобразований. А без таких компромиссов не обходилась ни одна революция, ибо они облегчали формирование новых экономических, социальных и других систем и структур. В нашей стране эти преобразования в донэповский период приобрели максималистскую антибуржуазную направленность, усиливаемую верой в скорую победу мировой пролетарской революции. Этим была вызвана и та жестокость борьбы, которая имела место в гражданской войне. Сейчас много пишут и говорят об этой жестокости. Но, во-первых, ее нельзя приписывать только одной борющейся стороне. Во-вторых, нельзя сводить причины, порождавшие ее, только к разного рода субъективным факторам. Она имела и свои глубокие корни.

Социалистическая революция в России была неизбежностью, обусловленной особенностями ее исторического, прежде всего аграрного, развития. Но произошла она в стране, которая, хотя и достигла общего среднего уровня развития капитализма, но оставалась страной аграрной, где не было всех необходимых предпосылок для генезиса социалистической системы хозяйства на естественно-исторической основе, т. е. путем внутренней эволюции общественно-экономических укладов при адекватных взаимосвязях между ними. Этот генезис протекал при господстве предельно централизованных и насильственных методов «первоначального накопления», которые имели широкое распространение в эпоху генезиса и других общественно-экономических формаций. Основным источником «первоначального накопления» была деревня. Начальная стадия генезиса социализма фактически продолжается у нас и сейчас. Только-только намечился переход на естественноисторический путь этого генезиса в плане социально-экономическом и демократический — в сфере социально-политической.

С учетом сказанного и должен решаться вопрос о том, с каким социализмом мы имеем дело. Думается, правомерно утверждать, что реально завершается лишь начальный этап генезиса социализма. Сам же истинный социализм еще впереди и, видимо, не так близко, как хотелось бы.

Разумеется, указанные особенности в историческом развитии, вытекающие из его характера в эпоху капитализма, требуют специального исторического исследования. В данном случае мы лишь обратили внимание на некоторые из них.

## Примечания

- <sup>1</sup> Ключевский В. О. Собр. соч. Т. VII. М., 1969. С. 380.
- <sup>2</sup> Из монографических исследований отметим следующие работы: Першин П. Н. Участковое земледельчество в России. М., 1922; Батурицкий Д. А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925; Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; Литвинов И. Столыпинщина. Харьков, 1931; Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941; Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978; Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985 и др.
- <sup>3</sup> См.: Советская Россия. 1990. 28 ноября.
- <sup>4</sup> Источниковедческая характеристика сельскохозяйственной статистики и других материалов о крестьянском и помещичьем хозяйствах дана в работе «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979. Гл. 5—9).
- <sup>5</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 215—216.
- <sup>6</sup> Там же. С. 216. См. также с. 230, 406.
- <sup>7</sup> См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, С. 182.
- <sup>8</sup> Там же.
- <sup>9</sup> Там же. С. 188—190.
- <sup>10</sup> Там же. С. 187.
- <sup>11</sup> Там же. С. 190—191.
- <sup>12</sup> Иным в этом отношении было положение в западных районах, где отсутствовало уравнительное общинное земледельчество и поэтому существовал значительный слой безземельных и малоземельных крестьян, не имевших собственного хозяйства или ведущих его в крайне ограниченных размерах. См., напр.: Очерки экономической истории Латвии (1900—1917 гг.). Рига, 1968; Очерки экономической истории Латвии (1860—1900 гг.). Рига, 1972; Ниендре О. Социальная структура крестьянства Прибалтики (в первые десятилетия XX века). Рига, 1986.
- <sup>13</sup> См. подробнее: Ковальченко И. Д. Аренда земли бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х годов XIX в. // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. М., 1976. С. 53 и сл.
- <sup>14</sup> Подсчет сделан по: Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. СПб., 1916.
- <sup>15</sup> Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С. 38—39.
- <sup>16</sup> Проскурикова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1973. № 1. С. 59.
- <sup>17</sup> См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974. Гл. 8.
- <sup>18</sup> Лишь в работе А. М. Анфимова «Крупное помещичье хозяйство Европейской России. Конец XIX — начало XX века» (М., 1969) ряд из них получил конкретное освещение.
- <sup>19</sup> Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 284 (данные за 70-е гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917, С. 8—34 (данные за 1909—1913 гг.). Подсчет автора.
- <sup>20</sup> См. подробнее: Анфимов А. М. Указ. соч. Гл. 2.
- <sup>21</sup> См.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.
- <sup>22</sup> Следует обратить внимание на важность более широкого и глубокого рассмотрения причин поражения революции 1905—1907 гг. Представляется, что любая буржуазная революция не может победить без поддержки буржуазии. Думается, что отказ российской буржуазии от такой поддержки не сводится, как чаще всего полагают, к одним общественно-политическим мотивам, но имеет свои и более глубокие корни.
- <sup>23</sup> Сборник речей. СПб., 1912. С. 45—46.
- <sup>24</sup> Там же. С. 75.
- <sup>25</sup> Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина: Сборник материалов. М., 1973. С. 278.
- <sup>26</sup> Там же. С. 282—283.
- <sup>27</sup> Там же. С. 287.

- <sup>28</sup> Там же. С. 251.
- <sup>29</sup> Ленин В. И. ПСС, Т. 20. С. 77.
- <sup>30</sup> Цит. по: Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 22.
- <sup>31</sup> Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 174—175.
- <sup>32</sup> Дубровский С. М. Указ. соч. С. 199.
- <sup>33</sup> Там же. С. 211.
- <sup>34</sup> Чернышев И. В. Общины после указа 9 ноября 1906 г. Ч. 1. М., 1917. С. 48 и др.
- <sup>35</sup> Дубровский С. М. Указ. соч. С. 213.
- <sup>36</sup> См. там же. С. 214.
- <sup>37</sup> Указ. соч. Приложение 2 (с. 574—576).
- <sup>38</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 344.
- <sup>39</sup> Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 гг. М., 1922. Приложение. С. 46—47.
- <sup>40</sup> Там же.
- <sup>41</sup> Дубровский С. М. Указ. соч. С. 361.
- <sup>42</sup> Там же. С. 371.
- <sup>43</sup> Батуринский Д. А. Указ. соч. С. 127—131.
- <sup>44</sup> Подсчет сделан по: Батуринский Д. А. Указ. соч. С. 127.
- <sup>45</sup> Дубровский С. М. Указ. соч. С. 348.
- <sup>46</sup> Там же. С. 390—391.
- <sup>47</sup> ЦГИА СССР, ф. 1290 (ЦСК), оп. 5, д. 119—120, 130—132. Источниковедческий анализ этих материалов дан в статье автора «Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства...»
- <sup>48</sup> См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 185.
- <sup>49</sup> Доля посевов помещиков, которая могла быть обработана их рабочим скотом, была определена так. Рассчитывалось количество посевов на голову рабочего скота в целом по губернии. На основе этого расчета и с учетом численности рабочего скота помещиков вычислялась площадь посевов, которую помещики могли обработать своим рабочим скотом. Затем эта площадь соотносилась с общей площадью посевов помещиков.
- <sup>50</sup> Подсчет по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907, табл. II и материалы ЦСК за 1906 и 1913 гг.
- <sup>51</sup> См.: Огонек. 1989. № 45. С. 12.
- <sup>52</sup> Лященко П. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927.
- С. 311.
- <sup>53</sup> Там же. С. 312—313.
- То, что вывозились далеко не излишки хлеба, очевидно и из следующего. В России в начале XX в. сравнительно с ее основными конкурентами по экспорту хлебов сборы хлебов в расчете на душу населения были в 2 раза меньше, чем в США, в 2,5 раза меньше, чем в Аргентине и почти в 3 раза меньше, чем в Канаде (Л. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М., 1950. С. 280).
- <sup>54</sup> См., напр.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. ПСС. Т. 3. С. 122—123.
- <sup>55</sup> Роль в исторических исследованиях имитационного моделирования рассматривается в работе И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования» (М., 1987, С. 406 и др.).
- <sup>56</sup> Соответствующая обработка материалов на ЭВМ проведена в Московском университете Л. И. Бородкиным, которому автор выражает свою благодарность.
- <sup>57</sup> См.: Карелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979.
- <sup>58</sup> Сидельников С. М. Указ. соч. С. 81.
- <sup>59</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 37.



## ГОРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIII—XV ВЕКАХ (Крепость и посад; городское население)

Читатель уже имел возможность ознакомиться с очерком географии размещения и числом городов Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв. (см.: «История СССР». 1990. № 6). В данной статье речь пойдет о других аспектах истории северо-восточных городов в указанный период: о составе городского населения, его занятиях, правовом статусе различных категорий жителей городов, в частности, купцов и ремесленников, сравнении положения последних с положением свободных сельских жителей и т. д. Но сначала — о внешнем виде средневековых русских городов и городской территории.

Все города Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв. были укреплены. Исключение составлял, по-видимому, старый город Белоозеро, располагавшийся на правом берегу р. Шексны, примерно в 3 км от истока этой реки из Белого озера, и не имевший валов и крепостных стен<sup>1</sup>. Укрепления, как правило, возводились на возвышенных местах на мысе при слиянии двух рек или там, где река делала крутую петлю. При этом напольная сторона перерезалась ровом, который обычно заполнялся водой, и крепость становилась островом. На равнинах, открытых пространствах города строились чрезвычайно редко<sup>2</sup>. Сами крепости состояли из высоких земляных валов, на гребне которых возводились стены. У всех северо-восточных городов рассматриваемого периода крепостные стены делались из дерева, преимущественно из дуба. Исключением была только Москва, где в 1367 г. был поставлен каменный кремль, кардинально перестроенный в 1485—1516 гг. итальянскими мастерами<sup>3</sup>. В 1372 г. попытка возвести каменные укрепления была предпринята и в Новгороде Нижнем, но средств хватило только на башню с воротами и часть каменной стены<sup>4</sup>. Собственно крепость и называлась первоначально городом. Размеры таких городов-крепостей колебались порой в достаточно сильной степени. Так, периметр стен московского Кремля при Дмитрии Донском составлял около 2 км, а периметр укреплений Малоярославца — 270 м<sup>5</sup>. К сожалению, в литературе отсутствуют систематизированные данные о площадях укреплений северо-восточных русских городов в XIII—XV вв., но, по наблюдениям П. А. Раппопорта, специально обследовавшего оборонительные сооружения Северо-Восточной Руси в X—XV вв., площадь эта «была, как правило, не очень велика»<sup>6</sup>.

Расширение города было связано с заселением земель за крепостными валами. Вполне вероятно, что уже при основании города ему отводилась определенная территория, лежавшая за городскими стенами, в частности, выделялись выпасы для скота, хорошо известные по материалам XVII в. К сожалению, лишь три документа второй половины XV в. содержат сведения о городской земле за пределами укрепленной части города. Из правой

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

грамоты 60-х гг. XV в., данной угличким и звенигородским князем Андреем Васильевичем Большим Саввино-Сторожевскому монастырю, следует, что к Звенигороду относились земли, которые горожане пахали и засеивали<sup>7</sup>. Две другие грамоты 90-х гг. XV в. содержат сведения о том, что городская земля г. Ярославля простиралась до оврага Стариковского и не была здесь застроена<sup>8</sup>. Любопытно, что на одном из планов Ярославля XVIII в., где показана выгонная городская земля, зафиксирован и шедший от дороги Ярославль—Углич к р. Которосли овраг Стариковский, служивший, как и в XV в., границей городских земель<sup>9</sup>. Это очень яркий образец консервации в феодальном городе порядков, сложившихся еще в средневековье. Под 1410 г. летопись сообщает о городском стаде г. Владимира, которое паслось за р. Клязьмой<sup>10</sup>. Очевидно, выпасы на правом берегу этой реки принадлежали городу.

Городская земля за пределами крепости являлась резервом территориального роста города. Заселенные части такой земли получили название посадов (от «посадити» в значении «поселить»)<sup>11</sup>. В XIV в. посады зафиксированы в Можайске (1341 г.), Москве (1365 г.), Дмитрове (1372 г.), Переяславле (1372 г.), Твери (1375 г.), Ржеве (1376 г.)<sup>12</sup>. Судя по летописным текстам, каждый город имел по одному посаду. Московский располагался в пределах позднейшего Китай-города. Но уже в начале XV в. источники отмечают в Москве наличие нескольких посадов<sup>13</sup>. Примерно с середины XV в. в летописях и грамотах опять говорится об одном московском посаде, но при этом имеются в виду самые разные места за Кремлем<sup>14</sup>. Однако в написанном в 1503 г. завещании Ивана III вновь фигурируют московские посады<sup>15</sup>. В XV в. источники отмечают наличие посада во Владимире (1410 г.), Галиче (1425 г.), Устюге (1452), Белоозере (1448—1470-е гг.), Вологде (1471 г.), Угличе (1484—1488 гг.)<sup>16</sup>. В конце XV в. в Твери и Владимире упоминаются уже «посады», т. е. их становится по несколько в каждом из этих городов<sup>17</sup>. Кашинские «посады» были сожжены Дмитрием Шемякой в 1453 г.<sup>18</sup> В 60-х гг. XV в. фиксируется только один кашинский посад<sup>19</sup>. Имелся посад и у Соли Галицкой<sup>20</sup>, и, как считает Л. В. Черепнин, у Новгорода Нижнего и Суздаля<sup>21</sup>. Фиксация различными источниками к концу XV в. посадов примерно в  $1/4$  всех известных городов Северо-Восточной Руси (в территориальных рамках конца XIV в.) неслучайна, она отражает определенные тенденции в развитии города. Очевидно, что на протяжении XV в. городское население растет, города расширяются, причем увеличивается территория преимущественно старых городов, основанных еще в домонгольское время. В таких крупных центрах, как Москва, Тверь, Владимир, появляется по несколько посадов. Таким образом, в XV в. городообразовательный процесс принимает иной характер, чем в XIV в. Если в XIV в. заметно увеличилось число городов, то в XV в. новые города почти не появляются, зато растут города старые.

В историографии наличие заселенных городских посадов расценивается совершенно однозначно: посад — это место проживания ремесленно-торгового населения, а потому появление посадов — признак энергичного развития в городах ремесла и торговли. Действительно, ремесленники и торговцы составляли основную массу жителей городских посадов, но так было в XVII в. Механическое же перенесение научных знаний о посаде XVII в. в XIV—XV вв. чревато большими недоразумениями, искажает действительный ход исторического развития русских городов, нивелирует качественные скачки в этом развитии. При обращении к свидетельствам XIV—XV вв. обнаруживается, что на городских посадах росли дворы тех же церковных и светских феодалов, причем ставились они не на месте дворов ремесленников и торговцев, как полагают некоторые исследователи, принимающие ранние посады за ремесленно-торговую часть городов, а на пустых, не застроенных ранее местах. Иными словами, заселение посадов первоначально производилось теми же феодалами, которые ранее селились внутри крепостных стен. Так, когда в 1425 г. митрополит Фотий посетил г. Галич, он отслужил церковную службу в местной со-

борной церкви Преображения, которая стояла «на посадъ на поле у озера»<sup>22</sup>. Городской собор строился, конечно, на средства не ремесленников и торговцев, а местного князя. Расположение собора на посадском пустыре по меньшей мере указывает на то, что галицкий посад осваивался феодалами. К сожалению, крайне скудные свидетельства по истории городов XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси не позволяют конкретно обрисовать развитие в них посадов. Сведений или нет вовсе, или они случайны. Несколько лучше, но все равно крайне фрагментарно может быть представлена история развития посада самого крупного города того времени — Москвы. Одно летописное свидетельство XIV в., ссылка в грамоте 1560/61 г. на данную XV в. снохи Дмитрия Донского, писцовое описание XVII в. свидетельствуют о том, что расположенный недалеко от Кремля в Китай-городе (бывшем московском Великом, или Большом посаде) Богоявленский монастырь (ныне в Куйбышевском переулке) принадлежал известной московской боярской фамилии Воронцовых-Вельяминовых и был основан, вероятно, их родоначальником московским тысяцким Протасием примерно в 20-е гг. XIV в.<sup>23</sup> Любопытно, что еще во второй четверти XVII в. близ Богоявленского монастыря стоял двор одной из предстательниц этого рода<sup>24</sup>. В завещании 1461—1462 г. великого князя Василия Темного фигурируют предназначавшиеся его четвертому сыну Борису в Москве «на посаде дворы около святого Егорья, каменные церкви, Марьяньские Федоровы»<sup>25</sup>. Речь идет о дворах на московском посаде, принадлежавших Марии Федоровне Голтыевой и скорее всего унаследованных ею от своего отца Ф. Ф. Голтыева, умершего примерно в 20-е гг. XV в.<sup>26</sup> Как выяснил В. Д. Назаров, упомянутый в завещании Василия Темного святой Егорий — это известный домовый Георгиевский монастырь бояр Романовых-Захарьиных<sup>27</sup>. У этих бояр был тот же родоначальник, что и у Голтыевых, — известный политический деятель московских великих князей Дмитрия Донского и его сына Василия боярин Федор Андреевич Кошка<sup>28</sup>. Надо полагать, Ф. А. Кошка и был первым владельцем дворов и Георгиевского монастыря за р. Неглинной по дороге из Москвы на Дмитров, т. е. в том месте, где московский посад еще только заселялся. В начале 1454 г. бывший боярин великого князя Василия Васильевича Петр Константинович Хромой Добрынский дал митрополиту Ионе «монастырь святого Савы на Москве на посаде»<sup>29</sup>. Монастырь был основан, по-видимому, самим П. К. Добрынским примерно в 30—40-х гг. XV в.<sup>30</sup> По этому монастырю теперь называется Саввинский переулок в Москве и Саввинская набережная р. Москвы. Эта часть города была мало застроенной даже в XVIII в.<sup>31</sup> Следовательно, П. К. Добрынский ставил свой Саввин монастырь на пустой посадской земле, иными словами, и этот московский посад начинал осваиваться боярами.

Следует отметить еще одно явление, характерное для русского и, может быть, не только русского, феодального города. С основанием города вокруг него начинали множиться принадлежавшие феодалам сельские поселения. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере Москвы. Уже в самом раннем документе, характеризующем подмосковную округу, — духовной грамоте 1336 г. Ивана Калиты — называются такие подмосковные села, как Напрудское и Труфановское (у современного Рижского вокзала), Семцинское (примерно на месте современного Парка культуры и отдыха им. М. Горького), Коломенское и Ногатинское<sup>32</sup>. В начале XV в. появляется «селце оу города оу Москвы над Великимъ прудомъ», позже получившее название Красного<sup>33</sup>. В 1433 г. впервые упоминается «селце, что оу города, Сущевьское»<sup>34</sup>. Это были княжеские села, которым отводились большие земельные пространства. Так, земли села Сущевского (сейчас это район близ станции метро «Новослободская») доходили до Высокопетровского монастыря и Тверской улицы<sup>35</sup>. Земли возникшего примерно в последней трети XIV в. с. Кудринского (на месте современной площади Восстания) распространялись на север до района нынешнего Белорусского вокзала, а на юг — до Дорогомилловского моста через р. Моск-

ву<sup>36</sup>. Близ города располагались и боярские села. Завещание 1389 г. Дмитрия Донского называет среди московских село «Хвостовское»<sup>37</sup>. В первой духовной грамоте сына Донского великого князя Василия содержится уточнение: «селце Хвостовское оу города»<sup>38</sup>. Судя по названию, речь идет о селе, некогда принадлежавшем московскому тысяцкому Алексею Петровичу Хвосту-Босоволкову, убитому в 1356 г.<sup>39</sup> На месте этого села ныне расположены Хвостовские переулки близ станции метро «Новокузнецкая»<sup>40</sup>. В завещании 1503 г. Ивана III упомянуто «селце Воронцовское на Яузъ... з двory з городцкими»<sup>41</sup>. Это село было расположено в районе современной ул. Обуха (ранее Воронцово поле)<sup>42</sup>. Называлось село по прозвищу известных московских бояр Воронцовых, родоначальник которых Федор Васильевич Воронец жил во второй половине XIV в.<sup>43</sup> Боярские села не были столь многодворны и многоземельны, как села великого князя и его родичей. Возможно, что это были большие боярские дворы, построенные около города, но не на городской, а на сельской земле. Такое развитие феодального города и его округи, притягивавших к себе представителей господствующего класса, а вместе с ними и зависимое от них население, с течением времени приводило к разного рода осложнениям. Сельские жители, обитавшие буквально в 10—15 минутах ходьбы от центра города, несли иные повинности, чем горожане, в судебном отношении подчинялись другим должностным лицам, видимо, платили мыт при ведении в городе торговли. Горожане же должны были выполнять свои специфические службы, были ограничены в своей хозяйственной деятельности (в том числе и сельскохозяйственной) рамками отведенной городу земли. Нужда феодалов в развитии тех или иных ремесленных производств приводила к тому, что на пригородных сельских землях ставились городские дворы, жители которых получали статус горожан, но оставались как бы за городом, а с другой стороны, жители пригородных сел заселяли посадскую территорию<sup>44</sup>. В итоге переплетение разных феодальных личных и поземельных обязанностей, прав и привилегий столь усложняло развитие города, что для разрешения копившихся противоречий требовались столетия.

Рост сел вокруг Москвы — не единственный пример подобного рода. После того, как подмосковный Звенигород стал княжеской резиденцией и превратился в город, около него возникли княжеские села Выславское, Каринское и Козловское<sup>45</sup>, находившиеся от него соответственно в 11, 10 и 7 км<sup>46</sup>. В 1389 г. в источнике впервые фиксируется приобретенное Дмитрием Донским коломенское село Бабышево<sup>47</sup>. В начале 60-х гг. XV в. оно упоминается уже «з двory городскими, что к нему потягло»<sup>48</sup>. Очевидно, что село это стояло рядом с г. Коломой и во второй половине XV в. на прымыкавших к посаду землях этого села начали ставиться, как и в Москве, городские дворы.

Социальный состав городского населения Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв. был пестрым и сложным. Помимо князей и бояр, живших в городах (князья, впрочем, не во всех), там проживали вольные княжеские слуги и слуги невольные — управители княжеского хозяйства, а также, купцы, свободные горожане, холопы-ремесленники, представители белого и черного духовенства разного ранга и т. д. Социальную стратиграфию города XIII—XV вв. определенным образом иллюстрирует летописное известие о строительстве в близком к городам Северо-Восточной Руси Муроме в 1351 г.: «князь муромьскыи Юрьи Ярославич [ь] обнови градъ свою отчину Муромъ, запусъвши издавна отъ пръвыхъ князеи, и постави дворъ свои в городъ, тако же и бояре, его и велможы, и купцы, и чръные люди»<sup>49</sup>. «Черные люди» — низшая социальная категория горожан, но горожан свободных, поскольку они, как князь, бояре и купцы, строили в городе собственные дворы. На дворах жителей городов более высоких социальных категорий проживали лишенные почти всех прав холопы, среди которых были ремесленники, люди, занятые всякого рода обслугой, и т. п. Весьма показателен перечень таких лиц, приведенный в составленном в 1499 г. завещании крупного боярина князя Ивана Юрьевича Патрикеева. В документе упоминаются мельники, повара, портные мастера, бронник, хлеб-

ник, огородник, домоткан (ткач), серебряный мастер, другие ремесленники и слуги, трудившиеся в боярском хозяйстве<sup>50</sup>. Свидетельства завещания И. Ю. Патрикеева Л. В. Черепнин назвал «классическим примером» и указал на другие факты использования в хозяйствах крупных феодалов второй половины XV в. несвободного труда ремесленников-холопов<sup>51</sup>.

Наличие вотчинного ремесла ограничивало развитие свободного городского ремесла, а юридические нормы, устанавливавшие феодальной властью, сковывали развитие производства и препятствовали превращению в города поселений, где развивался тот или иной промысел. В последнем отношении характерна история Соли Галицкой — позднейшего Солигалича. Впервые подчинявшаяся в административном отношении Галичу Соль названа в завещании 1389 г. Дмитрия Донского<sup>52</sup>. В духовной грамоте 1433 г. галицкого князя Юрия Дмитриевича Соль уже выделена как особый производственный поселок: Соль «с варницами»<sup>53</sup>. Специфика добычи и выварки соли требовала не только сосредоточения в Соли Галицкой солеваров, но и людей других специальностей: дровосеков, кузнецов, плотников и т. п. Казалось бы, концентрация здесь ремесленников, торговля солью должны были быстро превратить Соль Галицкую в город. Однако на протяжении XV в. этого так и не произошло. Соль Галицкая не переросла уровня волостного центра<sup>54</sup>. На то были свои причины. Земля с ее недрами принадлежала московскому великому князю<sup>55</sup>. Добыча соли производилась силами и средствами крупнейших феодалов: великого князя, митрополита, Троице-Сергиева, Симонова и других монастырей<sup>56</sup>. При этом княжеское солеварение имело явные преимущества перед всеми остальными. Во-первых, производство на княжеских солеварнях было организовано так, что велось непрерывно, круглогодично, на такие варницы постоянно подавался рассол, другие же варницы действовали с перерывами, на них рассол поступал не всегда<sup>57</sup>. Соль, добытая на княжеских варницах, продавалась в первую очередь, до ее распродажи другие соледобытчики не имели права торговать<sup>58</sup>. Таким образом, феодальная собственность на землю и ее недра, вводимые в интересах феодалов правила добычи и реализации соли накладывали жесткие путы на производство, не давали ему развиваться свободно и препятствовали превращению промыслового поселка в город.

Видимо, в силу тех же причин так и не превратились в XV в. в города и другие поселения, образовавшиеся у мест добычи соли: более старые Нерехта и Соль Великая, новая Соль на Городце, упомянутая в начале XV в.<sup>59</sup> и ставшая предшественницей Балахны<sup>60</sup>.

Из-за отсутствия документальных свидетельств невозможно решить, чьими силами производилась добыча соли на великокняжеских, митрополичьих и монастырских варницах Соли Галицкой и подобных ей поселениях: ремесленников-холопов или лично свободных мастеров. Бесспорно, однако, что свободное ремесло в городах Северо-Восточной Руси в исследуемый период существовало<sup>61</sup>.

Откуда же брались свободные ремесленники? Ряд исследователей полагают, что в результате вольного нерегламентированного перехода в город сельских жителей. Последние, испытывая гнет со стороны феодалов, уходили в города, где становились свободными и могли выбирать род деятельности по своему усмотрению. М. Н. Тихомиров приходил к выводу, что «„городской воздух“ в Москве, как, вероятно, и в других больших русских городах, фактически делал человека свободным, по крайней мере в эпоху феодальной раздробленности XIV—XV веков»<sup>62</sup>. В доказательство ученый приводил следующее место из договорной грамоты 1390 г. московского великого князя Василия Дмитриевича с его двоюродным дядей Владимиром Андреевичем: «А в городъ намъ послати своихъ намѣстниковъ, и тобѣ своего намѣстника, ини очистять нашихъ холоповъ и селянъ. А кого собѣ вымемъ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ, князю великому, з братьею два жеребья, а тобѣ, брате, треть»<sup>63</sup>. Поскольку первая фраза отрывка прямо указывает на пребывание в городе

сельчан, ясно, что город пополнялся сельскими жителями. 'А поскольку вторая фраза говорит о распределении между князьями ремесленников, должствующих жить в городе, естествен вывод, который и сделал М. Н. Тихомиров, что в случае, если среди проживавших в городе холопов и сельчан обнаружатся огородники и мастера (т. е. ремесленники), они остаются жить в городе<sup>64</sup>. Правда, при такой трактовке договорной грамоты 1390 г. ученый не пояснил, означает ли распределение между князьями — совладельцами Москвы их бывших холопов и сельчан, ставших городскими ремесленниками, сохранение за последними их прежней зависимости от высоких сеньоров или обретение личной свободы. Не раскрыл смысла процитированного места договорной грамоты 1390 г. и Л. В. Черепнин<sup>65</sup>. Положения же этого документа заставляют по-иному оценить характер формирования городского населения на примере Москвы. Во-первых, две фразы приведенного отрывка представляют собой две самостоятельные статьи, в более ранних грамотах вместе не встречающиеся, а потому эти статьи необходимо рассматривать каждую отдельно, без той искусственной связи между ними, какая придана исследователями. Первая статья встречается в договоре 1389 г. Дмитрия Донского с тем же Владимиром Андреевичем и имеет несколько иную редакцию: «А в городъ послати ми своихъ намѣстниковъ, а тебѣ своего намѣстника, инѣ очистить и холоповъ наших и сельчанъ по отца моего живот по князя по великого»<sup>66</sup>. Из контекста статьи следует, что в городе жили сельчане и сельские холопы, ранее ведавшиеся не городскими, а сельскими княжескими наместниками, которые и посылаются специально в город для опознания ушедших туда людей и аннулирования различных обязательств, которые брали на себя, переселяясь в город, эти люди. Последние, проживая в городе, и там не становились свободными. Они только меняли своих господ, приобретая, вероятно, более сносные условия для собственного существования. «Очищение» холопов и сельчан, т. е. ликвидация их обязательств перед жившими в городе их господами, означала не «выяснение их обязательств в отношении князей», как считал Л. В. Черепнин<sup>67</sup>, а именно разрыв их юридических отношений в городе и возврат холопов и сельчан на свои прежние места проживания, во всяком случае восстановление старых прав на них обоих московских князей. При этом «очищение» холопов и сельчан «по отца моего живот», т. е. по год смерти великого князя Ивана Ивановича, а он скончался в 1359 г.<sup>68</sup>, может указывать на существование 30-летнего срока давности, в течение которого можно было разыскивать укрывшегося в городе человека. По-видимому, после 30 лет проживания в городе такой человек признавался уже горожанином<sup>69</sup>.

Что касается статьи договора 1390 г. о «выимании» мастеров, то она находит аналогию в договоре 1348 г. московского великого князя Симеона Ивановича со своими братьями Иваном и Андреем. В тексте договорной грамоты указывалось: «А которые люди по нашим волостемъ выиманы нынѣ во иныи службы, и ихъ намъ к собѣ не примати. А которыхъ людии отецъ наш, князь великий, выимал изъ [волостей ?] въ службу, тѣ так и знаютъ свою службу, в которую кто уряжень, а намъ ихъ к собѣ не примати»<sup>70</sup>. Выясняется, что князья практиковали насильственный перевод жителей сельских волостей в различные свои «службы». Несомненно, что такой же перевод имелся в виду и в договоре 1390 г., только там «службы» были указаны конкретно: горододельцы, строители («огородники») и различные ремесленники («мастера»). Какой бы необычной не могла показаться такая практика насильственного перевода в город сельских ремесленников, в средневековой действительности она была широко распространена. В первом очерке говорилось о переселении монголо-татарами русских ремесленников в монгольские города. А в Русском государстве XVI—XVII вв. практиковались не единичные, а массовые выводы ремесленников. Достаточно указать на перевод в Москву в конце XVI в. тверской Хамовной слободы, перевод в 50-е гг. XVII в. жителей белорусских родов, из которых в Москве была организована Мещанская слобода<sup>71</sup>, и т. д.

Принимаемые на княжескую «службу» ремесленники оставались лично свободными, но труд их был связан не с рынком, не с производством товарного продукта, а с работой на заказ княжеских дворов, позднее — государства. Связи ремесла с рынком в XIII — XV вв., видимо, носили спорадический характер, а потому не вели еще к превращению городского ремесленника в постоянного товаропроизводителя. Анализ данных о товарах, обращавшихся на рынках русских городов XV в., предпринятый Л. В. Черепниным и С. М. Каштановым, показал, что основными товарами были зерно, соль, рыба, убойный крупный и мелкий скот, птица, овощи, дрова, сено, зола, деготь<sup>72</sup>, т. е. в основном не ремесленная, а сельскохозяйственная продукция.

Изделий ремесла было очень мало. «В нашем распоряжении почти нет данных, непосредственно указывающих на продажу на рынке произведений ремесла», — вынужден был констатировать Л. В. Черепнин<sup>73</sup>. Такой пробел пытается восполнить археологическая наука. Раскопки ювелирных, гончарных, косторезных мастерских, наблюдения над распространением некоторых вещей приводят археологов к заключению, что ремесленники работали на местный рынок. Такое утверждение стало аксиомой подавляющего числа археологических исследований о ремесле<sup>74</sup>. Между тем по остаткам материальной культуры чрезвычайно сложно воссоздать общественный статус производителей и тем более потребителей находимых вещей. Работа различных мастерских могла вестись в рамках вотчинного хозяйства, по заказу не вотчинника, а других лиц, в условиях простого товарообмена и в рамках продажи за деньги. Очевидно, что высказываемые некоторыми археологами мысли о работе ремесленников северо-восточных русских городов XIII—XV вв. на рынок, о мелко-товарном характере ремесла той поры — не более как один из логически возможных выводов в кругу других столь же вероятных допущений. Письменные же источники подобного вывода не подтверждают, как не дают оснований считать ремесленников XIII—XV вв. мелкими товаропроизводителями. Слабое развитие денежно-рыночных связей между непосредственными производителями подчеркивается и тем, что в княжествах Северо-Восточной Руси самостоятельный выпуск монеты начался только в 80-е гг. XIV в.<sup>75</sup>

Если связь с рынком горожан — непосредственных производителей в XIII—XV вв. представляется весьма сомнительной, то наличие в городах указанного времени рынка (торга как определенного места, где совершались операции по купле-продаже) и участия в рыночных операциях других слоев городского населения не вызывает сомнений. Торговля в указанное время была организована таким образом, что разрешалась князьями только в городах. С этой точки зрения весьма показательно, что в кормленых грамотах, выдаваемых волостелям, т. е. правителям сельских административных единиц, как правило, не упоминается тамга — пошлина с продажи товара<sup>76</sup>. Очевидно, что тамга собиралась в городах. Наиболее раннее упоминание торгового места в городах Северо-Восточной Руси рассматриваемого времени относится к Твери и датируется 1327 г. Летописное указание, что торг открывался «15 августа мѣсяца въ полоутра»<sup>77</sup>, наводит на мысль, что даже в таком крупном городе, как Тверь, рынок функционировал не постоянно, а по большим церковным праздникам, каким было 15 августа — Успенъев день. О торговых местах в других городах сведения собрал Л. В. Черепнин<sup>78</sup>.

Несомненно, что главной фигурой на торгу был купец. Купечество как специфически городская прослойка сложилось в Северо-Восточной Руси давно. Летопись упоминает, например, купцов во Владимире еще в домонгольское время<sup>79</sup>. Грамоты 60-х гг. XIII в. говорят о купцах в различных городах Северо-Восточной Руси, правда, купцах по происхождению новгородских<sup>80</sup>. Последнее свидетельство весьма показательно. В период существования независимых друг от друга русских княжеств торговые связи между различными центрами Руси по сути дела были связями межгосударственными. Торговля развивалась за счет естественногеографического разделения труда

(в XV в., например, хлеб из центральных районов Северо-Восточной Руси везли в северные города, а оттуда поступали соль и рыба<sup>81</sup>) и обслуживала потребности прежде всего верхов феодального общества. Действительно, именно у феодалов сосредоточивалась масса прибавочного продукта, и купечество служило посредником в ее реализации. Налаживалась торговля со странами, лежавшими за границами русских земель. Через Новгород, Псков и Литву в Северо-Восточную Русь проникали товары Западной Европы, в первую очередь разного рода сукна, драгоценные и цветные металлы<sup>82</sup>. Из Золотой Орды, других стран Востока, Византии, итальянских колоний Северного Причерноморья доставлялись дорогие ткани, пряности, украшения, оружие, лошади.

Русские купцы, связанные с международной торговлей, составляли высшую прослойку купечества. Эта прослойка с XIV в. делилась на две группы: гостей-сурожан, торговавших с Золотой Ордой, итальянскими колониями в Крыму и на Азовском море, и суконников, торговавших со Смоленским княжеством, Новгородом, Литвой. В нарративных источниках первая группа определяется как гости-сурожане, или просто сурожане<sup>83</sup>. Самое раннее упоминание о них относится к 1357 г.<sup>84</sup> В актовом материале такая группа называлась гостями<sup>85</sup>. До середины XV в. сурожане фиксируются только в Москве и Твери<sup>86</sup>. Суконники впервые упоминаются в 1382 г.<sup>87</sup> Они жили в Москве, Твери и Переяславле-Залесском<sup>88</sup>. И гости-сурожане, и суконники занимались не только торговлей, но и кредитными операциями. Так, в 1433 г. ставший великим князем Юрий Дмитриевич занял «оу гостей и оу суконников» 600 рублей для уплаты Орде<sup>89</sup>. Судя по данным третьей четверти XIV в. и начала XV в., сурожане и суконники имели право владеть землями в сельской местности<sup>90</sup>. У этой категории купечества были в городе общие интересы и особая корпоративная организация, функции и внутреннее устройство которой не удается проследить из-за отсутствия источников. О существовании определенных общих целей у верхушки московского купечества свидетельствует факт отъезда в 30-х гг. XV в. из Москвы в Тверь части московских гостей и суконников, недовольных политикой великого князя Василия Васильевича<sup>91</sup>, что свидетельствует о наличии определенных групповых интересов у этой части московских горожан, но и о действиях в защиту этих интересов. В 1479 г. в Москве упоминается церковь Иоанна Златоуста — «изначала церковь гостей московских строение»<sup>92</sup>, т. е. гости как особая корпорация имели свой патрональный храм. Впервые эта церковь упоминается в 1412 г.<sup>93</sup> Церковь Иоанна Златоуста стояла в районе Великого посада — будущего Китай-города<sup>94</sup>. Здесь же находились и дворы гостей<sup>95</sup>. Очевидно, крупные гости так же изначально селились на посаде, как и феодальная знать. Неслучайно, что и московский торг, занимавший пространство от р. Москвы до современной улицы 25 Октября, был расположен по сути дела в аристократическом районе Москвы, при своем зарождении и позднее он обслуживал преимущественно верхи тогдашнего общества.

Богатое купечество привлекалось княжеской властью к выполнению различных финансовых поручений и служб. Данные за конец 80-х гг. XV в. — начало XVI в. привел В. Е. Сыроечковский<sup>96</sup>. Но так обстояло дело и в более раннее время. В некоторых списках «Сказания о Мамаевом побоище», памятника начала XVI в., имя гостя-сурожанина Михаила Саларева заменяется на имя Михаила Сараева, а имя другого сурожанина Дементия Саларева — на Дмитрия Сараева<sup>97</sup>. Вполне вероятно, что замены носили осмысленный характер, и вместо представителей одной «сурожской» фамилии в памятник вписывались представители иного, но тоже «сурожского» рода. С этой точки зрения весьма любопытна запись Афанасия Никитина, отправившегося в свое путешествие на Восток в 1468 г., о встрече в Нижнем Новгороде с «пошлинником» Иваном Сараевым<sup>98</sup>. Иван Сараев собирал пошлины в богатом волжском городе, и, если он принадлежал к сурожанам, его деятельность — важное указание на службы гостей в конце 60-х гг. XV в. Впрочем, до середины XVI в.

законодательного закрепления сословных прерогатив купеческой верхушки по сравнению с остальной массой свободного городского населения не было<sup>99</sup>. В XIV—XV вв. она была, видимо, немногочисленной. Не следует забывать, что и фиксируется эта верхушка только в наиболее развитых городах Северо-Восточной Руси, крупнейших центрах феодального властвования.

В небольших городах Северо-Восточной Руси, где торговое обращение было развито слабее, купечество на прослойки не делилось и вместе с другими свободными горожанами образовывало единое целое. В памятниках летописания, например, там, где говорилось о населении того или иного города, обычно указывалось, что его жители состоят из бояр, слуг и людей<sup>100</sup>. Иными словами, с точки зрения княжеского или церковного летописца за вычетом бояр и слуг вся остальная масса городского населения была нераздельной, сословно однородной. Летописная запись о поновлении г. Муром в 1351 г., цитируемая выше, являет собой счастливое исключение, гораздо точнее отражающее реальность. Что касается документального материала, то в нем также обнаруживаются свидетельства о единой организации горожан, т. е. главным образом купцов и свободных ремесленников. Так, в одном из документов третьей четверти XV в. упоминается городской староста в Белоозере, который собирал с поселенцев на городском монастырском дворе оброк в размере 8 белок<sup>101</sup>. В 1501 г. упоминается городской староста г. Галича<sup>102</sup>. В завещании 1506 г. волоцкого князя Федора Борисовича упомянуты его долги, которые он должен был возратить: «дати ми городцким людем волочаном двацать рублов... дати ми городцким людем ржевичем тритцать рублов и два рубля без четверти»<sup>103</sup>. Поскольку в завещании волоцкого князя его заимодавцы, даже мелкие, называются персонально (например, Тимофею Телперокину князь должен был вернуть два рубля), обобщенное упоминание горожан Волоколамска и Ржевы, видимо, разумеет городскую организацию, имевшую казну и занимавшуюся ссудными операциями. Даже упоминаемые в Москве в 1389 г. гости, суконники и городские люди образовывали по крайней мере в прошлом единое целое, поскольку все эти категории горожан фигурировали в особой статье между-княжеского соглашения<sup>104</sup>.

Законодательный материал более раннего времени свидетельствует об определенном сословном единстве средневековых горожан. Так, в Краткой редакции Устава Ярослава указывается, что за позорящие женщины слова надо было платить штраф «боуде городцких людии, за сором еи 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра, а селских людии — за сором еи гривна серебра, а епископу гривна серебра»<sup>105</sup>. Честь жены горожанина, к какой бы прослойке городского населения он ни принадлежал, оценивалась одинаково. Как установил Я. Н. Шапов, Краткая редакция Устава Ярослава возникла в Москве примерно в 40—60-х гг. XIV в. и была действующим законодательным актом до конца XV в.<sup>106</sup> Следовательно, в указанное время горожане с точки зрения феодального законодательства представляли собой однородную массу.

На основании того же источника можно говорить о том, что к середине XIV в. сословие горожан уже отделялось от всех остальных категорий населения феодальных княжеств, в частности, от крестьян. Честь жены горожанина оценивалась в 3 раза выше, чем честь жены крестьянина. По сравнению с крестьянами горожане имели и другие привилегии. Так, по Уставной белоозерской грамоте 1488 г. горожане — посадские люди г. Белоозера — имели право торговать в сельской округе, чего приезжие торговцы и местные сельские жители делать не могли<sup>107</sup>. Из Таможенной Белоозерской грамоты 1497 г. следует, что белоозерский горожанин при покупке или продаже товара не платил тамги<sup>108</sup>. Надо полагать, что горожане вообще имели привилегии в торговле по сравнению с сельскими жителями. Наконец, еще одна важная городская привилегия зафиксирована в общерусском Судебнике 1497 г. Согласно статье 66 этого Судебника, если какое-либо лицо принимало на себя хозяйственное управление в сельской местности, оно становилось холопом, но, если

это происходило в городе, человек оставался свободным<sup>109</sup>. Налицо явное, более прогрессивное развитие социальных отношений в средневековом русском городе по сравнению с селом.

Однако, если говорить в целом, северо-восточные русские города в XIII—XV вв. оставались феодальными. Главную роль в них играли представители феодального класса, которым принадлежала собственность на городские земли (преимущественно это была собственность верховных правителей — князей), исключительные права в промысловой деятельности и торговле. Феодалы устанавливали в городе правила, согласно которым там можно было заниматься ремеслом (было развито принудительное княжеское заказное ремесло, а также ремесло вотчинное), продажей и покупкой товаров. Купеческая верхушка городов оказывалась тесно связанной с феодальной княжеской властью, кредитуя эту власть и выполняя ее различные финансовые поручения. Формирование городского сословия подверглось феодальной регламентации, в торговой деятельности и правовом отношении горожане были противопоставлены сельскому населению. Тем не менее прогресс феодального общества был связан с городом, где расширялось производство, усиливался товарообмен, происходили социальные сдвиги, которые позднее затронули и деревню.

### Примечания

- <sup>1</sup> Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X — XIII вв. М., 1973. С. 60.
- <sup>2</sup> Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Л., 1961. № 105. С. 20—22, 94—95.
- <sup>3</sup> Бартнев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1. М., 1912. С. 30—33; Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1980. С. 12—17.
- <sup>4</sup> Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 100; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959. С. 67.
- <sup>5</sup> Раппопорт П. А. Указ. соч. С. 54.
- <sup>6</sup> Там же. С. 230. По мнению А. В. Кузы, проведшего объемную и кропотливую работу по классификации древнерусских поселений X—XIII вв. согласно размерам их укреплений, самые маленькие города имели укрепленную площадь в 2 га, самые большие — более 40 га. — Куза А. В. Малые города древней Руси. М., 1989. С. 41, 43 и примеч. 1.
- <sup>7</sup> Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСВР). Т. III. М., 1964. № 56. С. 87—88.
- <sup>8</sup> Там же. № 213. С. 228; № 214. С. 231.
- <sup>9</sup> ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 6757.
- <sup>10</sup> ПСРЛ. Т. XXV. М.: Л., 1949. С. 240.
- <sup>11</sup> Ср.: выражение «солодяники сидят... налевь к посаду» при описании границы московского посада в 1504 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 92. С. 371.
- <sup>12</sup> ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 53—54, 80, 99, 111, 116.
- <sup>13</sup> Там же. Стб. 183; ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 487, 491.
- <sup>14</sup> ДДГ. № 61. С. 195; ПСРЛ. Т. XXV. С. 281, 297, 304.
- <sup>15</sup> ДДГ. № 89. С. 354. О дате завещания Ивана III см.: Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 202.
- <sup>16</sup> ПСРЛ. Т. XXV. С. 240, 246, 272; АСВР. Т. II. М., 1958. № 126. С. 77. № 200. С. 130; Т. I. М., 1952, № 506. С. 385. О посаде Галича в конце XV в. см.: АСВР. Т. III. № 250. С. 269.
- <sup>17</sup> ПСРЛ. Т. XXVII. С. 287; Т. XXV. С. 332.
- <sup>18</sup> ПСРЛ. Т. XV. Стб. 495.
- <sup>19</sup> АСВР. Т. I. № 298. С. 211.
- <sup>20</sup> АСВР. Т. III. № 621. С. 533.
- <sup>21</sup> Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 333.
- <sup>22</sup> ПСРЛ. Т. XXV. С. 246.
- <sup>23</sup> ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 108; Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984. С. 140.
- <sup>24</sup> Переписная книга города Москвы, составлена в 1738—1742 годах. Т. I. М., 1881. С. 8' 9' 10.
- <sup>25</sup> ДДГ. № 61. С. 195.
- <sup>26</sup> Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 148—149.

- <sup>27</sup> Назаров В. Д. Генеалогическое предание и родословие Романовых — доклад на совместном заседании Новгородского исторического семинара и сектора по археологии Москвы Института археологии АН СССР. О Георгиевском монастыре Романовых-Захарьиных и его местоположении см.: Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1952. С. 150.
- <sup>28</sup> Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 147—148.
- <sup>29</sup> Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (далее — АФЗиХ). Ч. 1. М., 1951. № 29. С. 48.
- <sup>30</sup> Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 308—309.
- <sup>31</sup> Сытин П. В. Указ. соч. С. 436—439.
- <sup>32</sup> ДДГ. № 1. С. 7, 8.
- <sup>33</sup> Там же. № 21. С. 58; № 61. С. 194.
- <sup>34</sup> Там же. № 29. С. 74.
- <sup>35</sup> Ср.: ДДГ. № 92. С. 371.
- <sup>36</sup> Ср.: АФЗиХ. Ч. 1. № 31. С. 49—50.
- <sup>37</sup> ДДГ. № 12. С. 33.
- <sup>38</sup> ДДГ. № 20. С. 56.
- <sup>39</sup> О нем см.: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 213.
- <sup>40</sup> Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. С. 24—25.
- <sup>41</sup> ДДГ. № 89. С. 354.
- <sup>42</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 62—63.
- <sup>43</sup> Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 216, 222—223.
- <sup>44</sup> ДДГ. № 61. С. 195; № 92. С. 371.
- <sup>45</sup> Там же. № 4. С. 15, 18.
- <sup>46</sup> О местоположении названных сел см.: Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 37 и примеч. 11; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901. Ч. 1. С. 24; Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 682.
- <sup>47</sup> ДДГ. № 12. С. 35.
- <sup>48</sup> Там же. № 61. С. 196.
- <sup>49</sup> ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 60.
- <sup>50</sup> ДДГ. № 86. С. 345—347.
- <sup>51</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 366.
- <sup>52</sup> ДДГ. № 12. С. 34.
- <sup>53</sup> Там же. № 29. С. 74.
- <sup>54</sup> АСВР. Т. I. № 248. С. 177; Т. II. № 396. С. 402 — упоминание солигалицких волостей.
- <sup>55</sup> Там же. Т. II. № 339. С. 337.
- <sup>56</sup> Там же. № 383. С. 383—384; Т. I. № 214. С. 150; № 621. С. 532—533; Т. III. № 236. С. 258; АФЗиХ. Ч. 1. № 270. С. 239 (здесь в грамоте 1527 г. упоминается митрополичий двор в Соли Галицкой, который фигурирует в писцовом описании Соли Галицкой 1498/99 г.).
- <sup>57</sup> АСВР. Т. III. № 237. С. 259.
- <sup>58</sup> АСВР. Т. I. № 248. С. 177.
- <sup>59</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 333 и примеч. 10.
- <sup>60</sup> АСВР. Т. III. № 621. С. 533.
- <sup>61</sup> Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане // Известия Государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Вып. 127. М.; Л., 1935. С. 83—84, 86—87 (данные о ремесленниках, ставших торговцами). О свободных городских людях, правда, без указания их специальности, свидетельствует формула договорных княжеских грамот XIV—XV вв.: «А гости, и суконьников, и городельскихъ людии блюсти ны с одного, а въ службу ихъ не приимати» — ДДГ. № 11. С. 32. № 66. С. 216.
- <sup>62</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 101.
- <sup>63</sup> ДДГ. № 13. С. 39; ср.: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 98.
- <sup>64</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 99—100.
- <sup>65</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 335—340.
- <sup>66</sup> ДДГ. № 11. С. 32. Статья об «очищении» холопов и сельчан без статьи о «выимании» огородников и мастеров встречается также в договоре 1472 г. — ДДГ. № 66. С. 216.
- <sup>67</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 338.
- <sup>68</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 100.
- <sup>69</sup> 30 лет как определенная грань, изменявшая юридический статус субъекта и объекта владения, была распространена в законодательстве Византии и, взятая из переводных славянских памятников этого законодательства, применялась, как можно судить по договорной грамоте 1389 г., на Руси.
- <sup>70</sup> ДДГ. № 2. С. 12; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813 г. С. 37. О дате договора и реконструкции текста данной статьи договора см.: Кучкин В. А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 20.
- <sup>71</sup> Соколов И. И. О времени перевода в Москву тверской Хамовной слободы // Археологический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 302—303; Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 9—170. О принудительных переселениях торговцев и ремесленников в конце XV—XVI вв. см.: Флорья Б. Н. Привилегированное купечество и го-

родская община в Русском государстве (вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 153—156.

<sup>72</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 373—380; Каштанов С. М. Внутренняя торговля и спрос крупных землевладельцев на предметы потребления в XIV—XV вв. // История СССР. 1977. № 1.

<sup>73</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 380—381.

<sup>74</sup> Общие взгляды этого направления выпукло отражены Ю. Л. Шаповой (Шапова Ю. Л. Об особенностях древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. М., 1988).

<sup>75</sup> Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 26, 69, 151.

<sup>76</sup> Флоря Б. Н. Кормленые грамоты XV—XIV вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971, С. 124.

<sup>77</sup> ПСРЛ. т. XV. вып. 1. стб. 43.

<sup>78</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 373—379.

<sup>79</sup> ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926—1928. Стб. 385, 422.

<sup>80</sup> Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 2. С. 11; № 3. С. 13.

<sup>81</sup> АСВР. Т. II. № 292. С. 249; Т. I. № 318. С. 227. О привозе хлеба на Север в конце XIV в. см. там же. Т. III. № 7. С. 22. Ст. 10.

<sup>82</sup> Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 162—213, 263—318; Сыроечковский В. Е. Указ. соч. С. 53—59; Тимомиров М. Н. Указ. соч. С. 128—139.

<sup>83</sup> ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 65; Т. XXV. С. 281; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 34.

<sup>84</sup> ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 65.

<sup>85</sup> ДДГ. № 11. С. 32; № 30. С. 77, 80; № 36. С. 102, 104; № 66. С. 216.

<sup>86</sup> К Москве относятся все приведенные в примеч. 84—85 данные о сурожанах. О сурожанах в Твери см.: ДДГ. № 30. С. 77, 80.

<sup>87</sup> ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 332.

<sup>88</sup> Там же; АФЗХ. Ч. I. № 125. С. 116; ДДГ. № 36. С. 102, 104.

<sup>89</sup> ДДГ. № 30. С. 77, 80.

<sup>90</sup> Там же. № 9. С. 27. Здесь упомянуты села Некомата, который принадлежал к сурожанам (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 300). Впрочем, следует иметь в виду, что Некомат впервые назван сурожанином в общерусском своде 1418 г. митрополита Фотия, отразившегося в Новгородской IV и Софийской I летописях. В более раннем летописании он сурожанином не назван (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 109, 110, 149). О землевладении суконника см.: АФЗХ. Ч. I. № 125. С. 116.

<sup>91</sup> ДДГ. № 36. С. 102, 104.

<sup>92</sup> ПСРЛ. Т. XXVII. С. 281.

<sup>93</sup> ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 412.

<sup>94</sup> ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 238.

<sup>95</sup> Там же. С. 191 (двор гостя Торокана); Т. XXV. С. 281 (дворы гостей Всеяковых).

<sup>96</sup> Сыроечковский В. Е. Указ. соч. С. 87—91.

<sup>97</sup> Сказания и повести о Куликовской битве. С. 398.

<sup>98</sup> Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 5. Обоснование новой даты начала путешествия Никитина см. с. 89—95.

<sup>99</sup> Флоря Б. Н. Привилегированное купечество. С. 146.

<sup>100</sup> ПСРЛ, т. XV. Вып. 1. Стб. 45, 67, 169—170 (Тверь), 95 (бояре и люди в городах Владимирского великого княжения), 99 (Дмитров). Деление на бояр, слуг и людей было характерно и для сельского населения — Флоря Б. Н. Кормленые грамоты. С. 110. Следовательно, первоначально (со второй половины XIII в.) не только рядовое население города представляло собой недифференцированную массу, но и горожанин не отличался от сельчанина.

<sup>101</sup> АСВР. т. II. № 126. С. 77.

<sup>102</sup> АСВР. т. III. № 250. С. 269.

<sup>103</sup> ДДГ. № 98. С. 407.

<sup>104</sup> ДДГ. № 11. С. 32.

<sup>105</sup> Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 113, 119, 123.

<sup>106</sup> Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972. С. 240—243.

<sup>107</sup> АСВР. Т. III. № 22. С. 39 (ст. 8).

<sup>108</sup> Там же. № 23. С. 42 (ст. 13).

<sup>109</sup> Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 28.



# Советские и американские историки о политическом кризисе самодержавия

---

© 1991 г.

Б. Г. ЛИТВАК

## РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

---

Одной из последних публикаций безвременно ушедшего талантливой литератора и историка Н. Я. Эйдельмана стала книга «„Революция сверху“ в России». Автор пытался в ней доказать, что история России знает целую серию «революций сверху», имея в виду те существенные реформы, которые связаны в первую очередь с реформами Петра Великого, а также Екатерины II и Александра II. Намерение „представить краткий очерк, разумеется, далеко не всей российской истории, но тех ее разделов, „сюжетов“, которые относятся к революции сверху...»<sup>1</sup>, автор выполнил, увлекшись, однако, подменой научных понятий «реформа» и «революция сверху» (иногда он даже пишет о «реформах сверху») <sup>2</sup>.

Для ясности сформулируем, несколько упростив, разницу между этими двумя понятиями: реформа совершенствует общественную структуру; революция, в том числе и «сверху», ее меняет. Исходя из этой азбучной марксистской истины и даже особо не подчеркивая противоположность этих понятий, а следуя ленинской мысли о том, что «эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае» <sup>3</sup>, скажем, что реформы Петра I и Екатерины II были и субъективно и объективно только реформами и ничем больше, а, главное, другими и быть не могли. Да, они преобразили облик России, но России феодальной, какой она была до них и оставалась в результате их осуществления. Время новых общественных структур еще не пришло. И крылатая фраза Герцена о Петре как «революционере на троне» верна только в том смысле, что Петр бесстрашно сбросил средневековый балласт с российского феодального корабля, чтобы он мог быстрее плыть по известному фарватеру. Иное дело — реформы Александра II, следствием их реализации была смена общественной структуры: вместо России феодальной рождалась Россия буржуазная.

И это обстоятельство свидетельствует об объективной основе возможности «революции сверху» на рубеже 50—60-х гг. XIX в. Именно «революции сверху», а не революции вообще. В ленинской концепции реформы 1861 г. убедительно разработана критика ограниченности ее по сравнению с революцией, но альтернатива «революции сверху» только обозначена и не развернута. Эйдельман акцентирует внимание на прогрессивных чертах преобразований, восстанавливает справедливую оценку ее исторической роли, о которой квазимарксистские историки предпочитали говорить скороговоркой, но снимает полностью альтернативу «реформа — революция сверху». А в исторических условиях 50—60-х гг. только такая альтернатива и существовала, поэтому оценивать реформы лишь с точки зрения воображаемых завоеваний революции «снизу» — пустое занятие, ибо не было важнейшего субъективного фактора — революционного класса, сознательно и последовательно готового вести борьбу за победу буржуазного строя. Но было освободительное движение, первый этап которого — дворянский — при всех программных нюансах в конечном счете все же нес на своем знамени идею «революции сверху» независимо от того, кто ее должен совершить — «царь-революционер» по собственной инициативе или под давлением восставших инсургентов или сами восставшие инсургенты. Революция для народа, но без него и есть «революция сверху». Герцен, поднявший знамя декабризма, в конце 50-х гг. обращаясь к Александру II, вовсе не впал в либеральную ересь, он видел только одну реальную возможность революции — «революцию сверху» —

---

Литвак Борис Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

и апеллировал к тому, кто реально мог ее совершить. И даже в радикальной критике Огаревым крестьянской реформы слышится горькое разочарование в связи с несбывшимися надеждами («народ царем обманут»).

1 августа 1857 г. «Колокол» Герцена утверждал: «Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него... Государь хочет перемен, хочет улучшений... Правительство должно само приняться с ними (т. е. с мыслящими людьми в России. — *Б. Л.*) за работу общественного пересоздания, за развитие новых форм, новых органов жизни». И далее, уверял «Колокол», «нынешнее правительство могло бы сделать чудеса без малейшей опасности для себя», ибо «такого положения, как Александр II, не имеет ни один монарх в Европе, — но кому много дается, с того много и спрашивается!...» Призывая Александра II к «революции сверху», Герцен ободряет его, мол, бояться не надо, ведь он неограниченный самодержец. Когда уже открыто заговорили о приступе к освобождению крестьян, «Колокол» 15 февраля 1858 г. не без патетики заявил: «Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он столько же наследник 14 декабря, как Николай. Он работает с нами — для великого будущего». Герцен вовсе не догматик идеальной революции — обязательно «снизу», он прагматик, для него первое реальное действие Александра II — свидетельство того, что царь в той же мере преемник декабристов, как и наследник Николая, и это его не смущает. Для Герцена действия Александра II знаменовали (и это было действительно так) начало «революции сверху», потому что отмена крепостного права в условиях России конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. означала радикальное изменение прежде всего экономического строя, которое неминуемо должно было затронуть устои строя политического. И если бы последний подвергся такой же радикальной перемене, произошла бы та самая «революция сверху», которая означала бы реализацию наследия 14 декабря. Но этого не случилось: наследие Николая I сказалось сильнее наследия 14 декабря в помыслах и действиях возможного «революционера на троне», каким представлял себе Герцен Александра II, когда он приветствовал его библейским «Ты победил, Галилывянин!» В данном контексте мне важно подчеркнуть, что настоящий наследник 14 декабря — великий демократ Герцен — был глубоко убежден в возможности царя-реформатора осуществить идеи декабристов. Это обеспечило бы Александру II поддержку левого фланга своей социальной опоры — дворянства (не забудем, что декабристы — дворянские революционеры, а Герцен — последний их представитель, хотя и первый «народник»), но эта опора имела еще аморфный, политически инфантильный, хотя и количественно преобладающий центр при очень активном правом консервативном фланге.

Признавая приоритет общечеловеческих интересов над классовыми, тем не менее мы не можем не видеть, что в обществе всегда шла борьба не только классовых интересов, но и общенациональных с классовыми. На диалектике этой борьбы и основывалось государственное устройство. Российское государство рассматриваемого времени было дворянским, помещичьим. Но любой господствующий класс только тогда может удержаться у власти, если он, выражая свои узкоклассовые интересы, вместе с тем защищает и интересы общества в целом, общенациональные интересы. Это — обычная картина жизни государства в «спокойные» времена, когда же наступают кризисные периоды и узкоклассовые интересы господствующего класса приходят в резкое столкновение с общенациональными, государственная власть, владея таким оружием, как ее относительная самостоятельность, должна сделать выбор между узкоэгоистическими интересами своей опоры и общественными интересами, причем, отдавая приоритет общенациональным, власть на самом деле защищает долгосрочные фундаментальные интересы своей опоры. Александр II выбрал именно этот путь и сделал по нему первый и решительный шаг. Шаг, которого он не мог не сделать. Слишком уже зажился этот средневековый институт — крепостное право. Это было настолько пережиточное явление, что Маркс, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Николаю I, заметил, что и Николай, будь он жив, также отменил бы крепостное право<sup>4</sup>. Но, строго говоря, отмена крепостного права означала только модернизацию феодального строя, а отнюдь не его ликвидацию. Ведь наделение бывших помещичьих крестьян гражданскими правами и землей за определенные повинности переводило их в то положение, в котором пребывали миллионы государственных крестьян, т. е. произошел отказ от крепостнической, помещичьей формы феодального строя в пользу государственного феодализма. Так обстоит дело с точки зрения чистой теории. Это объясняет глубинные причины решительности Александра II при отмене крепостного права, несмотря на достаточно сильное сопротивление этому акту помещиков, эгоистически отстаивающих свою старинную привилегию. Но отмена крепостного права в реальных исторических условиях середины прошлого века нанесла смертельный удар феодальному строю, находящемуся в состоянии затяжного кризиса.

Этот объективно исторический результат приписывается реформатору, хотя он в нем «не виноват». Поскольку крепостное право было краеугольным камнем государственного устройства и его атрибутов (армии, права, административного управления), нельзя было их оставить в неизменном виде: они просто не могли бы функционировать на старой основе. В реформе этих институтов Александр II мог сделать второй шаг, именно тот, который бы превратил реформу в «революцию сверху». Таким шагом было бы допущение представительных учреждений не только на губернском уровне, какими должны были стать по земской реформе земства, а на уровне общегосударственном.

29 июня 1862 г., на второй день после заседания Совета министров, одобдившего проект земской реформы, министр внутренних дел П. А. Валуев записывает в своем дневнике, что Александр II на этом заседании затронул вопрос о конституции, заявив, что «противится установлению конституции не потому, что дорожит властью (император, конечно, лукавил.— Б. Л.), но потому, что убежден, что это было бы несчастьем России и привело бы к ее распаду». И далее сообщается о реакции царя на записку Валуева от 26 июня «О внутреннем состоянии России», где между прочим говорилось и о преобразовании Государственного совета в выборный совещательный орган. (Эту записку он послал шефу жандармов. В. А. Долгорукову в расчете на то, что тот ее представит Александру II.) Предложение это обосновывалось тем, что дворянство стремится «иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия»<sup>5</sup>. Реакция Александра II формулируется Валуевым так: «Преобразование теперь он считает несвоевременным, но не прочь от него впоследствии» (так в тексте)<sup>6</sup> Даже чисто бюрократическая логика подсказывала, что местные представительные учреждения, коль скоро они уже допущены, должны были в таком централизованном государстве, каким была империя, «увенчаться» каким-то верховным органом. Валуев видел его в выборном (конечно, из дворян) Государственном совете, М. Н. Катков — в Земском собрании. От Александра II требовалось совсем немного — нечто, что может быть названо программой-минимум «революции сверху». Но он на это не пошел. Почему же? Не понимал необходимости такого шага? Тогда бы он решительно отверг предложение Валуева. Маневрировал? Возможно, но при этом он не мог рассчитывать на то, что туманные обещания вернутся к этому вопросу кого-нибудь успокоят. Берусь утверждать, что Александр II не просто отделался отговоркой, а искренне полагал «несвоевременной» такую меру. И можно с ним согласиться. Продворянский ходатай Валуев был, конечно, очень далек от желания демократизировать государственный строй, он хотел открыть клапан для дворянской консервативной оппозиции, недовольной крестьянской реформой и негодовавшей на действия «красной» бюрократии, которой удалось провести закон о крестьянской реформе. В условиях, когда только разворачивалась реализация «Положений» 19 февраля 1861 г., дать такую уступку дворянству означало развязать организованное сопротивление, чего Александр II допустить не мог. Вспомним, что Н. А. Милютин не допустил собраний вызванных в Петербург представителей губернских комитетов, понимая, как и его великий современник Карл Маркс, что «созыв „нотаблей“ — начало революции». Правда, Маркс, страстно желая революции, упускал из виду, что она могла быть консервативной. В начале XIX в. республиканец Лагарп не рекомендует своему бывшему ученику Александру I идти на создание представительных учреждений, ограничивающих самодержавие, опасаясь консерватизма и неприятия дворянами каких-либо реформ (а ведь представительные учреждения заполнялись бы в первую очередь дворянами). Через несколько десятилетий Александр II мыслит в общем по-лагарповски. Но саму идею он не отвергает. Однако, когда в апреле 1863 г. Валуев попытался возвратиться к своему предложению, Александр II вновь уклоняется от ответа. Квалифицировать действия императора как шаг направо вряд ли верно, так как он торопит с реформами, затрагивавшими важнейшие прерогативы государственного аппарата, и в 1864 г. одна за другой получают законодательное оформление земская и судебная реформы. Если бы, допустим, пожары летом 1862 г. в Петербурге или более грозное событие — Польское восстание, вспыхнувшее в начале 1863 г., или взлет крестьянского движения, связанный с объявлением и реализацией крестьянской реформы, вызвали у царя импульс торможения, то, очевидно, ему следовало задержать и земскую, и судебную реформы. Но этого не случилось. Стало быть, «зигзаги», колебания, которые обычны для любого политика, принимающего судьбоносные решения, у Александра II объясняются не внешними обстоятельствами, а его политическими установками. Суть их — «николаевское наследие». Оно диктовало тактику царя, который, приступая к реформам, убрал с политической арены наиболее одиозных деятелей николаевской эпохи (шаг как будто бы в сторону наследия 14 декабря) и вызывавших особое раздражение в консервативных кругах дворянства творцов реформы после ее законодательного оформления

(шаг в сторону «николаевского наследия»), что было жестом примирения с рассерженным дворянством, который, конечно, сулил ему свое «прочтение» «Положений» 19 февраля 1861 г., хотя в них и без того было достаточно простора для защиты эгоистических интересов помещиков. Этот жест был, конечно, менее опасен для крестьянской реформы, чем возможное новое «редактирование» «Положений» 19 февраля реформированным Государственным советом на основах представительности.

Валуев тем временем продолжает упорно работать над своим проектом реорганизации Государственного совета, надеясь, что его час пробьет. К концу ноября 1863 г. он завершил новое «Учреждение Государственного совета». Внешне это сугубо канцелярская работа — обновление старого нормативного акта. Из 201 статьи этого акта 85 прямо заимствованы из него, 42 статьи получили новую и в общем несущественную редакцию, зато 74 статьи — совершенно новые<sup>7</sup>. Они-то и определяли суть реформы — введение в Государственный совет выборных представителей. Предполагалось, что при Государственном совете они составят «Съезд государственных гласных»: 101 депутат — представители от земств, избранных на земских губернских собраниях, 32 — от мест, где земства не вводились (Прибалтика, Кавказ, Сибирь, Земли казачьих войск), и 18 — от крупных городов, избранных в городских думах или городских обществах. Кроме них, согласно этому проекту, царь должен назначать еще 30 депутатов по своему выбору и председателя съезда. В общей сложности — 181 депутат. Срок полномочий съезда определялся в три года, кроме его первого созыва, которому отводился один год. Сессии съезда намечалось проводить раз в год по созыву царя, на них предполагалось рассматривать все законодательные вопросы, ходатайства земств и вообще всех сословий, вопросы хозяйственные (строительство железных дорог при участии правительства, штатные расписания, бюджетные вопросы). Как видим, круг вопросов весьма обширен, но самому съезду как бы отводилась роль «нижней палаты», низшей законодательной инстанции, его решения должны были рассматриваться в Государственном совете как «верхней палате» при участии избираемых для этого 14 членов съезда и двух его вице-председателей с правом голоса. Валуев намеревался представить этот проект к моменту, когда уже одобренные Советом министров основы земской реформы поступят на обсуждение Государственного совета. Он рассчитывал, что обсуждение проекта вместе с проектом земской реформы на общем собрании Государственного совета обеспечит успех задуманного, очевидно, полагая, что коль скоро одно «блюдо» уже съедено, то царю придется проглотить и другое. Но все же, опасаясь неблагоприятной реакции царя, он решил предварительно ознакомить его с содержанием проекта через специально подготовленную «записку», которую он подал 7 декабря 1863 г. Спустя шесть дней царь резко отверг предложенное: ни о каком общегосударственном представительстве он и слышать не хотел.

Этот категорический отказ без оговорок о «несвоевременности» как будто колеблет мое предположение об искренности (и правильности!) позиции царя летом 1862 г. Да, действительно, в конце 1863 г. царизм в общем вышел из кризиса, связанного с Польским восстанием, получив, впрочем, мощную поддержку шовинистической волны, охватившей то самое дворянство, которое летом 1862 г. было явно в оппозиции к правительству. Да, в общем завершилось введение уставных грамот в бывшей помещичьей деревне и пик крестьянского протеста прошел, крестьянская реформа стала реальным фактом и повернуть ее вспять уже представителю по преимуществу дворянскому органу не удалось бы. Все это так, и царь, продолжая мыслить по-лагарповски, мог бы пойти на предложенную Валуевым реформу Государственного совета, но «голос крови» оказался сильнее: победило «николаевское наследие». Если бы относительная стабилизация внутреннего положения в стране была причиной его отказа, то трудно объяснить, почему именно в момент этой стабилизации Александр II идет на самую радикальную из всех реформ — судебную, высот которой мы, строя сейчас правовое государство, стремимся достичь. Нет, дело не в обстоятельствах, а в отсутствии внутренних импульсов, необходимых для «революционера сверху». Именно поэтому Александр II не смог сделать второй шаг в реформировании, что означало бы «революцию сверху», так как этот шаг стал бы шагом к конституционной монархии. В 60-е гг. это был бы действительно революционный шаг, и Россия пережила бы первую и единственную «революцию сверху». Превращение России даже не в республику, а только в буржуазную монархию, конечно же, ускорило бы ее продвижение по пути буржуазной цивилизации и, во всяком случае, избавило бы ее от того мучительного пути, который ей пришлось пройти — «назад к Мафусаилу», — пути контрреформ. Умный монархист Валуев четко определил отказ Александра II, записав в своем дневнике: «Одним словом, Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли». Добавим только, что если революционная ситуация 1859—1861 гг. Александра II чему-то научила, то она все же не смогла его заставить забыть «наследие Николая».

Поскольку судьбоносный переворот не дорос до «революции сверху», неминуем был откат назад, и вовсе не выстрел Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. тому виной — этот откат уже был запрограммирован самой половинчатостью реформ политического строя России. В последнее время некоторые публицисты, пишущие на исторические темы, с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытаются доказать, что контрреформы 80—90-х гг. XIX в. были ответом царского правительства на террор народников, а убийство Александра II Гриневичем помешало осуществлению т. н. «конституции» М. Т. Лорис-Меликова. Другие утверждают, что не будь П. А. Столыпин убит Богровым, он стал бы русским Бисмарком, спас бы Россию новой «революцией сверху»<sup>8</sup>. Решительно отвергая террор как метод политической борьбы, независимо от того, кто его применял и против чего он был направлен, я все же думаю, что эти «новации», якобы ломающие догматические установки в исторической науке, создают в массовом историческом сознании новые мифы, не выдерживающие научной критики при самом элементарном сопоставлении фактов. Александр II еще задолго до первого покушения на его жизнь совершенно недвусмысленно отверг проект Валуева, который, как известно, ему пистолетом не угрожал. Все дело в том, что Александр II не был готов, не созрел к роли лидера «революции сверху», внешние же обстоятельства использовались им только как повод для сдерживания преобразований, которые всегда имеют тенденцию к саморазвитию и радикализации, коль скоро они начаты. Как и революция, реформы должны себе ставить сверхзадачи, чтобы осуществить реальные цели переустройства общества, но такой сверхзадачи Александр II не мог даже поставить, а силы, заинтересованные в ее постановке, в России того времени практически отсутствовали.

Утверждая это, я вовсе не игнорирую факт второй волны оппозиционного движения дворянства, которая возникла с началом деятельности земств и в условиях спада шовинистических демонстраций поддержки самодержавия в связи с Польским восстанием. В январе 1865 г. Московское губернское дворянское собрание направило адрес на имя царя, в котором призывало его: «Довершите же, государь, основанное Вами Государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству. Повелите Вашему верному дворянству с этою же целью избрать из среды себя лучших людей. Дворянство всегда было твердою опорю русского престола»<sup>9</sup>. Можно, конечно, этот призыв трактовать как предложение всесословного и дворянского представительства. Думается, однако, что дворянское собрание имело в виду именно дворян как «выборных людей от земли русской», т. е. дворянское представительство. Адрес и выступление московского губернского предводителя дворянства графа В. П. Орлова-Давыдова, несмотря на запрет, были опубликованы в газете «Весть». Правительство немедленно приняло репрессивные меры: дворянское собрание было распущено, его решения отменены, Орлов-Давыдов и издатель газеты В. Д. Скарятин были вызваны к следственному приставу. 30 января в «Северной почте», органе Министерства внутренних дел, был опубликован рескрипт царя на имя министра внутренних дел, в котором было четко сказано, что нераздельное право на законодательный почин имеет только самодержавие, по инициативе и предначертаниям которого совершаются преобразования. Они, говорилось в рескрипте, «достаточно свидетельствуют о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать по мере возможности и в определенном мною порядке разные отрасли государственного устройства»<sup>10</sup>. Отметим, что в этом рескрипте открыто говорится о методах и пределах преобразований. И это за 14 месяцев до выстрела Каракозова! А в беседе с П. Д. Голохвастовым, видным лидером московского дворянства, в сентябре 1865 г. царь, по свидетельству его биографа, еще более ясно обосновал свою позицию: «Я даю тебе слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что, сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски»<sup>11</sup>. Так что очередной натиск Петербургского дворянского собрания и земского собрания, как и других земских собраний, вызвавших к жизни новый «конституционный» проект, на сей раз вел. кн. Константина Николаевича, согласно которому при Государственном совете создаются земский и дворянский съезды, заседающие под председательством членов этого совета, был заранее обречен на провал, случись или не случись террористический акт 4 апреля 1866 г. Напомним, что не кто иной, как сам царь, в свое время поставил в качестве заслона противникам крестьянской реформы авторитет брата, а сейчас, еще до 4 апреля, не только не загорелся его проектом, а решил, как говорится, спустить его на тормозах. Выстрел Каракозова, конечно же, ошеломил дворянскую оппозицию, она ответила ливнем верноподданнических адресов и телеграмм, и, хотя обстановка изменилась, вел. кн. Константин Николаевич все же продолжал отстаивать свой проект в несколько смягченном виде.

Святейший же синод, подогревая охранительную истерию, обратился к Александру II с предложением учредить ежегодный крестный ход в память о чудесном спасении его 4 апреля. Узнав об этом, митрополит московский Филарет 22 апреля 1866 г. пишет письмо-протест обер-прокурору Синода. 4 апреля будет приносить с собой два воспоминания, рассуждает Филарет, во-первых, о чудесном спасении царя — «сохранить сие в живой памяти народа и желательно, и полезно», во-вторых, о «жестокой крамоле». «Надобно ли,— продолжает он,— каждый год торжественно напоминать народу, что возможно восстание против царя, которое он прежде почитал невозможным?» И, подкрепляя свою позицию, напоминает, что Николай I ежегодно 14 декабря совершал благодарственное молебствие в своей придворной церкви, «но всенародного церковного торжества по сему событию (т. е. подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 г.— Б. Л.) не учредил». Однако Филарет опоздал. Еще 14 апреля Александр II «высочайше соизволил» «учреждение ежегодного повсеместного совершения в 4 день апреля крестного хода на городские площади... целодневным звоном». Этот эпизод не только характеризует Филарета как весьма дальновидного консерватора, но и отражает настроенность Александра II.

И после выстрела Каракозова потрясенный Александр II действовал так же, как и до него. Если вслед за объявлением реформы 19 февраля 1861 г. были уволены в отставку ее активные «разработчики» и реализация законоположений практически была передана в руки людей, явно настроенных против нее, то и сейчас ключевые позиции, определявшие характер проведения земской, судебной, школьной и цензурной реформ, были заняты новыми людьми — представителями крепостнического лагеря. Вместо В. А. Долгорукова, разрабатывавшего с Валуевым идею реорганизации Государственного совета, во главе III Отделения встал консерватор П. А. Шувалов, вместо либерального министра просвещения А. В. Головнина, руководившего подготовкой университетской, школьной и цензурной реформ, назначен мракобес Д. А. Толстой, а сторонник оперативного введения судебных уставов министр юстиции Д. Н. Замятин был заменен К. И. Паленом, достойным единомышленником Толстого и Шувалова. Эта группа определяла атмосферу в Совете Министров, из которого вскоре был вытеснен даже такой опытный царедворец (правда, он же носитель «конституционной» идеи), как П. А. Валуев. На его место пришел А. Е. Тимашев, тот самый, который в 1861 г. в знак протеста против крестьянской реформы оставил пост управляющего III Отделением.

Эта смена караула позволила сбить новую волну оппозиционных выступлений земств в связи с законом от 21 ноября 1866 г., лишившим их значительных денежных доходов от сборов, налагаемых на торговые и промышленные предприятия. Узурпировав часть этих доходов, государственный аппарат ослаблял экономическую базу земств, а следовательно, и их политическое влияние на общество. В начале января 1867 г. Петербургское губернское земское собрание ходатайствовало о созыве общероссийского земского собрания для обсуждения вопроса земского обложения. Это вызвало недвусмысленную реакцию царя, и через полгода, 13 июня 1867 г., был издан закон «О порядке производства дел в сословных и общественных собраниях», не только укоротивший поводок, но и надевший намордник на земские собрания. Их председатель наделялся правом пресекать неприемлемые выступления, на гласных же возлагалась личная ответственность за ход собрания, они могли подвергнуться взысканиям в судебном и административном порядке за принятие решений по вопросам, не подлежащим их компетенции, а сами решения не признавались. К тому же ограничивалась гласность в их деятельности и попытках сношений между собой. Это был прямой удар по всем «конституционным» проектам, включая и проект вел. кн. Константина Николаевича. Вместе с тем это был первый сигнал грядущей эпохи контрреформ. Возможность «революции сверху» исчезла безвозвратно.

Но при этом может возникнуть вполне закономерный вопрос к автору: если завершенность реформ связывалась с созданием общероссийского выборного представительства, т. е. с рождением конституционной монархии, и только в этом случае можно говорить о «революции сверху», то правомерно ли утверждать, что возможность «революции сверху» утрачена окончательно, поскольку известно, что за несколько часов до своей гибели Александр II распорядился собрать 4 марта заседание Совета министров для обсуждения доклада М. Т. Лорис-Меликова, в котором предлагалось некое подобие выборного представительства? Да, правомерно, отвечу я, и попытаюсь это доказать, проследив весь скорбный путь так и не развившихся эмбрионов «русской конституции».

Новая команда сановников, отобранная Александром II, не могла не понимать полезности проектов Валуева и вел. кн. Константина Николаевича для стабилизации внутреннего положения

страны и «примирения» царизма со своей социальной опорой («примирение» я беру в кавычки, так как «ссора» напоминала ссору соседей по имению). П. А. Шувалов слыл англоманом от головы до пят. Еще в годы подготовки крестьянской реформы он говорил Н. А. Милютину, что дворянство вправе требовать компенсации за потери в виде не только местного земского хозяйственного самоуправления (в котором дворянство и будет играть первую скрипку.— *Б. Л.*), но и в виде представительного высшего законодательного учреждения, формируемого из высшего дворянства. Если первую часть компенсации дворянство получило, то вторую — еще нет. И от этого требования,— «аристократической конституции», как ее называли современники, Шувалов отказываться не собирался. Это была такая же продворянская позиция, как и у Валуева, но с заметной поправкой — проаристократической. Валуев окрестил ее ультрадворянской и считал близорукой. Но то были разногласия о степени «консервативной густоты» варева, которое каждый из них готовил. Шувалов набирал такую силу, что приезжавшие в столицу губернаторы, прежде чем предстать перед императором, считали своим долгом просить аудиенции у него, шефа жандармов, чтобы посоветоваться с ним. Шувалов добивался укрепления экономических позиций дворянства и придания ему решительного перевеса в земствах. Он не разрабатывал никаких проектов общегосударственных дворянских представительных учреждений, а стремился поднять такие хозяйственные вопросы, разрешение которых требовало созыва представительного совещания. Одним из таких вопросов был вопрос о состоянии помещичьего хозяйства, переживавшего не лучшую свою пору в пореформенное десятилетие. В качестве союзника для проведения идеи о представительном совещании Шувалов выбрал Валуева, добившись его назначения министром государственных имуществ. Оно состоялось 16 апреля 1872 г., а уже 3 мая во всеподданнейшем докладе царю был изложен план создания комиссии под председательством Валуева для исследования состояния сельского хозяйства в стране. В докладе это аргументировалось бедственным состоянием народа, хотя и для Валуева, и для Шувалова сельское хозяйство страны идентифицировалось с хозяйством помещичьим. Эта комиссия должна была работать под контролем Комитета министров, испрашивалось право комиссии вызывать на свои заседания как официальных, так и частных лиц для получения детальных сведений. При этом в докладе содержалась ссылка на положительный опыт английских «королевских комиссий» (так назывались именно парламентские комиссии). Для членов Комитета министров, куда был направлен для обсуждения доклад, эта аналогия не прошла незамеченной: она была воспринята как некий намек, но Валуев, проявив незаурядную изворотливость, объяснил, что комиссия будет собирать не «мнения», а только «сведения», необходимые для исполнения государственным аппаратом воли императора. Это успокоило блюстителей абсолютной монархии. Однако этот внешне безобидный ход должен был способствовать подготовке такого отчета комиссии, который бы так обнажил истинное положение пореформенной деревни, что методы ее «лечения» неминуемо должны были бы оговариваться на общегосударственном собрании, в первую очередь представителей земств, а если удастся, то и предводителей дворянства.

Валуевская комиссия в составе 11 человек — представителей министерств внутренних дел, финансов, государственных имуществ — имела рабочий аппарат (примерно 40 чиновников министерства государственных имуществ). Она опросила 958 человек, из них 283 помещика (около 30% общего числа опрошенных) и только 17 крестьян (1,7%). Вопреки заверениям Валуева, собирались именно «мнения» в ущерб сбору точных и проверенных объективных сведений. В результате столь судорожной работы комиссии составилось 5 томов: заключительный «Доклад Высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» и семь приложений. Они были изданы в Петербурге в 1873 г. и оформлены так же, как материалы английских королевских комиссий,— в виде «синих книг». Валуев старался их усиленно пропагандировать читающей публике, чтобы обеспечить общественное мнение по вопросам, поставленным в «синих книгах».

Обсуждение доклада в Комитете министров началось 20 ноября 1873 г. и продолжалось до марта 1874 г. на еженедельных его заседаниях. Уже на втором заседании Шувалов, ссылаясь на опыт разработки крестьянской реформы при участии дворянства, предложил передать обсуждение вопросов, поднятых в докладе и свидетельствующих о «болезненном состоянии страны», в одну-две комиссии, в которых наряду с представителями ведомств участвовали бы и эксперты, избранные от земских учреждений. Это предложение встретило отпор части членов Комитета министров, но с различных, порой прямо противоположных позиций. Если председатель Комитета министров П. Н. Игнатьев испугался таких «предконституционных» заходов, зная твердую установку на этот счет царя, то Д. А. Милютин, не доверяя Шувалову, опасался олигархического представительства,

и весьма резонно. Двумя годами позже К. Д. Кавелин так же оценивал этот план Шувалова: «Знаменитая комиссия для исследования положения сельского хозяйства в России должна была подготовить введение дворянской конституции сверху»<sup>12</sup>. Шувалов проводит ряд отдельных совещаний и бесед с влиятельными членами Комитета министров, чтобы все же реализовать идею о представительном совещании не только председателей земских управ, но и представителей дворянства. Он пытается заручиться и согласием вел. кн. Константина Николаевича, но последний решительно против призыва предводителей дворянства. В конечном итоге на заседании 26 февраля 1874 г. Комитет министров принимает «Положение Комитета министров», которое низводит идею представительного совещания до собрания экспертов от сословных и общественных организаций, созываемых от случая к случаю, по желанию императора. «Гора родила мышь», — записал в своем дневнике Д. А. Милютин<sup>13</sup>. Естественно, что Александр II, правда, после некоторого раздумья, 9 марта подписал журнал заседания Комитета министров от 26 февраля. Это «Положение» ничуть не колебало абсолютной власти монарха. Через некоторое время всеильный «Петр IV», как в кругах высшей знати окрестили Шувалова, оказался послом в Лондоне. По свидетельству самого Шувалова, его отставка с поста шефа жандармов состоялась после того, как Александр II спросил его: «Вы предпочитаете Лондон?», намекая тем самым на стремление Шувалова к конституционной монархии (которая, как мы знаем, куда более консервативного образа, чем английская) и как бы уясняя приемлемость для него нового назначения. Шувалов ответил утвердительно. Так провалилась вторая и менее радикальная, чем валуевско-константиновская, попытка правительственного конституционализма.

Третья попытка связана с именем М. Т. Лорис-Мельникова. Он был неожиданной фигурой в высшем эшелоне власти. Генерал Лорис-Меликов прославился в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. смелым штурмом Карса — неприступной турецкой крепости. В 1879 г. он был назначен временным губернатором Астраханской, Самарской и Саратовской губерний. В первой губернии еще продолжалась чума. И хотя он принял губернию, когда эпидемия уже шла на спад, молва ему приписала заслуги быстрой ее ликвидации.

В апреле 1879 г. после неудавшегося покушения на царя (пять пуль, выпущенных А. К. Соловьевым из револьвера, не достигли цели) Александр II специальным указом вводит временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове и Одессе с чрезвычайными правами административной высылки, ареста любого лица, приостановления или закрытия периодических изданий. Им подчинялись все гражданские учреждения, судебные ведомства и учебные заведения. Такие же права получили и генерал-губернаторы Москвы, Киева и Варшавы. Практически это означало приостановление законодательных актов о судебной, цензурной и университетской реформах. Если учесть и те меры усиления полицейского режима, которые были приняты для подавления «деятельности агитаторов» и в связи с убийством 4 августа 1878 г. шефа жандармов Мезенцева, то можно утверждать, что для общества была перекрыта та слабая струйка кислорода, которую несли реформы 60-х гг. Генерал-губернатором столицы стал герой Плевны, освободитель Софии И. В. Гурко, в Одессу был назначен Э. И. Тотлебен, прославившийся еще в Крымской войне, а в Харьков — М. Т. Лорис-Меликов. Назначение популярных военачальников на роль «сильной руки» должно было, по расчетам правительства, охладить «горячие головы» и успокоить взбурянное население.

Лорис-Меликову шел 55-й год, он имел административный опыт, был энергичен и умен, придерживался тактики беспощадного преследования «зла, не только совершенного революционерами, но и злоумышления», и привлечения на сторону правительства «благонамеренных элементов». Эту политику идеолог народничества Н. К. Михайловский впоследствии окрестил «волчьей пастью с лисьим хвостом». Лорис-Меликов изложил ее в отчете о своей деятельности в качестве генерал-губернатора Александру II 2 февраля 1880 г., ровно за три дня до взрыва в Зимнем дворце, организованного Степаном Халтуриним. Этот взрыв вызвал тревогу и растерянность в правительстве и высших кругах. В эти дни со всей очевидностью проявился «кризис верхов» — обязательный признак революционной ситуации, которая, как и в 1859—1861 гг., возникла при отсутствии в стране революционного класса, но, в отличие от первой, при гораздо меньшем размахе крестьянского движения, при отчаянных действиях фанатиков, стремившихся разбудить «спящий» народ террористическими актами, коль скоро повальное «хождение в народ» 1874 г. не достигло тех целей, на которые рассчитывали пламенные идеалисты революции.

Спустя три дня после взрыва в Зимнем дворце Александр II собирает совещание для определения экстренных мер борьбы с революционерами. На нем наследник престола, будущий царь

Александр III предлагает немедленно создать Верховную следственную комиссию с диктаторскими полномочиями. Подобная идея была высказана днем раньше, 7 февраля 1880 г., в «Московских ведомостях». Издатель газеты М. Н. Катков писал: «Необходимо, чтобы один правительственный орган, облеченный полным доверием государя, имел диктаторскую власть для борьбы со злом... ему должны быть предоставлены все средства действия... От него должно исходить направление и соглашение действий генерал-губернаторов и никакие формальности процедуры не должны иметь силы перед его полномочием». Вкратце — нужен военный диктатор. Царь не сразу принял предложение наследника, но на следующий день согласился учредить Верховную распорядительную комиссию во главе с Лорис-Меликовым. 12 февраля появился указ об ее учреждении для охраны «государственного порядка и общественного спокойствия». Она должна была истребить «крамолу». Лорис-Меликов получил право применять любые меры как в столице, так и в стране в целом. Генерал-губернаторы обязаны были сообщать ему о всех государственных преступлениях и выполнять его распоряжения. Лорис-Меликов представил царю состав этой комиссии, в которую входило первоначально 9 человек, в их числе обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, с чьим именем связана вся полоса реакции 80-х гг. XIX в.

В мемуарах А. Ф. Кони приводится рассказ Лорис-Меликова о своей карьере. Хотя в стилистике этого рассказа есть нечто хлестаковское, ему нельзя отказать в точности изложения фактов и оценок. «... А тут эта война, Карс... зовут затем „усмирять чуму“. Я Поволжья вовсе не знаю. Нет! Поезжай. А там — вдруг сатрап на 12 млн. в Харькове. Делай, что хочешь: судью застрели, губернатора сошли, директора гимназии повесь! Едва успел оглядеться, вдуматься, научиться, вдруг — бац! — иди управлять уже всем государством. Я имел полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев — никогда не имели такой всеобъемлющей власти»<sup>14</sup>. Лорис-Меликов решил уже в масштабе страны действовать по своему «харьковскому образцу». Уже 15 февраля 1880 г. он публикует в «Правительственном вестнике» воззвание «Жителям столицы», в котором обещает не останавливаться «ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий», чтобы «оградить» интересы «благонамеренного» общества. В этом он надеялся «на поддержку общества», которую рассматривал как «главную силу, могущую содействовать власти». Вполне вероятно, что поданная Лорис-Меликову уже в марте «Записка о внутреннем состоянии России» группы либералов — С. А. Муромцева, А. И. Чупрова и В. Ю. Скалона, в которой наряду с рецептами по «искоренению зла» говорилось и о том, что выход из создавшегося положения — в созыве «особого самостоятельного собрания представителей земств», была одним из первых откликов «общественности» на этот жест доверия. Недаром Джордж Кеннан — наблюдательный американский публицист, внимательно изучавший внутреннее положение современной ему России, — уже в 1888 г. опубликовал эту записку в Женеве в книге «Последнее заявление русских либералов». С другой стороны, М. Н. Катков, почуввав опасность в апелляции Лорис-Меликова «к обществу», тоже в марте в своем письме-доносе Александру II писал: «... нельзя гоняться за мнениями, которые ходят в обществе, особенно в смутную пору, какова нынешняя».

Лорис-Меликов не только писал воззвания, но реально действовал: он добился временного подчинения ему III Отделения и, став шефом жандармов, сосредоточил в своих руках управление всей карательной системой. Решив, так сказать, организационные вопросы, он в докладе царю 11 апреля 1880 г. излагает план фундаментальных действий. Конечно, первое место он отводит целенаправленной политике репрессий. Но в докладе говорится и о том, что важно устранить причины, способствовавшие развитию революционного движения, а они кроются в несоответствии деятельности государственного аппарата потребностям страны. От него новые, пореформенные реальности требуют «других знаний, других приемов деятельности, иных способностей, чем прежде». Лорис-Меликов не скрыл от царя, что к нему поступили предложения об организации народного представительства в «западных» ли формах или «древнерусских», о призыве представителей земств в Государственный совет, которые он лично не поддерживает, считая только, что, карая «злоумышленников» и не смешивая при этом с ними людей инакомыслящих, следует постепенно переходить от чрезвычайных мер «к законному течению дел». Такова его общая стратегия. Затем он намечает ряд конкретных вопросов, решение которых улучшило бы жизнь народа: пересмотр податной и паспортной систем, регулирование условий найма рабочих, облегчение переселений крестьян. Что касается, как мы бы теперь сказали, кадровой политики, он считал необходимым сместить с поста министра народного просвещения Толстого, мракобесие которого вызывало протесты студенчества и профессуры. Это удалось осуществить к великому удовольствию самого

Лорис-Меликов, который свидетельствовал, что даже в Зимнем дворце «целовались у заутрени, приветствуя друг друга словами: „Толстой сменен, воистину сменен“...»

Сообщая царю о различных планах «народного представительства», Лорис-Меликов вовсе не открывал ему тайны, так как еще 21 января царь председательствовал на Особом совещании, созванном по его инициативе для обсуждения давних проектов такого представительства Валуева 1863 г. и вел. кн. Константина Николаевича 1866 г. Против последнего проекта как «начала конституции» открыто выступил племянник великого князя, наследник престола, который заметил: «... выберут в депутаты пустых болтунов — адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой». Очевидно, свою неприязнь к адвокатам он унаследовал от своего деда — Николая I. Лапидарная запись в памятной книжке Александра II подводит итог этой попытки: «Совещание с Костей и другими, решили ничего не делать». «Ничего не делать» для «революции сверху», но активно действовать против «революции снизу». На этих дрожжах и взошла Верховная распорядительная комиссия, которая, как стало ясно к лету 1880 г., как будто свою задачу выполнила, так как террористическая деятельность прекратилась, а либеральное крыло могло радоваться устранению Д. А. Толстого, «злого гения русской земли», как его «окрестил» Лорис-Меликов. 26 июля последний предлагает ликвидировать Верховную распорядительную комиссию, а 6 августа царь принимает такое решение, возложив функции этого чрезвычайного учреждения на Министерство внутренних дел, компетенция которого расширяется, так как III Отделение упраздняется. Такая концентрация карательной власти в одном органе, во главе которого встал Лорис-Меликов, сохранив пост шефа жандармов, была одобрительно воспринята не только сторонниками реакционного курса, но и легковверными либералами, радовавшимися падению детища Николая I — печально знаменитого III Отделения.

Используя благоприятную для себя реакцию «общественности», Лорис-Меликов в сентябре 1880 г. собрал редакторов наиболее влиятельных газет и обратился к ним с призывом утихомирить страсти прессы, заявив, что видит задачу правительства в восстановлении в правах деятельности земских учреждений и судебных органов, т. е. в возвращении к духу реформ 60-х гг. При этом он подчеркнул, что ни о каких новых реформах нечего и помышлять, назвав «мечтательными иллюзиями» разговоры о представительных собраниях. Это «увещевание» было предпринято для того, чтобы ввести в рамки расхоловшую печать. Месяцем позже на совещании о печати под председательством Валуева (с 1879 г. уже председателя Комитета министров) Лорис-Меликов высказался за прекращение административных преследований печати, передав это судебным органам. Эта позиция совпала с желаниями видных представителей журналистики, которые были приглашены на одно из заседаний совещания. Но председатель Комитета министров Валуев был другого мнения, и все речи, как говорится, ушли в песок. Этот эпизод свидетельствует о том, что Лорис-Меликов склонялся к мысли о необходимости строгого соблюдения норм уже осуществленных реформ, использования организационного опыта их подготовки, возможно, несколько корректируя их в соответствии с новыми обстоятельствами.

28 января 1881 г. Лорис-Меликов в докладе, представленном царю, отмечал, что осуществление предложенных им мер привело к стабилизации и укреплению правительственной власти и есть возможность завершить «великое дело государственных реформ». Эти реформы должны коснуться губернского управления, а также сделать некоторые дополнения к «Положениям 19 февраля», которые бы учли новые потребности крестьянства, усовершенствовать земское и городское «положения», решить назревшие экономико-финансовые вопросы. Разработку соответствующих законопроектов следует поручить временным подготовительным комиссиям, привлекая в них представителей земств и крупных городов. Состав каждой из этих комиссий мог бы определить сам царь. Это предложение было «повторением пройденного», напоминая редакционные комиссии конца 50-х гг. Но далее пошла новация: подготовленные законопроекты поступали в «Общую комиссию», в состав которой предполагалось ввести выборных от земского и городского самоуправления. После обсуждения на «Общей комиссии» эти законопроекты поступают на рассмотрение в Государственный совет, куда следует пригласить 10—15 выборных, работавших в «Общей комиссии». Таково содержание проекта, который только по недоразумению получил в литературе название «конституции» Лорис-Меликова.

Крайняя ограниченность этого проекта была настолько очевидна, что на совещании 5 февраля под председательством Александра II, на котором присутствовал и наследник престола, яростно возражавший против проектов Валуева и вел. кн. Константина Николаевича всего год назад, он был одобрен. Было создано Особое совещание, куда вошли присутствовавшие на этом совещании наслед-

ник престола, вел. кн. Константин Николаевич, А. В. Адлерберг, М. Т. Лорис-Меликов, С. Н. Урусов, Н. С. Абаза, П. А. Валуев и Д. Н. Набоков и государственный контролер Д. М. Сольский. 9 и 14 февраля Особое совещание заседало в Аничковом дворце под председательством Валуева и приняло проект Лорис-Меликова, исключив пугающий царя пункт о представителях в Государственном совете. 17 февраля царь утвердил Журнал Особого совещания. Так за какие-нибудь 20 дней была сотворена эта эрзац-конституция. Конечно же, не в этом трижды ухудшенном по сравнению с проектом Валуева 1863 г. варианте ожидала конституции вся мыслящая Россия в течение 20 лет. Утром 1 марта Александр II вручил Валуеву проект правительственного сообщения и велел назначить на среду, 4 марта, заседание Совета министров для окончательного утверждения «конституции» Лорис-Меликова. Но через несколько часов народовольцы привели в исполнение свой приговор царю.

Это событие перепутало все карты в правительственном лагере. Фанатичный сторонник неограниченного самодержавия, учитель и наставник наследника, а теперь нового царя Александра III, с 1880 г. обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев ежедневно после 1 марта бомбардировал «неповоротливого гиганта», которому «шапка Мономаха» была явно не по силам, письмами, призывавшими его «покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании».

Однако Александр III пока еще не внял этим воплям. 6 марта он одобрил новый вариант правительственного сообщения. 8 марта, несмотря на воскресный день, он созвал заседание Совета министров, которое было намечено Александром II на 4 марта. Однако состав его изменился. Лорис-Меликов вновь прочел свою записку. Первым выступил влиятельный царедворец С. Г. Строганов, который сказал: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для Вас (Александра III. — Б. Л.), ни для России». Валуев парировал тем, что «предложенная мера очень далека от конституции. Она имеет целью справиться с мнением и знанием людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения». Ему вторил Д. А. Милютин: «...Не о конституции идет у нас теперь речь. Идет ее не существование». А Победоносцев утверждал свое, что он в отчаянии, так как готовится гибель России. Большинство присутствующих высказались в поддержку Лорис-Меликова, но царь, склоняясь к позиции Победоносцева, еще не решился об этом открыто заявить. Это равновесие сил держалось до 21 апреля, когда состоялось очередное совещание при императоре. В результате его казалось, что победила линия либерального курса, но это было заблуждение. В тот же день Александр III пишет Победоносцеву, что «грустное впечатление» на него произвели «Лорис, Милютин и Абаза»: «страшно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России.» Заметим, что в этом витийном письме, в котором писалось о том, что думалось, без всякой «дипломатии», террористический акт народо-вольцев не выдвигается как аргумент против продолжения деятельности в духе умеренный Александра II. Так что не народо-вольцы торпедировали «конституцию» Лорис-Меликова, а Победоносцев. Воодушевленный письмом царя, он спешно строчит проект манифеста, где провозглашается необходимость защиты самодержавной власти «для блага народного от всяких на нее попятных». 26 апреля он отправляет этот проект с письмом Александру III. После свидания с императором в Гатчине Победоносцев, по дневниковой записи Е. А. Перетца, «чувствовал себя на высоте положения». Заметим, что слова «от всяких на нее попятных» интегрировали народо-вольцев-террористов и Лорис-Меликова, Милютин и Абазу. Не удивительно, что в день опубликования манифеста, 29 апреля, Лорис-Меликов подал в отставку, а 30 апреля последовала отставка министра финансов Абазы. Катков же, откликаясь на публикацию манифеста, 29 апреля в передовой статье «Московских ведомостей» писал: «Теперь мы можем вздохнуть свободно». Последняя попытка «карликового» шага к конституционной монархии по инициативе «сверху» кончилась полным крахом, откатом назад.

Такова подоплека мифа о «конституции» Лорис-Меликова и ее провале.

Теперь возвратимся к 60-м гг. Если бы Александр II в условиях общественного подъема завершил цепь реформ созданием представительного, пусть только законосовещательного учреждения вслед за земской, а еще лучше за судебной реформой, это был бы шаг к конституционной монархии. Это реализовало бы идею дворянских революционеров о «революции сверху», пусть не в той радикальной редакции, которая им представлялась. Но на эту высоту Александр II не взмогел. Жалкая же попытка Лорис-Меликова толкнуть его на действия, аналогичные тем, на которые он решился в 50-х гг., после того как были урезаны земская и судебная реформы, только внешне, формально была похожа на продолжение реформ 60-х гг. Преобразования 60-х гг. не достигли

своего логического финиша, самодержец до «революционера сверху» не дошел. Именно это и заставило российское освободительное движение сменить надежду на «революцию сверху» на лозунг «К топору зовите Русь!» Самодержавие упустило уникальную возможность. В порядок дня встала подготовка революции в ее классической форме.

Именно потому, что в российском историческом процессе не просматривается ни одна «революция сверху», за 12 лет XX века наше Отечество пережило три революции, из которых две первых — прямое следствие того, что «1861 год» их не предупредил.

## Примечания

- <sup>1</sup> Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 25.
- <sup>2</sup> Там же. С. 85.
- <sup>3</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 167—168.
- <sup>4</sup> См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 607.
- <sup>5</sup> См.: Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862—1866 гг.) // Исторический архив. 1958. № 1. С. 143 (публикация В. В. Гармизы).
- <sup>6</sup> Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 181.
- <sup>7</sup> См.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 40.
- <sup>8</sup> См., напр.: Волжский В. Судьба реформаторов // Неделя. 1990. № 43.
- <sup>9</sup> Цит. по: Чернуха В. Г. Указ. соч. С. 45.
- <sup>10</sup> Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и деятельность. Т. 1. СПб., 1903. С. 525.
- <sup>11</sup> Там же. С. 534.
- <sup>12</sup> Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 875.
- <sup>13</sup> Все перипетии этой попытки осуществления проекта Шувалова см.: Чернуха В. Г. Указ. соч. С. 67—118. Я воспользовался этим описанием.
- <sup>14</sup> Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 195—196.

© 1991 г.

**Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН**

## **КРИЗИС ВЛАСТИ В РОССИИ.**

### **РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС. 1905 и 1917 годы**

Реформы и революции — альтернативные способы разрешения назревших общественных и государственных проблем. Одной из причин падения самодержавия в феврале 1917 г. были неспособность и нежелание правительства идти по пути последовательного реформаторства.

Кризис власти в России проявился еще в конце первой четверти XIX в. Даже реформы 60-х гг., можно сказать, были отражением этого кризиса, ибо правительство вынуждено было приступить к ним, чтобы привести систему государственного управления и экономику в соответствие с требованиями времени. Революционный процесс несомненно оказывал влияние на реформаторскую политику правительства. Однако реформы 60-х гг. не были доведены до конца, что не только не укрепило положение правительства, но и вызвало недовольство как сторонников либеральных преобразований, так и противников реформ.

Своевременные радикальные реформы обычно сковывали и даже сводили на нет развитие

---

**Ананьич Борис Васильевич**, член-корр. АН СССР, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

**Ганелин Рафаил Шоломович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

революционных процессов. Конечно, связь этих двух явлений значительно сложнее. Уяснение ее требует ответа на ряд вопросов, например, как сказывалось на развитии революционных настроений в обществе запоздалое реформаторство, прерванное и незавершенное реформаторство, непоследовательное реформаторство, отказ от уже проведенных реформ и возвращение к старым порядкам (контрреформаторство)? В какой степени ход революционного процесса подталкивал правительство к проведению реформ, способствовал их радикализации, или побуждал правительство отказаться от реформ из опасения, что они лишь подстегнут и ускорят революционное брожение? Разумеется, надо учитывать особенности периода, в условиях которого рассматриваются взаимодействие реформаторского и революционного процессов и место каждого из них в общественной жизни. Так, если период 60-х гг. характеризуется как «эпоха великих реформ», то начало XX столетия стало для России «эпохой великих революций». Верховная власть в лице императора по-разному вынуждена была считаться и считалась при проведении реформ с общественным настроением и уровнем революционного движения. Александр I намерен был отменить крепостное право, и закон 1803 г. о вольных хлебопашцах был первым шагом на пути к реформе. Однако, согласно историографической традиции, Александр I не решился сделать следующий шаг, опасаясь серьезного недовольства со стороны крупных помещиков, и «вынужден был под напором мощной косной силы повернуть вспять»<sup>1</sup>.

Отказ от последовательного реформаторства в царствование Александра I положил начало развитию кризиса властей, который на протяжении XIX в. все более углублялся. Как время тридцатилетнего застоя расценивал царствование Николая I Н. Х. Бунге, известный русский государственный деятель 80—90-х гг. XIX в., придерживавшийся либеральных взглядов. Однако, отмечал он, Николая I не оставляла мысль о проведении крестьянской реформы, и «вопрос об освобождении крестьян не сходил с очереди до 1848 г., когда революционное движение в Европе его затормозило»<sup>2</sup>. Наконец, в советской историографии начало реформ 60-х гг., и в частности отмена крепостного права, прямо связывается с возникновением первой революционной ситуации на рубеже 50—60-х гг., а политика реформаторства рассматривается как попытка правительства снять социальное напряжение<sup>3</sup>, или даже как вынужденная уступка революционному натиску. Так, в коллективной монографии, посвященной первой революционной ситуации, подчеркивалось, что она позволила «вырвать у попавшего в кризис царизма реформы», причем кроме крестьянской «вырваны были земская, городская и судебная реформы, отменены телесные наказания, проведены финансовые реформы и реформы в области народного образования»<sup>4</sup>. Даже проведение военной реформы 1874 г., десять лет спустя после спада революционной ситуации, авторы монографии объясняют как своеобразное «последствие» революционной ситуации, вызванное страхом правительства перед опасностью ее повторения<sup>5</sup>. После второй революционной ситуации 1870—1880-х гг., как известно, начался период реакции. По мнению авторов монографии, «опыт отступления перед страхом «последствия» революционной ситуации был царизмом учтен, страх преодолели»<sup>6</sup>. Такое объяснение только подчеркивает тенденцию, свойственную изданию в целом, — выделить влияние первой революционной ситуации как решающего фактора в реформаторском процессе 1860-х гг. В результате отступают на задний план другие побудительные мотивы государственных преобразований как неотъемлемой части исторического процесса.

Правительство несомненно боялось народных выступлений. Этим продиктованы меры предосторожности, принятые в дни отмены крепостного права, этим отчасти объясняются и колебания Александра III и Николая II при выборе политического курса в первые месяцы после вступления на престол. Однако, как нам представляется, о непосредственном влиянии революционного процесса на реформаторскую политику правительства можно говорить только начиная с XX столетия, накануне и в период революции 1905—1907 гг., когда страна жила в обстановке обострившегося кризиса власти. Именно тогда, в условиях чрезвычайных, правительство прибегло к поспешному и относительно радикальному реформаторству. Столь же поспешно предпринимались в период спада революционного движения и попытки отказаться от уже сделанных уступок.

В начале XX в. связь реформ с революционным процессом стала фактом общепризнанным. Не случайно это — тема большинства печатавшихся в либеральном «Освобождении» статей. Газета призывала правительство к радикальным реформам, пугая его призраком революции. Следует учитывать многое объясняющую в государственно-политической истории революционных лет тактику либерального лагеря — использование ими революционного движения масс для давления на царизм в своих интересах. Суть этой тактики весьма точно отразил П. Н. Милюков, процитировав латинское изречение: «Если не смогу склонить высших [богов], двину Ахеронт [адскую реку]»<sup>7</sup>. Разу-

меется, революционные народные массы («адская река») отнюдь не могли быть «двинуты» лишь по усмотрению либералов, но в борьбе за власть либералы предусматривали и такие формы этой борьбы. Однако если вся приведенная Милуковым формула как нельзя более полно отражала социально-политическую природу либерализма, то первая ее часть свидетельствовала о готовности либеральных политиков к переговорам с правительством. Со своей стороны оно пыталось отыскать такую меру в своих уступках либеральной оппозиции, которая удовлетворила бы требования «благомыслящих», изолировала «крайних» и воспрепятствовала нарастанию массового движения против самодержавного строя.

Крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. оказали влияние на окончательное решение давно назревшего вопроса об отмене круговой поруки и ускорили появление Манифеста 26 февраля 1903 г. Нараставшие революционные события вынудили правительство к изданию указа от 12 декабря 1904 г. При подготовке этого указа были использованы многие не осуществленные в прошлом реформаторские проекты, идеи Н. Х. Бунге, М. Т. Лорис-Меликова, проект преобразования Сената с целью превращения его в оплот законности в империи (проект этот еще в 60-х гг. выдвигался Д. Н. Замятниным).

Очевидно, недооценив революционную угрозу, о которой неоднократно предупреждал в своих докладах министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский, царь выхолостил указ от 12 декабря 1904 г., этот последний перед революцией 1905 г. реформаторский акт, собственноручно изъяв из него пункт о созыве представительства.

Ход событий революции 1905—1907 гг. позволяет судить о прямой зависимости правительственного реформаторства от революционного процесса.

Известно, что после «Кровавого воскресенья» необходимость государственных преобразований настойчиво доказывалась Николаю II с разных сторон. Дважды совершенно недвусмысленные и лишённые обычного политеса беседы вел с ним во второй половине января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, который по свойствам своего характера, отсутствию личных политических амбиций и т. п. никак не мог быть заподозрен в стремлении покуситься на часть царских прерогатив, в чем неизменно обвиняли С. Ю. Витте. Наконец, 3 февраля царь созвал Совет министров, чего он никогда прежде не делал. Открывая заседание, он сказал, что разрывается («мечусь направо и налево») между желанием не делать никаких отступлений от самодержавного образа правления («отложить до более спокойного времени», что скорее всего означало воздерживаться от перемен до последней возможности) и боязнью «потерять все». Упомянув о вычеркнутом из указа от 12 декабря 1904 г. пункте о представительстве, царь объяснил это «вескими соображениями», свел их к затейливой формуле — «парламентриляндия адвокатов». Каждый элемент этой формулы — парламент, Финляндия с ее особым положением и правами и, наконец, адвокаты — вызывал у него раздражение. Обоснованию ненужности перемены была подчинена и историческая концепция царя («у нас не было феодализма, всегда было единение и доверие») соответствовавшая почти общепринятому в дореволюционной историографии представлению о русском обществе, которому противоречия политических интересов на всех этапах развития якобы были традиционно чужды.

С самого начала не скрывая своего отношения к представительству («Представительства не понимаю. Земский собор никто не понимает»), введение которого должно было составить предмет рескрипта министру внутренних дел, царь готовился издать манифест об усилении карательных мер («властного голоса о смуте не слышно»)<sup>8</sup>.

Как известно, январские события 1905 г. вынудили все же Николая II издать рескрипт от 18 февраля о представительстве, поручавший министру внутренних дел подготовку законодательства о создании представительного учреждения — законосовещательной Булыгинской думы (она так и не была созвана). Но реформы, продиктованные революционным натиском, часто опаздывали. Как и с указом от 12 декабря 1904 г., который уже в январе 1905 г. потерял всякий смысл, то же произошло и с Булыгинской думой (закон от 6 августа 1905 г.). Ее смела Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., парализовавшая деловую жизнь страны и деятельность правительства. 17 октября бастовал Государственный банк. Только в этих условиях царь пошел на такие уступки, как создание объединенного правительства и представительного учреждения с законодательными правами. Манифест 17 октября и изданные на его основе законы — образец вынужденного реформаторства.

Весьма выразительным примером исторической возможности (или невозможности) сочетания реформаторского курса политики царизма с его приверженностью традиционному самодержавному

образу правления является известный эпизод с приемом 6 июня 1905 г. Николаем II земской депутации с адресом. Пафос этого адреса был направлен против усиления полицейской власти, против «преступных небрежений и злоупотреблений советчиков государя». Но, как отмечал в своих воспоминаниях В. А. Маклаков, «по существу адрес не провоцировал революции, не задавался целью колебать историческую власть; он обещал ей поддержку русского земства»<sup>9</sup>. На поддержку со стороны «благонамеренной» оппозиции в тот момент рассчитывали и Д. Ф. Трепов, и другие окружавшие трон сановники. Недаром составитель адреса С. Н. Трубецкой был приглашен к царю телеграммой. В ответ на его «ласковый отеческий тон» царь заявил о непреклонном своем решении созвать народных представителей, а депутатов объявил своими помощниками<sup>10</sup>. Придворные, до приема предупреждавшие земцев: «Вы опасную игру играете!», теперь рассыпались в приветствиях. Трепов прошуypывал, не примет ли Трубецкой пост министра народного просвещения (именно этот пост еще в 1902 г. В. К. Плеве предлагал П. Н. Милокову). «Довольны и депутация, и государь», — сообщал Трубецкой жене. «Это была правильная и умная постановка вопроса, которую государь оценил», — писал Маклаков<sup>11</sup>. Милоков вспоминал об этом так: «Впервые царь был действительно тронут голосом из другого мира; впервые из его уст послышались слова, похожие на искреннее обещание реформы и как бы понимание ее необходимости»<sup>12</sup>. Однако получив текст царской речи, депутаты с удивлением обнаружили, что произнесенные царем на приеме слова, которые они считали высшим своим достижением, были в нем изменены. «Народные представители» были заменены «выборными людьми», а депутаты не назывались более царскими помощниками. Особого смысла в этом не было, и, когда царь вскоре пожаловался А. Оболенскому, что «его хотят изловить на слове», то услышал вовсе неожиданную для себя трактовку дела. «В сущности выборные люди гораздо более значат, чем представители. Представители — что? Мало ли представителей разных ведомств сидят во всевозможных комиссиях — а выборные люди — это другая музыка!» — внушал Оболенский<sup>13</sup>. Царь был как будто смущен. Но 9 июня губернаторам был разослан циркуляр Главного управления по делам печати, констатировавший, что царская речь изложена некоторыми газетами неточно, появившиеся в них слова о «созыве народных представителей на началах существующих в конституционных государствах Западной Европы» — результат произвольного толкования, а в речи царя было лишь выражено, что созыв выборных людей «ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам». В циркуляре подчеркивалось, что в речи царя «не содержится решительно ни малейших указаний на возможность каких-либо изменений в основных законах империи», и предписывалось приводить ее «только в той точной редакции, которая опубликована в «Правительственном вестнике» безо всяких изменений и сокращений». Вскоре последовал и циркуляр губернаторам об одобрении царем обращения ярославского губернатора Роговича к крестьянам с предостережением против расширительного толкования газетными рескриптами 18 февраля.

Через несколько дней царю была представлена записка двадцати шести губернских предводителей дворянства в поддержку обращения от 6 июня с упоминаниями не только о том, что «тускнеет блеск его образа», но и о «личной опасности» для него, о возможности «несчастья с государем». Но при дворе видели личную опасность именно в установлении правового строя. Когда ген. Х. Х. Рооп попробовал заметить царю, что введение представительства обезопасит его особу, присутствовавший при этом великий князь Владимир Александрович воскликнул: «Что Вы говорите, Христофор Христофорович, а Карно, а Мак-Кинлей?» В записке предводителей говорилось: «Роковое значение обстоятельств таково, что если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости».

Петербургский и московский предводители В. В. Гудович и П. Н. Трубецкой, вручившие царю записку, сомневались в ее действенности и прямо сказали ему: «Вот Вы нас сегодня милостиво принимаете и соглашаетесь с нами, а завтра Вам будет представляться Доррер (курский предводитель, известный крайними реакционно-монархическими взглядами. — Авт.), и Вы с ним согласитель!» Ошиблись они всего на один день: их разговор с царем происходил 18 июня, а 20 июня, принимая представителей курских дворян с Доррером во главе, царь заверил, что все будет «по старине»<sup>14</sup> и еще раз подтвердил это 21 июня при встрече с депутацией московского «Союза русских людей» и петербургского «Отечественного союза».

Объясняя свое согласие на подписание Манифеста 17 октября, Николай II всегда говорил о безвыходности своего положения. Уже 16 октября в своем ответе на треповский отзыв о виттевском проекте манифеста царь писал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отвора-

чивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же»<sup>15</sup>. Эти слова означали, по-видимому, признание отступления перед Витте. О днях накануне 17 октября царь писал матери: «Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал, что готовится что-то — войска ждали сигнала, а те не начинали. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой, нервы у всех были натянuty до невозможности, и, конечно, такое положение не могло продолжаться долго (...) Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу, — вспоминал царь виттевский ультиматум, — затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы впредь не могли осуществляться бы. Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательства проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция (...) Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет». Царь называл свой шаг «страшным решением», которое он «тем не менее ... принял совершенно сознательно»<sup>16</sup>.

Николай II с ненавистью относился к Государственной думе с момента ее возникновения. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания об открытии Государственной думы и, в частности, очерк, принадлежащий перу известного русского юриста А. Ф. Кони. По его свидетельству, сама церемония открытия Думы была воспринята представителями царствовавшего дома как похороны самодержавия<sup>17</sup>. Торжественный акт этот состоялся в Зимнем дворце 26 апреля, затем думские депутаты отправились на пароходах в Таврический дворец на первое свое заседание. Со слов матери Николая II императрицы Марии Федоровны ее «близкий интимный друг» статс-дама Арапова рассказывала 29 апреля 1906 г. на завтраке у княгини Ю. П. Хилковой, что царь и царица были потрясены встречей с «народными избранниками». Из Троицкого зала Зимнего дворца они прошли в будуар Александры Федоровны, где царица-мать застала своего сына «глубоко сидящим в кресле и у его ног, на коленях, свою невестку, которая, глядя голову государя, повторяла: я все это предвидела... предвидела... я говорила». «По лицу моего сына, — жаловалась Мария Федоровна, — текли слезы... Вдруг он сильно ударил кулаком по локотнику кресла и крикнул: я ее создал и я ее уничтожу... так будет. Верьте мне. И мой сын при этих словах перекрестился»<sup>18</sup>.

Отношение Николая II к Государственной думе не только в 1906—1907 гг., но и позднее только подтверждает достоверность рассказанного. Достаточно вспомнить злорадную запись царя в своем дневнике, сделанную в день роспуска I Думы: «Совершилось! Дума сегодня закрыта. У многих вытянувшиеся лица»<sup>19</sup>, или его активное и решительное участие в подготовке третьеиюньского переворота 1907 г. В известном письме, доставленном в 2 часа ночи 2 июня 1907 г. из Петергофа в Петербург, где в летней резиденции П. А. Столыпина министры ожидали приезда курьера с манифестом о роспуске Думы, Николай II не скрывал своей ненависти к Думе и продемонстрировал, казалось бы, не свойственные ему качества жесткого и решительного политика. «Я ожидал целый день с нетерпением извещения вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы, — писал царь. — Но вместе с тем сердце чувало, что дело выйдет не чисто и пойдет взятая жука. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, в воскресенье утром, распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелым бог владеет!»<sup>20</sup>

После 17 октября мечтой императора было возвращение к законосовещательной Думе. В условиях революции было положено начало столыпинскому аграрному законодательству. Закон от 9 ноября 1906 г., столыпинскую аграрную реформу, хотя она и не была вырвана революцией, нельзя рассматривать в отрыве от революционного процесса. Реформа также явилась его результатом. В сущности, этот законодательный акт готовился в течение нескольких лет в обстановке революционной ситуации начала столетия. Зачатки его мы видим в аграрной программе Витте конца столетия и даже в известной мере в аграрной политике Плеве последних лет. Столыпинскому законодательству предшествовали такие важные акты, направленные на разрушение общинного землевладения, как отмена круговой поруки и паспортная реформа.

Законодательные акты, принятые в условиях революции, явились вершиной правительственного реформаторства. Как известно, после спада революционного движения правительство сле-

лало ряд отступлений от принятых законов, стремясь ограничить, в частности, права представительного учреждения — Государственной думы.

Можно ли говорить о том, что реформы 1860-х гг., хотя и с опозданием, были завершены в период революции 1905—1907 гг.? Самодержавие не превратилось в буржуазную монархию. Государственная дума не стала парламентом. Объединенное правительство, созданное в октябре 1905 г., не стало кабинетом министров в западноевропейском смысле. Витте-премьер обладал меньшей властью, чем Витте-министр финансов, в 1890-е гг. пользовавшийся расположением и поддержкой императора.

Остались незавершенными судебная, земская реформы (парадокс состоит в том, что не осуществились как контрреформаторские, так и реформаторские проекты). Сохранилась сословная система, хотя она и была подорвана рядом законодательных актов и размывалась самой жизнью.

Самодержавие не могло сотрудничать ни с первой, ни со второй Государственными думами; напряженные до предела отношения сохранялись у Николая II и его окружения с первым Советом министров и его председателем С. Ю. Витте. Совет министров собирался в резиденции Витте на Дворцовой набережной в Петербурге и функционировал как объединенное правительство, а Николай II в Царском Селе принимал всеподданнейшие доклады министров в строгом соответствии с традицией.

Сотрудничество, или точнее сосуществование, объединенного правительства и представительного учреждения с царской властью приняло более или менее устойчивый характер только после переворота 3 июня 1907 г. Столыпин, искусный политический деятель, пытался совместить несовместимое — представительство и самодержавие. Некоторые его попытки заняться завершением реформ 1860-х гг., как, например, было в случае с введением земств в Западном крае, потерпели неудачу.

Но и политика Столыпина вызвала раздражение Николая II, не желавшего считаться с уже возникшими политическими партиями русской буржуазии. Столыпин был последним крупным политическим деятелем среди русских премьер-министров. Витте и Столыпин, великие прагматики в политике, были мастерами приспособлять феодальную форму правления к развивавшимся буржуазным отношениям. Их преемники на этом посту даже и не помышляли о такого рода деятельности.

Итак, в канун первой мировой войны правительство царя не только не стояло во главе реформаторского процесса, но уже не имело никакой четкой политической программы — ни буржуазно-либеральной, ни контрреформаторской, консервативной. Во главе правительства не было государственных деятелей с достаточно широкими политическими взглядами. Политический курс диктовался интересами дня и общими принципами правительственной политики, главным из которых был принцип незыблемости самодержавия. Именно этот принцип стал причиной острого конфликта, разразившегося между царем и министрами в 1915 г., когда Николай II уволил с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и занял этот пост сам. Он не только отказывался удовлетворить требования ответственного перед Думой министерства, но и не шел на создание министерства доверия из числа пользующихся поддержкой Думы министров.

Но реформаторские идеи существовали не только в либеральных сферах и не только как альтернатива революции. Вопрос о характере и границах реформ был составной частью идеологии революционной демократии в связи с проблемой буржуазной революции. Большевики представляли себе развитие революции как приход к власти сначала крупной буржуазии, затем — революционной мелкой буржуазии, и — лишь после длительного пребывания в оппозиции к мелкобуржуазному господству — пролетариата. Отсюда последовательная смена государственных форм: вместо самодержавия — буржуазная монархия, а затем мелкобуржуазная демократическая республика. «Предстоящая революция, — писал А. Мартынов, — не может реализовать никаких политических форм против воли всей буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»<sup>21</sup>.

Ссылаясь на опыт классических буржуазных революций в Европе, меньшевики, в сущности, более всего обращались к революции 1848 г. в Германии, между тем как большевики, не боясь обвинений в якобинстве, широко опирались на уроки французской революции 1789 г. В этом, несомненно, нашел свое отражение тот кардинальный факт, что во Франции в 1789 г. буржуазно-демократический переворот был доведен до конца, до установления республиканского строя, а в Германии в 1848 г. он не сломил монархию и реакцию.

Опираясь на высказывание К. Маркса о том, что самодержавие сменяется буржуазной монархией, а затем — мелкобуржуазной демократической республикой, меньшевики стремились применить его к российской действительности.

Схеме исторического развития, рассчитанной на систему реформ, которой придерживались меньшевики, В. И. Ленин противопоставил основанную на теории гегемонии пролетариата возможность с помощью победы народного восстания совершить прыжок, как он определил, «на две ступени сразу»<sup>22</sup>, т. е. перескочить через стадию буржуазной монархии. Общенсторический и революционный опыт российского пролетариата, уровень его классового развития были иными, нежели в Германии 1848 г. И это, с точки зрения Ленина, открывало перед революционным процессом совсем другие перспективы, хотя нельзя игнорировать то обстоятельство, что важное место во взглядах Ленина принадлежало расчету на победу социалистической революции в мировом масштабе. Что же касается аналогии между политическими позициями германской буржуазии в 1848 г. и российской — в 1917-м, она-то и оборачивалась важнейшим аргументом в спорах вокруг перспектив революции в России. Именно в свете уроков поведения всей европейской буржуазии в 1848—1849 гг. критиковалась ставка меньшевиков на установление власти буржуазии в России, на подталкивание к власти буржуазных политиков.

Какова была природа политической позиции российской буржуазии, которая вместе с другими классами общества оказалась в числе противников монархии? Мы не склонны недооценивать значение буржуазной оппозиционности, в частности созданного во время первой мировой войны «Прогрессивного блока», политическое значение которого как раз и определялось участием в нем правлиберальных сил. Известно, что в глазах Николая II и особенно Александры Федоровны думские лидеры или ненавистный царской чете А. И. Гучков иногда выглядели более грозными врагами трона и династии, чем революционные массы. Вера в то, что «преданность простого народа своему монарху» отнюдь не иссякла, не покидала носителей высшей власти. Натиск же оппозиционного лагеря не только мог привести царизм к политической изоляции, но и умалял его престиж во времена и без того критические. Между тем величие, непререкаемость, неприступность царской власти, связанные для обывателя с ее «божественным» происхождением, были одной из основ режима, и пренебрежение этим со стороны широкого круга думских политиков различного спектра, в том числе и таких, от которых ожидали лишь «благонамеренности», наносило режиму царской власти чувствительный для нее удар.

Оппозиционность буржуазии имела различные причины, среди них — недовольство неудачами царизма в войне, нервная реакция на слухи о сепаратном мире, общее стремление взять руководство страной в свои руки. Однако в российской буржуазной оппозиционности накануне Февраля был и страх перед революционным народом, питавшийся, в частности, опытом 1905 г. Царизм же представлялся таким политическим режимом, который не справляется с поддержанием социального мира в стране, а лишь постоянно вызывает недовольство масс.

В этой связи следует остановиться на известной версии о двух заговорах, имеющей определенную историографическую традицию.

Под первым из них, так называемым «заговором царизма», подразумевалось приписываемое Николаю II и особенно Александре Федоровне стремление добиться сепаратного мира с Германией. Слухи об этом получили самое широкое распространение в буржуазной и мелкобуржуазной среде. Топки о «темных силах», группировавшихся вокруг пресловутого «старца» Григория Распутина, становились в конце 1916 г. все громче.

Под вторым заговором — «заговором буржуазии» — имелась в виду деятельность нескольких заговорщических кружков из лидеров думской оппозиции, генералов и даже членов «великокняжеской партии», как называли недовольных политиков царской четы представителей императорской фамилии. Под флагом предотвращения сепаратного мира эти кружки готовили разные варианты дворцового переворота. Деятельность эта протекала до такой степени открыто, что может быть названа заговорщической лишь условно. Подчеркивая парадоксальность этого, академик Е. В. Тарле привел слова одного иностранца, сказанные накануне Февральской революции: «В России зреет против царя заговор, о котором открыто говорят заговорщики самому царю»<sup>23</sup>.

Мемуаристы дружно свидетельствуют о планах оппозиции теми или иными способами заставить Николая II принять ее требования, среди которых первым было создание ответственного перед Думой правительства. Это, как писал впоследствии Гучков, представлялось «наилучшим выходом из положения». Попытки добиться этого делали представители различных кругов — от великих князей и председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко до правого кадета, в прошлом легального марксиста П. Б. Струве. О безуспешности подобных демаршей и своего в том числе рассказал впоследствии генерал А. А. Брусиллов<sup>24</sup>.

Об одном из заговорщических кружков рассказал в 1936 г. на страницах парижской эмигрантской газеты «Последние новости» Гучков. Кроме него в этот кружок входили Родзянко, а также будущие министры Временного правительства первого состава — П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко и др. Напуганные, по признанию Гучкова, предчувствием «большого народного революционного движения», они намеревались с помощью офицерства заменить на престоле Николая II его малолетним сыном Алексеем при регентстве брата царя вел. кн. Михаила Александровича<sup>25</sup>.

О совещаниях буржуазных заговорщиков в январе 1917 г. упоминал в своих воспоминаниях А. И. Верховский, военный министр в правительстве Керенского. Он передал и слова Гучкова о том, что дворцовый переворот был назначен на 1 марта 1917 г. «К сожалению, революция предупредила нас», — сказал Гучков. В декабре 1916 г. ему обещал свою помощь в совершении переворота и генерал Л. Г. Корнилов<sup>26</sup>.

Существовал и другой план дворцового переворота — в пользу вел. кн. Николая Николаевича, пользовавшегося расположением в некоторых думских сферах. В 1915 г. царь сместил его с поста верховного главнокомандующего, заняв этот пост сам. Душой этого плана был кн. Г. Е. Львов, председатель Союза земств и городов, претендовавший на роль премьер-министра (он стал министром-председателем в первом составе Временного правительства).<sup>27</sup>

Черты кризиса власти в России накануне Февраля 1917 г. в значительной мере аналогичны происшедшему во Франции накануне 1848 г. Укажем на письмо сына Луи-Филиппа, принца Жуанвильского, брату («Я начинаю сильно беспокоиться, как бы нас не привели к революции...»), на «династическую оппозицию» Одиллона Барро под лозунгом «Реформа во избежание революции» и наконец на возникшую внутри самой правительственной партии группировку «прогрессивных консерваторов» во главе с Эмилем де Жирарденом, провозгласившим: «Мы в оппозиции, но мы не из оппозиции»<sup>28</sup>. Было много общего и в колебаниях мелкобуржуазной демократии.

Именно приверженность к меньшевистской схеме развития революции обусловила причастность будущих вождей революционно-демократического лагеря к планам дворцового переворота.

«В конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским, — вспоминал его коллега по Трудовой группе В. Б. Станкевич. — Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное народное массовое движение может попасть в крайне левые русла и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны»<sup>29</sup>. Здесь следует сослаться на оценку, данную платформе либеральной оппозиции в выпущенной накануне Февральской революции листовке Петербургского комитета большевиков. «Думское большинство, земцы, городские тузы и дворяне недовольны царем потому, что он плохо ведет войну и что царская политика возмущает народ и открывает ему глаза на весь вред царской системы, — гласила листовка. — ... Ропот этих господ и тех, кои мечтают о замене Николая II другим лицом, есть стремление спасти царские порядки, пожертвовать лицами, но сохранить систему»<sup>30</sup>. Реформаторский курс, таким образом, совершенно отрицался применительно к условиям момента.

Обращаясь к характеристике действий буржуазных лидеров в революционные дни, отметим, что 26 февраля, когда на улицах Петрограда уже раздавалась стрельба, Бюро «Прогрессивного блока» с Милюковым в центре считало, что «неловко» даже думать о кандидатурах «достойных министров», раз царь еще не обратился к Думе за рекомендациями. И на следующий день, 27-го, когда революционные события (как пишет Родзянко, «бесчинства») приняли форму вооруженного восстания рабочих и солдат против царизма, лидеры оппозиции, чтобы не изменять своей верноподданнической лояльности, подчинившись царскому указу о перерыве в занятиях Думы, собрали частное совещание ее членов не в том зале, в котором она обычно заседала. Н. В. Некрасов, считавшийся среди кадетов левым, впоследствии видный деятель Временного правительства, настаивал, чтобы президиум Думы отправился к председателю Совета министров Голицыну и просил наделить «диктаторскими полномочиями для подавления бунта» генералов Поливанова или Маниковского. «Что же, князя Голицына из-под кровати будем мы вытаскивать?» — возражал ему М. А. Караулов. «Конечно, ехать к представителям правительства не нужно, да и бесполезно — они сами выпустили из рук власть. Но брать эту власть в свои руки Дума не может», — заявил Милюков<sup>31</sup>.

И только когда здесь же, в Таврическом дворце, началось формирование Совета рабочих депутатов, буржуазные лидеры приняли решение создать Временный комитет Думы для взятия власти. «Родзянко долго не решался, — вспоминал В. В. Шульгин, один из думских правых. — Он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт?

Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду. Не хочу идти... Как же быть?—спрашивал он и у меня. Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно:

Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный. (<...>)

Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство — мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...»<sup>32</sup>.

Не следует считать, что буржуазные лидеры боялись власти как таковой, они боялись лишь власти, выросшей из революции, стремились превратить ее в чисто буржуазную власть, сохранить трансформированную монархию.

«Внефракционные социал-демократы», как называли себя игравшие важную роль в конструировании Исполкома Петроградского совета и Временного правительства Н. Н. Суханов и Ю. М. Стеклов, поступились одним из важнейших положений программы-минимум РСДРП — требованием демократической республики. Они сделали это в процессе передачи власти Исполкомом Петроградского совета думскому Временному комитету 1 марта 1917 г. Они не только проявили, по словам Ю. М. Стеклова, «политическое благоразумие»<sup>33</sup>, не включив требования республики в условия передачи власти, но и пытались отрицать это, заявив публично 2 марта, что выдвинули требование республики перед думами, но те его отклонили.

А Милюков с развязанными благодаря этому руками на следующее утро 3 марта в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем, к которому после отречения царя перешел престол, предпринял при поддержке Гучкова попытку сохранить монархию, уговорив великого князя принять корону. Это было в доме кн. О. Б. Путятиной на Миллионной улице, где еще 27 февраля скрытно поселился великий князь. Придя сюда переодетый «простолюдином», он оказался теперь по букве манифеста императором. Здесь собрались министры уже назначенного Временного правительства, Родзянко и некоторые члены Думского комитета.

«Белый, как лунь», Милюков, по словам Шульгина, «каркал как ворон». «Монарх — это ось... Единственная ось страны!», — твердил он, предрекая гибель России без монархии. «Это была как бы обструкция! — рассказывал другой очевидец. — Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить... никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех». Милюков-мемуарист, в сущности, подтвердил эти зарисовки, отметив лишь, что Шульгин «немножко преувеличил». «В моем карканьи была все-таки система», — добавил он. План кадетского лидера состоял в том, чтобы немедленно на автомобилях бежать в Москву и начать вооруженную борьбу за монархию против революционного народа с помощью командования Северного фронта. «Может быть, тот же Рузский, — писал он о его командующем ген. Н. В. Рузском, — отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого». Правый кадет В. А. Маклаков даже в 1954 г. в своих воспоминаниях не мог простить «лояльным, монархическим, конституционным партиям», входившим во Временный комитет Государственной думы, того, что они 3 марта 1917 г. «убедили» Михаила отречься. (В дни корниловского мятежа он добивался от ген. М. В. Алексева, чтобы «военная власть» возвела на трон Михаила). Керенский, также присутствовавший на Миллионной, разумеется, стоял за отречение<sup>34</sup>. Царизм прекратил свое существование, и вопрос о том, можно ли было спасти его реформами, превратился из политического в исторический.

В советской литературе в 1960-х гг. он был поставлен А. Я. Аврехом. Анализируя причины, по которым Николай II противился осуществлению реформаторских проектов, А. Я. Аврех высказал мнение, что царь хотел, но не мог проводить реформы, опасаясь, что они дадут толчок революции<sup>35</sup>.

На наш взгляд, отказ от самодержавной власти противоречил мировоззрению Николая II. Ему были по душе лишь такие преобразования, которые укрепили бы его власть и существовавший порядок вещей. Царь считал себя верховным патроном, покровителем и хозяином простого народа. Вот почему, когда перед правительством возникла альтернатива в проведении рабочей политики: введение кооператива (соучастия рабочих в прибылях) и буржуазного рабочего законодательства, с одной стороны, или проведение зубатовского эксперимента — с другой, то отдано было предпочтение последнему.

Феодальное мышление определило отношение верховной власти к предпринимательству и предпринимателям, банковской системе и финансовым отношениям. Царь считал невозможными какие бы то ни было проявления биржевой стихии. Министерство финансов стремилось командовать банками. Государственный банк играл роль банка банков и использовался как средство государ-

ственного воздействия на экономику. Правительство сдерживало образование предпринимательских организаций, контролировало акционерное учредительство.

Иногда в системе государственного вмешательства в экономическую жизнь страны начала XX в. видят признаки или зачатки правительственного регулирования в условиях западной буржуазной экономики 1930-х гг.; но в России рубежа XIX—XX вв. государственное регулирование — феодального происхождения.

Феодальное мышление находило свое проявление в националистической окрашенности политического курса, в поисках в прошлом источников будущих преобразований, в отношении власти ко всякого рода общественной деятельности — земству, местному самоуправлению; феодальное мышление ярко отразилось и во влиянии на государственную политику людей, не занимавших официальных постов и не отвечавших за проведение политического курса (Безобразовский кружок, Распутин и его окружение). Все это определило мягко говоря «нестрогое» отношение к существовавшим законам. Важным источником для оценки этого явления могут служить стенографические отчеты Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, раскрывающие во всех деталях кризис власти накануне падения самодержавия.

А. А. Блок — один из редакторов этих отчетов — был потрясен общей картиной кризиса власти, которая открылась ему при допросах ее представителей. Его, конечно, интересовала психологическая сторона этого явления и он видел в нем известные национальные черты. Он писал: «Ни в одной стране допрос представителей высшей власти не дал бы картины столь блестящей в число литературном отношении; только старое русское правительство могло, за немногими исключениями отличаться такой бедностью аргументации, такой уязвимостью со стороны формальной, такой слабостью воли, такой нерасчлененностью суждений, свидетельствующей иногда о низком уровне культуры, а иногда о зачатках какой-то другой культуры, не развившейся и зачахнувшей (...)

Если мы видим, что бывший председатель Совета министров ссылается на свою «подневольность» в вопросах права, что старые полицейские чиновники могут быть приведены, путем логики и умеренного воздействия на волю, к простому покаянию, что у большинства нет убежденности в правоте идей и действий, которые они исповедовали и предпринимали три месяца назад, — то нельзя забывать, что это было русское правительство; если оно и не опиралось на общество, то по крайней мере поддерживалось им, кормилось от него; свойства, проявленные этими людьми, жили и до сих пор живут в народе; той же психологией обладают многие слои нации; те же качества проникают в толщу народа гораздо глубже, чем может представляться отвлеченному взгляду. Любя Россию, можно различно относиться к этим свойствам: можно негодую любить, можно презирая прощать. Но прежде всего, необходимо показать эти свойства во всей их неукрашенности...»<sup>36</sup>. Блок писал это в июне 1917 г. Из всех царских министров кануна революции он называл лишь нескольких, строго соблюдавших существовавшие законы. В частности, это пытавшиеся провести либеральные программы министры просвещения гр. И. И. Толстой и гр. П. Н. Игнатьев (оба они очень скоро были отставлены). Кризис власти в России, достигший в начале XX в. своего апогея, привел к падению царского режима. Его неспособность возглавить и последовательно проводить реформы, необходимые для успешного экономического и социального развития страны, — главная причина этого кризиса. Намеченные в правительственных кругах в первой четверти и в середине XIX в. программы преобразований так и не были полностью осуществлены не только к кануну первой российской революции, но и в ходе ее. Правительство медлило и запаздывало с реформами. Подхлестываемое революционной волной в октябре 1905 г., оно вынуждено было лихорадочно приступить к реформаторству, но как только революционное движение пошло на убыль, встало на путь реакции, тем самым дав сильный толчок новому революционному подъему, оказавшемуся для самодержавного режима уже роковым.

## Примечания

<sup>1</sup> Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С.232.

<sup>2</sup> Библиотека ЛОИИ СССР АН СССР. 1881—1894 гг. Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге. С. 5.

<sup>3</sup> По мнению С. В. Мироненко, «и в середине XIX в. основная масса дворян была против реформы», и «нарастание крестьянского движения» сыграло «не последнюю роль» в решении правительства «пойти на насилье над своей собственной опорой» и покончить с крепостным правом (Мироненко С. В. Указ. соч. С.232—233).

<sup>4</sup> Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1978. С.416.

- <sup>5</sup> Там же.
- <sup>6</sup> Там же. См. также специальное исследование «Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х гг.» (Колл. монография. Отв. ред. Б. С. Итенберг. М., 1983. 557 с.).
- <sup>7</sup> Миллюков П. Н. Воспоминания Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С.329.
- <sup>8</sup> ЦГИА СССР, ф. 727, оп. 2, д. 40, л. 1 и сл.
- <sup>9</sup> Макалков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Т.1 [Б. М. и г.]. С.378—379.
- <sup>10</sup> См.: Трубецкая О. Из пережитого // Современные записки. Т.65. Париж, 1937. С.218.
- <sup>11</sup> Макалков В. А. Указ. соч. С. 379.
- <sup>12</sup> Миллюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С.289.
- <sup>13</sup> См.: Трубецкая О. Указ. соч. С. 219.
- <sup>14</sup> Освобождение. 1905. № 75. 19 (6) августа. С. 132; Трубецкая О. Указ. соч. С. 222.
- <sup>15</sup> Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 114.
- <sup>16</sup> Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167—168. А. А. Кизеветтер, отметив симптомы того, что 16 октября всеобщая стачка стала выдыхаться, писал: «Но, с другой стороны, это было явление столь неожиданное и необычное, что власть вдруг ощутила панику. Как никак, центральная власть вдруг оказалась оторванной от страны, изолированной во всех смыслах, и нельзя было понять, что там делается и что там таится в этой вдруг онемевшей и застывшей в жуткой неподвижности стране» (Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 389.).
- <sup>17</sup> Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 2. Открытие первой Государственной думы. М., 1966. С. 359.
- <sup>18</sup> Спасский-Одынец А. А. Четыре реки и одно море. Воспоминания. С.316—317. Кол- лекция А. А. Спасского-Одынца в Бахметевском архиве Колумбийского университета.
- <sup>19</sup> Черменский Е. Д. Указ. соч. С.310.
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> Мартынов А. Две диктатуры. Женева, 1905. С. 58.
- <sup>22</sup> Ленин В. И. ПСС. Т.10. С.233.
- <sup>23</sup> Гарле Е. В. Соч. В 12-ти т. Т.11. Два заговора. М., 1961. С.684—689.
- <sup>24</sup> Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С.223—224.
- <sup>25</sup> Последние новости [Париж]. 1936. 9 сентября (№ 5647); 13 сентября (№ 5651).
- <sup>26</sup> Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 144—158, 206, 228.
- <sup>27</sup> Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 90—100.
- <sup>28</sup> История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 260—261.
- <sup>29</sup> Февральская революция / Сост. С. А. Алексеев. С предисл. и примеч. А. И. Усагина. Изд. 2. М.; Л., 1926. С. 170.
- <sup>30</sup> Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг. Т. 2. (1907—1917). М. Л., 1939. С. 248.
- <sup>31</sup> Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и современник. III. Берлин. 1922. С. 27—28.
- <sup>32</sup> Шутьгин В. В. Дни // Февральская революция. Мемуары. М.; Л., 1925. С. 98—99.
- <sup>33</sup> Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет / Подг. к печ. М. Н. Цапенко. Предисл. Я. А. Яковлева. М. Л., 1927. С. 108—110.
- <sup>34</sup> Но введения республики возглавленное им в апреле Временное правительство долго избегало. Лишь в сентябре оно приняло чисто декларативный акт об этом, стремясь противодействовать нараставшему влиянию большевистской партии и обеспечить одобрение ЦИКом создания Директории (Ганелин Р. Ш. Вокруг провозглашения России республикой (март — сентябрь 1917 г.) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 343 и сл.; Революционный Петроград в 1917 г. Л., 1977. С. 55).
- <sup>35</sup> О взглядах А. Я. Авреха и их месте в историографии см.: Ганелин Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4.
- <sup>36</sup> Докладная записка председателю Чрезвычайной следственной комиссии 1 июня 1917 г. // Блок А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.5. Л., 1982. С.361—362.

Г. Л. ФРИЗ

## ЦЕРКОВЬ, РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЗАКАТЕ СТАРОЙ РОССИИ

Предлагаемая читателям статья рассматривает взаимоотношения религии и политики в условиях революционной ситуации в России в начале XX в., а именно влияние православия (самого культа, а не института или его служителей) на отношение народа к самодержавию. Автор исследует такое кардинальное в религиозно-политической жизни страны явление, как причисление к лику святых («прославление», или канонизация). Анализ наиболее известных в тот период канонизаций — Серафима Саровского (1903), патриарха Гермогена (1913) и Иоанна Максимовича (1915—1916) позволяет проследить процесс нарастающего и углубляющегося кризиса в отношениях между церковью и государством.

В настоящей работе предпринята попытка уяснить, способствовало ли православие политической стабильности в стране или подрывало ее. Заметим при этом, что изучению роли церкви и духовенства в политической жизни России XX в. посвящена обширная литература, рисующая весьма пеструю картину «революционной» и «контрреволюционной» деятельности духовного ведомства и отдельных его представителей<sup>1</sup>. Для ответа же на поставленный вопрос нельзя ограничиться рамками духовного ведомства или сословия, важно понять влияние религиозности вообще на государственную и общественно-политическую жизнь.

### РЕЛИГИОЗНОСТЬ, НАРОД И ЛЕГИТИМНОСТЬ МОНАРХИИ

Следует признать, что обширная литература о революционной ситуации в России в начале XX в. практически оставляет без внимания культуру вообще и религию в частности. Как правило, существующая историография ищет истоки революционной ситуации либо в политических, либо в социально-экономических отношениях. В основном она сосредоточена на анализе противоречий между партиями и между институтами, либо конфликтов между социальными группами или классами. Культурный же аспект отодвинут на второй план (или вовсе игнорируется), в лучшем случае он рассматривается как отражение более фундаментальных экономических и политических явлений.

К сожалению, приходится констатировать, что до сих пор в исторической литературе недооценивается культура как фактор, оказывавший большое влияние на понимание и оценку событий периода революционной ситуации. Речь идет не о литературе или живописи, имеется в виду культура не в узком элитарном, а в антропологическом смысле этого понятия (т. е. как комплекс идей и ценностей, влияющих на восприятие действительности отдельным человеком или группой лиц). В связи с этим особенно важно осмыслить развитие политической культуры накануне падения царизма, поскольку именно она определяла нормы политического поведения общества и его отношение к вопросу о легитимности существующего строя. Кроме того, необходимо учитывать, что религия как составная часть традиционной политической культуры вплоть до свержения царизма являлась существенным фактором в политических дискуссиях и государственной политике<sup>2</sup>. Православие не смогло способствовать интеграции религиозно-этнических меньшинств (скорее, наоборот), но оно, несомненно, сильно влияло на сознание широких слоев населения старого политического центра страны<sup>3</sup>.

В начале XX в. значение религиозного фактора возросло не потому, что народ стал набожнее, а потому что царский режим лишился других традиционных основ своей легитимности. В XVIII и XIX вв. «законность» существовавшего режима покоилась кроме религии также на трех других основах: военной и политической мощи государства, его способности обеспечить благосостояние населения, а также на восприятии в народном сознании образа царя как «вождя» своего народа. Эти три основы к концу XIX в. во многом утратили свое значение. После поражения в Крымской войне международное положение России оставляло желать много лучшего. Нараставший кризис в

---

Грегори Л. Фриз, профессор истории Брандейского университета, США.

деревне и городе свидетельствовал о том, что царизм не только не был в состоянии гарантировать благосостояние народа, но и сам служил причиной обнищания страны. Если многие венценосные правители России проявили себя как яркие личности, то последний император явно не соответствовал их уровню. «Жалкий провинциальный актер в роли императора, ему не подходящей»<sup>4</sup>, — таким увидели Николая II некоторые его современники уже в дни коронации.

Итак, к началу XX в. вопрос о «божественной легитимности» монархии приобрел новую значимость.

Поэтому с целью сакрализации самодержавия проводился целый ряд мер, но наиболее сенсационной была кампания канонизации святых, получившая небывалый размах. Если с конца XVII до конца XIX в. состоялось всего три канонизации, то в царствование Николая II их было шесть и намечены новые. Теоретически эта кампания должна была способствовать сближению самодержавия с народно-религиозной культурой и ослабить реакцию масс на неудачи во внутренней и внешней политике.

Вопросы церковно-религиозной политики правительства, в частности, попытки дальнейшей сакрализации самодержавия в начале XX в., уже затрагивались в историографии. Эффективность же этой политики, ее последствия и воздействие на народ оставались за рамками исследований. Поэтому важно выяснить, насколько успешно, в том числе и с точки зрения использования церковных служб, канонизации способствовали укреплению авторитета царской власти. Своеобразная зрелищность канонизации могла иметь гораздо большее воздействие на народ, чем какие бы то ни было указы или распоряжения властей. Канонизация должна была оказать влияние и на высшие слои общества, заставить их по-новому взглянуть на социальные отношения, повысить духовный престиж царя, укрепить его связи с верующими разных сословий и классов.

## КАНОНИЗАЦИЯ СЕРАФИМА САРОВСКОГО

В начале XX столетия политика правительства по отношению к церкви отличалась большой противоречивостью. С одной стороны, режим действовал как сугубо светское государство, игнорирующее претензии «официальной церкви». Робкие попытки умиротворить старообрядцев и «наименее опасные» сектантские группы, предложения либерализовать бракоразводное законодательство, требования сократить количество церковных праздников, перенаправление субсидий от приходских школ земским — все эти шаги правительства вызвали тревогу в церковных кругах<sup>5</sup>. С другой стороны, демонстративно подчеркивались связи государства с православием и широкими массами верующих, соблюдение «царских праздников», сопровождавшихся проповедями о божественной природе самодержавия. Предпринимались и другие попытки подкрепить духовные связи государства с церковью и народом. В этом отношении особенно впечатляющими были события 1903 г., начиная с объявления о канонизации Серафима Саровского (конец января). Лишь несколько недель спустя по просьбе министра внутренних дел Синод согласился провести литургии в честь освобождения крестьян от крепостной зависимости, точнее, в честь «царя-освободителя» Александра II<sup>6</sup>. Демонстрацией единства государства и церкви явился Манифест 1903 г., в котором было обещано улучшить положение церкви и духовенства<sup>7</sup>. Показательно в этой связи и указание императора принять меры к защите «русской иконописи» как неотъемлемой части народной духовности от превращения ее в объект массового производства дешевых икон и коммерческих сделок<sup>8</sup>.

Противоречивость политики правительства по отношению к церкви сказалась и в канонизации Серафима Саровского. Его канонизация представляет один из тех редких случаев, когда событие церковной жизни стало и событием гражданской истории. Это объясняется частично популярностью гарца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни, проведшего там более 50 лет подвижнической жизни и представившегося в 1833 г., но прежде всего личной ролью императора в приговорении даже исполнению обряда прославления. Николай II считал прославление Серафима одним из ярчайших и трогательных моментов своей жизни<sup>9</sup>. Мало того, канонизация Серафима стала самым политическим событием, в котором участвовали широкие массы населения: «Стечение згомольцев в Саровскую пустынь с каждым днем возрастает в усиленном размере, — сообщали иконе 1903 г. „Церковные ведомости“, — идут отовсюду — и из Сибири, и с Кавказа и из разных других близких и дальних местностей России»<sup>10</sup>. Ритуал прославления Серафима Саровского, личное участие в нем императора призваны были подчеркнуть единство «православия, самодержавия народности». Хотя церковные круги в целом констатировали духовное значение канонизации<sup>11</sup>, большинство светских комментаторов и отдельные представители духовенства на первое место

поставили политическую символику происшедшего<sup>12</sup>. Подобное политико-религиозное действо не было тогда редкостью и в странах Европы<sup>13</sup>, но канонизация Серафима отличалась особой политической значимостью.

Поскольку это во многом был явно политический спектакль, следует критически отнестись к официальной версии об «умилительном единении царя с народом». Есть основания считать, что церемониал в Сарове не произвел желаемого эффекта на простой народ. Тот факт, что культ Серафима после его прославления вдруг перестал играть роль в политической жизни страны, уже показывает, что по каким-то причинам канонизация не вызвала желаемого резонанса. В чем же причина этой политической неудачи?

Сам выбор кандидатуры Серафима оказался спорным и чреватым непредвиденными последствиями. Правда, Серафим был почитаем верующими за самоотверженный аскетизм и высокую духовность. Предложение прославить Серафима было поэтому не ново: уже в начале 1890-х гг. об этом возбудил ходатайство тамбовский епископ. Но Св. Синод отнесся весьма скептически к этой просьбе<sup>14</sup>. Поэтому было лишь дано согласие создать в 1892 г. специальную комиссию для проверки «чудесных исцелений» у гроба Серафима. И хотя комиссия подтвердила 28 случаев «настоящих чудес», Синод все же не принял окончательного решения, приказав продолжить сбор сведений о чудесах<sup>15</sup>. В последующие годы Синод не раз отвергал повторные прошения о прославлении саровского старца<sup>16</sup>.

Синодальные документы, таким образом, свидетельствуют о том, что не церковь, а императорская семья оказалась инициатором прославления Серафима. Известно, что в июне 1902 г. императрица настоятельно потребовала прославления саровского старца<sup>17</sup>. Ее поклонение Серафиму объяснялось якобы его предсказанием о том, что первая половина царствования ее мужа будет «несчастливой», а вторая — «светлой»<sup>18</sup>. Ходили также слухи о том, что императорская чета надеялась, что Серафим совершит еще одно чудо и в семье появится наследник<sup>19</sup>. Кроме того, сам Николай, вероятно, рассчитывал, что канонизация Серафима, пользовавшегося огромной популярностью, повысит престиж царя в глазах народа<sup>20</sup>.

Синод оказался в весьма сложном положении. Скептически относясь к предложению о канонизации Серафима, тем не менее он, конечно, не мог отвергнуть просьбу царя, который, смягчив требование супруги, не настаивал на «немедленном» прославлении, но все-таки ясно обозначил свою волю. Знаменательно, что, не дожидаясь окончательного решения Синода (январь 1903 г.), Николай II уже в декабре 1902 г. распорядился о составлении проекта изготовления раки и сени «для покоения мощей вновь прославленного св. преподобного Серафима»<sup>21</sup>. Синоду пришлось выполнить «высочайшую волю». Но, чтобы ни у кого не было никаких сомнений об ответственности императора за это решение, в официальном определении Синода была специально подчеркнута роль самого императора в канонизации Серафима<sup>22</sup>. На фоне обострившихся к началу XX в. разногласий между церковью и государством вмешательство царя в дела церкви стало еще одним доказательством подчиненности церкви светской власти.

Нужно сказать, что Серафим был простым иеромонахом, известным своими духовными подвигами, которые и дали ему право называться «старцем», т. е. давать духовные советы и светским, и духовным лицам<sup>23</sup>. Его аскетизм, «истинно христианская подвижническая жизнь», прозорливость и пророчество — все это отвечало представлениям простого народа о духовном наставнике. Но он не соответствовал традиционному типу святого, обычно происходившего из светской или клерикальной элиты. Не принадлежал он и к новой послепетровской духовной иерархии. Не происхождение, не образование, не высокий церковный ранг, а духовность его старчества определяла общее признание и уважение. «Из добродетелей христианских его, — сообщалось в определении Синода, — более всего украшали кротости и незлобие, крайнее смирение и нестяжательности»<sup>24</sup>. Причем именно духовность Серафима дала ему возможность преодолеть «междустенье» и снискать признание всех слоев населения: «и богатые и бедные, и знатные и простые» приходили за духовной помощью к старцу<sup>25</sup>. В этом смысле торжества в Сарове даже представляли собой определенную профанацию, поскольку власть не только «прославляла» Серафима, но заменила отличавшие его ценности своими: «Гроб со св. мощами был вынесен из Царских дверей и принесен в мраморной раке, помещенной под великолепной золоченной сенью в виде часовни русского стиля, дар их величества»<sup>26</sup>.

Но выявился такой непредвиденный момент: мощи Серафима плохо сохранились<sup>27</sup>. Хотя по каноническому праву нетленность мощей и не была обязательным условием для прославления (требовалось лишь неопровержимое доказательство чудес у могилы святого), тем не менее среди простого народа она считалась необходимым признаком святости. Возник конфликт в самой

синодальной комиссии: тамбовский епископ Дмитрий отказался подписать акт, первая редакция которого оставляла, наверное, впечатление о нетленности мощей<sup>28</sup>. В результате в Тамбове назначили нового архiereя и поручили ему провести прославление летом 1903 г.<sup>29</sup> Скандал этот не остался секретом, вызвав недовольство среди высшего духовенства и некоторых охранительно настроенных светских лиц, как, например, обер-прокурор Победоносцев<sup>30</sup>.

Синод вначале попытался замять вопрос о нетленности мощей, но не смог остановить народную молву. Уже в марте Синод вынужден опубликовать ряд богословских статей к том, что каноны причисления к лику святых не требуют нетленности тела, а только доказательств чудесных исцелений через мощи почившего<sup>31</sup>. Но, разумеется, Синод не смог поколебать устои народной религиозной культуры. Накануне канонизации Серафима в Петербурге появилась прокламация, ставившая под сомнение его святость. Беспокойство верующих было настолько сильным, что заставило петербургского митрополита Антония (Вадковского) опубликовать заявление: «В гробу обретен ясно обозначившийся под остатками истлевшей монашеской одежды остов почившего старца. Тело предалось лению»<sup>32</sup>. Одновременно Антоний опубликовал текст секретного рапорта, огласив все неутешительные подробности<sup>33</sup> акта освидетельствования мощей. Эти беспрецедентные публикации<sup>34</sup> произвели удручающее впечатление на верующих. Один архимандрит, участвовавший в саровских оржествах, сообщил о слухах среди паломников, что мощи Серафима «оказались не все нетленными», хотя еще совсем недавно они были целыми. «Это Господь послал нам за грехи наши», — зворили паломники<sup>35</sup>. Понятно, такие слухи не могли не отразиться на авторитете церкви<sup>36</sup>.

Трудности возникли и в связи с организацией торжеств. Саровская пустынь, расположенная дали от городов, была оторвана от транспортной сети страны (правда, это обстоятельство полне отвечало желанию царя о единении с истинно «простым русским народом»). До ближайшей железнодорожной станции (Арзамас) было примерно 60 км, поэтому пришлось принять ряд странных мер, чтобы обеспечить паломников транспортом, жильем и питанием на время канонизации<sup>37</sup>. Кроме организации транспортной системы<sup>38</sup> местные власти должны были приготовить временное жилье для паломников. Пустынь располагала всего лишь несколькими гостиницами<sup>39</sup>, здо было построить новые, а также бараки для простого люда<sup>40</sup>. Не удивительно, что Победоносцев негодовал по поводу непомерных расходов, связанных с канонизацией Серафима (около 50 тыс. руб.)<sup>41</sup>.

В микромире Сарова социальные контрасты в обстановке торжеств предстали особенно наглядно. В сторону обители потянулись нескончаемые вереницы экипажей, карет, повозок, и тут же, идом, по нестерпимой жаре плелись многотысячные толпы простых паломников, которым пришлось пройти сотни верст пешком<sup>42</sup>. Как сообщало «Новое время», в Сарово «идут больные, убогие, ипцы, глухие, хромые; иных везут, иные ползут»<sup>43</sup>.

Стечение верующих в несколько раз превысило предварительные оценки<sup>44</sup>. В результате атало ни жилья, ни питания: «Хлеба негде купить, все просят хлеба, не денег; ни в монастыре, и в окрестностях нет хлебных запасов»<sup>45</sup>. По существу саровские торжества еще раз напомнили о циальной незащитности народных масс и выявили некомпетентность властей, их неспособность равиться с самыми простыми задачами.

Даже в церемонии прославления явственно проступили социальные барьеры<sup>46</sup>. Вполне понятно, о власти стремились избежать катастрофы, подобной той, что произошла на Ходынском поле, их действия (и присутствие большого количества войск, и строгий полицейский контроль) минуемо придали «казенную окраску» всему торжеству<sup>47</sup>. Петербургские газеты сообщали о жабах простых паломников и подчеркивали, что духовные запросы народа были оставлены без имания: «Многие из него [народа], не добравшись до „угодника божия“, не слышали церковных служб и со скорбью в душе так и пошли назад, домой и по другим монастырям»<sup>48</sup>.

В итоге канонизация не имела того воздействия на верующих, как ожидалось. Хотя сообщлось о разных исцелениях, они не оказались ни многочисленными, ни впечатляющими. В результате поток паломников резко снизился по окончании обряда прославления<sup>49</sup>. Торжества не эвратили Саровскую пустынь в национальную святыню, несмотря на большие усилия со стороны рских и церковных властей, обеспечивших распространение религиозной литературы<sup>50</sup> и одномоментное проведение литургии по всей стране в день прославления<sup>51</sup>. Канонизация 1903 г. не вызвала воодушевления верующих, а потому не способствовала подтверждению божественной легитимности царской власти<sup>52</sup>.

Эта неудача объяснялась не только плохой организацией торжеств, но и особенностями народной религиозной культуры, которая прежде всего подразумевала имманентность святости и

подчеркивала ее воплощение в конкретном и материальном. Именно поэтому народ придавал такое значение нетленности мощей и видел в этом залог их магической способности помочь простому смертному. Каждая местность имела свои собственные святыни и святых, многие из которых не были признаны церковью<sup>53</sup>. Потому нельзя было перенести ореол святости из Сарова в политический центр страны и освятить им самодержавие. И самодержавие в сознательных поисках духовного сближения с народом само пришло к святыням, оставив их на своем месте. Однако канонизация Серафима не сузила пропасть, разделявшую знать и народ, центр и периферию, официальную и народную культуру.

## КАНОНИЗАЦИЯ ГЕРМОГЕНА

Последующие годы ознаменовались рядом новых канонизаций<sup>54</sup>. Кроме вновь восстановленного признания святости Анны Кашинской (1909) состоялись обряды прославления Иосафа Горленко (1911), Гермогена (1913), Питирима (1914) и Иоанна Максимовича (1916). Практически равным канонизации по характеру и масштабу торжеств был церемониал «перенесения» святых мощей Евфросинии из Киево-Печерской лавры в Полоцкую женскую обитель. Их подготовка была начата по инициативе жителей и духовенства тех мест, которые прославились деяниями подвижников, но с «высочайшей» поддержкой<sup>55</sup>. Следует сказать, что высшие церковные круги не проявляли при этом большого энтузиазма, наоборот, они сопротивлялись давлению извне, явно опасаясь профанации из-за поспешности в подготовке прославления и несоблюдения канонов<sup>56</sup>. Исключением стала лишь канонизация патриарха Гермогена в 1913 г., проведенная по инициативе высшего духовенства. Правда, формально церковь откликнулась на «прошение» москвичей, которые в 1912 г. подали петицию, подписанную 20 тыс. человек<sup>57</sup>. Но фактически именно церковные власти начали кампанию в честь Гермогена, который в 1912 г. оказался в центре внимания в связи с трехсотлетием со дня его мученической кончины в борьбе с польскими захватчиками. До этого Гермоген не пользовался особой популярностью, хотя нетленность его мощей была многократно подтверждена<sup>58</sup>. Уже за год до прославления Гермоген, символизовавший русский национализм и борьбу со Смутой, стал объектом поклонения паломников, распространивших известие о более чем двухстах исцелениях<sup>59</sup>. Если процесс приготовления к другим канонизациям порой длился годы, в случае с Гермогеном Синоду понадобилось всего лишь несколько месяцев. Комиссия для расследования поставила себе довольно скромную задачу: отобрать и проверить «десять особенно знаменательных чудес»<sup>60</sup>.

Облик Гермогена, обрисованный официальной церковью, заслуживает особого внимания, поскольку он многое говорит о мотивах канонизации патриарха. Прежде всего отмечалось его общенациональное значение: к могиле Гермогена стекались богомольцы «со всех концов России»<sup>61</sup>. Подчеркивалось, что он был не только патриархом, но и «типичнейшим русским человеком»<sup>62</sup>, т. е. выступал как носитель церковности и народности. Такая трактовка его личности шла вразрез с грандиозностью торжеств 1913 г. в честь 300-летия династии Романовых. В то самое время, когда двор организовал крупные торжества в честь юбилея, церковь не переставала говорить о своей центральной роли в русской истории, часто без упоминания о Доме Романовых, сократив известную формулу «самодержавие, православие и народность» за счет первого ее компонента<sup>63</sup>.

Следует учитывать, что с конца XIX в. православная церковь стала упорно добиваться восстановления патриаршества. Этот вопрос, спорадически поднимавшийся с 1850-х гг., стоял на повестке дня практически всех церковных дискуссий с начала XX в. и открыто обсуждался в печати. Но правительство постоянно откладывало созыв поместного собора<sup>64</sup>, — государству не могло импонировать стремление церкви оградить себя от светского вмешательства, в первую очередь со стороны обер-прокурора<sup>65</sup>. Но формально государство не отказывалось от требований общецерковного преобразования (включая восстановление патриаршества) и тем самым давало повод к надеждам и ожиданиям в церковных кругах. В 1913 г., например, распространились слухи о том, что канонизация Гермогена может послужить поводом для назначения нового патриарха в ознаменование той роли, которую церковь играла при вступлении на престол новой династии<sup>66</sup>.

Канонизация Гермогена получила большой резонанс в связи с совпадением его имени с именем епископа саратовского, который оказался в центре шумного скандала. Саратовский Гермоген привлек к себе внимание общественности в январе 1912 г. своими выступлениями против обер-прокурора и Григория Распутина. Если первоначально Гермоген восстал против некоторых решений Синода, которые он считал еретическими, то вскоре его протест обратился против кругов, тесно

связанных с Распутиным<sup>67</sup>. В конце концов Гермоген был отправлен в маленький монастырь в Гродненской епархии<sup>68</sup>. Чтобы имя нового святого не ассоциировалось или просто не перепуталось с именем опального архиерея, Синод вдруг восстановил древнюю орфографию имени патриарха («Ермоген»), что вызвало новые недоумения и вопросы.

Канонизация Гермогена осложнилась еще одним немаловажным обстоятельством: оказалось, что и его останки плохо сохранились. Официальное освидетельствование мощей в 1913 г. показало, что тело патриарха подверглось гниению, что побудило комиссию принять решение «мощи хранить и прославить под слудом»<sup>69</sup>. Значимость этого момента трудно переоценить, учитывая ту роль, которую в народном сознании играла нетленность<sup>70</sup>.

Канонизация состоялась в Москве, что, конечно, облегчило приготовления к ней. Но весть о состоянии мощей и решение властей ограничить доступ публики на церемонию торжеств<sup>71</sup> вызвали отрицательную реакцию. Нужно также учесть, что Москва была не только древним национальным центром, но и крупным развивающимся городом, что не благоприятствовало созданию атмосферы высокой духовности вокруг готовящегося мероприятия («Шипит автомобиль, и иллюзия/о Московской Руси.— Г. Ф./разрушена»<sup>72</sup>), что прославление Гермогена вызвало «подъем народной веры»<sup>73</sup>, оно якобы символизировало новый союз церкви и народа. «В Кремле много народа,— сообщало в мае 1913 г. „Новое время“.— Здесь, в Успенском соборе, где находится гробница патриарха с лампадами возле нее, центр торжественного поминовения, собор полон. Сколько тут простых людей из разных концов России! Старики с котомками и хохлушки с темно-пестрыми платками, точно обручами на головах, военные и штатские. Тесно, жарко»<sup>74</sup>.

В этой канонизации император не принял никакого участия. Он лишь одобрил синодальное определение, скупо добавив: «Прочел с чувством истинной радости»<sup>75</sup>. Первоначально синодальная комиссия планировала проведение торжества в день приезда его императорского величества в Москву. Но через десять дней, по-видимому, по получении ответа на свой запрос из Петербурга, комиссия изменила свое решение и назначила день прославления «до приезда государя императора в Москву»<sup>76</sup>. В тот самый день, когда в Кремле состоялся религиозный церемониал, телеграф передал следующее: «Государь император вместе с императором Вильгельмом совершил прогулку в окрестностях Шарлоттенбурга и присутствовал на завтраке Александровского полка. Вечером состоялся фамильный обед во дворце и парадный спектакль в опере»<sup>77</sup>. Остается неясным, было ли поведение императора продиктовано чисто династическими обязанностями, внешнеполитической стратегией или сознательным нежеланием участвовать в канонизации Гермогена. Известно только, что Николай II избегал участия в решении узкоконфессиональных вопросов. Так, он не участвовал в канонизации Иоасафа (1911), хотя отнесся к этому положительно. Такое поведение императора духовенство считало результатом влияния светских сановников, в первую очередь весьма нелюбимого им П. А. Столыпина<sup>78</sup>. Накануне первой мировой войны царь стал уклоняться от прямого участия в официальных церковных торжествах и явно избегал контактов с официальной церковью<sup>79</sup>. Все это не только усиливало напряженность в отношениях между церковными кругами, но и демонстрировало процесс обоюдного отчуждения между самодержавием и официальной церковью.

## АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОЛИТИКА, АЛЬТЕРНАТИВНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

Последние годы царизма отмечены кризисом не только в государстве и обществе, но и в православной церкви. Как видно из канонизации Гермогена, даже самые консервативные представители духовенства стали искать выход из сложившейся ситуации и бороться за самостоятельность церкви. Если до первой русской революции расхождение интересов церкви и государства становилось все более очевидным, то период думской монархии был насыщен прямыми конфликтами между ними. Неустойчивость и противоречия в правительственной политике по отношению к церкви заставили духовенство активно выступить в защиту своих интересов (что и побудило его к участию в выборах в IV Думу). В первую очередь церковь отстаивала status quo, отвергая попытки реформы в области начального образования, бракоразводной системы, календаря и в самом духовном ведомстве. Саботируя такие проекты, духовенство постепенно отходило от светских группировок в Думе и тем самым способствовало разложению думской системы<sup>80</sup>.

Кроме того, церковь выработала альтернативную политическую культуру, коренным образом отличающуюся от традиционной. Это был комплекс ценностей, норм поведения и идеалов групповой организации. Если до середины XIX в. церковь воспринимала и пропагандировала политическую культуру русского абсолютизма и его принципы (самодержавие, единоначалие и центра-

лизация), методы управления (бюрократизм, формализм), то позднее церковь постепенно стала развивать свой комплекс политических идеалов, в основе которых лежало понятие «соборность». Это была многогранная концепция, допускавшая самые разные толкования (от епископского консерватизма до леводемократического обновленчества), но в целом она означала отход от доминирующей политической культуры и содержала требование большей или полной самостоятельности церкви, замены принципа единоначалия идеалом коллективности<sup>81</sup>.

Нетрудно заметить, что программа церковных преобразований, пользовавшаяся широкой популярностью среди духовенства и мирян, не могла не вызвать ассоциаций со светским движением за демократизацию страны. Какую бы форму (епископскую или более демократическую, обновленческую) эта программа ни приобретала, совершенно новое представление о «церковности» — при всех ссылках на «древнюю церковь» — неизбежно сближало ее с теми демократическими процессами, которые происходили тогда в обществе. Правда, само духовенство избегало разговоров о таких аналогиях либо из-за своей кастовой сословности, либо из-за боязни спровоцировать государственное вмешательство в жизнь церкви. Тем не менее аргументация в пользу соборности и демократизации церкви едва ли отличалась от аргументации в пользу демократизации общества, появлявшейся в светской печати тех лет.

И если церковь стала отходить от самодержавной политической культуры, сам император приближался к альтернативной религиозной культуре, отвергавшей «сухую формальность» официального православия. Именно в связи с кризисом в отношениях между православием и самодержавием следует изучать феномен Распутина. Несмотря на многочисленные попытки разобраться в «распутинщине»<sup>82</sup>, она еще мало изучена и, как правило, расценивается лишь как проявление «мистицизма» дворцовых кругов, без малейшей связи с общими культурно-религиозными вопросами того времени. Необходимо определить социально-культурную значимость «распутинщины», т. е. выявить те условия, в которых «старец» из Сибири становится символом народной набожности, противостоявшим официальной церкви. Именно старчество сыграло в этом важнейшую роль. Показательно, что Распутин с самого начала претендовал на статус «старца», подобно Серафиму, и тем самым приобретал доверие светской верхушки (и презрение духовенства). Вспоминая о своей жизни, Распутин говорил о своем следовании идеалам старчества, о пережитых им испытаниях, об отвержении всего мирского, о своих паломничествах и личном знакомстве со старцами. В одном интервью Распутин описал свою необычную набожность в молодости и рассказал, как после нескольких лет семейной жизни он отказался от всего земного и предался духовной, аскетической жизни<sup>83</sup>. Такой облик Распутина производил большое впечатление на мирян, его обожатели утверждали, что «старец» пользовался поддержкой «простых людей»<sup>84</sup>, и это только усиливало его авторитет в придворных кругах, заинтересованных в поддержке народа.

Следует иметь в виду, что сухость казенного православия в первую очередь испытывала на себе знать. Ведь народ все еще сохранял «свою» традиционную религию, в то время как церковь установила стандартное, регламентированное сверху православие для городских верующих вообще и высших слоев общества в частности. Церковная служба для аристократии и двора превратилась в казенный церемониал: «С особенной торжественностью происходило богослужение в Исаакиевском кафедральном соборе... Собор был наполнен. Передняя часть его была занята официальным миром — по одну сторону высшие гражданские чины, по другую военные чины»<sup>85</sup>. Показательно, что император предпочитал более интимную атмосферу своей домашней церкви...

Распутин производил впечатление человека, своей духовностью противостоящего казенному православию. Независимо от того, насколько велико было влияние Распутина на государственную политику в предвоенные годы<sup>86</sup>, он безусловно играл заметную роль в духовной жизни императорской семьи. Если церковь и общественность видели в Распутине полный антитез настоящему старчеству<sup>87</sup>, Николай II нашел в нем живую связь и со Всевышним, и с простым народом.

Распутин сознательно противопоставлял себя официальной церкви и в особенности ее руководителям, обвиняя их в бюрократизме. Более того, он пытался оказать влияние на церковную политику, включая вопрос канонизации. Известны его протекции некоторым духовным лицам. Понятно, что церковные иерархи враждебно относились к Распутину. Как отмечал один журналист: «Дружески расположенных к нему архиереев очень мало; большинство же относится к нему с равнодушием или как к вредному сектанту-хлысту»<sup>88</sup>.

Независимо от ведомственных конфликтов, вызванных расхождением интересов православной церкви и светского государства, духовенство перестало смотреть на государство как на надежного покровителя. Как и в отношениях между государством и «обществом», конфликт между церковью и государством перед первой мировой войной привел к обострению их взаимоотношений.

В лихорадочной кампании прославлений, красноречиво отражавшей кризис самодержавия, определенное место заняла канонизация Иоанна (Максимовича), митрополита тобольского (ум. 1715 г.). Инициатором ее стали сам император, Синод, ряд обер-прокуроров и тобольский епископ Варнава. Последний приобрел известность как ставленник Распутина (назначение Варнавы в 1914 г. в Тобольск явно было делом его рук<sup>89</sup>, что привело к открытому конфликту между церковью и сторонниками Распутина, которых поддерживал сам император).

Варнава, быть может, в расчете получить ранг митрополита, начал кампанию за прославление Иоанна уже в мае 1914 г., лишь полгода спустя после назначения в епархию. Под его эгидой было составлено прошение императору от местных жителей, которые просили «о церковном прославлении приспомятного митрополита тобольского, Иоанна Максимовича, ко дню его блаженной кончины», т. е. 10 июля 1915 г.<sup>90</sup> В июле 1914 г. Синод рассмотрел просьбу и, признав общее народное уважение к Иоанну, тем не менее принял решение, которое было равносильно отказу, поскольку дело требовало многолетнего, до крайности трудного расследования «чрез отображение письменных показаний под присягою как от лиц, получивших чудесное исцеление по молитвам святителя, так и от бывших только очевидцами сих чудотворений»<sup>91</sup>. Решение Синода явно не удовлетворило Варнаву<sup>92</sup>. Начало войны внесло дополнительные затруднения, побудившие обер-прокурора Саблера сообщить Варнаве в апреле 1915 г., что прославление Иоанна придется отложить («обстоятельства военного времени... лишают всякой возможности совершить прославление Святителя Митр. Иоанна с таковою же торжественностью и при наличии тех же гарантий благополучия богомольцев, какие имели место при ранее бывших таких же торжествах») <sup>93</sup>. Летом 1915 г. Варнава снова обратился с тем же предложением. Синод ответил категорически отрицательно, а 23 июля он получил высочайшее утверждение решения «о необходимости продолжать запись и исследование чудесных знамений, совершившихся по молитвенному пред Богом предстательству митр. Иоанна»<sup>94</sup>.

Можно себе представить удивление членов Синода при получении телеграммы от Варнавы 28 августа 1915 г. с сообщением о том, что 27 августа «согласно полученной телеграмме его императорского величества о разрешении пропеть величание местнотимому святителю Иоанну Максимовичу, митрополиту тобольскому и сибирскому», в кафедральном соборе состоялся молебен в честь святителя Иоанна Златоуста<sup>95</sup>. Известие о прославлении мгновенно было опубликовано во всех центральных газетах<sup>96</sup>. Явно задетый этим сообщением, новый обер-прокурор А. Д. Самарин направил запрос императорскому кабинету и получил ответ, что «не было приказа его императорского величества». Но Самарин нашел такой ответ неудовлетворительным. Вероятно, Николай II все-таки дал разрешение Варнаве на проведение какой-то службы. Для Самарина было ясно, что имело место грубое нарушение канонических правил церкви. «Таким образом,— писал обер-прокурор,— ныне епископ Варнава, не испросив нового разрешения Св. Синода, от которого исключительно зависит разрешение такого рода вопроса, своей властью, вопреки определению Синода, захотел причислить к сонму святых митрополита Иоанна Тобольского. (...) если этот факт стал бы общеизвестным и совершенно недопустимый поступок епископа Варнавы прошел бы бесследно, то авторитет высшей церковной власти окончательно упал бы в глазах всей православной России»<sup>97</sup>. Таким образом, вслед за общим политическим кризисом «прогрессивного блока» началась конфронтация Синода с самодержавием.

Надо отдать должное членам Синода и обер-прокурору: они не отступили, а, наоборот, принялись за тщательное расследование всех обстоятельств, приведших к такому беспрецедентному скандалу. Не рассчитывая на достоверные сведения от епархиального начальства, Самарин направил местному губернатору зашифрованную телеграмму с просьбой выяснить подробности происшедшего в Тобольске и прямо задал вопрос: «Принимал ли участие в торжествах и был ли в последние дни вместе с епископом Варнавою Григорий Распутин?»<sup>98</sup> Как информировали из Тобольска, Варнава все еще продолжал службы, посвященные Иоанну. В результате, писал тобольский губернатор, «не только простой народ, но и большинство лиц интеллигентных поняли совершившееся событие как прославление митрополита Иоанна»<sup>99</sup>.

В начале сентября по вызову Св. Синода епископ Варнава прибыл в Петроград для выяснения дела. 7 сентября он дал противоречивые показания и явно не смог сказать, в чем отличие свершенной им службы от прославления. Мало того, Варнава не стеснялся лгать Синоду, отрицая, что разрешение императора последовало за ходатайством с его стороны. Тогда был зачитан текст телеграммы Варнавы на имя императора от 27 августа: «Сугубо паки и паки молю я тебя, Государь, повели немедля совершить не открытие, а пока хотя прославление, т. е. пропеть величание

Святителю Митрополиту Иоанну»<sup>100</sup>. От участия в дальнейшем расследовании Варнава просто сбежал, скрываясь (против церковных правил) в домах частных лиц.

Не удивительно, что Синод был глубоко возмущен поведением тобольского архиерея. Собранные Синодом сведения не оставляли ни малейшего сомнения в виновности Варнавы и его попытках избежать ответственности. Поэтому Синод обратился к Николаю II с просьбой дать высочайшее «соизволение на увольнение епископа Варнавы на покой»<sup>101</sup>.

25 сентября обер-прокурор Самарин представил заключение Синода<sup>102</sup> во всеподданнейшем докладе. К этому времени тобольское дело давно уже стало важной темой светской печати. В многочисленных статьях и телеграммах сообщались все подробности не только происшедшего в Тобольске, но и борьбы в Петрограде. Еще не зная, чем кончится конфликт, газета «Новое время» отметила особую значимость дела: «Несомненно во всяком случае, что торжество тобольского епископа над Синодом было бы одним из самых тяжелых нравственных ударов, какие только приходилось переживать русской церкви»<sup>103</sup>.

Исход можно было предвидеть: не Варнава, а его обвинители потерпели полный провал. Вскоре стало известно, что Самарин уволен в отставку и митрополит петроградский будет перемещен на менее престижную Киевскую кафедру. Одновременно были приняты меры, чтобы замять скандал. Покинув самовольно Петроград и уехав неизвестно куда, 1 октября 1915 г. Варнава прислал Синоду прошение о «снисхождении»<sup>104</sup>. Николай II взял на себя роль мирного посредника, написав следующее в всеподданнейшем докладе обер-прокурора: «Рассмотрев настоящий доклад, не могу не признать, что действия епископа тобольского Варнавы, имея значение местного прославления (...), не нарушают предначертанного Синодом порядка всероссийского церковного православия приснопамятного святителя Иоанна Максимовича. Твердо верю, что Синод в горячей ревности еп. Варнавы о скорейшем прославлении чтимого его паствою святителя почерпнет оправдание его действиям в настоящую страдную для родины годину и ради мира церковного покроет их прощением и любовью»<sup>105</sup>. Синод подчинился. Хотя Варнава «допустил воспрещенные церковными канонами действия, за что и подлежал бы взысканию», Синод решил, что тобольский архиерей совершил свой проступок на почве ревностного служения церкви и что, во всяком случае, надо закончить дело, чтобы избежать «народного смущения». Поэтому Синод простил Варнаву, направив литовского архиепископа Тихона (Беляева) в Тобольск для расследования обстоятельств дела<sup>106</sup>.

Канонизация Иоанна состоялась летом 1916 г. В начале этого года архиепископ Тихон подал положительный рапорт, подтверждавший 17 исцелений при гробе Иоанна, что послужило основанием для решения Синода провести официальное прославление. В отличие от краткой формулировки на докладе о Гермогене, на этот раз Николай писал: «Приемлю предложение св. Синода с умилением и тем большим чувством радости, что верю в предстательство святителя Иоанна Максимовича, в эту годину испытаний, за Русь православную»<sup>107</sup>. Впоследствии обер-прокурор Синода сообщил, что торжества в Тобольске привлекли 30 тыс. паломников, сопровождалась полным соблюдением порядка и удовлетворением религиозных потребностей народа. Поставив свою визу на этом докладе, Николай положил тем самым конец всей этой истории<sup>108</sup>.

\* \* \*

В итоге следует подчеркнуть значимость и динамику политических процессов, отразившихся в канонизации святых в начале XX в. В поисках средств укрепить свою легитимность царский режим делал ставку на религиозность народа. Такая политика не только отталкивала от правительства как секуляризованные элементы русского общества, так и национально-религиозные меньшинства, но и неизбежно политизировала церковь, заставив даже ее консервативно настроенных представителей ратовать за радикальные преобразования в юридическом статусе церкви. Конфликты между государством и церковью выявили всю глубину растущего кризиса не только в церковных кругах, но и в сознании общественности<sup>109</sup>.

## Примечания

<sup>1</sup> Новейшая социологическая литература по вопросу о «секуляризации» и «дехристианизации» подчеркивает необоснованность как в теоретическом, так и в эмпирическом плане, традиционных позитивистских представлений о неуклонности процесса обмирщения. См.: Shiner L. The Concept of Secularization in Empirical Research // Journal for the Scientific Study of Religion. 1967. № 8; Hadden J. Toward Desacralizing Secularization Theory // Social Forces. 1967. № 65. P. 587—611.

<sup>2</sup> См.: Cherniavsky Michael. Tsar and People. New Haven, 1961.

- <sup>3</sup> См., напр. Зырянков П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1984; Geekie J. L. H. The Church and Politics in Russia. 1905—1917 / Ph. D. diss. East Anglia, 1976.
- <sup>4</sup> Записки Ф. А. Головинина // Красный архив. 1926. Кн. 6(19). С. 113.
- <sup>5</sup> См.: Рожков Г. Церковные вопросы в Государственной думе. Рим, 1975.
- <sup>6</sup> «Таким образом,— писало „Новое время“ 10 февраля 1903 г.,— через 42 года после освобождения крестьян от крепостной зависимости это событие теперь, так сказать, канонизируется».
- <sup>7</sup> См.: Высочайший манифест // Церковные ведомости. 1903. № 9. С. 55—57.
- <sup>8</sup> См.: ЦГИА СССР, ф. 787, оп. 73, отд. 2, ст. 3, д. 98.
- <sup>9</sup> ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 246, л. 44—45. См.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 74, отд. 3, ст. 4, д. 2, л. 4; Volkonskii V. M., Prince. The Canonization of Saint Seraphim of Sarov (1903) // Hoover Archives. Collection of V. M. Volkonskii.
- <sup>10</sup> Поселянин Е. К вопросу об изображении преп. Серафима Саровского // Церковные ведомости. 1903. № 26. См. также: Разные вести и заметки // Пастырский собеседник. 1903. № 22. С. 234.
- <sup>11</sup> См.: Философ Орнатский. Саровские поучения. СПб., 1903. С. 48.
- <sup>12</sup> См.: Речь преосв. Иннокентия // Церковные ведомости. 1903. № 31. С. 1161. Мысль эта часто повторялась в печати: Багрецов А. Взаимоотношения между церковью земною и небесною // Вера и разум. 1903. № 14. С. 67—93; Гарнавский П. Предстоящее торжество в Русской Православной Церкви // Пастырский собеседник. 1903. № 14/15. С. 168; Виноградов Н. Духовная связь царя и народа // Московские церковные ведомости. 1903. № 20. С. 309—311.
- <sup>13</sup> См.: Dölmér R. von. Religionsgeschichte in der historischen Sozialforschung // Geschichte und Gesellschaft. 1980. № 6. S. 37—59.
- <sup>14</sup> ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 66, отд. 2, ст. 3, д. 293.
- <sup>15</sup> Там же, оп. 176, 1895 г., д. 2134.
- <sup>16</sup> См.: Деяния Св. Синода // Церковные ведомости. 1903. № 5. С. 31.
- <sup>17</sup> Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 242—243; Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 157.
- <sup>18</sup> Захарова Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 127. Такого пророчества, по-видимому, не было, но 10 марта 1905 г. «Московские ведомости» опубликовали следующее изречение Серафима, послужившее, очевидно, источником приписываемого ему пророчества: «Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям немалое время, но болезнь их обратится на главу их наверх их снишет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обгарится реками крови, и много дворян лобиею будет за великого государя и целост самодержавия его, но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще православие и остатки благочестия христианского». См.: Преподобный Серафим Саровский о царской и самодержавной власти. М., 1905. Сам Победоносцев винил настоятеля Спасо-Евфимиевого монастыря Серафима (Чичагова), «подавшего государю несколько лет назад первую мысль о сем предмете» (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 67, отд. 2, ст. 3, д. 38, л. 4 об. Письмо от 18 сентября 1902 г.).
- <sup>19</sup> См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 20. С. 542—547.
- <sup>20</sup> См., напр. Корсун Г. Н. Отец Серафим, иеромонах Саровской пустыни // Вера и разум. 1903. № 9. С. 586.
- <sup>21</sup> ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 73, отд. 2, ст. 3, д. 19.
- <sup>22</sup> См.: Деяния Св. Синода. С. 33.
- <sup>23</sup> О традиции старчества см.: Nischols Robert. The Orthodox Elders (Startsy) of Imperial Russia // Modern Greek Studies Yearbook. 1985. № 1. P. 1—30.
- <sup>24</sup> Деяния Св. Синода. С. 33.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> Прокофьев В. Саровские торжества // Новое время. 1903. 24 июля.
- <sup>27</sup> Акт освидетельствования мошей, хранящихся в «секретном отделении» Синодального архива, подробно описывает содержание гроба. См.: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 205, д. 247, л. 2.
- <sup>28</sup> Там же, оп. 183, 1902 г., д. 2524, л. 10.
- <sup>29</sup> Высочайшее повеление // Церковные ведомости. 1903. № 7. С. 43.
- <sup>30</sup> Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 127—128.
- <sup>31</sup> См.: Смирнов П. Нетление святых мошей // Церковные ведомости. 1903. № 12. С. 441—446; Роменский Н. Что такое св. моши и как совершается их раздробление // Московские епархиальные ведомости. 1903. № 26. С. 758—763; № 27. С. 367—371.
- <sup>32</sup> Антоний. Необходимое разъяснение // Церковные ведомости. 1903. № 26. С. 983—984.
- <sup>33</sup> Текст опубликован под заглавием «Во имя отца и сына и св. духа» (Церковные ведомости. 1903. № 25. С. 259—261).
- <sup>34</sup> В 1865 г., например, Св. Синод принял меры, запрещающие опубликование в журнале «Русский архив» «подлинного дела об открытии в 1757 г. мошей св. Дмитрия Ростовского» (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 35, отд. 1, д. 129, л. 1—1 об.).
- <sup>35</sup> Евдоким, архимандрит. У мошей преп. Серафима Саровского // Богословский вестник. 1903. № 7/8. С. 515.
- <sup>36</sup> Старообрядцы умело пользовались неприятной для церкви ситуацией. Как сообщил нижегородский архиерей в своем отчете за 1903 г., «саровские торжества послужили им поводом к возмутительным глумлениям и кощунству над православною церковью и ее святынями: все это

произвело и производит большую смуту и соблазн в народной массе» (ЦГИА СССР, ф. 76, оп. 442, д. 1979, л. 35). Под Москвой один раскольник якобы внезапно скончался «вслед за глумлением его над преп. Серафимом Саровским». См.: Замечательный случай наказания раскольника за издевательства над святыми мощами при открытии св. мощей преп. отца Серафима Саровского чудотворца. СПб., 1904; ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 74, отд. 2, ст. 3, д. 9.

<sup>37</sup> К предстоящему торжеству прославления преп. Серафима, саровского чудотворца // Новое время. 1903. 1 марта; Церковные приготовления и саровские торжества // Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 26. С. 733—736.

<sup>38</sup> О проезде богомольцев в Саровскую пустынь // Новое время. 1903. 25 мая.

<sup>39</sup> «В Сарове три гостиницы — дворянская, купеческая и черная» (С. Р. Н. У отца Серафима // Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 3. С. 68).

<sup>40</sup> Хроника // Новое время. 1903. 23 июня.

<sup>41</sup> Дневник А. А. Половцова. С. 170.

<sup>42</sup> См.: Проккофьев В. Саровские впечатления // Новое время. 1903. 29 июля; Тара-со в В. В. Саровская пустынь (впечатление от поездки) // Вестник церковно-общественной жизни. 1903. № 23/24. С. 95—96; Е в д о к и м, архимандрит. Указ. соч. С. 518.

<sup>43</sup> Проккофьев В. Из Саровской обители // Новое время. 1903. 27 июля.

<sup>44</sup> Телеграммы // Новое время. 1903. 22 июля; Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1903. № 31. С. 981—982. Для сравнения напомним, что примерно столько же (250 тыс.) паломников присутствовало на прославлении Тихона Задонского (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 97, д. 417, л. 203—205 об.).

<sup>45</sup> Телеграммы // Новое время. 1903. 18 и 20 июля.

<sup>46</sup> Былое. 1918. № 2. С. 201.

<sup>47</sup> О присутствии 28 тыс. военных на торжествах см. там же (с. 201—202).

<sup>48</sup> Проккофьев В. Саровские впечатления.

<sup>49</sup> Телеграммы // Новое время. 1903. 24 июля; ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 1969—2012. Из отчетов о состоянии епархии за 1903 год. Лишь немногие соседствовавшие с Тамбовской епархией сообщили о благотворном влиянии саровских торжеств на религиозно-нравственное состояние местной паствы (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, л. 20 об.; д. 1984, л. 8, 9 об.; д. 1983, л. 16).

<sup>50</sup> См.: Корреспонденция // Новое время. 1903. 20 и 21 июля.

<sup>51</sup> Торжественное празднование дня открытия мощей преп. Серафима Саровского, чудотворца, в Москве // Московские церковные ведомости. 1903. № 30. С. 397—398.

<sup>52</sup> См.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 74, отд. 2, ст. 3, д. 289, л. 5—5 об.

<sup>53</sup> О существовании местных святых см.: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 182, 1901 г., д. 2497.

<sup>54</sup> Там же, ф. 797, оп. 79, отд. 2, ст. 3, д. 280.

<sup>55</sup> В 1914 г. «Новое время» сообщило о предварительных расследованиях для костромского Варнавы, тобольского митрополита Иоанна, астраханского митрополита Иосифа и иркутского митрополита Софрония (Кристалевского). См.: «Церковные вести» и «Новое время» от 8, 11 июня, 7 июля 1914 г. Велись приготовления и к другим канонизациям (см., напр.: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 205, д. 751). В 1918 г. Иосиф и Софроний были причислены к лику святых (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 83, отд. 2, ст. 3, д. 411; ф. 831, оп. 1, д. 82 и 83).

<sup>56</sup> См.: Зайцева В. К. И. Памяти последнего царя: Россия и царь. Шанхай, 1948. С. 46; Хроника епархиальной жизни // Странник. 1913. № 6. С. 900.

<sup>57</sup> О предполагаемой канонизации патр. Гермогена // Вера и разум. 1913. № 4. С. 559—560.

<sup>58</sup> Народная вера в святость патриарха Ермогена и плоды этой веры — чудеса, совершающиеся по его могилам (М., 1914); Некоторые из чудес святителя Гермогена // Вера и разум. 1913. № 11. С. 711—712; Предположенная канонизация патр. Гермогена // Вера и разум. 1913. С. 560.

<sup>59</sup> Тем не менее кампания для прославления Гермогена была несколько неожиданной, что вызвало нареkania со стороны верующих. См.: Соловьев И., протоиерей. Какой смысл и значение имеет причтение святейшего патриарха Ермогена к лику святых? Сергиев-Посад, 1913.

<sup>60</sup> ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 205, д. 263, л. 2—3. Журнал заседаний Комиссии по обсуждению дела о прославлении св. патриарха Гермогена.

<sup>61</sup> Торжества в Москве (извлеченные из наблюдений газетных хроникеров) // Московские церковные ведомости. 1913. № 20. С. 387.

<sup>62</sup> См.: Шингарев В. Святитель Гермоген, патр. всероссийский // Вера и разум. 1913. № 10. С. 549.

<sup>63</sup> К 300-летию царствования Дома Романовых // Новое время. 1903. 15 февраля. Правда, в ходу были и традиционные формулировки; см., напр.: Гавриил, епископ. Голос Архипастыря к выборам в 4-ю Государственную думу. СПб., 1912. С. 16.

<sup>64</sup> В начале 1912 г. обер-прокурор В. К. Саблер дал ясно понять, что мечты о созыве собора не скоро сбудутся. См.: Речь. 1912. № 15.

<sup>65</sup> Биржевые ведомости, например, опубликовали интервью с тремя епископами, которые категорически требовали учреждения патриаршества не только ради улучшения церковной администрации, но и для ограждения церкви от вредного вмешательства со стороны светского государства и особенно обер-прокурора. Финляндский архиепископ Сергей сказал при этом следующее: «Патриарх в России не только нужен, но даже и необходим. Всякое большое дело нуждается в руководителе, которого, к сожалению, пока у духовенства нет... Все церковные дела и экономическая часть Синода ведутся обер-прокурором — лицом не духовным. С восстановлением патриаршества ведение этих дел перешло бы к патриарху». Интервью было распространено и в церковной прессе. См.: О патриаршестве // Странник. 1913. № 3. С. 467—469.

<sup>66</sup> См.: Преображенский И. В. Патриаршество на Руси // Миссионерское обозрение. 1913. № 5. С. 169—176; № 6. С. 346—362; Патриарх // Церковно-общественный вестник. 1913. № 32 (101).

<sup>67</sup> Гермоген энергично противостоял попыткам Саблера удовлетворить просьбу вел. кн. Елизаветы Федоровны возвести сестер Марфо-Мариинской обители в чин дьяконисс. Когда большинство членов Синода высказались в пользу этого предложения, Гермоген недвусмысленно обвинил его в том, что он «учреждал бы не канонический, а прямо еретический чин дьяконисс вопреки православным канонам» (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 81, отд. 2, ст. 3, д. 557, л. 9. См. также: оп. 82, отд. 3, ст. 4, д. 12).

<sup>68</sup> Там же, ф. 797, оп. 82, 1912 г., отд. 4, ст. 3, д. 12.

<sup>69</sup> Там же, ф. 796, оп. 205, д. 263, л. 6, 11 об.

<sup>70</sup> Прославление Питирима (в самый канун войны) вызвало открытый протест верующих, когда стало известно решение церкви не открывать гроб во время обряда (из-за плохого состояния мощей). См.: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 195, д. 1449, л. 221. Ропот был настолько велик, что Синод согласился «открыть также для всеобщего поклонения его мощи, ныне находящиеся под спудом». См.: Церковные дела // Новое время. 1914. 14 мая.

<sup>71</sup> Гроб Гермогена был открыт лишь «при запертом храме», и вход в собор, а также на площадь перед собором был только «по билетам». Это же сообщение указывает на скромную цифру («десятки тысяч») участвующих. См.: Открытие мощей святителя Ермогена // Новое время. 1913. 12 мая.

<sup>72</sup> Торжества в Москве // Московские епархиальные ведомости. 1913, № 20. С. 388.

<sup>73</sup> Там же.

<sup>74</sup> Московская хроника // Новое время. 1913. 11 мая. Архиепископ Никон писал о «многотысячных толпах» (Церковные ведомости. 1913, № 21. С. 938). См. также: Торжества в Москве // Московские епархиальные ведомости. 1913, № 20. С. 390.

<sup>75</sup> Деяния Св. Синода // Церковные ведомости. 1913. № 15/16. С. 149.

<sup>76</sup> ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 205, д. 283, л. 6.

<sup>77</sup> События дня // Новое время. 1913. 11 мая.

<sup>78</sup> ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 195, д. 8477, л. 1. Записка министра внутренних дел к обер-прокурору Синода, 13.XII—1911; ф. 1101, оп. I, д. 1111, л. 1. Напряженность в отношениях между Столыпиным и духовным ведомством рельефно отразилась в официальных документах (см., напр.: переписку Столыпина с обер-прокурором С. А. Лукьяновым в 1909—1910 гг.: ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 80, отд. 2, ст. 3, д. 196, л. 114—117, 128—131; оп. 77, отд. 2, ст. 3, д. 1106, л. 35—59).

<sup>79</sup> См.: Романовские торжества // Новое время. 1913. 18 мая.

<sup>80</sup> См.: Рожков Г. Церковные вопросы. С. 35—218; ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 82, отд. 1, ст. 1, д. 241, л. 21—22, 37—38.

<sup>81</sup> И в а н д о в - П л а т о н о в А. М. О русском церковном управлении. СПб., 1898; S m o l i t s c h I g o r. Der Konzilsvorbereitungssassususs des Jahres 1906 // Kirche im Osten. 1964. № 7. S. 53—93.

<sup>82</sup> Ср.: K i l c o u n e M a r t i n. The Political Influence of Rasputin / Ph. D. diss. University of Washington. 1961; А в р е х А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989

<sup>83</sup> Hoover Archives. Nicolaevsky Collection, д. 129.2 Беседа с Григорием Ефимовичем Распутиным.

<sup>84</sup> Примером служит прошение «почитателей» Раstupина в Царицыне (Hoover Archive, Nicolaevsky Collection, д. 129.1; Н о в о с е л о в М. А. Григорий Распутин и мистическое распутство / Рукопись запрещенной к печати брошюры).

<sup>85</sup> День 23 апреля // Новое время, 1903. 24 апреля.

<sup>86</sup> Подробно см.: А в р е х А. Я. Указ. соч.

<sup>87</sup> См.: К отъезду Распутина // Московские ведомости. 1912. 13 марта; В Государственной думе // Новое время. 1914. 3 апреля.

<sup>88</sup> Распутин и иерархи церкви // Петербургский курьер. 1914. 6 июля.

<sup>89</sup> Первоначально Синод намеревался уволить Варнаву (викарный епископ Каргопольский) на покой и 7 октября принял соответствующее постановление (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 83, отд. 3, ст. 4, д. 211, л. 1). В конечном счете Варнава добился своего: через месяц Синод отменил прежнее решение и назначил его епископом тобольским (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 83, отд. 3, ст. 4, д. 211, л. 5; д. 233, л. 2).

<sup>90</sup> ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 84, отд. 2, ст. 3, д. 372, л. 1—2.

<sup>91</sup> Там же, л. 5—7. Определение Синода от 1 июля 1914 г.

<sup>92</sup> Там же, л. 14, 16—17 об, 25—25 об.

<sup>93</sup> Там же, л. 18—19.

<sup>94</sup> Там же, л. 25—26.

<sup>95</sup> Там же, л. 50.

<sup>96</sup> Новое время. 1915. 29 августа.

<sup>97</sup> ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 84, отд. 2, ст. 3, д. 372, л. 37. Самарин — Б. В. Фредериксу (сентябрь 1915 г.).

<sup>98</sup> Там же, л. 43.

<sup>99</sup> Там же, л. 52.

<sup>100</sup> Там же, л. 53 об.

<sup>101</sup> Там же, л. 59 об.—60.

<sup>102</sup> Там же, л. 66—67 об.

<sup>103</sup> Новое время. 1915. 29 сентября.

<sup>104</sup> ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 84, отд. 2, ст. 3, д. 372, л. 87.

<sup>105</sup> Там же, л. 90.

<sup>106</sup> Там же, л. 90—91.

<sup>107</sup> Там же, л. 99.

<sup>108</sup> Там же, л. 132.

<sup>109</sup> В обзоре перлюстрированных писем отмечалось, что, «по общественному мнению, духовное ведомство переживало в 1912 г. своего рода революционное движение» (ЦГИА СССР, ф. 1101, оп. 1, д. 1111, л. 1).

© 1991 г.

**РИЧАРД УОРТМАН**

## **НИКОЛАЙ II И ОБРАЗ САМОДЕРЖАВИЯ**

В России XIX—XX вв. политический ритуал являлся инсценировкой тех мифов, которые несли в себе цели и ценности самодержавной власти. Этот ритуал не просто служил цветистым фоном на сцене политической жизни, но являлся аспектом государственной власти, необходимым для демонстрации величия и легитимности императора и правящей элиты. Во время дворцовых церемоний и праздников царь восславлялся в терминах «героической истории», которые наделяли династию и ее слуг сверхчеловеческими свойствами, берущими начало в мифическом прошлом. Эти мифы окутывали царскую власть аурой нездешнего могущества, перед которой благоговела правящая элита, и одновременно делали видение политической действительности каждого из монархов непрекаемым авторитетом для Русского государства<sup>1</sup>.

Русский император сохранял абсолютную власть до начала XX в., и потому политические мифы и связанные с ними представления продолжали играть заметную роль вплоть до самого падения династии. В последние десятилетия XIX в. для защиты абсолютной власти монарха от требований ее разделения с другими политическими силами начал использоваться новый миф. Изменение традиционных ценностей и воззрений привнесло в символику власти неопределенность и непоследовательность, что существенно сказалось на характере правления последнего царя. В разгар революционных волнений и интенсивного экономического развития Николай II предпринял попытки изменить образ монарха в рамках новых представлений о власти.

Изменение мифа произошло после кризиса самодержавия, пришедшегося на время правления Александра III. До 1881 г. образ царя был обусловлен имперским мифом петровских времен, в котором он предстал как богоподобный носитель западных культурных ценностей и воплощение идеи секулярного государства<sup>2</sup>. Александр III обосновывал свою консервативную политику славянофильским, религиозным, националистическим «нарративом о власти», пришедшим на смену мифу о секулярности. Идеализированный период основания монархии был отодвинут новым мифом со времен правления Петра Великого назад, в эпоху Московского царства XVII в., которая теперь предстала как время гармоничного «союза царя и народа». Эта идеализация Московского царства содержала в себе скрытый отказ от многих ценностей самодержавия, которые оно проповедовало до 1881 г., таких, как законность, рационализм и верховенство царской бюрократии — своего рода «разделяющей стены» («средостения») между правителем и народом. В этом отношении национальный миф отличался от доктрины «официальной народности» Николая I, с которой он имел лишь некоторые общие принципы.

Парадоксально то, что, пользуясь мифом о нации, Александр III и Николай II заимствовали культурные модели европейских правителей, являвшихся их соперниками. Во второй половине XIX в. европейские монархи начали представлять себя национальными лидерами. В поисках поддержки масс они взывали к национальным чувствам, что ранее рассматривалось бы как угроза монархической легитимности. Монархи теперь заявляли себя носителями национальных традиций, в какой-то степени вымышленных ими для того, чтобы продемонстрировать свою историческую роль,

что Э. Хобсбаум называл «изобретением традиции». Однако подобные апелляции несли в себе опасность пробуждения враждебного отношения масс к наследственным привилегиям и могли повлечь за собой дальнейшую эрозию традиционного уважения к власти монарха<sup>3</sup>.

В России эти противоречия между мифом о нации, с одной стороны, и культурными и институциональными традициями — с другой, оказались особенно острыми. Со времен Петра Великого русские императоры заявляли себя в качестве европейских монархов и побуждали российское дворянство перенимать вкусы и культуру западных дворян. Администрация и армия имитировали своих европейских двойников, и их европейский «образ» находил отражение в дворцовых церемониях<sup>4</sup>. Несмотря на историческую риторику и аллюзии, идеализация допетровской Руси была глубоко антиисторичной и антитрадиционной; она побуждала царя искать идеалы и образцы деятельности скорее в отдаленном и туманном прошлом, чем в наследии своих недавних предшественников. Понятие национальной монархии имело в высшей степени разрушительные последствия: оно подрывало основу существования именно тех ценностей и социальных групп, посредством которых русские монархи осуществляли правление на протяжении почти двух веков.

В результате, начиная с царствования Александра III, мы можем наблюдать возрастающее несоответствие между политическим мифом и политическим ритуалом. Монархическая риторика превозносила Москву и московские традиции, но за исключением нескольких поездок императора в Москву и проведенной там церемонии коронации, церемониальным центром самодержавия оставался Петербург<sup>5</sup>. Российский монарх был одновременно петербургским императором, носившим гвардейскую форму и возглавлявшим общественную жизнь европеизированной элиты, и московским царем, пытавшимся возродить византийский иератический стиль. И в то же самое время он стремился предстать народным русским царем, приверженным неопределенно эгалитарному антиинтеллектуальному духу, который, как это считалось, был свойствен крестьянам.

Противоречашие друг другу ценности, присущие этим ролям, за короткий период царствования Александра III не были сформулированы открыто. Затворнический образ жизни Александра III, его резкие и грубые манеры способствовали созданию впечатления о нем как о «мужицком царе», но в то же время не входили в конфликт с придворной светской жизнью, которую он вел. Однако Николай II, пытаясь примирить миф и ритуал, выявил их принципиальную несовместимость. К тому же он был настроен еще более враждебно, чем его отец, по отношению к столичной элите. Роль европейского императора, воплощающего в себе идею секулярного государства, была ему глубоко антипатична. Невысокого роста, застенчивый, он чувствовал себя неуверенно во дворце. Но и в более близкой ему военной среде он не был способен играть роль командира. Будучи императором, он оставался в чине полковника, так и не повысив себя до генерала. В своих мемуарах А. Ф. Гирс описывает изумление, которое он испытал, наблюдая за военным парадом в 1910 г., во время которого монарх отвел себе роль подчиненного и исполнял приказы командира<sup>6</sup>.

Николай II не казался убедительным в роли наследника Петра Великого или Николая I. Модель власти не была в то же время унаследована им от отца. Хотя Николай разделял политические взгляды Александра III, он испытывал по отношению к нему чувство страха и собственной неполноценности, понимая, что никогда не сможет полностью заместить его. Скорее, он искал свой политический образ среди того набора ролей, который представлялся мифом о нации. Эти роли преодолевали противоречия между мифом и ритуалом и давали ему санкцию нации на единоличную абсолютную власть, в то время как для двора он продолжал играть, хотя и без вдохновения, роль императора петровского образца. Эти роли приобрели все большее значение после революции 1905 г. и учреждения Государственной думы. Религиозные и исторические санкции, поддержка масс стали для него основаниями для разрыва с государственными институтами, запятнавшими себя в его глазах связью с Думой. В этом отношении Николай, пытаясь предстать в качестве защитника традиционных царских политических прерогатив, в действительности вовлек себя в начале XX в. в политическую борьбу и изменил смысл назначения монарха, который он поклялся защищать.

## МОСКОВСКИЙ ЦАРЬ

Николай II вззошел на трон через тринадцать лет после того, как символической основой самодержавия вместо секулярного мифа абсолютизма, имеющего религиозную поддержку, стало религиозное санкционирование неограниченного самодержавия. Сразу же после смерти своего отца Николай открыто заявил о своем намерении защищать самодержавие в терминах мифа о нации.

В манифесте, опубликованном при его вступлении на престол, он выражал надежду, что народ не забудет о том, что «сила и крепость Святой Руси – в ее единении с Нами и в беспредельной Нам преданности»<sup>7</sup>.

Однако Николай вводил миф о нации совершенно не так, как его отец. При Александре III миф определял отношение к политической власти в трех аспектах. Во-первых, он освящал личный авторитет царя как помазанника Божия, дискредитируя ценности законов и институтов, связанные с конституционализмом. Во-вторых, он делал православную церковь основной выразительницей национальных ценностей, которые заменили теперь материальный прогресс и национальное благополучие в качестве главных целей самодержавия. В-третьих, миф оправдывал и прославлял сословные учреждения, дворянство и крестьянскую общину в качестве социальной основы царской власти.

Николай, следуя примеру своего отца, поддерживал эти три принципа, однако первый из них — царская власть, основанная на личном и религиозном авторитете, — заслонил и впоследствии подорвал два других. Он уважал церковь и, насколько это было для него возможно, государственные институты дворянства и крестьянства, однако институциональные воплощения мифа были отодвинуты на второй план его стремлением пережить непосредственный личный религиозный опыт, делая это открыто. Московское царство семнадцатого века дало ему первую модель личного правления, основанного на религиозном вдохновении; он верил, что воскрешает то время, когда царь располагал личной властью, полученной от Бога, без каких-либо препятствий со стороны европеизированной бюрократии. Разумеется, этот политический вариант возрождения средневековья имел мало общего с конкретной историей XVII в. Он представлял собой мешанину идей, ритуалов, одежды и архитектурных форм, служившую сценическим фоном при утверждении политической воли царя.

## КОРОНАЦИЯ НИКОЛАЯ II

Первая после коронации Николая II публичная демонстрация патриархальных ритуалов была предпринята им в 1900 г., когда царь готовился к Пасхе, важнейшему празднику православного календаря. В марте 1900 г. императорская семья прибыла в Москву для пасхальных торжеств, это было первое за 50 лет «высочайшее» посещение города во время Пасхи. Празднование было широко освещено в прессе. Кроме статей в газетах правительство опубликовало специальный отчет, который был разослан бесплатно 110 тыс. подписчиков «Сельского вестника», органа Министерства внутренних дел. Параллели с XVII в. были намеренно подчеркнуты<sup>8</sup>.

Кульминацией всех детально продуманных церемоний было шествие в пасхальную ночь в храм Христа Спасителя; император в форме Преображенского полка и императрица в белом русском платье, сопровождаемые высшими сановниками, вышли из Кремлевского дворца и направились к храму. В высочайшем рескрипте на имя московского генерала-губернатора вел. кн. Сергея Александровича Николай писал, что обрел единение со своим народом и что «тихая радость» наполнила его душу. Встреча Пасхи вместе с предстоящими во храме давала ему духовный мандат: «В молитвенном единении с моим народом я почерпаю новые силы на служение России для ее блага и славы»<sup>9</sup>.

Вдохновленный этими событиями, Николай все более проникался уверенностью в иерархическом характере своей политической власти. Министр внутренних дел Д. С. Свиягин поддерживал этот «образ» — образ московского царя, получившего божественную санкцию. Он убеждал Николая в том, что Бог, а не народ влияет на ход событий и что царь является избранником божим. Это поощрило Николая и дальше не обращать внимания на советы со стороны<sup>10</sup>. Свиягин, пытаясь имитировать патриархальные обычаи и обряды Московского царства, носил платье XVII в. и во время визитов к царю старался соблюдать обряды московского двора. Он перестроил обеденный зал в неоклассическом здании своего министерства наподобие Грановитой Палаты в Кремле, сделав на одной из стен роспись, изображающую Михаила Федоровича в 1613 г. Он мечтал принять царя по московскому обряду и с московским гостеприимством и, когда Николай принял его приглашение, распорядился о том, чтобы из Москвы был доставлен «русский обед» из многих блюд и цыганский хор<sup>11</sup>.

Самым зрелищным развлечением в старом московском стиле был костюмированный бал в феврале 1903 г. Николай рассматривал его не как обычный маскарад, но как первый шаг к восстановлению обрядов и костюмов московского двора. Придворные получили указание явиться на бал в одеждах XVII в. «Очень красиво выглядела зала, наполненная древними русскими людьми», — запи-

сал Николай в своем дневнике. Но придворные рассматривали этот бал только как развлечение. Начавшаяся вскоре русско-японская война, а затем и революция воспрепятствовали дальнейшим новшествам в духе старой Москвы<sup>12</sup>.

Николай продолжал вслед за своим отцом застраивать Петербург храмами в московском стиле; их строительство велось и за границей. Одним из наиболее замечательных был собор Александра Невского, построенный в память Александра III. Архитектор А. Н. Померанцев пристроил к правой стороне нового здания Учебного совета при Священном Синоде, выполненного в стиле неоклассицизма, точную копию старой церкви в Борисоглебске<sup>13</sup>. В Дармштадте, где родилась императрица Александра Федоровна, до сих пор можно видеть колоритную церковь Марии Магдалины в ярославско-ростовском стиле, непродуманно включенную в архитектурный комплекс в стиле модерн. Этот храм, освященный в 1903 г., использовался как дворцовый во время частых посещений города императорской семьей. Построенный на земле, специально привезенной из России, он был посвящен, как и русский кафедральный собор в Иерусалиме, Марии Магдалине, святой покровительнице императриц Марии Александровны и Марии Федоровны. Две мозаики работы Виктора Васнецова — Марии Магдалины над входом и Девы с младенцем в апсиде — трактовали тему трансцендентного женского раскаяния и добродетели<sup>14</sup>.

## БОГОМОЛЕЦ

Роль московского царя была для Николая II церемониальным выражением национальных и исторических корней русского самодержавия. Роль смиренного христианина, обращенного к святым старцам, означала для царя связь с народом, воплощала национальный народный дух. В первые годы правления Николая его официальные встречи с крестьянскими старшинами, например, летом 1902 г., были скованными и формальными. Царь повторял те же увещания, которые когда-то произносил его отец: слушаться земских начальников и не верить «вздорным слухам» о разделе земли<sup>15</sup>. Роль же богомольца позволяла ему молиться рядом с крестьянами, представлять в качестве набожного, кающегося человека и давать им образец веры. Как и создаваемый им образ московского царя, эта особая набожность была знаком божественной милости, лежащей на нем, благодаря которой он получил абсолютную власть. Но если фигура московского царя требовала точного соблюдения церковного ритуала и принятия иератического стиля правления, то образ богомольца предполагал его разрыв с подобной ролью и поиски спасения в личном религиозном опыте.

Как Николай, так и Александра находили формальную структуру церкви недостаточно подходящей для того особого вида религиозности, который, по их мнению, был наиболее приличествующим русскому царю. Александра считала, что в ее духовном развитии гораздо большую, чем церковь, роль сыграли аскетические личности из народа: старцы, отшельники и проповедники. Ее вера была глубоко личной, напряженной и мистичной, что отталкивало двор и высшее петербургское общество, члены которого склонны были рассматривать подобный мистицизм как признак душевного расстройств<sup>16</sup>.

Проявление глубокой религиозности вряд ли было характерно для русских правителей. Оно отражало влияние духовных учений Запада, выраженных с помощью национальной риторики. Александра приехала в Россию со склонностями, уже проявившимися у ее матери, Алисы, которая подпала под влияние спиритуалистического учения Давида Штраусса<sup>17</sup>. Император и императрица были склонны искать вмешательства чудесных сил, когда земные средства уже были исчерпаны, что было прямо противоположно доминировавшему до 1881 г. тезису о сверхчеловеческой мощи правителя.

Александра, принявшая православие неохотно, исповедовала религию, представлявшую собой смесь русской обрядности со спиритуализмом и мистикой. В 1901 г. и она, и Николай оказались под влиянием французского «врачевателя душ» и гипнотизера Филиппа Вашо (Vachot). Впоследствии Александра стала искать источник духовных сил в российской земле и начала поклоняться старцу Серафиму Саровскому<sup>18</sup>.

Серафим был монахом первой половины XIX в., имевшим многих почитателей в доме Романовых. Помимо подвигов духа он также славился тем, что своими молитвами помогал женщинам, страдавшим от бесплодия<sup>19</sup>. Но главная притягательность Серафима для императрицы состояла в особом почитании им Девы Марии и том, что он подчеркивал особую роль женщины в религиозном служении. Богоматерь неоднократно являлась ему; во время одного из таких явлений он узрел

двенадцать сопровождавших ее Святых Дев. Серафим имел, отмечает биограф, «особую близость к Божией Матери»<sup>20</sup>.

Поклонение Деве, как отмечает Г. Федотов, не было характерным для русского православия. Речь шла о западном символе, совмещавшем в себе противоположные идеи целомудренности и материнства, безгрешности и деторождения. Российские императрицы, восхищавшиеся Серафимом, откликнулись тем самым на культ Девы Марии, широко распространившийся в XIX в. в Европе. Римская католическая церковь приняла культ Марии для того, чтобы привлечь верующих и в противовес либеральным и социалистическим учениям<sup>21</sup>. Этот культ выражал то, что Виктор и Эдит Тернеры называли «возрождающимся женским началом», где женщина была «доминантным символом чувственно ощущаемого». Во время усиления секуляризации дева Мария служила образом матери, «упрекающей род людской в забвении веры»<sup>22</sup>.

Александра Федоровна сделала Деву Марию одним из главных символов николаевского самодержавия. Она собирала чудотворные иконы; ею особо почитался образ Феодоровской Божией Матери, которым были благословлены на царствование в 1613 г. царь Михаил и его мать, Марфа. Александра отвела для поклонения ей Феодоровский собор в Царском Селе.

Во время царствования Николая доминирующие мужские символы имперской религии — Христос, монахи, святые князья — уступили место образу Божией Матери. Западное отношение к образу Девы Марии соединилось с русским поклонением иконам Божией Матери в военное время. Первым проявлением этого почитания была канонизация Серафима Саровского, которой Александра требовала вопреки возражениям прокурора Священного Синода Победоносцева и сопротивлению многих иерархов. Николай настоял на канонизации, и церемония обретения мощей состоялась в Сарове Тамбовской губернии в июле 1903 г.

Канонизация в Сарове, происходившая в присутствии 150-тысячной толпы, произвела сильнейшее впечатление на императора и императрицу и укрепила их веру в любовь и преданность народа. А. Мосолов описывает взрыв народного энтузиазма во время их встречи и преподнесения им хлеба-соли крестьянами. После Сарова, пишет он, слова «царь» и «народ» стали соседствовать во множестве царских высказываний, и Николай все чаще рассматривал народ как «взрослых детей». Он испытывал желание еще более близкого общения с ним, чтобы «проявлять, так сказать, физическую ласку любимому им народу», но его останавливал страх перед новой Ходынкой<sup>23</sup>. На следующий год священники благословили иконой Серафима Саровского войска, отправлявшиеся на русско-японскую войну, однако, как писал вел. кн. Александр Михайлович, незнакомый облик нового святого настолько смущал и разочаровывал солдат, что к концу войны они уже не могли слышать о Серафиме.

Но для Николая и Александры поклонение Серафиму Саровскому стало символом их неизменной преданности Богу и народу. Императрица вместе со своей сестрой вел. кн. Елизаветой Федоровной и своей золовкой вел. кн. Ольгой Александровной совершили омовение в Серафимовском источнике. На следующий год Александра, наконец, родила сына, назвав его Алексеем в честь царя Алексея Михайловича. Она была убеждена, что это произошло благодаря помощи Преподобного Серафима. Николай повесил икону Серафима в своем кабинете. Позднее Александра поклонялась образу и личным вещам Чудотворца, хранившимся в Феодоровском соборе в Царском Селе.

## «ВЕНЦЕНОСНЫЙ ТРУЖЕНИК»

Политическая ситуация после революции 1905 г. и создания представительных органов сделала необходимой новую режиссуру появления Николая перед массовой аудиторией, Инсценированные в 1909—1913 гг. юбилейные торжества были призваны продемонстрировать неуязвимую привлекательность монархизма в глазах масс. Эти события явились одним из аспектов символической конкуренции рубежа столетий между главами государств. Юбилей королевы Виктории (1897), Франца-Иосифа (1908) и кайзера Вильгельма (1912) стали поводом для эффектных демонстраций царственности и благородства монархов перед публикой. Эти празднества представляли их, как писал Д. Кэнэдин, «в качестве символов согласия с преемственности, которые почитаемы всеми»<sup>24</sup>.

Но во время торжеств, прославлявших императора Николая II, не прозвучало ноты примирения или стремления к национальному согласию. Скорее это была попытка сплотить народные массы вокруг царя, бросив вызов всем тем, кто поддерживал новые представительные органы. Праздно-

вание годовщины великих реформ, которое могло бы дать основание для примирения, прошло чисто формально. Важнейшими юбилеями стали двухсотлетие битвы под Полтавой (1909), столетие Бородинского сражения (1912) и трехсотлетие избрания первого царя дома Романовых (1913). Юбилейные торжества превратили великие исторические победы в детали специально составленного продуманного сценария, в события, подтверждавшие собственную императорскую концепцию российской политической реальности. Они подтверждали веру Николая в то, что большинство населения, особенно крестьянство, лояльно по отношению к нему, что, как заметил британский консул в Петербурге, «позволило правительству в значительной степени игнорировать смятение политиков»<sup>25</sup>.

Новый императорский стиль, подчеркивающий народность монарха, был продемонстрирован во время празднования годовщины Полтавской битвы. Николай теперь дружески беседовал с простыми крестьянами, предпочитая их старшинам. Свыше 2 тыс. крестьян, представлявших разные уезды, окружили царя, рядом с которым стоял Столыпин. Как вспоминал полтавский губернатор, Столыпин задавал им вопросы о хуторских земельных наделах. Николай провел свыше трех часов в оживленной беседе и был так восхищен этой встречей, что попросил, чтобы простому народу было позволено беспрепятственно приближаться к нему в Киеве, куда он собирался после Полтавы. На следующий день после парада в честь Полтавской битвы Николай произнес речь, политическое содержание которой было совершенно ясно. Говоря о прогрессе и процветании России, он призвал своих подданных помогать своему государю и произнес тост за расцвет России, «который невозможен без единства народа со своим царем»<sup>26</sup>.

Во время празднеств в Бородино военно-религиозный элемент был особенно заметен. Николай принимал парад, в котором полки и батальоны, сражавшиеся при Бородино, были представлены ротами, многие из которых проходили перед царем, возглавляемые членами императорской семьи. «Общее чувство глубокого благоговения перед нашими предками охватило всех нас», — писал он своей матери. Жертвенность русских солдат — вот что особенно трогало его при созерцании поля битвы, на котором 58 тыс. человек было убито или ранено. Перед войсками на параде несли икону Казанской Божией Матери, сопровождавшей русскую армию в 1812 г. «Это были минуты такого эмоционального подъема, какой трудно встретить в наши дни», — писал он<sup>27</sup>.

Празднества нескольких следующих дней, происходившие в Москве, сохранили особую религиозную настроенность и развеяли сомнения в лояльности города, одолевавшие императора с 1905 г. Память о Декабрьском восстании, подавленном гвардейскими полками, была еще свежа во время визита Николая в Москву в апреле 1912 г. для открытия памятника Александру III. Теперь же Николай, как бы возвращаясь ко времени своей коронации, вновь был встречен восторженной толпой...

Политический смысл празднования стал более явным во время приема, устроенного в честь императора и императрицы московским дворянством. После пения «Боже, царя храни» и исполнения «Увертюры 1812 г.» группа губернских предводителей дворянства горячо приветствовала царя. Московский предводитель А. Д. Самарин преподнес ему знамя, расшитое по древнерусскому образцу, символизирующее единство дворянства и короны. Страстная речь Самарина, в которой он призывал дворян отдать свою жизнь за царя, как это было сто лет тому назад, растрогала Николая и Александру до слез. Его упоминание о царе как об «абсолютном монархе» в корне противоречило Октябрьскому манифесту и наделало много шума<sup>28</sup>.

Празднование трехсотлетия Дома Романовых в 1913 г. — первое и единственное празднование юбилея царского дома — происходило в момент социального и политического кризиса. Недовольство ролью Распутина, волна забастовок, захлестнувшая страну после событий 1912 г. на Ленских золотых приисках, заставляли Николая возвращаться ко временам доконституционного Эдема, когда царь безоговорочно почитался своим народом.

Первая часть праздничных церемоний, посвященных избранию в 1613 г. царя Михаила Земским собором, происходила в Петербурге в феврале. События подтвердили падение престижа чиновничества и петербургской знати в контексте официально проповедуемого мифа. На приемах царь стоял, беседуя со своей свитой и не выказывая большого интереса к официальным лицам и провинциальному дворянству. Во время бала, данного петербургским дворянством, и оперы «Жизнь за царя» как он, так и императрица открыто выказывали недовольство петербургской элитой<sup>29</sup>.

Празднование оттолкнуло от царя и умеренных думских монархистов. Полное отсутствие жестов политического примирения удивило даже тех, кто был близок к нему. Амнистия, объявленная по

поводу трехсотлетия, не коснулась политических заключенных, что вызвало открытую критику в либеральной прессе. Во время торжественного богослужения в Казанском соборе думские депутаты должны были стоять позади сенаторов. Несмотря на риторические фразы о доверии и преданности, только небольшое число горожан вышло на улицы, чтобы продемонстрировать свою политическую поддержку монархии. У многих сторонников монархии после праздника осталось чувство разочарования и недовольства<sup>30</sup>.

Петербургские торжества обнаружили диссонанс между представлениями Николая о себе как о царе, получившем божественную санкцию, и его ролью европейского императора. Майские празднества дали ему возможность проявить недоверие к бюрократии и свою связь с народом. Он продолжал рассматривать министров как «средостение», пишет В. Н. Коковцов, и опасался каждого, кто мог бы рискнуть призвать к переменам, «уменьшающим былой престиж и затемняющим ореол „царя Московского“, управляющего Россией как своей вотчиной»<sup>31</sup>.

Приветствия, полученные по поводу трехсотлетия Дома Романовых Николаем и Александрой от волжских городов и от Москвы, укрепили их уверенность в том, что народ с ними. Основная часть торжеств, посвященных юбилею восшествия на престол Михаила Федоровича в 1613 г., состоялась в Костроме. В Ипатьевском монастыре, недалеко от Костромы, Николай был благословлен Феодоровской иконой Божией Матери: тем самым была повторена церемония благословления на царствование царя Михаила Федоровича. Огромные толпы крестьян присутствовали при этом событии, расположившись возле стен монастыря. Очевидцы подчеркивали, что царь спустился с вершин власти для того, чтобы предстать смиренным богомольцем<sup>32</sup>.

Кн. В. Н. Шаховской писал: «Опять-таки нельзя найти слов, чтобы описать тот патриотический, горячий, искренний подъем, который охватил всех присутствующих, без разбора званий, положений, классов. Народ сливался в одном чувстве: обожании монарха». Герцог Мекленбург-Шверинский воскликнул: «Какое счастье быть монархом такого народа!» Один из иностранных атташе заметил: «Какая сила! Какое единство народного чувства! Все наши конституции ничто по сравнению с тем, что мы видим!» Путешествие по Волге убедило М. Палеолога, посла Франции, в преданности народа царю: «Вид государя и государыни во всем сиянии их священного могущества глубоко тронул народную душу, душу масс, душу простых людей»<sup>33</sup>. Только вел. кн. Николай Михайлович, согласно одному отчету о событии, почувствовал угрозу, таящуюся в поддержке народа. Глядя на толпу из павильона, он спросил Николая: «А ведь они совершенно такие же, какими были в XVII веке, выбирая на царство Михаила; это плохо; как ты думаешь?» Николай промолчал<sup>34</sup>.

Николай II, со своей стороны, не усмотрел никакого риска в ставке на симпатии крестьянства. Он верил в то, что овации выражали те же самые чувства, что и в 1613 г., и эта точка зрения высказывалась в официальной печати<sup>35</sup>. В числе прочего император продолжал прилагать усилия для того, чтобы создать московский пейзаж в Петербурге. Так, «Церковь Трехсотлетия» С. С. Кричинского была точной копией ростовских церковей XVII в.

Наиболее активно возврат традиций XVII столетия происходил в Царском Селе, где Александра возвела собор в честь Феодоровской Божией Матери и где хранились реликвии Серафима Саровского. Архитектор В. А. Покровский проектировал храм, имитируя кремлевский Благовещенский собор XV в., но снабдил его шатровыми куполами, возведенными над входом и крытыми вестибюлями, чтобы придать строению облик храма XVII в. Императрица молилась здесь не со всей паствой, а, подобно царицам XVII в., следила за службой из затемненной молельни сбоку от алтаря<sup>36</sup>.

Для царя реальностью были почитание народа, имитация московского стиля в архитектуре и быту, что подтверждало его концепцию о том, что Россия останется верна тем политическим принципам, которые доминировали тремя столетиями раньше. Характерно, что высшие сановники двора и чиновники Удельного ведомства преподнесли императору статую патриарха Филарета, отца первого царя из Дома Романовых. Министр двора просил о том, чтобы статуя была установлена в царских покоях<sup>37</sup>. Николай мог теперь иметь рядом с собой образ родоначальника династии, олицетворяющего мандат, полученный Романовыми от Бога и народа на Земском соборе 1613 г.

Празднества зримо утвердили Николая в его уверенности, что народ един с ним и что думские депутаты не более чем горстка заговорщиков. Статуя Филарета и икона Серафима Саровского символизировали для него связь с прошлым России и с религиозным духом народа, были его талисманами, дававшими право говорить от имени нации. Но этот взгляд на политическую действительность был подрывным по отношению к существовавшим в России политическим институтам. Николай отныне представлял не самую Россию, а экстремистское монархическое начало, стремив-

шееся повернуть стрелки часов истории вспять. А. И. Савенко, один из лидеров националистов, писал своей жене 1 июня 1913 г.: «Восторг, с каким встречала страна государя во время его поездки, привел их (царя и Н. А. Маклакова, министра внутренних дел.— Р. У.) к тому лояльному выводу, что страна — правее Думы. О, горькое заблуждение! В действительности ведь страна много левее Думы». Осенью 1913 г. и весной 1914 г. Николай рассматривал меры по превращению Думы в совещательный орган, что означало бы отмену Октябрьского манифеста<sup>38</sup>.

В поисках народной поддержки Николай и его советники пытались уменьшить пропасть между императором и его подданными, придав ему сходство с простым смертным. Таким был образ царя в официальной популярной биографии «Царствование Государя Императора Николая Александровича», которая появилась в газетных приложениях и вышла отдельной книгой в 1913 г., а в следующем году вышла во французском и английском переводах. Автор, профессор и генерал, Андрей Георгиевич Ельчанинов, был членом императорской свиты. Хотя он восхвалял прошлое России, биография царя была весьма современной по своему назначению и содержанию. Она представляла собой беспрецедентное описание жизни правящего царя, попытку сделать правителя в эпоху политики масс объектом их симпатии.

Открывающий книгу Ельчанинова раздел рисует неустанные труды Николая: ныне прилежание, а не героизм, отличают русского царя. Император был «венценосным тружеником», чьи труды не шли ни в какое сравнение с трудом обычных людей. «Государь является истинным отцом своего народа... не покладаящим рук в своих трудах, и в будни и в праздники отдыхающим разве только во время своего краткого сна и неизменно служащим, в самых даже мельчайших вещах, высоким примером твердой „верности в исполнении собственного долга“». Он работал без помощников. «Я работаю за троих. Пусть каждый научится работать хотя бы за двоих», — сказал однажды государь». Автор спрашивает, не является ли «святым долгом» русских «в дни торжественного празднования 300-летия правления Дома Романовых (...) вспомнить (...) об этом труде венценосного труженика (...) об его тяжелом и неустанном, по завету родоначальника династии царя Михаила Федоровича, служении своему народу»<sup>39</sup>.

Ельчанинов говорит и о молитве как о другом общем знаменателе для царя и народа. Он описывает императорскую семью верующей так же, как простые смертные. Император являл собой «образец царя благочестивейшего», посещал храм по воскресеньям и во все церковные праздники.

Как труженик и смиренный христианин и богомolec царь предстал человеком из народа. В армии Николай также исполнял свой долг наряду с соотечественниками. Царь, которому пришлось носить ранец солдата 16-го стрелкового полка, распорядился о занесении своего имени в полковую летопись как участника первой кампании и получил соответствующее удостоверение. Он был «царем-батюшкой», «добрым отцом и первым другом» крестьян. «Ни одна забота о крестьянине-пахаре не прошла без деятельного участия царя»<sup>40</sup>, — пишет Ельчанинов. Фотографии в различных изданиях подчеркивали доступность царя и его приверженность труду. Вот Николай, стоящий с группой крестьян. Вот он осматривает плуг. Вот он толкает тачку во время закладки Транссибирского железнодорожного пути, в то время как офицер рядом с ним держит лопату. Но эти снимки вряд ли могли сделать еще более величественным священный образ царя. Это не «портреты императора», иконографически представляющие монарха. Это — фотографии обыкновенного гвардейского офицера, которого трудно отличить от других офицеров, стоящих поблизости.

По случаю трехсотлетия правящего дома правительство впервые выпустило почтовые марки с изображениями царей династии Романовых, в том числе и Николая, и эта попытка популяризации царя вызвала большие разногласия. Многие из сторонников монархии осудили новые марки как осквернение священного образа царя. Епископ Никон в официальном органе Священного Синода крайне резко осудил подобную коммерциализацию и рекламу. В ценах, проставленных на марках, — три копейки за Александра III, одна копейка за Петра Великого — он усмотрел унижение благочестивых царей, почитаемых народом. «Мало того, сии царские портреты обязательно пачкаются штемпелем, как будто ради вящего над ними поругания», — писал он и задавался вопросом, живет ли он еще в России «или же пришел жид и покорил наше царство?» Правительство было вынуждено вскоре прекратить выпуск новых марок<sup>41</sup>.

Борясь за возвращение абсолютной власти, Николай II противопоставил себя традициям русского самодержавия и взялся за исполнение ролей, разрушительных для существующих институтов не меньше, чем программы оппозиционных партий. Будучи плотью от плоти европеизированного

двора и бюрократии и позволяя себе такие развлечения, как теннис и роскошные автомобили, он тем не менее создавал свой образ правителя — благочестивого московского царя с его строгой приверженностью ритуалу, богомольца, воплощающего духовное смирение и мистическое вдохновение, простолюдина, проходящего со своим узелком многие вероты, дружески беседующего с крестьянами, любящего борщ и квас. Несмотря на претензии на национальную специфику, эти образы были ответом на европейские модели национализации монархии и демократизации политических процессов и религии. Они вовлекали царя в политическую борьбу за власть, лишая его ауры святости, необходимой для монархического правления. Многие выдающиеся государственные деятели были убеждены в том, что он предал интересы государства ради мистических и славянофильских фантазий, поощряемых императрицей и Распутиным<sup>42</sup>. Он ускориł наступление того, что Х. Доллингер называл «потерей святости»<sup>43</sup> и с чем европейские монархи столкнулись на протяжении девятнадцатого и двадцатого веков.

Символическое отречение Николая II от престола состоялось задолго до того, как он оставил трон в феврале 1917 г. Его представления о правлении противопоставили его основным устоям самодержавной власти — государству, церкви и европеизированным элементам дворянства. В то же время он держался за традиционные prerogatives самодержца и продолжал опираться на дворянство и церковь как на устои своей власти, пытаясь использовать призывы к народу без желания маневрировать или идти на необходимые для манипулирования симпатиями компромиссы. Парадоксально поэтому, что сейчас образ Николая II стал символом традиций того самого русского самодержавия, которому имело он помог разрушиться.

#### Примечания

<sup>1</sup> Tudor H. *Political Myth*. N. Y., 1972; Sahlin S. M. *Islands of History*. Chicago, 1985. P. 35—38; Lukes S. *Essays in Social Theory*. L., 1977. P. 67—68.

<sup>2</sup> О сакральном характере монархии в России см.: Живо В. М., Усценский В. А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки, культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47—153; Cherniavsky M. *Tsar and People*. New Haven, Connecticut, 1961.

<sup>3</sup> См.: Cannadine M. *Splendor out of Court; Royal Spectacle and Pageantry in Modern Britain*. P. 1820—1837 // *Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics Since the Middle Ages* / Ed. Wilentz S. Philadelphia, 1985. P. 213—222; Hull I. V. *Prussian Dynastic Ritual and the End of Monarchy // German Nationalism and the European Response, 1890—1945*. Norman, Oklahoma, 1985; Fehrenbach E. *Images of Kaiserdom // Kaiser Wilhelm II: New Interpretations*. Cambridge, 1982. P. 270—275; Nipperdey T. *Gesellschaft, Kultur, Theorie; Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte*. Göttingen, 1976. S. 135—144, 154—163.

<sup>4</sup> См.: Шепелев Л. Е. Отмененные историей: чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.

<sup>5</sup> Wortman R. *Moscow and Petersburg: the Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881—1914* // *Rites of Power...* P. 244—274.

<sup>6</sup> Воспоминания бывшего офицера лб.-гв. Преображенского полка и минского губернатора А. Ф. Гирса о своих встречах с Государем Императором Николаем II // Giers Collection, Vakhmetev Archive. Columbia University, 16.

<sup>7</sup> ПСЗ. 20 октября 1894. З:11014.

<sup>8</sup> Царское пребывание в Москве в апреле 1900 года. СПб., 1900. С. 23—24.

<sup>9</sup> Там же. С. 53—56.

<sup>10</sup> Захарова Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // *Вопросы истории*. 1978. № 8. С. 128; Половцов А. А. *Дневник* // *Красный архив*. 1923. Т. 3. С. 136.

<sup>11</sup> Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 130—132; Крыжановский С. Е. *Воспоминания*. Берлин [Б. г.]. С. 192—193, 206—208; Gurko V. I. *Features and Figures of the Russian Past*. Stanford, 1939. P. 87; Alexandre Isvolsky *Memoires*. Paris, 1923. P. 272—273.

<sup>12</sup> Maria Georgievna. *Grand Duchess. Memoirs* // *Личное собрание Д. Чавчавадзе*. С. 129—132; Воейков В. Н. С царем и без царя. Хельсинки, 1936. С. 38—40; Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 131; Мосолов А. *При дворе императора*. Рига [Б. г.]. С. 18; *Альбом костюмированного бала в Зимнем Дворце в феврале 1903 г.* СПб., 1904; *Le journal de Saint-Petersbourg*. 1903. 17. II. С. 1.

<sup>13</sup> Корольков К. Царь-миротворец. Император Александр III. Киев, 1904. С. 57—60; *Нива*. 1901. № 13. С. 259.

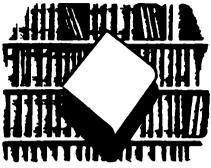
<sup>14</sup> *Russische Kapelle St. Maria Magdalena, Darmstadt*. Munich, 1983; Бенуа Л. *Церковь во имя Св. Марии Магдалины в Дармштадте* // *Зодчий*. 1900. № 5.

<sup>15</sup> Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 136—137.

<sup>16</sup> Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 52—54; Spiridovich A. *Les dernières années de la cour de Tsarskoë-selo*. Paris, 1928—1929. V. 1. P. 351; Virubova A. *Memoirs of the Russian Court*. N. Y., 1923. P. 54.

- <sup>17</sup> Paléologue M. Alexandra Feodorovna, impératrice de Russie. Paris [n. d.]. P. 51—55.
- <sup>18</sup> Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. N. Y., 1961. P. 131; Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 126—127; Половцов А. А. Указ. соч. С. 152—153, 156—158.
- <sup>19</sup> Zander V. St. Seraphim of Sarov. Crestwood: N. Y., 1975. P. 35; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: дневник 1855—1882. М., 1929. С. 92—93; Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 127.
- <sup>20</sup> Zander V. Op. cit. P. 81.
- <sup>21</sup> Fedotov G. P. A Treasury of Russian Spirituality. N. Y., 1965. P. 244; Warner M. Alone of All Her Sex: The Myth and Cult of the Virgin Mary. N. Y., 1976. P. 236—239.
- <sup>22</sup> Turner V. and E. Image and Pilgrimage in Christian Culture. N. Y., 1978. P. 231—232, 236.
- <sup>23</sup> Мосолюв А. Указ. соч. С. 102—105.
- <sup>24</sup> Cannadine D. Op. cit. P. 220; Mayer A. The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War. N. Y., 1981. P. 135—146.
- <sup>25</sup> Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. N. Y., 1983. P. 55—56.
- <sup>26</sup> Гирс А. Светлые и черные дни // Часовой. 1953. № 328. С. 9—10; Spiridovich A. Op. cit. V. 1. P. 324—331.
- <sup>27</sup> The Secret Letters of the Last Tsar/Ed. E. J. Bing. Toronto, 1938. P. 137; Spiridovich A. Op. cit. V. 1. P. 324—331.
- <sup>28</sup> Spiridovich A. Op. cit. V. 2. P. 266; Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. Нью-Йорк, 1954—1955. Т. 2. С. 225—226.
- <sup>29</sup> Buchanan M. The Dissolution of an Empire. L., 1932. P. 36—37; Radziwill C. The Intimate Life of the Last Tsarina. L., 1929. P. 174—175; Mouchanow M. My Empress. N. Y., 1938. P. 181.
- <sup>30</sup> Spiridovich A. Op. cit. V. 2. P. 316, 319; Московские ведомости. 1913. 22 февраля. С. 1; Речь. 1913. 22 февраля. С. 1; Rodzianko M. V. The Reign of Rasputin: An Empire's Collapse. L., 1927. P. 75—77; Кризис самодержавия в России: 1895—1917. С. 518; Новое время. 1913. 25 февраля. С. 4; Наумов А. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 236.
- <sup>31</sup> Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 155—156.
- <sup>32</sup> Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913. Кострома, 1914; Московские ведомости. 1913. 21 мая. С. 1.
- <sup>33</sup> Шаховской В. Н. Sic transit gloria mundi: 1893—1917; Париж, 1952. С. 42; Наумов А. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 233; Paléologie M. Op. cit. P. 123—124.
- <sup>34</sup> См.: Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 15—16.
- <sup>35</sup> Этот вопрос рассматривался мною в статье «Invisible Threads; The Historical Imagery of the Romanov Tercentenary of 1913» // Russian History. 1990. In Print.
- <sup>36</sup> Фромисова С. Я. Царская семья (из детских воспоминаний) // Русская летопись. 1925. № 7. С. 240—241.
- <sup>37</sup> Московские ведомости. 1913. 4 июня. С. 1.
- <sup>38</sup> Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 156; Кризис самодержавия в России: 1895—1917. С. 526—527, 534—535; Аврех А. Я. Царизм и IV Дума, 1912—1914. М., 1981. С. 22—23.
- <sup>39</sup> Elchaninov A. The Tsar and His People. L., 1914. V. 1—2. P. 28; Ельчанинов А. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб.; М., 1913. С. 78, 16, 31.
- <sup>40</sup> Elchaninov A. Op. cit. P. 34, 70, 74—87, 89—103; Ельчанинов А. Указ. соч. С. 38, 73, 76—85, 87—97.
- <sup>41</sup> Нива. 1913. 5 января; Никон, епископ. Вера Христова не терпит двоедушия // Церковные ведомости. 1913. 9 февраля. С. 283—284; Gowles V. An End a Beginning. N. Y., 1967. P. 101.
- <sup>42</sup> Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 154—156; Spiridovich A. Op. cit. V. 2. P. 356—357, 401, 402.
- <sup>43</sup> Dollinger H. Das Leitbild des Bürgerkönigtums in der europäischen Monarchie des 19. Jahrhundert/Ed. K. F. Werner. Bonn, 1985. S. 337, 341—343.





© 1991 г.

**К. Б. ЛИТВАК**

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА В СВЕТЕ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ 1920-х ГОДОВ**

Изучение политической культуры широких масс — существенная часть исследования культуры народа. Однако на пути исследователя сразу же возникают проблемы источниковедческого порядка. Поэтому, думается, должны быть мобилизованы не только аутентичные теме источники, но и ряд косвенных. К последним относится судебная статистика. Сегодня мы имеем возможность обратиться лишь к мизерному сколу ее материалов за 1920-е гг. Громада данных уголовной статистики пока еще находится за семью печатями, не за горами тот день, когда с них будет сорван покров тайны, и перед историками в полный рост встанет задача их научного освоения.

Введение в научный оборот сведений 1920-х гг. представляет интерес не только с точки зрения отработки и совершенствования методики, необходимой для дальнейших исследований, но и в качестве основы конкретно-исторического изучения некоторых сторон политической активности крестьянства. Как известно, дореволюционная статистика осужденных публиковалась криминологами для характеристики движения преступности в целом и тех или иных ее аспектов в частности. В то же время можно указать лишь на единичные случаи привлечения ее историками крестьянского движения в России<sup>1</sup>. А таких исследований по материалам за советский период вообще не проводилось<sup>2</sup>. Между тем в 1922 г. была возобновлена статистика осужденных и с 1927 г. стали появляться ее публикации. Продолжалось, правда, это недолго: в 1930 г. вышел последний сборник и, таким образом, общедоступными оказались данные только за 1923—1926 гг.<sup>3</sup> Но, думается, их изучение на предмет выяснения определенных приоритетов в политических взглядах крестьян бесполезно.

Эти массовые сведения создавались в самый начальный период становления уголовной статистики в СССР и поэтому, конечно, далеки от совершенства. Хотя сотрудники ЦСУ, занимавшиеся сбором и разработкой данных об осужденных, с гордостью писали, что «в противоположность довоенной статистике, собиравшей сведения далеко не обо всех осужденных (не собирались сведения об осужденных волостными судами и собирались лишь о тех осужденных местными судами, которым грозило по закону наказание лишением свободы; только об осужденных общими судами сведения собирались полностью), наша статистика собирает сведения обо всех осужденных всеми судебными учреждениями»<sup>4</sup>, на самом деле ущербность дореволюционных материалов преувеличена. Споры нет, советские статистики охватили все судебные учреждения — Верховный суд, Военный и Транспортный трибуналы, областные, главные, краевые, губернские и окружные суды, трудсесии, народные суды. Возможности вынесения приговоров во внесудебном порядке еще отсутствовали. Но ведь уже в марте 1924 г. было создано Особое совещание при Коллегии ОГПУ — несудебный карательный орган<sup>5</sup> (получивший печальную известность после постановления ЦИК СССР от 10 июля 1934 г.). Тогда его деятельность еще не приняла такого размаха, как в 1930-е гг., и поэтому сведения о репрессированных им мы можем не принимать во внимание<sup>6</sup>.

**Литвак Константин Борисович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

И наконец о подходе к вопросу о том, какие необходимо было собирать данные. Ведь осуждением заканчивалась примерно четвертая часть совершенных преступлений. Значит, требовалась статистика преступлений, а не статистика осужденных. В 1920-е гг. работы по сбору статистики преступлений не проводились, хотя, правда, имеются публикации статистической отчетности местных административных органов НКВД — общий источник, который еще ждет своего исследователя<sup>7</sup>. Источник этот не стал предметом специального анализа, но он может быть использован для сопоставления и, в частности, уточнения достоверности статистики осужденных. Советской статистике преступлений не удалось даже приблизиться к достижениям дореволюционной, которая имела ежегодные своды сведений о подсудимых, оправданных и осужденных, а также статистику следствий. Конечно, и дореволюционная статистика страдала недостатками. Например, по ней трудно изучать пословную преступность, а отсутствие статистики осужденных волостными судами не позволяет исследовать так называемую «бытовую» преступность миллионов крестьян.

Итак, сбор материала по уголовной статистике осуществлялся сектором социальной статистики ЦСУ, в основном техника этого сбора была заимствована у предшественников. На каждого осужденного по оглашению обвинительного приговора составлялся статистический листок. Он заполнялся путем опроса осужденного; ответы проверялись по имевшимся в деле справкам, протоколам следственных органов и другим документам. За правильностью заполнения листка обязан был следить председательствующий в судебном заседании. Статистические листки об осужденных поступали в местные органы ЦСУ от судебных учреждений Наркомюста и находившихся в ведении Верховного Суда СССР военных трибуналов.

Статистический листок содержал весьма обширный набор общих сведений об осужденном (возраст, семейное положение, образование, род занятий и т. п.), а также информацию о совершенном преступлении и мерах пресечения. Заполнявший его обязан был не оставлять пустых мест и в случае отсутствия сведений пометать это словом «неизвестно». Такой порядок дисциплинировал составителей листков и создавал условия для ликвидации формальных отписок. Любопытно, что правила заполнения листка требовали более подробных сведений об образовании осужденного, чем демографические переписи тех лет<sup>8</sup>.

Принципиально важно для исследователя определение социального положения осужденных, зафиксированное в листках. В вопросе № 10 читаем: «В этом вопросе отмечается главное занятие, которым он действительно занимался и которое давало осужденному средства к существованию в момент преступления (но нельзя указывать ту профессию или мастерство, которое знает осужденный, но ими не занимается). Если осужденный имеет несколько занятий, приносящих ему средства существования, то указывается лишь главное занятие»<sup>9</sup>.

К безработным относились лица, не имевшие работы, но искавшие ее. Профессиональные же воры, нищие, проститутки, знахари и прочие фиксировались как лица, имевшие незаконные источники существования.

Кроме того, в инструкции были даны критерии определения так называемых «несамостоятельных», т. е. существовавших на средства других. Это учреждение или лицо с указанием социального положения, на содержании которого осужденный находится. Инструкция требовала, чтобы ответы давались только в том случае, если установлено, что осужденный сам не зарабатывает, не имеет никаких собственных доходов. То же самое требование выдвигалось и к осужденным-стипендиатам или осужденным, живущим на средства родителей<sup>10</sup>.

Сведенные в таблицы данные статистических листков содержат сведения о численности осужденных различными судебными учреждениями, месте совершения преступления (город или уезд), времени года, времени предварительного содержания под стражей, группах преступлений, видах наказаний, а также о возрасте, национальности, семейном положении, уровне образования, социальном составе осужденных. К числу недостатков следует отнести отсутствие (исключение — сборник по РСФСР за 1926 г.) разбивки по регионам, так что в основном преступность можно характеризовать только в целом по стране. При этом необходимо помнить, что с мест листки поступали далеко не равномерно. С каждым годом территория, на которой они собирались, увеличивалась. Так, в 1925 г. к ней добавилась Южная Осетия, Аджария, Зеравшанский округ Узбекистана, Киргизская АССР, Камчатка и Сахалин, в 1926 г. — Грузинская ССР. Но в 1927 г. Грузия материалы не прислала, зато впервые поступили статистические листки из УССР<sup>11</sup>. Этим несопоставимость данных по годам не ограничивается. Дело в том, что, несмотря на издание в 1926 г. нового Уголовного Кодекса, в различных союзных республиках УК 1922 г. прекратил свое действие не одновременно и в некоторых из них продолжал действовать и в 1927 г. По УК

## Динамика преступности в РСФСР в первой половине 1920-х гг.\*

Годы	Возникло дел (чел.)		Осуждено (чел.)	
	абс. число.	в % к 1923 г.	абс. число	в % к 1923 г.
1923 1 полугодие	893 489	100	588 047	100
2 полугодие	830 716	93	605 088	103
1924 1 полугодие	1 054 739	118	848 369	144
2 полугодие	963 507	108	819 265	139
1925 1 полугодие	656 628	73	368 161	63

\* Тарновский Е. Н. Судебная деятельность судебных органов РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 7.

1922 г. хулиганство, ложный донос и лжесвидетельство относились к преступлениям против личности, а по УК 1926 г. — против порядка управления. И хотя данные об осужденных опубликованы лишь до 1926 г., группировки по видам преступлений в разных сборниках проводились по-разному. Поэтому, например, цифры осужденных за преступления против порядка управления в публикации по РСФСР и общесоюзном сборнике сильно отличаются.

Сотрудники отдела моральной статистики проводили большую работу по выяснению достоверности публикуемого материала. Одним из таких способов проверки было определение соответствия закону зафиксированного статистиками максимального наказания за преступления. Если в сводке вдруг обнаруживалось, что репрессии не соответствуют тяжести преступлений, значит где-то была допущена ошибка в первичных документах или в расчетах. Из-за такого рода ошибок число осужденных, получивших за совершенные преступления наказание, превышающее максимум, указанный в законе, исчислялось по всей стране двухзначной цифрой, причем в основном это касалось преступлений, связанных с самоуправством и хулиганством.

Источниковедческий анализ, имеющий решающее значение при обращении исследователя к данным, например, экономической статистики, мало пригоден для характеристики достоверности уголовной статистики. Неравномерная раскрываемость преступлений, ударные кампании 1920-х гг. по борьбе с хищениями на транспорте, со взяточничеством и т. д., различная интенсивность работы следственных органов и судов, наконец, изменения в процессуальном праве — все это требует скептического отношения к абсолютным цифрам осужденных, как и к вероятности динамического исследования преступности. К тому же суммирование числа осужденных для зарегистрированных преступлений не дает объективную картину, ибо в одном ряду окажутся совершенно различные по социальной опасности явления.

Специфика уголовной статистики обусловлена и неустойчивостью самих правовых норм. Е. Н. Тарновский, предпринявший сопоставительный анализ численности возникших дел и осужденных по ним в народных судах 52 губерний и областей РСФСР, привел таблицу, основанную на материалах Наркомюста (см. табл. 1).

Судя по данным этой таблицы, в 1925 г. произошло явное понижение уровня преступности. В действительности же оно объясняется принятием 16 октября 1924 г. постановления ВЦИК об изъятии из ведения судов и о передаче на рассмотрение административных органов большого числа малозначительных преступных деяний. Поэтому динамика численности осужденных в РСФСР, если ее выразить в процентах, была такова: 1924 г. — 100, 1925 г. — 62, 1926 г. — 76. Комментируя этот факт, известный криминолог А. А. Герцензон писал: «Налицо, по-видимому, резкое снижение. Но на самом же деле передача ряда деликтов в сферу компетенции административных органов, свертывание самогонной кампании и ряд других моментов как раз и явились решающими моментами в сокращении числа осужденных. Соответственно падению числа осужденных число административных взысканий возросло следующим образом: 1924 г. — 100, 1925 г. — 206, 1926 г. — 271»<sup>13</sup>.

Таковы основные особенности уголовной статистики с точки зрения достоверности цифр. Другой круг вопросов ее анализа связан с охватом учета осужденных. Публикации ЦСУ далеко не полностью отражали картину уголовных преступлений, ибо базировались на том ограниченном количестве статистических листов, которые поступали в разработку. Например, на территории 37 областей и губерний РСФСР по отчетным ведомостям НКО за 1926 г. значилось 897 тыс. осужденных, в то время как в органы ЦСУ попало только 655 тыс. листов (или 73%), за предыдущий же год и того

## Распределение осужденных за преступления, совершенные в сельской местности СССР \*

Год	Осуждено за преступления (в % ко всем осужденным за данное преступление в городе и деревне)						
	всего	государственные		против порядка управления		против личности	имущественные
		всего	в т. ч. за контррев. деятельность	всего	в т. ч. за бандитизм и масс. беспорядки		
1923	70,5	57,9	65,7	77,7	76,2	75,3	48,8
1924	75,6	66,3	72,3	82,0	75,2	74,6	51,4
1925	67,0	70,4	80,4	73,5	76,4	74,3	54,3
1926	64,4	67,7	84,6	68,7	83,0	68,5	54,4
1923 г. = 100							
1924	190	146	163	203	130	185	154
1925	99	107	129	61	84	303	176
1926	122	74	94	72	84	443	187

\* Здесь и далее в таблицах и тексте источниками послужили: Статистика осужденных в СССР 1923—1924 гг. М., 1927; Статистика осужденных в РСФСР за 1926 г. М., 1928; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. М., 1930. В нижней части таблицы представлены индексы относительно 1923 г., полученные по абсолютным данным.

меньше — 64%<sup>14</sup>. В целом по СССР было недополучено статорганами в 1925 г. 56,4% листов (!), в 1926 г. — 37,7%, в 1927 — 40,7%<sup>15</sup>.

Таким образом, при использовании в исследовании данных уголовной статистики необходимо учитывать все ее названные особенности.

Обратимся к этим сведениям с целью рассмотреть преступность в сельской местности, потенциально способную обрести политический характер. Преступления, в которых властями усматривались политические мотивы, фиксировались наиболее тщательно и потери данных здесь были минимальными. «Есть все основания предполагать, — указывали публикаторы, — что листки недосланы по наименее важным правонарушениям и в частности, например, по таким, как лесные, преследование за которые было изъято из ведения судебных мест и передано административным органам»<sup>16</sup>.

Значит, статистика осужденных не просто преуменьшала преступность, но преуменьшала количественно, а качественно, наоборот, преувеличивала, регистрируя аккуратнее осужденных за более тяжкие преступления. Помня обо всех этих нюансах и о необходимости соответствующей корректировки, можно с полным основанием оперировать данными по определенным видам преступлений, выраженным как в абсолютных, так и относительных числах. Остается только добавить, что в наибольшей степени нас интересовали государственные преступления и преступления против порядка управления. К первым относилось участие в контрреволюционных организациях и вооруженных восстаниях, государственная измена и шпионаж, контрреволюционная агитация и т. п., ко вторым — бандитизм, сопротивление и неисполнение законных требований власти, препятствия ее деятельности, ее оскорбление, уклонение от государственных налогов и повинностей, преступления против избирательного права, другие нарушения различных постановлений, указов и законов. Это не означает, что мы будем игнорировать преступления против личности и имущественные преступления. Но они, а тем более должностные и воинские преступления, бесспорно, играют меньшую роль в нашем анализе.

Рассмотрим в целом по СССР разработанные ЦСУ материалы (табл. 2). Еще раз обратим внимание на то, что итоговые абсолютные данные весьма условны и динамика их не свидетельствует напрямую о реально протекавших процессах и действительном положении с преступностью, поэтому мы заменили их относительными цифрами. Таблица не характеризует преступность вообще и ее рост или падение, но дает возможность оценить динамику сельской преступности. Даже несмотря на уменьшение с конца 1924 г. правонарушений, преследуемых ранее в судебном порядке, численность осужденных вне городов неуклонно возрастала (лишь в 1925 г. она удержалась на уровне 1923 г.). Фактически же количество осужденных за преступления в сельских местностях увеличивалось, хотя по сравнению с городской преступностью и не столь стремительно. Уже в 1926 г. на селе число зарегистрированных в статистических листках осужденных почти на четверть превосходило уровень 1923 и 1925 гг. Вместе с тем при абсолютном приросте его темпы имели тенденцию к понижению:

доля осужденных в уездах постепенно сокращалась, что свидетельствовало о преимущественном росте преступности в городах. На это указывает и сопоставление с данными демографических переписей 1920 и 1926 гг. В СССР сельское население в середине 1920-х гг. составляло примерно 85%. Преступления, за которые осуждались, как правило, сельские жители, были весьма немногочисленные и типично деревенские, например, поджоги и т. п. На этот вид имущественных преступлений в городах приходилось около 10%, в то время как в сельской местности — 90%.

В целом коэффициент осужденных в сельской местности заметно отставал от городов. Так, в деревне на 10 тыс. жителей осужденных приходилось меньше, чем в городе. Однако в стране, где абсолютное большинство населения было аграрным, вполне естественным оказалось преобладание сельчан среди осужденных. Больше половины совершенных преступлений (исключая не представленные в таблице должностные, хозяйственные и воинские преступления) приходилось на сельскую местность. Причем, если судить по доле осужденных, то складывается впечатление, что сельская преступность росла прежде всего в связи с тяжкими политическими преступлениями: доля осужденных за государственные преступления и преступления против порядка управления, совершенные на селе, увеличилась за четыре года на 10—11%. Не менее существенным было возращение доли осужденных, в частности, за участие в контрреволюционных организациях, вооруженных восстаниях, массовых беспорядках и за бандитизм. Почти 85% всех осужденных за эти преступления в 1926 г. было зарегистрировано вне городов. В то же время общеуголовная преступность в сельской местности вроде бы снижалась: уменьшилась доля осужденных за преступления против личности, определенная стабилизация стала характерна для имущественных преступлений. Но на самом деле эта искаженная картина связана с ограниченными возможностями анализа только относительных данных.

Обратимся к второй части таблицы 2. Оказывается, при возрастании общего числа преступлений, количество осужденных за политические преступления неуклонно сокращалось. Это касается как осужденных в сельской местности за государственные преступления, так и за преступления против порядка управления. В особенности это было характерно для таких их видов, как вооруженные выступления против Советской власти и участие в контрреволюционных организациях, бандитизм и массовые беспорядки. У нас нет оснований не доверять этим данным, и поэтому с известной долей уверенности можно судить о характере отношения сельского населения к властям. Речь идет не столько об отсутствии конфронтации, сколько о тенденции к постоянному сокращению всякого рода силового решения конфликтов, имевших определенную политическую направленность.

Что же представляли собою политические преступления? В середине 1920-х гг. по всему Союзу буквально прокатилась волна убийств селькоров. Исследованием этого явления занялся Государственный институт по изучению преступности и преступника. На разосланные институтом запросы в первой половине 1927 г. от 23 губернских (краевых) судов поступило 30 судебных дел об убийствах, 41 губсуд (или 60%) не имел в своем производстве таких дел и пять судов вовсе не ответили<sup>17</sup>.

Три судебных дела оказались непригодны для анализа, поэтому обследовалось 27 дел, из которых 24 — касались покушений на жизнь или убийств сельских корреспондентов в 1922—1926 гг. По социальному составу потерпевшие распределялись следующим образом: 9 крестьян-бедняков, 10 середняков, трое служащих и два народных учителя. Среди же их убийц бедняков было 14, середняков — 28, зажиточных и кулаков — 21. Мотивы убийств заключались в разоблачении селькорами злоупотреблений органов власти (7 случаев), засилья кулаков (8 случаев), хулиганства и пьянства (5), самогоноварения (2), порубки леса (1)<sup>18</sup>.

Уже мотивация преступлений свидетельствует о том, что далеко не все они оказались непосредственным проявлением классовой борьбы. Лишь 59 человек из 75 осужденных были приговорены как организаторы и исполнители террористических актов по статье 64 УК РСФСР 1922 года (будущая статья 58 по УК РСФСР 1926 г.). Трех осудили за укрывательство контрреволюционного преступления<sup>19</sup>. Остальных судили за квалифицированное убийство, разбой, ибо, судя по мотивам, случались посягательства на селькоров и со стороны разоблаченных должностных лиц, самогонщиков, хулиганов и пр. «Одно время могло казаться, что эти преступления становятся „бытовым явлением“. Однако 1926 и 1927 годы показали, что, в связи с изменившейся социальной обстановкой в деревне, эти преступления дали резкое снижение,— писал А. Пионтовский.— В настоящее время (первая половина 1928 г.) они опять начинают оживать»<sup>20</sup>.

В чём же причина падения этих по преимуществу политических преступлений в указанные два года? Введение казенной продажи водки и сокращение самогоноварения сказались на сокращении

## Статистика осужденных за преступления, совершенные в сельской местности в 1923—1926 гг.

Репрессии	Год	Осуждено за преступления		
		государственные	против личности	имущественные
Всего осуждено (чел.)	1923	939	36 662	48 401
	1924	1 373	68 001	74 843
	1925	1 007	111 282	85 352
	1926	702	162 570	90 884
Из них приговорено (в %): к расстрелу	1923	5,1	0,04	0,19
	1924	6,2	0,03	0,26
	1925	3,8	0	0,15
	1926	8,4	0,001	0,15
к лишению свободы на срок (в скобках — на срок свыше 5 лет)	1923	51,1 (12,4)	29,8 (2,5)	39,3 (1,5)
	1924	54,2 (13,1)	32,4 (2,0)	39,3 (1,5)
	1925	49,3 (12,3)	32,7 (1,2)	43,8 (0,98)
	1926	63,8 (18,6)	51,6 (1,7)	50,9 (1,1)
к лишению свободы условно	1923	17,5	12,5	14,4
	1924	21,7	21,0	25,6
	1925	25,9	20,3	28,5
	1926	11,5	12,4	21,6

случаев разоблачения селькорами самогонщиков. Передача лесов местного значения в руки крестьян уменьшила количество самовольных лесопорубок. Допущение в известных пределах легальной аренды земли сделало часть ранее преступных действий неподсудными. Таким образом, некоторые даже не самые серьезные изменения в экономической политике на селе сняли социальную напряженность и резко сократили случаи расправы с представителями советской общественности в деревне. Уровень политической преступности оказался чутким барометром социальной политики, проводимой на селе. Реакция по крайней мере части крестьянства была вполне определенной: «закручивание гаек» усиливало протест, а разумная политика и здравые решения приводили к снижению сопротивления. Это, конечно, вовсе не означало отсутствия всякого протеста со стороны крестьян. Но то, что его политические формы заметно сократились, вполне очевидно. Причем более жесткие, но правомерные решения воспринимались крестьянами как посягательство на их права. В том же 1926 году ужесточилась ответственность за неуплату сельхозналогов. Административные взыскания к неплательщикам заменили уголовным преследованием от штрафа до принудительных работ и лишения свободы<sup>21</sup>. Однако это не вызвало какого-либо заметного недовольства крестьян, воспринимавших разумный налог как вполне законную данность.

Новое ужесточение правил пользования лесами привело к тому, что, если за лесные нарушения в РСФСР (без автономных республик) к административной ответственности в 1927 г. было привлечено 372 311 человек, то в 1928 г. — уже 558 813. За все же нарушения если «в 1927 году по сельской местности было привлечено к ответственности 708 000 человек, то в 1928 году их насчитывается уже 1 231 449 человек, то есть больше на 523 196 чел. (так в тексте. — К. Л.), при общем повышении по всей РСФСР на 653 000 чел.»<sup>22</sup>. Следовательно, соразмерно давлению властей росло и крестьянское сопротивление.

Итак, сельская преступность росла как раз за счет тех видов преступлений, которые, судя по таблице 1, для села были менее характерны, чем для города, — преступлений против личности и имущественных преступлений. Среди всех осужденных за эти преступления доля тех, кто совершил их в деревне, или оставалась на одном уровне, или даже снижалась. А на самом деле, если верить данным ЦСУ, абсолютное число таких осужденных буквально галопировало: в 1926 г. в деревне было осуждено за преступления против личности почти в 4,5 раза больше лиц, нежели в 1923 г. Уже тогда это серьезно беспокоило правоведов, воспринимавших данный процесс как следствие широкого распространения самогонарения и алкоголизма<sup>23</sup>. Но теперь ясно и другое. Увеличение общеуголовной преступности в середине 1920-х гг. сопровождалось падением в сельской местности преступлений против власти и государства. Не случайно далеко не однозначным было и отношение к ним. В 1925 г. примерно половина всех осужденных за госпреступления была амнистирована или приговорена к условным срокам наказания (табл. 3). Это весьма показательный факт. Хотя, конечно, данные о репрессиях не могут служить весомым основанием для определения действи-

тельной степени тяжести преступлений. Слишком много второстепенных факторов оказывало влияние на правовые нормы. Уже тогда, как свидетельствует сопоставление наказаний, человеческая жизнь ценилась куда ниже, чем государственное имущество. Колоссальный рост преступлений против личности способствовал тому, что лишение свободы становилось в судебной практике обычным явлением и даже не преследовало целей перевоспитания. Нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов, ссылаясь на перепись мест заключения 1926 г., отмечал, «что из общего числа всех заключенных 52% осуждены на краткие сроки, не превышающие 1 года... 5000 заключенных оказались осужденными на срок до одного месяца, то есть на срок явно бесцельный и нецелесообразный... Эти цифры заставляют поставить со всей серьезностью вопрос о карательной политике судов, о пересмотре Уголовного Кодекса в сторону более осторожного применения лишения свободы, в особенности краткосрочного и о максимальной замене его другими более целесообразными мерами»<sup>24</sup>. Но эти положения остались на бумаге. Возобладала же иная точка зрения.

В мае 1928 г. на заседании Коллегии Наркомюста Н. В. Крыленко призвал к отказу в УК РСФСР от принципа соответствия меры репрессии содеянному: «... Принцип аптекарского отмеривания репрессии за определенные преступления, согласно соответственным указаниям государственной власти, являлся уже общим для всех буржуазных кодексов... По существу это есть не что иное, как отражение в уголовной политике идеи эквивалентности товаров друг другу, свойственной обществу, основанному на товарообороте,— отражение в форме принципа, что равным образом за соответствующее преступление надлежит отпустить такую-то дозу, такую-то порцию репрессии». А это, по его мнению, никак не увязывалось с задачами советской уголовной политики, призванной обезопасить пролетарское государство от «вредителей». Если мы ставим задачу исправить преступника, продолжал Крыленко, то как можно сказать наперед, что один исправится в два года, а другой — в пять лет? Нужно вернуться к практике первых пореволюционных лет, «когда суд решал: такого-то заключить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны»<sup>25</sup>. «Лишение свободы с различного рода вариациями, но без определения срока, а впрямь до исправления, и даже без срока, должно быть поставлено как определенный руководящий принцип при решении вопроса о мере репрессии», — подчеркивал председатель Верховного трибунала, через каких-то десять лет сам уничтоженный в результате реализации этих идей. Тогда же, в 1928 г., он убеждал слушателей, «что действие, бывшее преступным вчера, может быть непроступным сегодня, что условия места и времени являются в данном случае решающим моментом при решении вопроса о применении мер самозащиты»<sup>26</sup>.

И вот уже в юридической литературе звучат призывы отказаться от «фетишизации правовой нормы», что фактически открывало дорогу полному произволу, скрытому, правда, на первых порах под тезисом о необходимости «постоянного и достаточно гибкого приспособления права к очередным задачам социалистического строительства в эпоху пролетарской диктатуры»<sup>27</sup>. А в связи с принятием первого пятилетнего плана в печати появляются расчеты численности заключенных, необходимой для выполнения заданий по заготовке леса, с учетом их возраста, состояния здоровья и даже желательных для этого сроков заключения<sup>28</sup>.

В 1926 г., конечно, столь откровенные высказывания еще были редкостью. Но именно в этом году среди осужденных возрастает доля тех, кого лишали свободы. И эта тенденция со временем набирает силу. К концу 1927 г. в РСФСР (без автономных республик) под стражей находилось 126 270 человек при штатной емкости всей сети мест заключения 79 930<sup>29</sup>. Заметно облегчила положение амнистия к десятой годовщине революции, даровавшая свободу примерно 80 тыс. заключенным, из которых 60 тыс. отбывало наказание на территории РСФСР<sup>30</sup>. Но к лету 1928 г. «уже были полностью изжиты результаты амнистийной разгрузки, и места заключения снова оказались перед фактом значительного переполнения»<sup>31</sup>. Необходимость изменения репрессивной политики давно уже стала насущным требованием. Но только в 1929 г. появляется циркуляр НКО, запрещающий приговаривать на сроки до одного года. Появись он на пять лет раньше, положительные последствия этого документа трудно было бы переоценить. Однако в конце 1920-х гг. он фактически подталкивал суды не к ослаблению репрессий, а к назначению более длительных сроков заключения.

И закон, и судебные органы воспринимали государственные преступления как наиболее тяжкие. Естественно, и меры наказания за них были самыми высокими. Общая тенденция к ужесточению репрессий привела к тому, что в 1926 г. насчитывалось 190 приговоренных к расстрелу или лишению свободы на срок свыше 5 лет. Это составляло более 27% всех осужденных в сельской местности за госпреступления. Но в основе такого положения лежали изменения в

## Социальный состав преступности в 1920-е гг. в СССР (в %)\*

Год	Осуждено крестьян за преступления						всего
	государственные		против порядка управления		против личности	имущественные	
	всего	в т. ч. за контррев. деятельность	всего	в т. ч. за бандитизм			
1923	<u>58,9</u> 34,1	<u>64,5</u> 42,4	<u>81,9</u> 63,7	<u>62,2</u> 47,4	<u>78,2</u> 58,9	<u>61,7</u> 30,1	<u>76,7</u> 54,1
1924	<u>50,9</u> 33,7	<u>53,6</u> 38,7	<u>84,9</u> 69,6	<u>63,8</u> 48,0	<u>65,9</u> 58,0	<u>67,2</u> 34,5	<u>81,1</u> 61,4
1925	<u>60,0</u> 42,3	<u>63,3</u> 50,8	<u>83,3</u> 61,3	<u>71,7</u> 54,8	<u>84,5</u> 62,8	<u>75,5</u> 41,0	<u>79,0</u> 52,9
1926	<u>56,0</u> 37,9	<u>63,6</u> 53,8	<u>81,5</u> 56,0	<u>65,7</u> 54,5	<u>70,3</u> 56,6	<u>77,6</u> 42,2	<u>77,8</u> 50,1

\* В числителе — ко всем осужденным в сельской местности; в знаменателе — ко всем осужденным.

судебной политике, а не собственно рост опасных преступлений. Ведь годом ранее приговоренных к расстрелу или длительному (более 5 лет) сроку заключения было всего 16% среди государственных преступников — цифра многозначительная для понимания оценки государством степени тяжести совершенных осужденными преступлений. Тем более, что непосредственно за контрреволюционную деятельность к расстрелу в 1925 г. было приговорено 2,8% (в 1926 г. — 5,1%). Значит, сами карательные меры свидетельствуют о том, что доля действительно тяжких преступлений против государства, совершенных в сельской местности, была относительно небольшой.

Еще меньшим было участие в этих преступлениях крестьян. К последним, как отмечалось выше, статистика осужденных относила всех хозяев и помогающих им членов семей, занятых сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Отнюдь не все преступления в деревнях совершались ими, хотя и составляли они без малого все сельское население. В негородской преступности на долю крестьян приходилось около 80% (табл. 4). В целом же по стране, в которой подавляющее большинство жителей были крестьянами, среди осужденных их насчитывалась примерно половина. Причем к 1926 г. намечилось некоторое снижение доли крестьян в общем числе преступников. Учитывая, что абсолютная численность крестьян, осужденных за государственные преступления и преступления против порядка управления, сокращалась и к 1926 г. составляла 71% от уровня 1923 г., можно признать, что незначительные ежегодные колебания доли осужденных за эти преступления крестьян не показывают сколько-нибудь бесспорной тенденции усиления недовольства крестьян властью. Хотя процент крестьян среди осужденных за контрреволюционную деятельность или бандитизм понемногу увеличивался, он был существенно ниже их общей доли в самодеятельном населении. Поэтому вывод о лояльном отношении крестьян к Советской власти представляется вполне обоснованным. На первый взгляд это может вызвать возражения. Ведь доля крестьян, осужденных за преступления против порядка управления, даже превышала средний уровень. Но напомним, что в группу преступлений включались не только бандитизм и сопротивление законным требованиям властей. Сюда были отнесены и самоуправство, и сбыт самогона, и нарушения правил охраны лесов, охоты и рыбной ловли, и т. п. типично «крестьянские» правонарушения. Они-то и сказались на том, что весомую часть осужденных за преступления против порядка управления составляли крестьяне.

Картина крестьянской преступности весьма схожа с той, что мы наблюдали при анализе сведений о всех осужденных в сельской местности. Наряду с ростом численности имущественных преступлений росла доля среди осужденных крестьян. По сути это единственная очевидная тенденция, намечившаяся за четыре года.

Конечно, 42,2% крестьян среди всех осужденных свидетельствует о неизмеримо более высоких темпах распространения этого вида преступлений среди других слоев населения. Но сам по себе факт примечательный: участие крестьян в имущественных преступлениях из года в год неуклонно росло.

Что же до политических преступлений, то фактически в годы нэпа единоличные хозяева и самодеятельные члены их семейств составляли примерно 65% участников вооруженных анти-

## Преступность в Европейской России в 1926 г.\*

Район	Доля горожан в составе населения (%)	Осужденные за преступления (на 100 тыс. чел.)					
		всего (абс.)	в %				
			государственные	контр-рев. деятельность	бандитизм и масс. беспорядки	сопротивление требованиям власти	уклонение от госп. повинностей и налогов
Северный	9,9	771,4	0,4	0,1	0,04	9,3	15,2
Ленинградско-Карельский	34,5	1098,7	1,4	0,7	0,7	15,5	9,0
Западный	11,9	907,2	0,6	0,02	2,9	14,5	42,7
Центрально-Промышленный	25,6	1017,4	0,7	0,1	0,7	16,2	23,6
Центрально-Черноземный	9,5	564,9	0,2	0,1	2,6	7,9	20,7
Вятский	6,8	718,2	0,4	0,2	0,3	9,1	21,1
Уральская обл.	20,7	740,3	1,1	1,0	0,7	12,6	48,4
Башкирская АССР	8,8	394,9	0,5	0,3	0,1	13,4	16,0
Средне-Волжский	11,4	531,0	0,5	0,3	0,5	6,4	42,6
Нижне-Волжский	17,7	664,3	0,7	0,4	1,4	9,7	51,5
Всего ...	17,3	705,5	0,9	0,5	1,2	11,1	30,6

\* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел I. VII. М., 1929. С. 2—3.

государственных выступлений или массовых беспорядков на селе. Следовательно, они доминировали лишь в силу незначительности других социальных групп в деревне. Снижение же численности осужденных за контрреволюционную деятельность не сопровождалось возрастанием среди них доли крестьян, т. е. такого рода крестьянская преступность уменьшилась. Если в целом по стране с 1923 по 1926 г. среди осужденных за участие в вооруженных восстаниях и подпольных организациях доля крестьян возросла с 42,4 до 53,8%, то в абсолютном исчислении вследствие общего сокращения подобных преступлений, наоборот, число осужденных крестьян уменьшилось с 321 до 298 в 1926 г. Цифра, конечно, мизерная, если соизмерять ее с гигантской массой всего крестьянского населения. Но то, что 280 человек из них было осуждено на территории РСФСР, заставляет более пристально взглянуть на региональные проявления антигосударственной преступности.

К сожалению, публикации статистики осужденных в РСФСР содержат порайонные данные только о преступности в целом, без указаний на место совершения преступления, не говоря уже о социально-классовой характеристике осужденных. Но вместе с тем в РСФСР в 1926 г. 79% всех осужденных за участие в вооруженных восстаниях и контрреволюционных организациях и 82% осужденных за бандитизм и массовые беспорядки совершили преступления именно в деревне. Значит, указанными соотношениями можно воспользоваться для выводов по итоговым сводкам о преступности в сельской местности.

Если обратиться к материалам по европейской части РСФСР (без Крыма и Кавказа, то нельзя не заметить, что осуждение за политические преступления было отнюдь не характерным для этого региона (табл. 5). На эту территорию приходилось 80% всех осужденных в РСФСР, но лишь 55% — за государственные преступления, а за участие в контрреволюционных организациях и вооруженных восстаниях и того меньше — 48%. Укажем также степень влияния европейских губерний на численность осужденных в Российской Федерации по некоторым другим видам преступлений:

1. Доля осужденных за бандитизм и организацию массовых беспорядков — 67,6%;
2. Доля осужденных за сопротивление и неисполнение законных требований власти — 76,5%;
3. Доля осужденных за уклонение от государственных повинностей и налогов — 68,7%.

Как видим, такого рода преступность в Европейской России была скорее исключением, нежели правилом. По крайней мере ее «вес» во всей преступности оказался значительно меньшим, чем в других регионах РСФСР. Экстраполируя же сведения об осужденных-крестьянах, участие которых в данных видах преступлений в целом по Союзу колебалось в пределах 55%, есть все основания утверждать, что на территории проживания большей части крестьянства страны за преступления против Советской власти в 1926 г. осужденных насчитывалось минимальное число и их доля почти не коррелировала с долей крестьян во всем населении.

По регионам картина следующая: почти трехкратный разрыв между преступностью Ленинградского района и Башкирии. Вряд ли его можно отнести только к лучшей постановке работы

Корреляционная модель влияния города на преступность в 1926 г.  
(коэффициенты корреляции  $\rho$ , ...)

Признаки	1	2	3	4	5	6	7
1. Доля городского населения (в %)	X						
2. Осуждено на 10 тыс. чел. Всего	74	X					
3. » за государственные преступления	88	61	X				
4. » за контрреволюционную деятельность	54	10	79	X			
5. » за бандитизм и массовые беспорядки	-07	10	-17	-29	X		
6. » за сопротивление требованиям властей	65	65	61	19	03	X	
7. » за уклонение от гос. повинностей	-08	-17	06	23	33	-20	X

судебно-следственных органов в одном регионе сравнительно с другим. Видимо, число осужденных отражает и действительные процессы, объективный уровень преступности в той или иной местности. Если это так, то очевидно влияние города на общую динамику всех преступлений: лишь там, где горожане составляли свыше четверти населения, осуждалось в год более 1% всех жителей. В то же время с уменьшением доли городского населения сокращалась и численность осужденных, хотя, конечно, связь между этими показателями была отнюдь не абсолютной. В Нижне-Волжском районе при 17,7% городских жителей коэффициент осужденных был ниже, чем в Вятском или Северном, где крупные города вовсе отсутствовали. Поэтому, думается, неправомерна однозначная оценка городской общественной жизни и как фактора повышенной преступности, и как фактора ее раскрываемости в результате большей активности судебно-следственного аппарата. Социально-экономические причины преступности многообразны и по имеющимся в нашем распоряжении данным можно судить лишь об их последствиях в различных областях РСФСР.

Указанные в таблице 5 виды преступлений с известными допущениями мы воспринимаем как проявления некой политической оппозиции по отношению к властям. Пассивное сопротивление, как видим, явно превалировало над открытыми выступлениями. Но в целом размеры и тех, и других преступлений, если судить по количеству осужденных, были мизерными. Редко где число осужденных за государственные преступления в расчете на миллион жителей достигало до десяти человек. Наибольшим оно было в Ленинградско-Карельском районе. Однако при подсчете доли этих преступлений среди всех прочих выделяются Уральская область, Нижне-Волжский район и Башкирия. Для последней с ее минимальной преступностью пять осужденных за госпреступления на миллион населения оказывались неожиданно заметным фактором. Обратившись же к сведениям об осуждении только за участие в контрреволюционных организациях, констатируем кратный отрыв от прочих регионов Уральской области. С другой стороны, в 1926 г. крайне незначительной была подобная преступность в Западном, Северном и центральных районах России, в которых доля сельского населения по преимуществу превышала средние значения. Напротив, по числу осужденных за участие в бандах и массовых беспорядках Западный, Центральнo-Черноземный, Нижне-Волжский районы оказались впереди, однако определялось это отнюдь не соотношением городского и сельского населения. В тех же Северном, Вятском районах, Башкирской АССР с их малоразвитой городской жизнью бандитизм не был характерным явлением.

Более точными и объективными критериями взаимозависимости доли городского населения и уровня преступности являются коэффициенты корреляции (табл. 6). Они показывают, что с ростом в регионе населения городов в первую очередь возрастала и численность осужденных за государственные преступления (почти в 80% случаев), а также за сопротивление законным требованиям властей. Хотя здесь влияние города было не столь безраздельным (42% случаев), но осуждение именно за эти виды преступлений (госпреступность, сопротивление властям) было характерно.

Из таблицы 6 видно, что фактически отсутствовала линейная взаимосвязь между долей городского населения и осужденными за бандитизм и за уклонение от уплаты государственных налогов. Вообще подобные преступления несколько выпадают из общей структуры преступности: их корреляция со всеми другими показателями была минимальной. Число осужденных за бандитизм и массовые беспорядки оказалось обратно пропорционально числу осужденных за контрреволюционную деятельность и почти не влияло на коэффициент осужденных за все преступления. Что же до осужденных за уклонение от госповинностей и налогов, то это единственный вид преступников, численный рост которых был даже тем выше (правда, далеко не всегда, а скорее как тенденция), чем меньше в данном районе всего осуждалось преступников.

## Социальный состав «срочных» заключенных по данным переписи мест заключения 1926 г.\*

Вид преступлений	Занятые в сельском хозяйстве (чел.)					Всего
	рабочие	служащие	хозяева		итого	
			с наемными рабочими	работ. с членами семьи		
Контрреволюционная деятельность	19	5	1	632	657	1 409
Бандитизм	35	0	1	1205	1241	1 969
Сопrotивление властям	39	2	1	1177	1219	2 621
Уклонение от госповинностей **	2	0	1	193	196	262
Оскорбление власти	31	3	1	702	737	1 733
Нарушение правил охраны лесов **	3	0	0	447	450	501
Все преступления	1 875	223	105	53 342	55 545	106 383

\* Источник: Современная преступность. Вып. 2. М., 1930. С. 130—135.

\*\* Указаны только сведения о мужчинах.

Обратим внимание, что скрытые формы неповиновения, к каким относятся уклонение от государственных повинностей и налогов, а также сопротивление и неисполнение законных требований власти, получили в исследуемых регионах в десятки раз более широкое распространение, чем прочие преступления против государства. Не вызывает затруднений и выявление тех районов, где они преобладали. Таблица 5 показывает, что в целом преступность в 1926 г. в наибольшей степени проявилась в Уральской области (территория которой выходила за рамки европейской части РСФСР) и в наименьшей — в Северо-Восточном районе, хотя общеуголовная преступность здесь была куда выше, чем в Поволжье и Башкирии.

Используя методы многомерного анализа, можно определеннее очертить характерные территориальные образования. Кластерный анализ подтверждает, что из десяти районов резко обособленными были Ленинградско-Карельский и Уральская обл. Все же остальные объединялись в единый кластер, из которого при дальнейшем расселении выделились Западный и Центрально-Промышленный районы. Лишь классифицируя районы по четырем кластерам, компьютер разделил Уральскую обл. и Ленинградский регион, определив следующие группы: Ленинградско-Карельский район, Уральская обл., Западный и Центрально-Черноземный, Вятский, Средне-Волжский, Нижне-Волжский районы и Башкирия. Подчеркивая определенные региональные отличия, не будем все же забывать о практически мизерных абсолютных значениях антигосударственных преступлений, приведенных в таблице 5. А вспомнив, что из них лишь 50—60% совершено крестьянами, приходим к однозначному и ясному пониманию отсутствия в 1926 г. серьезных антагонизмов между крестьянством и Советской властью.

Вместе с тем наши выводы базируются на данных обо всем крестьянстве, которое, понятно, было вовсе не однородно. Но его классовое деление в уголовной статистике 1920-х гг. практически не учитывалось и должной дифференциации этой социальной группы не проводилось. Поэтому выяснение доли участия тех или иных общественных слоев в преступности весьма затруднено. На помощь здесь могут прийти материалы пенитенциарной статистики. Тюремная статистика, правда, хуже отражает картину движения преступности, нежели статистика осужденных, ибо она смешивает как только что осужденных, так и осужденных несколько лет назад. Более того, наряду со срочными (т. е. приговоренными на срок) она нередко объединяла и подследственных, и пересыльных заключенных. Но среди имеющихся публикаций лишь пенитенциарная статистика дает возможность относительно подробно рассмотреть вопросы политической преступности различных социальных слоев деревни.

17—18 декабря 1926 г., во время Всесоюзной переписи населения была проведена перепись мест заключения. Не будем останавливаться на обзоре ее программы и принципов разработки, тем более, что это неоднократно освещалось в литературе<sup>32</sup>. Обратимся непосредственно к данным о «срочных»-заключенных (таблица 7). Как видим, они опровергают конъюнктурно-голословные утверждения тех лет о повышенном количестве контрреволюционных преступлений среди кулаков и зажиточных крестьян в 1926 г.<sup>33</sup> Собственно кулаков в местах заключения было 105 человек, или менее 0,1% всех заключенных. Причем из них только 4% было осуждено за контрреволюционную

деятельность, бандитизм или разного рода деяния, направленные против властей. Для сравнения: среди рабочих, занятых в сельском хозяйстве, этот процент составлял 6,6, среди служащих — 4,5, а среди крестьян, не эксплуатировавших чужой труд, — около 7. Вообще преступность кулачества, исходя из данных переписи, была соразмерна с его долей во всем населении, и поэтому нет оснований для утверждения о его особом влиянии на частоту политических преступлений. Социально негативная активность кулаков в середине 1920-х гг. была намного ниже, чем у других групп сельского населения. Кулак явно отдавал предпочтение не конфронтации с властью, а приспособлению к ней.

Конечно, мы обладаем ограниченными сведениями, так как среди тех, кого судили за антигосударственную деятельность, были и приговоренные к расстрелу, и осужденные без лишения свободы, и вовсе амнистированные — все эти категории лиц перепись не учитывала. Но, как уже выше отмечалось, в сельских местностях СССР при полумиллионе осужденных в 1926 г. за все преступления расстреляно было 455 человек, и, значит, эта цифра слишком мала, чтобы серьезно сказаться на наших данных. Что же касается осужденных без отбытия наказания в местах заключения, то вряд ли назначению этой меры наказания способствовал фактор принадлежности к «социально чуждым элементам». Следовательно, материалы переписи заключенных вполне представительны для характеристики преступности различных слоев деревни. Подтверждением тому может служить и сопоставление с ранее приведенными цифрами статистики осужденных (табл. 4) данных таблицы 7 об участии крестьянства в тех или иных видах преступлений. Как видим, они достаточно близки. Крестьяне, несмотря на свое подавляющее большинство в населении, составляли менее 45% заключенных, отбывавших срок за контрреволюционные преступления или сопротивление властям, и лишь 40% тех, кто был осужден за оскорбление власти. Несколько выше была доля крестьянства среди заключенных по другим преступлениям: за бандитизм — 61%, за уклонение от уплаты налогов — 74%, за нарушение правил охраны лесов — 89%. Любопытно, что только по двум последним типично крестьянским преступлениям доля крестьян-заключенных превысила процент крестьянского населения в стране. Во всех же остальных видах преступлений, и в частности политических, крестьянство занимало отнюдь не главенствующее место. Таким образом, различные источники свидетельствуют примерно об одном и том же: в середине 1920-х гг., когда в аграрной сфере новая экономическая политика проводилась наиболее полно и последовательно, что проявилось в экономических методах государственного руководства хозяйственной деятельностью с помощью налогов, цен и кредитов, широком развитии кооперативного движения, системы контрактации, разрешении аренды, свободной торговли и т. п., крестьянство в целом было настроено весьма лояльно по отношению к Советской власти.

На это указывают даже размеры политической преступности среди кулачества. Они мало чем выделяются на среднекрестьянском фоне. Преступная политическая активность возникала не на пустом месте, а отражала недовольство конкретными действиями властей, других государственных органов, представителей советской общественности. Причем открытые выступления были достаточно редки, крестьяне предпочитали пассивное сопротивление (неповиновение, уклонение от уплаты налогов и проч.). И в наименьшей степени политическая преступность была характерна для крестьянства европейской части страны.

Проведенный анализ показывает, что крестьяне были наиболее законопослушной частью населения. Они в основном соблюдали все требования, которые, с их точки зрения, были «законными». Некоторые же преступления (типа лесопорубок для хозяйственных нужд) они просто не воспринимали как серьезные нарушения законов. Не случайно именно этот вид нарушений в конце концов был переведен в разряд административно наказуемых, что отражало своеобразный компромисс государственной и народной юрисдикции. Но в то же время действительно тяжкие преступления против государственной власти и управления совершались крестьянами вполне осознанно. Как отмечали статистики, «преступления против порядка управления в деревне в три раза реже, чем в городе, совершаются в пьяном виде»<sup>34</sup>.

Подводя итоги, напомним мысль К. Маркса о том, что труд крестьянина более «умственный», чем труд городского рабочего, но последний более развит, поскольку включен в общественные интересы, тогда как крестьянин имеет дело «с природой»<sup>35</sup>. Так что выяснить уровень политической культуры крестьянства можно только на материале, отражающем его отрыв от непосредственной трудовой деятельности. Этот «разрыв непрерывности» крестьянского бытия мы и находим в данных судебной статистики. Нетрадиционный взгляд на эти данные позволяет определить уровень самосознания крестьянства, его самовосприятия в рамках определенных политических структур и, следовательно, получить некоторые сведения об уровне его политической культуры.

Общезвестно, что преступлений больше там, где интенсивнее общественная жизнь. Поэтому уровень преступности городского населения обычно выше, чем деревенского, и определяется не только числом городов в данном регионе, но и величиной их. Раньше было подмечено, что влияние числа городов слабо сказывалось на преступности сельских жителей, но по мере увеличения размеров города увеличивается общая преступность деревни<sup>36</sup>. Однако это касалось в первую очередь преступлений против собственности и против личности. Относительно же политической преступности в деревне, вряд ли главным фактором влияния на нее была близость городской общественной жизни.

Анализ статистики осужденных показывает специфичность крестьянской политической активности. Она развивалась совсем по иным законам, чем в среде городского населения. Выжидательная позиция, стремление избежать прямой конфронтации с властью, поиск компромиссных путей решения конфликтов, достижение своих целей с помощью экономических рычагов — все это свидетельствует, что крестьянин имел тонкое политическое чутье. Будучи собственником, он вынужден был считаться с реалиями дня, и его пассивная, на первый взгляд, политическая позиция была не результатом инертности и политической неразвитости, но точно выверенного курса. В условиях достаточно свободного и стабильного развития крестьянских хозяйств, созданных Советской властью в середине 20-х гг., был обеспечен действительный союз крестьянства с рабочим классом, и деревня в целом выступала в его поддержку. В это время случаи открытых выступлений крестьян против Советской власти в силу сложившейся социально-экономической и политической обстановки стали редчайшим явлением.

В такой ситуации не социальная активность (в том негативном плане, который представляла собой политическая преступность), а наоборот, ровная и спокойная позиция крестьянства по отношению к властям отражала достаточно высокий уровень его политической культуры. Конечно, вряд ли следует ее преувеличивать. Крестьянское сознание полностью не освободилось от конформизма. Революция, совершившая радикальный шаг по пути освобождения сознания крестьян от сервиллизма, а затем общественная практика гражданской войны, неумолимо политически просвещавшая крестьянство, сделали свое дело: на место традиционного, стихийного крестьянского конформизма приходят все более и более глубокое понимание приоритетов в государственной политике и на этой основе сознательная выработка крестьянством своего к ней отношения, своей политической позиции.

## Примечания

<sup>1</sup> Иерусалимский А. Ф. Некоторые вопросы развития крестьянского движения в 1910—1914 гг. // История СССР. 1959. № 4; Литвак Б. Г. Забытый источник по истории крестьянского движения в России второй половины XIX — начала XX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее — ЕАИВЕ) за 1970 г. Рига, 1977.

<sup>2</sup> Ученых, изучавших моральную статистику, классово-социальный состав преступников интересовал лишь в самом общем плане. При этом обычно они обращались к материалам специальных конкретных исследований. (См.: напр.: Гернет М. Н. Преступность в связи с классово-социальным составом // Вестник статистики. 1924. № 1—3).

<sup>3</sup> Статистика осужденных в СССР 1923—1924 гг. М., 1927; Статистика осужденных в РСФСР за 1926 год М., 1928; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. М., 1930.

<sup>4</sup> Статистика осужденных в СССР 1923—1924 гг. С. 6.

<sup>5</sup> Реабилитация // Правда. 1989. 31 января.

<sup>6</sup> Что же касается внесудебных приговоров 1920-х гг., которые приводились в исполнение вопреки закону (как, например, расстрелы заключенных Соловецкого лагеря особого назначения), то они документально не фиксировались, и сегодня мы практически лишены возможности их учета.

<sup>7</sup> Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. Вып. I—XI. М., 1924—1928.

<sup>8</sup> Инструкция по заполнению статистического листка об осужденном. М., 1928. С. 2.

<sup>9</sup> Там же. С. 3. По данной инструкции требовалось также выяснить и указать социальное положение осужденного, так как хлебопашец мог оказаться хозяином с наемным трудом или без такового, токарь — хозяином или рабочим и т. д. Но до 1927 г. — за период, о котором имеются публикации о численности осужденных, — занимавшиеся сельским хозяйством не дифференцировались по признаку эксплуатации наемного труда. «Лишь с 1931 года производится классовая дифференциация осужденных из числа крестьян» (Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 160).

<sup>10</sup> Инструкция по заполнению статистического листка об осужденном. С. 3—4.

<sup>11</sup> По УК 1922 г., хулиганство, ложный донос и лжесвидетельство относились к преступлениям против личности, а по УК 1926 г. — против порядка управления. И хотя данные об осужденных

опубликованы лишь до 1926 г., группировки по видам преступления в разных сборниках проводились по-разному. Поэтому, например, цифры осужденных за преступления против порядка управления в публикации по РСФСР и общесоюзном сборнике сильно отличаются.

<sup>12</sup> Герцензон А. А. Некоторые вопросы построения советской криминологии // Преступник и преступность. М., 1927. С. 148.

<sup>13</sup> Там же. С. 147.

<sup>14</sup> Статистика осужденных в РСФСР за 1926 год. С. V.

<sup>15</sup> Подсчитано по: Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. С. 7.

<sup>16</sup> Там же. С. 7—8.

<sup>17</sup> Пионтовский А. Убийства селькоров и рабкоров (по материалам судебных дел 1922—1926 гг. // Проблемы преступности. Вып. 4. М., 1929. С. 5—6.

<sup>18</sup> Там же. С. 7—12.

<sup>19</sup> Там же. С. 17.

<sup>20</sup> Там же. С. 5.

<sup>21</sup> Брагинский М. Ответственность за неплатеж сельскохозяйственного налога // Ежедельник советской юстиции, 1926. № 33. С. 985—987; № 9. С. 10.

<sup>22</sup> Пирогов В. Что говорят цифры // Административный вестник, 1929. № 9. С. 10.

<sup>23</sup> Напр.: Шестаков А. Н. Преступления против личности в деревне // Проблемы преступности. Вып. 1. М., Л., 1926. С. 215—223.

<sup>24</sup> Современная преступность. Вып. 1. М., 1927. С. 4—5.

<sup>25</sup> Крыленко Н. В. Принципы переработки УК РСФСР // Ежедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 642—643.

<sup>26</sup> Крыленко Н. В. Указ. соч. № 23. С. 662—663.

<sup>27</sup> Ширвиндт Е. К проекту общей части Уголовного кодекса. Проблемы преступности. Вып. 4. С. 124.

<sup>28</sup> Напр.: Утевский Б. К вопросу об организации колоний в отдельных местностях // Административный вестник. 1929. № 6—7. С. 39—45; Кесслер М. Организация в Северном крае трудовых колоний для лишенных свободы и очередные задачи развития народного хозяйства СССР // Там же. С. 45—49.

<sup>29</sup> Якубсон В. Кто находится в местах заключения // Административный вестник. 1929. № 4. С. 40.

<sup>30</sup> Статистика амнистированных в ознаменование десятилетия Октябрьской революции. М., 1928. С. 6—7.

<sup>31</sup> Якубсон В. Указ. соч. С. 41.

<sup>32</sup> См., напр.: Родин Д. Общий обзор данных переписи заключенных // Современная преступность. Вып. 1. М., 1927. С. 10—14.

<sup>33</sup> Родин Д. Социальный состав: преступность крестьян и батраков // Современная преступность. Вып. 2. М., 1930. С. 95.

<sup>34</sup> Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. С. 32.

<sup>35</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 253.

<sup>36</sup> См. напр.: Заменгоф М. Ф. Город и деревня в преступности. М., 1913.

© 1991 г.

Л. М. РЯНСКИЙ

## ДВИЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД КРИЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ

(Опыт количественного анализа по данным Курской губернии)

История изучения вопроса о причинах сокращения численности частновладельческого крестьянства и снижения его удельного веса в составе населения России накануне отмены крепостного права насчитывает уже более 100 лет и имеет большую историографию<sup>1</sup>.

Советские исследования долгое время придерживались мнения о низких темпах естественного прироста крепостных в дореформенной России<sup>2</sup>. Поколеблено оно было П. Г. Рындзюнским, который заявил, что абсолютное сокращение прироста численности крепостного населения

---

Рянский Леонид Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Курского педагогического института.

связано с переходом крепостных в другие сословия<sup>3</sup>. Он также предпринял анализ причин живучести в исторической литературе концепции «вымирания» крепостных.

В 1977 г. в спор с ним вступил А. Л. Перковский, который попытался обосновать наличие кризиса воспроизводства крепостных крестьян России с помощью сводных материалов VIII—X ревизий<sup>4</sup>. Едва ли не главными его аргументами стали подсчитанные им сравнительные данные о приросте численности помещичьих и государственных крестьян во время проведения IX ревизии (т. е. в межревизийский период), принятые им за показатели естественного прироста населения. Но эти данные не могут выражать величину естественного прироста, так как в ходе переписи снимались с ревизского учета не только умершие (при одновременном внесении в ревизские сказки родившихся), но и вольноотпущенные, беглые, рекруты и т. п., что, конечно же, заметно понижало этот показатель прироста, особенно крепостных.

В 1978 г. П. Г. Рындзюнский, продолжая отстаивать свою позицию, привел новые доказательства тесной зависимости прироста численности населения той или иной местности от масштабов промыслового отхода и сделал вывод о том, что в предреформенной России не было ни мифического «вымирания», ни чрезвычайно малого естественного прироста крепостного крестьянства<sup>5</sup>.

А 1982 г. возвратился к этому вопросу В. М. Кабузан. Признав методику П. Г. Рындзюнского «единственно приемлемой» и отмежевавшись от тезиса о вымирании крепостных, он согласился с тем, что в первой половине XIX в. механическое движение «существенно понизило удельный вес частновладельческого населения»<sup>6</sup>, но важнейшим фактором этого понижения считал все же прогрессирующее падение его естественного прироста, что вызвало справедливые, на наш взгляд, замечания П. Г. Рындзюнского<sup>7</sup>.

Таков уровень изученности этой темы. По заключению всех исследователей, причины «разногласий» в оценке демографического состояния крепостной деревни кроются в дефиците источников информации, и в первую очередь информации демографического характера. Поэтому-то вполне обоснованным представляется обращение к первичным материалам ревизий — ревизским сказкам.

В настоящее время разработка ревизских сказок находится, в сущности, еще в зачаточном состоянии. На основе этих источников выполнено лишь несколько преимущественно узколокальных исследований о движении населения Европейской России<sup>8</sup>. Исключением является Эстония, где опубликован ряд работ о демографических процессах в эстонской деревне, базирующихся на сплошном комплексном изучении материалов гаковых и подушных ревизий и церковного учета с применением методики восстановления истории семей (ВИС)<sup>9</sup>. Применительно к другим регионам сплошное использование ревизских сказок практически невозможно из-за многочисленности сведений по каждому крестьянскому двору. Достаточно указать, что, например, в сельской местности Курской губернии середины XIX в. насчитывалось свыше 174 тыс. дворов<sup>10</sup>. Единственно реальным нам представляется проведение выборочного изучения ревизских сказок.

Целью данной работы являются обоснование при помощи математико-статистических методов возможности получения достоверных показателей движения населения помещичьей деревни Курской губернии в период между VII—X ревизиями и анализ динамики естественного механического его движения, а также причин сокращения темпов естественного прироста и падения его удельного веса в составе всего населения губернии.

\* \* \*

Что представляют собой ревизские сказки как источник информации о движении населения? Это — данные о наличном мужском населении податных сословий (так называемых ревизских душах) отдельных селений. Они составлены по заданному формуляру и содержат конкретные сведения по каждому крестьянскому двору (семье дворовых) о количестве ревизских душ с указанием возраста по каждой данной и предыдущей ревизии и движении (естественном и механическом) населения в межревизийский период — числе родившихся и умерших, отданных в рекруты, сосланных, беглых, вольноотпущенных, проданных, переселенных в другие места, а также «прописных», возвратившихся из бегов, купленных, переведенных из других селений, уездов и губерний и др.

Сведения ревизских сказок можно рассматривать как достаточно достоверные. Так, согласно уставу IX ревизии, в ходе переписи чиновники уездных ревизских комиссий должны были сравнивать сказки предшествующей и настоящей ревизий. Затем правительственные чиновники

обязывались производить проверку правильности заполнения бланков на местах. В случае обнаружения пропусков душ владельцу, равно как и обществу горожан и государственных крестьян, грозил штраф<sup>11</sup>. В таких условиях «утайка душ», если и не была исключена полностью, то, во всяком случае, сведена к минимуму<sup>12</sup>.

При общей высокой оценке этого источника следует иметь в виду и некоторые его недостатки. Например, в нем не фиксировались родившиеся после предыдущей ревизии, которые не дожили до проведения новой. Поэтому ревизские сказки занижают значения коэффициентов рождаемости и смертности и тем в большей степени, чем выше детская смертность. Отсюда понятно, что точное исчисление этих показателей по данным одних только ревизских сказок невозможно. На первый взгляд, это ставит непреодолимые преграды изучению естественного воспроизводства населения на основании ревизских сказок, но в действительности подобные опасения беспочвенны. Поскольку разность между числом родившихся и умерших при любых абсолютных значениях этих двух показателей остается постоянной величиной, то, стало быть, ревизские сказки вполне пригодны для определения такого важнейшего обобщающего показателя, как естественный прирост в период между двумя ревизиями, который взят за основу в данном исследовании.

Как правило, исследователи стремились определить величину естественного прироста косвенным путем — установлением разности показателей общего и механического прироста населения. При сплошном обследовании ревизских сказок такой подход вполне приемлем, но при выборочном он менее предпочтителен вследствие того, что выборка может искаженно отразить некоторые важные слагаемые механического движения, особенно межсловные переходы, когда они касались целых селений или имений.

При выборочном анализе большое значение приобретает обоснование величины и метода выборки. Нами апробированы два варианта извлечения выборки ревизских сказок из генеральной совокупности. В первом случае производился систематический (механический) отбор каждого 20-го двора из ревизских сказок всех селений четырех уездов Курской губернии, в другом — близкий к расслонному (типичному) 3-процентный отбор ревизских сказок всех селений уездов губернии. Оба способа формирования выборки при всех своих достоинствах и недостатках оказались эффективными. Предпочтение было отдано второму способу, который и применяется в настоящем исследовании.

При формировании выборки мы учитывали, что дворянские владения различались по своим размерам. Наряду с крупнейшими латифундиями, насчитывавшими тысячи крепостных, существовали и количественно преобладали мелкие и мельчайшие имения, состоявшие из незначительного числа дворов и крестьян. Стремясь к созданию репрезентативной выборки, мы добивались по возможности пропорционального представительства в ней различных по величине имений.

Сначала по списку дворянских имений<sup>13</sup> производилась группировка их по размеру (количеству мужских душ), в ходе которой было выделено шесть групп. Мелкие имения численностью до 20 душ исключались из обследования. Затем внутри каждой из пяти оставшихся групп проводился 3-процентный отбор единиц (имений). Всего было отобрано 54 единицы из 1811.

Все попавшие в выборочную совокупность имения были отысканы в ревизских сказках VIII, IX и X ревизий, после чего начался сбор материала. Первоочередной фиксации подлежали сведения о количестве, рождаемости и смертности мужского населения.

С точки зрения реализации целей исследования наиболее важным является не абсолютный, а относительный показатель естественного прироста мужского населения, т. е. отношение разности между числом родившихся и умерших и количества мужского населения на исходную дату. Этому показателю свойственна и гораздо меньшая степень варьирования в отдельных единицах, чем абсолютному. Одним из адекватных в данном случае методов обработки собранных сведений является метод отношения средних<sup>14</sup>.

Проведенные по формуле для простой случайной выборки<sup>15</sup> подсчеты 3-процентной выборочной совокупности ревизских сказок X ревизии дали следующие результаты. Среднее значение естественного прироста населения крепостной деревни Курской губернии составило 7,25%. Стандартная ошибка этой оценки равнялась 0,77%, а предельная при коэффициенте доверия  $P = 0,954$  — 1,54%. Следовательно, в генеральной совокупности рассматриваемый показатель должен находиться в пределах между 5,71 и 8,79%.

Сравним теперь полученные результаты с аналогичными характеристиками пробной 1-процентной выборки, включавшей, правда, и мелкие имения (до 20 душ). В ней среднее значение оценки естественного прироста населения составляло 7,4% при нижней границе 5,2% и верхней — 9,6%.

Как видим, доверительные интервалы 1-процентной выборки включают целиком доверительные интервалы более крупной и точной 3-процентной выборки, что свидетельствует о репрезентативности обеих выборок. Обращает также на себя внимание стабильное «поведение» среднего показателя.

По нашему мнению, достигнутая точность вполне достаточна для анализа динамики демографических процессов в курской деревне последних предреформенных десятилетий. Она позволяет установить, что после VIII ревизии произошли серьезные изменения в процессе воспроизводства крепостного населения: в период с 1816 по 1834 г. среднегодовой естественный прирост его достигал 1,93%, а с 1834 по 1850 г. — 1,10%. К сожалению, отсутствие сведений о количестве имений в Курской губернии по VIII и IX ревизиям не позволяет рассчитать и для них доверительные интервалы указанных оценок, но если признать, что они были такими же, как по X ревизии (т. е. 20-процентными), то легко установить, что по VIII ревизии они колебались в пределах от 1,54 до 2,30%, а по IX — от 0,88 до 1,32%. Как видим, нижняя граница первого показателя (1,54%) не только не пересекается с верхней границей второго (1,32%), но и относительно далеко отстоит от нее. Учитывая, что по всем ревизиям рассматриваются одни и те же имения, доверие к средним выборочным значениям естественного прироста населения еще более возрастает. Все это убеждает нас в правомочности решения не увеличивать больше объем выборочной совокупности, ограничившись рамками разумной достаточности.

\* \* \*

Рассмотрим наиболее важные тенденции развития курской деревни, прежде всего помещицкой, с конца XVIII до середины XIX в.<sup>16</sup> В этот период в Курской губернии феодально-крепостническая система хозяйства в целом еще сохраняла свое доминирующее положение. Однако с течением времени все более углублялись противоречия, проявившиеся уже во второй половине XVIII в.

Кризисные явления возникли прежде всего в барщинной системе хозяйства. Соотношение форм феодальной ренты в помещицкой деревне изменялось в пользу оброка и смешанной повинности, в которой отработочная часть служила лишь дополнением к денежной ренте. В конце XVIII в. у помещиков губернии насчитывалось 78,4% барщинных крестьян и 21,6% оброчных<sup>17</sup>. В канун реформы 1861 г., по данным уставных грамот, доля барщинных крестьян сократилась до 61,4%, а находившихся на оброке и смешанной повинности увеличилась до 38,6%<sup>18</sup>. Одной из причин сокращения доли барщинного крестьянства являлось снижение производительности крепостного труда.

Помещики стремились приспособиться к развитию товарно-денежных отношений главным образом за счет усиления эксплуатации крестьянства. По нашим подсчетам, произведенным по данным «Экономических примечаний», в конце XVIII в. средний размер барской запашки составлял 1,6 дес. на мужскую душу, а к середине XIX в. он увеличился примерно по 2,6 дес. В литературе также отмечен значительный рост оброка. В восьми сопоставимых уездах губернии он возрос с 2,2 до 6,01 руб. сер.<sup>19</sup> Рост феодального гнета явился одним из факторов усиления тенденции к застою и деградации в крестьянском хозяйстве. Однако массового и полного разорения барщинных крестьян не наблюдалось.

Застойные явления были присущи главным образом сельскохозяйственному производству, тесно связанному с феодальной собственностью на землю и крепостническим наделом. Но было бы ошибочным и преувеличение патриархального облика курской деревни: в хозяйстве крестьян, состоявших на оброке и смешанной повинности, шел все более интенсивно процесс развития товарно-денежных отношений, местных и отхожих неземледельческих занятий.

Развитие крестьянских промыслов находилось во взаимосвязи с процессом расслоения земледельчески-промысловых и промысловых крестьян. Это расслоение приобретало в их среде характер устойчивой буржуазной эволюции, отличавшейся образованием широкого слоя беднейших крестьян, существовавших в значительной мере за счет продажи своей рабочей силы, и немногочисленной зажиточной прослойки, использовавшей не только семейный, но и наемный труд, приобретающий нередко кабальные формы зависимости.<sup>20</sup> Чисто промысловым вотчинам была присуща структурная перестройка крестьянских хозяйств в капиталистическом направлении. Проиллюстрируем этот вывод сведениями о расслоении крестьян слободы Ольшанки Новооскольского уезда, принадлежавшей Трубецким. Подавляющее большинство жителей Ольшанки практически полностью забросило земледелие, переключившись на промысловые занятия, главным образом выделку кож

Таблица 1

## Естественный прирост помещичьих крестьян Курской губернии с 1816 по 1858 г.\*

Ревизии	Годы	Помещичьих крестьян на исходную дату	Умерло	Родилось	Естественный прирост	
					абс.	%
VII—VIII	1816—1834	7233	2040	4539	2499	34,55
VIII—IX	1834—1850	9072	2632	4228	1596	17,59
IX—X	1850—1858	9938	1607	2328	721	7,25

\* Рассчитано по: Государственный архив Курской области, ф. 184, оп. 2—4.

Таблица 2

## Оценочные данные о движении помещичьих крестьян Курской губернии с 1816 по 1858 г. (в %)

Ревизии	Годы	Населения на исходную дату	Естественный прирост		Механическое движение		Общий прирост		Механическое движение к естественному приросту (%)
			в целом за период	в среднем за год	в целом за период	в среднем за год	в целом за период	в среднем за год	
VII—VIII	1816—1834	306 129	34,55	1,92	18,72	1,04	15,82	0,88	54,2
VIII—IX	1834—1850	343 572	17,59	1,10	13,19	0,82	4,40	0,28	75,0
IX—X	1850—1858	370 189	7,25	0,91	9,95	1,24	-2,70	-0,34	137,2

и изготовление обуви. Зажиточная прослойка здесь насчитывала 45 дворов из 511, занимавшихся кожевенно-сапожным промыслом. Десять наиболее богатых крестьян имели «капитал» от 10 до 30 тыс. руб. и занимались исключительно сбытом готовой продукции. Абсолютное большинство сапожников принадлежало к беднейшей группе, при этом они являлись не самостоятельными производителями, а по существу надомниками богатых скупщиков.

Таким образом, в помещицкой деревне Курской губернии в первой половине XIX в. наряду с явлениями застоя и упадка весьма отчетливо развивались прогрессивные тенденции, преимущественно в крестьянском хозяйстве, что свидетельствовало о кризисе феодально-крепостнической системы и зарождении капиталистических отношений.

Заметные прогрессивные сдвиги происходили не только в помещицкой, но и в государственной деревне, где условия для жизни и деятельности крестьян были более благоприятными, чем в помещицкой. В источниках часто встречаются упоминания о промысловых занятиях государственных крестьян, но особенно широко распространение у них получил отход на заработки в южные районы страны. В 1845 г. государственным крестьянам было выдано 55 тыс. паспортов и билетов, а в 1858 г. — почти 79 тыс.

Таким образом, мы видим, в каких сложных и противоречивых условиях протекали демографические процессы, которые, конечно же, надо учитывать при изучении движения населения.

Обратимся к демографическим данным. В таблице 1 приводятся результаты обработки 3-процентной выборки ревизских сказок, а в таблице 2 — экстраполяция выборочных средних оценок естественного прироста населения на генеральную совокупность, т. е. на сведения окладных книг различных ревизий о количестве помещичьих крестьян в Курской губернии.

Как свидетельствуют данные таблиц 1—2, размеры естественного прироста населения между различными ревизиями были не одинаковы. С 1816 по 1834 г. крепостное население помещицкой деревни могло бы возрасти в среднем на 105 768 душ<sup>21</sup>, с 1834 по 1850 г. — на 62 369 душ и с 1850 по 1858 г. — на 26 838 душ. Ввиду того, что продолжительность межревизских периодов была различной, более корректным является сравнение не абсолютных, а относительных показателей, выраженных в среднегодовом исчислении. Оно выявляет ту же тенденцию к снижению естественного прироста помещичьих крестьян. Если в период между VII—VIII ревизиями он достигал 1,92%, то между VIII—IX — 1,10, и между IX—X ревизиями — 0,91%. Таким образом, приращение численности помещичьих крестьян за счет естественного прироста населения к концу изучаемого периода снизилось более чем в 2 раза по сравнению с его началом. Однако это вовсе не свидетель-

Изменение численности крестьян Курской губернии с 1816 по 1858 г.\*

Крестьяне	VII ревизия		VIII ревизия		IX ревизия	X ревизия	Разница между 1836 и 1834 в % к 1816 г.	Разница между (2) и (1) в % к 1836 г.
	1816 г.	1834 г.	1836 г.	(1)**	(2)**	1858 г.		
Помещичьи	306 129	300 282	354 572	352 730	370 189	360 209	17,7	4,9
Государственные	306 400	256 845	335 605	338 530	396 316	423 021	25,7	17,2

\* Таблица составлена по: ЦГИА СССР. ф. 571, по. 9, д. 18, 32, 34, 49, 50; оп. 6, д. 1023. Окладные книги.

\*\* Окладная книга за первую половину 1851 г. обозначается (1), за вторую половину того же года — (2).

ствовало ни о вымирании, ни о чрезвычайно низких темпах естественного прироста помещичьих крестьян.

Сторонники концепции «вымирания» крепостного крестьянства обычно оперируют цифрами из окладных книг, показывающими значительно более высокий прирост численности государственных крестьян по сравнению с помещичьими. Но, как уже отмечалось, такое сравнение неправомерно. Гораздо более убедительным является сопоставление естественного прироста различных категорий населения по ревизским сказкам. Мы пока располагаем такими данными по пяти уездам губернии в период между VIII и IX ревизиями: Грайворонскому (по которому произведено сплошное обследование ревизских сказок), Курскому, Рыльскому, Суджанскому и Щигровскому (по этим уездам сделаны 5-процентные выборки крестьянских дворов). Рассмотрим полученные результаты.

В Грайворонском уезде среднегодовой естественный прирост составил у помещичьих крестьян 0,84%, у государственных — 0,88%<sup>22</sup>, в остальных четырех уездах, вместе взятых, значение средней оценки равнялось соответственно 0,88 и 1,24<sup>23</sup>. Следует только заметить, что в действительности естественный прирост собственно помещичьих крестьян был несколько выше; его понизило включение в обследование однодворческих крестьян, которых в Щигровском и Курском уездах проживало немало.

Как видим, различие в уровне естественного прироста двух основных разрядов населения действительно имело место, но оно не было столь контрастным, как это показывают окладные книги (см. табл. 3).

Попытаемся оценить факторы, обусловившие снижение естественного прироста помещичьих крестьян и падения их удельного веса перед реформой 1861 г. Большинство исследователей связывали это с усилением феодально-крепостнического гнета, особенно барщинных повинностей. Например, Н. М. Шелукова утверждала, что барщина вела «к полному моральному и физическому истощению большинства частновладельческих крестьян, которые становились неспособны даже к простому воспроизводству своих хозяйств. Последние разорались. Крепостное население вымирало»<sup>24</sup>. В новом исследовании в качестве решающего назван все тот же фактор<sup>25</sup>.

Конечно, рост феодальных повинностей далеко не способствовал созданию благоприятных условий для воспроизводства крепостного населения. Мы вовсе не склонны к недооценке этого фактора, равно как и к его абсолютизации. Однако имеющиеся в нашем распоряжении факты (правда их, к сожалению, недостаточно) позволяют усомниться в правомерности распространения подобных выводов на крепостную деревню Курской губернии.

Во-первых, последние две ревизии зафиксировали повсеместное снижение естественного прироста крепостного населения, включая и имения со сравнительно невысокой нормой феодальной эксплуатации. Очень показателен в этом отношении пример Борисовской вотчины Шереметьевых, находившейся в Грайворонском уезде. В середине XIX в. в ней насчитывалось свыше 50 тыс. душ обою пола. Согласно данным ревизских сказок IX ревизии, естественный прирост здесь составил 0,95% в год, не достигнув даже среднегубернского показателя. В вошедших в анализируемую в данной работе 3-процентную выборку слободах Зыбиной и Дмитриевке, являвшихся типичными для Борисовской вотчины, динамика среднегодового естественного прироста населения практически совпадала с общегубернской: 2% — по VIII ревизии, 1,03% — по IX и 0,86% — по X. Между тем степень феодальной эксплуатации здешних крестьян была далеко не предельной.

Во-вторых, изменения в темпах естественного прироста государственных крестьян также не дают основания преувеличивать роль феодального гнета, хотя об этом пока приходится судить по

весьма неточным сведениям окладных книг, значительно занижающим естественный прирост населения.

Если предположить, что в первый межревизский период естественный прирост государственных крестьян был не меньше, чем помещичьих, то его снижение во втором периоде бесспорно. Поскольку степень эксплуатации населения государственной деревни была слабее, чем помещичьей, а обеспеченность первого земель выше, то логично заключить, что еще какие-то иные немаловажные факторы сказываются на естественном приросте сельского населения.

Главной отраслью экономики Курской губернии являлось земледелие. От уровня сельскохозяйственного производства во многом зависело и воспроизводство населения. Об этом можно судить по данным церковного учета, а также по сведениям губернаторских отчетов об урожайности зерновых. Так, при посредственных урожаях и недородах 1838—1841 гг. естественный прирост был более низким. Урожайные 1842—1844 годы дали значительное повышение его. Снижение урожайности в 1845—1848 гг., а также разразившаяся в то время эпидемия холеры снова привели к падению естественного прироста населения. Сравнительно урожайные 1849 и 1851 годы сопровождались увеличением воспроизводства населения, а неурожайный 1850 год — его уменьшением.

Чем же вызывалось прогрессирующее падение уровня сельскохозяйственного производства? Попытки сводить его только к усилению феодальной эксплуатации крестьянства представляются односторонними. На наш взгляд, в падении уровня сельскохозяйственного производства определенную роль играло развитие местных и отхожих крестьянских промыслов, на что указывали современники: «А еще меньше помышляет о возвышении плодородия... крестьянин... он с нетерпением ожидает весны, потому что его ждут заработки, Украина... откуда он в два месяца труда и прогула может принести домой до 50-ти рублей сер.»<sup>26</sup> Здесь уместно отметить, что в последние дореформенные десятилетия ухудшалось положение дел в земледелии не только в помещичьей, но и в государственной деревне, где отход крестьян на заработки приобретал все большие масштабы. То же можно сказать и в отношении оброчных крепостных крестьян. Промысловые занятия отрывали крестьян от земледелия, углубляли расслоение их и тем самым способствовали понижению уровня сельскохозяйственного производства.

Аспект влияния роста крестьянских промыслов на демографические процессы является важным, но не единственным. Помимо опосредованного, промыслы оказывали и прямое воздействие на воспроизводство населения. Уход на заработки зачастую становился своего рода трамплином для последующей легальной (у государственных крестьян) и нелегальной (у помещичьих) миграции и окончательного разрыва отношений крестьян со своими владельцами. Усиливавшаяся подвижность населения, отрывая крестьян от земли, сокращала возможности появления потомства. Видимо, формула «чем больше отход, тем меньше прирост населения» с течением времени становилась все более характерной не только для промышленно развитых районов страны, о чем неоднократно писал П. Г. Рындынский,<sup>27</sup> но и для Курской губернии (разумеется, в меньшей степени).

Наконец, нельзя сбрасывать со счета стихийные бедствия — эпидемии, участвовавшие недороды, а также войны, степень воздействия которых, впрочем, не следует переоценивать. Увеличение числа неурожайных лет к концу дореформенной эпохи было обусловлено в первую очередь социально-экономическими процессами.

Итак, прогрессирующее снижение естественного прироста крепостного населения Курской губернии обуславливалось влиянием целого ряда факторов, являвшихся важными слагаемыми процессами кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. Наряду с показателями естественного прироста населения большое значение для объяснения демографических изменений в крестьянской среде имеют показатели, характеризующие размах и интенсивность механического движения крестьянства. Если переселения государственных крестьян чаще всего сводились к простой перемене места жительства, то для помещичьих переходы в другие сословия и побег означали коренное изменение их социального статуса. Данные ревизских сказок о естественном приросте населения в сочетании со сведениями окладных книг о размерах общего прироста позволяют определить суммарную величину механического движения, представляющую собой разность между значениями этих двух показателей. Она может быть установлена лишь приблизительно, с учетом доверительных интервалов оценки естественного прироста населения. Рассмотрим динамику механического движения помещичьих крестьян Курской губернии в период с 1816 по 1858 г. (см. табл. 2).

К моменту проведения VIII ревизии число крепостных ежегодно сокращалось за счет

механической убыли в среднем на 3102 души (1,04), к IX — га 2922 (0,82) и X — на 4501 (1,24). Обращает на себя внимание резкий скачок, наступивший в 50-х гг. Вероятно, он так или иначе был связан с подготовкой реформы и Крымской войной. Негативное воздействие механического движения на прирост численности крепостных особенно наглядно проявляется при сопоставлении его с естественным приростом. Если в период с 1816 по 1834 г. механическая убыль поглотила 54,2% естественного прироста помещичьих крестьян, то с 1834 по 1850 г. — уже 75%, а с 1850 по 1858 г. она превысила естественный прирост на 37,2%. Поэтому неудивительно, что удельный вес помещичьих крестьян после VIII ревизии непрерывно снижался. Отдавая отчет в неравноценности отдельных составных частей механического движения, следует подчеркнуть тем не менее, что в целом оно вело к фактическому высвобождению крестьян из крепостной зависимости, способствовавшему социально-экономическому прогрессу. Хозяйства многих тысяч курских крестьян, перешедших различными путями в юридически более свободные сословия, становились базой для развития капиталистических отношений.

Перейдем к заключительному сюжету исследования. Как уже отмечалось, в исторической и историко-демографической литературе есть различные точки зрения о главной причине падения удельного веса крепостных в составе населения страны в последние десятилетия существования крепостничества. Имеющиеся у нас сведения позволяют высказать следующие соображения по данному вопросу.

В рассматриваемых выше четырех уездах доля крепостных крестьян в составе сельского населения уменьшилась с 51,6%, по VIII ревизии, до 48,7% — по IX, что было следствием как пониженного естественного прироста, так и механической убыли их. Какой же из этих факторов являлся решающим?

Следует сначала исчислить потери частновладельческих крестьян из-за более низкого естественного прироста. За весь период между VIII и IX ревизиями он составил 14,2%. Если бы естественный прирост помещичьих крестьян был таким же, как у государственных (19,9%), то к IX ревизии численность их возросла бы на 19 913 душ, а не на 14 265, как это было, т. е., таким образом, потери крепостных от пониженного естественного прироста достигали 5648 душ. За то же время механическая убыль помещичьих крестьян составила 13 453 души, превывсив в общей сумме потерь (19 101 душа) 70%. В Грайворонском же уезде с VIII по IX ревизию удельный вес помещичьих крестьян даже немного повысился.

Подведем основные итоги. Проведенное исследование продемонстрировало принципиальную возможность получения хотя и не идеальных, но весьма достоверных показателей естественного прироста сельского населения на базе выборок из ревизских сказок сравнительно небольшого объема, что дает ключ к изучению этих ценных, но чрезвычайно трудоемких и потому еще малоиспользуемых источников, необходимых для разрешения ряда актуальных историко-демографических проблем. Наличие выборочных данных о естественном движении и сведений окладных книг о размерах общего прироста позволяет определить суммарную величину механического движения населения.

Конкретно-исторический анализ полученных результатов показал прогрессирующее снижение темпов естественного прироста населения предреформенной деревни, однако никакого «вымирания» помещичьих крестьян не наблюдалось. Напротив, естественный прирост их оставался достаточно заметным, уступая аналогичному показателю у государственных крестьян.

Уменьшение естественного прироста крепостного населения Курской губернии обуславливалось не только ростом феодальной эксплуатации, но и развитием прогрессивных по своей сути тенденций в крестьянском хозяйстве, в конечном итоге, кризисом феодально-крепостнической системы.

Данный вопрос, впрочем, требует дополнительного углубленного исследования. Что касается главной причины снижения удельного веса крепостных в составе населения губернии, то, вероятно всего, это — возрасставшее механическое движение их, носившее в целом прогрессивный характер.

Существенные изменения в демографическом развитии крепостной и, по всей видимости, государственной деревни, происходившие примерно в середине 30-х гг. XIX в., с нашей точки зрения, свидетельствовали о процессе разложения феодально-крепостнической системы накануне ее кризиса.

#### Примечания

<sup>1</sup> Оценку ее см., напр.: Рындзюнский П. Г. Вымирало ли крестьянство перед реформой 1861? // Вопросы истории. 1967, № 7—6. С. 57—58; Перковский А. Л. Кризис демографического воспроизводства крепостного населения России в первой половине XIX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. М., 1977. С. 171—174.

<sup>2</sup> См.: Рашин А. Г. Население России за сто лет / Предисл. акад. С. Г. Струмилина.

М., 1956; Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 1959. № 12; Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971 и др.

<sup>3</sup> См., напр.: Рындзюнский П. Г. Вопросы истории мелкотоварного уклада в России XIX в. // История СССР. 1963. № 4. С. 103.

<sup>4</sup> Перковский А. Л. Указ. соч. С. 189.

<sup>5</sup> См.: Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978. С. 80.

<sup>6</sup> Кабузан В. М. Крепостное крестьянство России в XVIII — 50-х годах XIX века. Численность, состав и размещение // История СССР. 1982. № 3. С. 69, 79, 85.

<sup>7</sup> См.: Рындзюнский П. Г. К изучению динамики численности крепостного населения в дореволюционной России // История СССР. 1983. № 1. С. 210—212.

<sup>8</sup> Трубников В. В. Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. С. 343—427; Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Таллинн. 24—28 сентября 1984. М., 1984. С. 133—138, 146—148.

<sup>9</sup> Вахтре С. Х. Подушные ревизии в Эстляндской губернии (1782—1858 гг.) и их данные как источник истории крестьянства: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тарту, 1970; Палли Х. Э. Естественное движение сельского населения Эстонии (1650—1799). Таллинн. 1980.

<sup>10</sup> Курская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года. СПб., 1868. С. XLI.

<sup>11</sup> ПСЗ. Собр. 2. Т. 25. Отд. 1. № 23817.

<sup>12</sup> См., напр.: Трубников В. В. Указ. соч. С. 398. Более детальный источниковедческий анализ ревизских сказок см.: Дэн В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века: Т. 1—2. М., 1902; Подъяпольская Е. П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. М., 1952; Лаппо Ф. И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (По материалам 3-й ревизии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев, 1962.

<sup>13</sup> Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. Курск, 1863. С. 109—286.

<sup>14</sup> Подробную характеристику данного метода см.: Кокрен У. Методы выборочного исследования / Пер. с англ. М., 1976.

<sup>15</sup> Там же. С. 44—48.

<sup>16</sup> Приводимые ниже данные о социально-экономическом развитии курской деревни и критический разбор используемых источников подробно анализируются в следующих работах: Рянский Л. М. Промысловые занятия помещичьих крестьян Курской губернии в 40—50-х годах XIX в. // Проблемы аграрной истории Центрально-Черноземного района России в XIX — начале XX в. / Научные труды Курского пед. ин-та. Т. 188. 1978. С. 25—44; его же. Расслоение помещичьего крестьянства Курской губернии по данным подворных описей первой половины XIX в. / Там же. С. 3—24; его же. Хозяйство помещичьих крестьян Черноземного Центра в период кризиса феодализма в России (По материалам Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1979; его же. Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.) // Источниковедение отечественной истории 1981. М., 1982. С. 178—189.

<sup>17</sup> Подсчитано нами по «Экономическим примечаниям» к атласам Генерального межевания. Данные В. И. Семейского (92% барщинных и 8% оброчных крестьян) неточны, так как его подсчетом было охвачено менее половины крепостных, проживавших преимущественно в северной части Курской губернии (см.: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957. С. 100, 123).

<sup>18</sup> Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный Центр 1861—1895 гг. М., 1972. С. 58—59.

<sup>19</sup> Литвак Б. Г. Проведение крестьянской реформы в русском Черноземном Центре (1861—1895 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. Приложение. Табл. 1 (Подсчет наш. — Л. Р.).

<sup>20</sup> Типичным примером расслоения земледельческо-промысловых крестьян Курской губернии может служить дифференциация их в Будском имении Обоянского уезда (См.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1965. С. 425—428).

<sup>21</sup> Здесь и далее за исключением специально оговоренных случаев речь идет о мужском населении.

<sup>22</sup> Рянский Л. М. Об изучении естественного прироста крестьянского населения в период кризиса феодальной системы (на примере ревизских сказок Грайворонского уезда IX ревизии) // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. С. 146—148.

<sup>23</sup> ГАКО, ф. 184, оп. 2. Ревизские сказки Курского, Рыльского, Суджанского и Щигровского уездов.

<sup>24</sup> Шепукова Н. М. Указ. соч. С. 135.

<sup>25</sup> См.: Кабузан В. М. Крепостное крестьянство ... С. 84.

<sup>26</sup> Струпинский Б. Описание Львовского уезда Курской губернии в сельскохозяйственном отношении [Б. м.], 1863. С. 6.

<sup>27</sup> Рындзюнский П. Г. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. С. 108; его же. Утверждение капитализма в России...

© 1991 г.

## МАТЕРИАЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛУ ПРОВОКАТОРА МАЛИНОВСКОГО

### ПОКАЗАНИЯ В. И. ЛЕНИНА

26 мая 1917 года

Я первый раз увидел Малиновского на Пражской конференции нашей партии (Росс. С.-Д. Раб. партии, «большевиков») в январе 1912 года. Малиновский явился на конференцию с именем одного из очень видных работников легального рабочего движения, про которого не мало говорили в меньшевистских кругах, считавших Малиновского своим. Я слышал, что меньшевик Шер<sup>1</sup> называл даже Малиновского «русским Бебелем».

Особенно большую популярность Малиновскому, и притом не только среди руководителей с.-д. партии, но и среди широкой рабочей массы, создало то, что он был секретарем одного из самых крупных профессиональных союзов, именно союза металлистов. Выдвинуться вперед среди этой профессии, насчитывавшей много вполне развитых рабочих, приобрести популярность на должности, требовавшей постоянного общения с массой, было не легко, и потому авторитетность Малиновского казалась всем нам, участникам Пражской конференции, совершенно бесспорной. Когда Малиновский рассказал еще нам, что он лишь постепенно, после самых серьезных размышлений и наблюдений, переходил от меньшевизма к большевизму, что весной 1911-го года он из-за этого своего перехода имел самое резкое столкновение с виднейшими рабочими-меньшевиками, позвавшими его на одно из наиболее важных и ответственных меньшевистских совещаний<sup>2</sup>, то авторитетность Малиновского еще более поднялась в глазах всех конферентов. Кстати сказать, к истории провокаторства Малиновского это весеннее совещание 1911 года меньшевиков, о коем мы рассказали в одном из номеров нашего заграничного «С.-Д.-та»<sup>3</sup>, особенно поучительно было бы изучить и исследовать. Помнится, из фамилий участников Малиновский называл Чиркина, с которым я лично сталкивался раз или два в 1905—6 годах как с ярым меньшевиком<sup>4</sup>.

Малиновский был выбран в Ц. К. на Пражской конференции, и мы сразу же наметили его кандидатуру в Государственную думу. В интересах обеспеченности избрания его, мы в Ц. К. дали ему прямой приказ держаться до выборов архисторожно, сидеть на своем заводе<sup>5</sup>, не ездить в Москву и т. д.

Что касается линии нашей партии, то линия эта, ведущая прямо и неизбежно к расколу с оппортунистами-меньшевиками, вытекала сама собой из истории партии с 1903 года, особенно из борьбы с «ликвидаторством» 1908—1910 годов и из крайнего обострения этой борьбы после срыва вождями ликвидаторства в России решений январского «плenums» 1910 года. Малиновский не мог бы пройти ни в Ц. К. ни в Г. думу от нашей партии, если бы не изобразил из себя горячего и убежденного большевика, «собственным опытом» изведавшего всю опасность ликвидаторства в своей долгой легальной работе.

Под большим секретом «только» будто бы мне (впоследствии оказалось, что не только мне) Малиновский сказал мне в Праге, что ему пришлось жить под чужим паспортом в связи с событиями 1905-го года. После революции и японской войны это вовсе не было необычно в рядах с.-д., и доверие к Малиновскому многих тысяч рабочих-металлистов, наблюдавших шаг за шагом жизнь и деятельность своего секретаря, устранило во мне всякую тень сомнений.

Второй раз я видел Малиновского уже в Кракове, куда я переехал из Парижа весной 1912 года, чтобы работать ежедневно для «Правды», поставленной в апреле 1912 года и сразу ставшей нашим главным органом воздействия на массы. Малиновский приехал в Краков уже членом Г. думы, как и Муранов; позже — помнится, в декабре — приехали Петровский и Бадаев.

Малиновский — человек с темпераментом, несомненно очень способный. Уверяли, что он пользовался успехом на рабочих собраниях. Я слышал только одну его большую речь (на съезде латышской с.-д. партии в январе 1914 года в Брюсселе<sup>6</sup>), и эта речь казалась мне подтверждающей популярность Малиновского как агитатора. Как цекриста мы ценили Малиновского именно за его агитаторскую и думскую деятельность особенно; как организатор он казался нам слишком нервным и неровным с людьми. Ко включению в Ц. К. других депутатов (а мы очень скоро стали постепенно одного за другим кооптировать в Ц. К. всех наших депутатов<sup>7</sup>)

Малиновский относился несколько нервно, не возражая, но как будто неохотно. Мы объясняли это чрезмерным самолюбием и властолюбием, на которое и местные работники иногда жаловались и которое заметно было и на совещаниях. После печального опыта с некоторыми депутатами 1-ой и 2-ой Г. думы, нас не удивляло, что «высокое звание» члена Г. думы кружит голову и «портит» иногда людей.

Теперь для меня ясно, что Малиновский нервничал, видя включение в Ц. К. других деятелей, ибо это совершенно подрывало его «всевластие» (будь он один, он держал бы в руках все нити в России, ибо мы вынуждены были жить за границей).

Малиновский чаще других приезжал в Краков, объясняя это, с одной стороны, крайним переутомлением, затем желанием побывать в Варшаве (где у него будто бы были польские знакомые и родные) и пр. В Кракове Малиновский как поляк познакомился и с Дашинским<sup>8</sup> (я с ним не был знаком), и с вождями польских с.-д., с коими мы были очень дружны и которым он тоже внушил полное доверие.

За организационными связями и делами Малиновского больше следила моя жена, бывшая секретарем Ц. К. в течение долгого ряда лет. Меня всего больше интересовала думская работа, я часто беседовал о ней с Малиновским и писал ему, как и другим депутатам, проекты речей, а затем «Правда» (так в тексте. — *Сост.*). Зная, как много сделал для «Правды» Полетаев<sup>9</sup>, мы и от Малиновского требовали больше заботы о «Правде» и ее распространении, ее упрочении. Относясь к легальной работе, если она ведется в духе непримиримой борьбы с ликвидаторством и неуклонной верности революционным принципам, крайне серьезно, мы требовали строгого соблюдения легальности «Правды». Было бы поучительно проверить через других работников и служащих «Правды», насколько соблюдал Малиновский наши настояния.

С другими депутатами, особенно когда они все стали членами Ц. К., у Малиновского бывали частенько трения и конфликты — все на почве его самолюбия и любви властвовать. Мы неоднократно выговаривали за это Малиновскому и требовали от него более товарищеского отношения к его коллегам.

В вопросе о линии «Правды» и о расколе с.-д. фракции<sup>10</sup> Малиновский всецело вел политику, намечавшуюся нами (мною, Зиновьевым и др.) на заграничных совещаниях и предопределяющуюся, как я уже сказал, историей большевизма.

Я слышал, что в Москве в эпоху приблизительно 1911 года, возникали подозрения насчет политической честности Малиновского, а нам эти подозрения в особенно определенной форме были сообщены после его внезапного ухода из Г. думы весной 1914 года<sup>11</sup>. Что касается до московских слухов, они относились ко времени, когда «шпиономания» доходила до кульминационного пункта, и ни одного факта, хоть сколько-нибудь допускавшего проверку, не сообщалось.

После ухода Малиновского, мы назначили комиссию для расследования подозрений (Зиновьев, Ганецкий и я). Мы допросили немало свидетелей, устроили очные ставки с Малиновским, исписали не одну сотню страниц протоколами этих показаний (к сожалению, из-за войны многое погубило или застряло в Кракове). Решительно никаких доказательств ни один член комиссии открыть не мог. Малиновский объяснил нам свой уход тем, что не мог дольше скрывать своей личной истории, заставившей его переменить имя, что история эта связана-де была с женской честью, что история имела место задолго до его женитьбы, он назвал нам ряд свидетелей в Варшаве и в Казани, между прочим, одного, помнится, профессора Казанского университета. История казалась нам правдоподобной, бурный темперамент Малиновского придавал ей обличье вероятности, оглашать такого рода дела мы считали не нашим делом. Свидетелей мы постановили вызвать в Краков или послать к ним агентов комиссии в Россию. Война помешала этому.

Но общее убеждение всех трех членов комиссии сводилось к тому, Малиновский не провокатор, и мы заявили это в печати.

Мне лично не раз приходилось рассуждать так: после дела Азефа<sup>12</sup> меня ничем не удивишь. Но я не верю-де в провокаторство здесь не только потому, что не вижу ни доказательств, ни улик, а также потому, что, будь Малиновский провокатор, от этого охранка не выиграла бы так, как выиграла наша партия от «Правды» и всего легального аппарата.

Ясно, что проводя провокатора в Думу, устраивая для этого соперников большевизма и т. п., охранка руководилась грубым представлением о большевизме, я бы сказал: лубочной карикатурой на него: большевики-де будут «устраивать вооруженное восстание». Чтобы иметь в руках все нити этого подготавливаемого восстания, стоило — с точки зрения охранки — пойти на все, чтобы провести Малиновского в Г. думу и в Ц. К.

А когда охранка добилась и того, и другого, то оказалось, что Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей (и притом с разных сторон) нашу нелегальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия партии на массы, именно с «Правдой» и с думской с.-д. фракцией. Оба эти органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать себя перед нами.

Оба эти органа направлялись нами непосредственно, ибо я и Зиновьев писали в «Правду» ежедневно, а резолюции партии определяли целиком ее линию. Воздействие на 40—50 тысяч рабочих было так [им] обр[азом] обеспечено. То же и с думской фракцией, в которой особенно Муранов, Петровский, Бадаев работали все более независимо от Малиновского, расширяли свои связи, воздействовали сами на широкие слои рабочих.

Малиновский мог губить и губил ряд отдельных лиц. Роста партийной работы в смысле развития ее значения и влияния на массы, на десятки и сотни тысяч (через стачки, усилившиеся после апреля 1912 года), этого роста он ни остановить, ни контролировать, ни «направлять» не мог. Я бы не удивился, если бы в охране среди доводов за удаление Малиновского из Думы всплыл и такой

довод, что Малиновский на деле оказался слишком связанным легальной «Правдою» и легальной фракцией депутатов, которые вели революционную работу в массах, чем это терпимо было для «них», для охранки.

Настоящие показания собственноручно мной записаны

Владимир Ульянов

Продолжаю свое показание по отдельным, предлагаемым мне вопросам<sup>13</sup>. Русских членов Ц. К. было немного; ведь я и Зиновьев жили за границей. Из здешних Сталин (Джугашвили) большую часть был в тюрьме или в ссылке<sup>14</sup>. Малиновский здесь, конечно, выделялся. Возможно, что мы из за границы и давали ему инструкции по связи с Финляндской социал-демократией, или по установке типографии в Гельсингфорсе. Однако я этого не помню. Малиновский имел право и возможность и самостоятельно действовать в этом направлении. Таким образом, и установку типографии Малиновский мог предпринять и по собственному почину. Я могу сказать, что Малиновский был, по моему мнению, выдающимся как активный работник.

В Брюсселе в январе 1914 года мы с Малиновским были вместе, выехав с ним вместе из Кракова на латышский съезд как представители Ц. К. Из Брюсселя ездили с ним в Париж, где он читал большой открытый реферат о думской деятельности перед несколькимистами слушателей. Я, должно быть, был тогда занят и, кажется, не присутствовал на реферате Малиновского<sup>15</sup>.

По поводу отношения Малиновского к нам могу пояснить следующее. Малиновский приезжал к нам, в общем, раз 6 или 7, во всяком случае чаще всех депутатов. Он хотел играть главенствующую роль среди русских цекистов, бывал, видимо, недоволен, когда не ему, а кому-либо другому давалось нами ответственное поручение. Вообще у нас был такой порядок: левее нас мы не допускали выступлений; если выступление было несколько правее, это еще можно было поправить, а более левые выступления могли причинить большой вред. Казалось, что Малиновскому не всегда нравилась эта линия поведения; ему хотелось более смелой нелегальной работы, и неоднократно на эту тему были разговоры у нас в Кракове; однако мы это приписывали лишь горячности Малиновского. Я могу теперь, вспоминая всю деятельность Малиновского, сказать, что за его спиной стояла несомненно комиссия умных людей, которая направляла каждый его политический шаг, ибо собственными силами он бы не мог так тонко вести свою линию. Я не в состоянии теперь припомнить какие-либо другие подробности о Малиновском, могущие представлять интерес. После того, как Малиновский вышел из Думы и за недостатком улик мы не могли считать его провокатором, он из дер. Пороина (близ Кракова) уехал и я его больше не видел. До меня, однако, дошли сведения, что Малиновский попал в плен к германцам. Среди наших военнопленных он открыл партийные занятия, читал лекции, разъяснял Эрфуртскую программу; об этом я знаю из писем Малиновского ко мне, а также из писем нескольких других пленных, которые восторженно отзывались о Малиновском и его лекциях. Вообще это человек ловкий и очень приспособляющийся к обстоятельствам.

Больше добавить ничего не имею...

Владимир Ульянов

### ПОКАЗАНИЯ А. А. ТРОЯНОВСКОГО<sup>16</sup>

9 июня 1917 года

С Малиновским я познакомился на совещании Центрального Комитета с партийными работниками на местах и вновь избранными членами Думы большевиками, совещании, происходившем в конце 1912 и начале 1913 года в Кракове<sup>17</sup>. Это совещание имело целью согласовать деятельность Ц. К. и видных партийных работников.

Малиновский тогда еще произвел на меня неприятное впечатление своей манерой держаться, своими разговорами и всем своим внешним видом. Большого понимания политического положения и широты взглядов он не обнаруживал. Все его выступления на этом совещании сводились к освещению экономического положения рабочих различных категорий и почти не касались политических вопросов. Помню, что он обиделся на меня, когда я его, шутя, назвал в разговоре унтер-офицером. Почему-то он необыкновенно гордился, что у него есть личный секретарь (Валентина Николаевна). Сохранилось в памяти, что на вечеринке по случаю встречи Нового года Малиновский много плясал и пел. На этой вечеринке были почти все члены конференции.

Возвращаясь после этой конференции из Кракова в Вену с Еленой Федоровной Розмирович и обмениваясь с ней впечатлениями по поводу этой конференции, я говорил ей о Малиновском, что от разговоров с ним остается какой-то неприятный осадок, что Малиновский представляется человеком, способным на все, что выражение глаз у него чрезвычайно напоминает выражение глаз палача, с которым мне пришлось ехать в одном вагоне от Самары до Челябинска, когда я отправлялся по этапу в Сибирь на поселение летом 1909 года.

Кажется, нечто подобное я говорил и проживавшему в то время в Вене моему приятелю Николаю Ивановичу Бухарину. В ответ ли на это или по какому-либо другому поводу, точно не помню, Николай Иванович Бухарин рассказал мне, что еще до выборов Малиновского в Думу в Москве среди рабочих возникали подозрения против Малиновского, так что группа рабочих

просила Н. И. Бухарина официально довести об этих подозрениях до сведения функционировавшей тогда в Москве следственной комиссии по делам о провокации. Кто-то из этой группы, по словам Бухарина, как-то прямо сказал Малиновскому: «Роман, ведь ты провокатор». «Мало ли что болтают», будто бы ответил на это довольно спокойно Малиновский.

После этого, весной 1913 года, Елена Федоровна Розмирович отправилась после окончания трехлетнего срока высылки за границу в Россию, причем получила от Центрального Комитета ряд весьма важных поручений. В Петербурге она виделась со многими лицами. Причем о ее планах и данных ей поручениях все прекрасно знал Малиновский (кое-что знал и Черномазов, с которым она встречалась также в Петербурге)<sup>18</sup>. Из Петербурга она проехала в Киев, где и была арестована по распоряжению из Петербурга. И вот из тюрьмы она прислала мне письмо, в котором писала, что, кажется, мои предположения имеют большие основания и подтверждаются многими ставшими ей известными фактами.

Под влиянием этого письма я, зная, что Малиновский в это время находится в Поронине (в Галиции), написал письмо Зиновьеву в расчете, что письмо это будет показано Малиновскому, и одновременно послал сходного содержания письмо своему брату, служившему тогда врачом в Черниговской губернии. В этих письмах я высказывал подозрение по поводу провокации «одного» видного члена нашей партии, причем говорил, что, если Е. Ф. не будет освобождена немедленно, то это будет означать, что я прав в своих подозрениях, что это будет служить доказательством виновности этого лица. Мое удивление было очень велико, когда я узнал, что Е. Ф. освобождена тотчас же по возвращении Малиновского в Петербург.

Когда после этого Е. Ф. вернулась снова за границу, я с ней увиделся в Поронине. Она мне рассказывала, что в Киевском жандармском управлении ей сообщали такие факты по поводу ее приезда, которые могли быть известны только Малиновскому, напр [имер], ее свидание с Шотманом<sup>19</sup> и т. д. Рассказывала она также, что на Кооперативном съезде<sup>20</sup> в Киеве ей говорил о своих подозрениях против Малиновского депутат Петровский, который, между прочим, удивлялся широкому образу жизни Малиновского.

Я еще раньше уговорился с Бухариным, а затем после разговоров с Е. Ф. и с ней довести обо всем до сведения членов Ц. К. Ленина и Зиновьева. Это мы и сделали вдвоем с Е. Ф. От них мы получили официальный ответ, что они берут на себя полную ответственность за Малиновского. Мы требовали проверки деятельности последнего и установления контроля за ним. Нам сказали, что в этом не видят никакой надобности. Подобный же ответ был послан в Вену Николаю Ивановичу Бухарину.

Таким исходом дела мы не были удовлетворены. Мы все же обратили внимание, что вскоре после этого по окончании «летнего совещания 1913 года»<sup>21</sup> Малиновский был освобожден от обязанностей кассира, каковые обязанности были возложены на депутата Муранова. Нас это обрадовало, и мы склонны были считать, что Ленин перестал доверять в прежней мере Малиновскому, тем более, что сам Малиновский, видимо, нервничал по этому поводу, — однажды проплакал целую ночь, говорил о сложении полномочий и проч.

После совещания Е[лена] Ф[едоровна] была назначена секретарем большевистской части с.-д. фракции и уехала в Петербург.

Надо к этому прибавить, что самым горячим и, кажется, единственным сторонником раскола с.-д. фракции среди депутатов был Малиновский. До весны 1914 года особых разговоров по поводу подозрений против Малиновского я, кажется, не вел. Помнится только, что в один из своих приездов Малиновский просил меня купить ему револьвер, рассказывал о каком-то фантастическом покушении на него, где-то во время его перехода по полотно железной дороги.

Во время своих приездов за границу Малиновский всегда брал для России большое количество нелегальной литературы, отличаясь в этом от всех своих остальных товарищей депутатов, которые не решались брать очень много такой литературы. По этому поводу в нашей среде говорили о смелости Малиновского.

Припоминаю, что я как-то сообщил Малиновскому новость, вычитанную мною из газет, об уходе директора Департамента полиции Белецкого<sup>22</sup>. Когда я ему это сказал, он весь вздрогнул, но потом овладел собой и стал напевать какую-то песенку.

Когда это было, не помню. Может быть, даже летом 1913 г. Может быть, волнение Малиновского и его разговоры об уходе из Думы были вызваны как раз этим обстоятельством.

Между прочим, относительно выборов в Думу Малиновского он сам мне рассказывал следующее. Чтобы прийти в Думу, он поступил на маленький завод Московской губ. Перед самыми выборами уполномоченных он поссорился с кем-то из администрации завода и был уволен, но каким-то образом уговорил конторщика завода записать его уволенным в отпуск, а не совсем от службы. В результате он был избран уполномоченным. Хозяин, узнав об этом, послал будто бы две телеграммы в соответствующее учреждение в Москву (губернатору?), но никакого ответа не получил.

Когда Малиновский ушел из Думы и в печати начались разговоры о его провокации, Ленин сразу же в «Правде» объявил Малиновского чистым и честным человеком, а всех обвинителей его клеветниками. Здесь Ц. К. (Лениным и Зиновьевым) была назначена комиссия, состоящая из Ленина, Зиновьева и Ганецкого, которая и приступила к допросу свидетелей.

При этом был допущен ряд неправильностей, сделавших эту комиссию совершенно не авторитетной.

1) Ленин и Зиновьев политически и во всей своей деятельности были связаны с Малиновским, поэтому не могли быть судьями в своем собственном деле.

2) Они не могли быть ими тем более, что в этом деле необходимо должен был быть поставлен вопрос, приняты ли были ими все меры для обеспечения интересов партии.

3) Они взяли летом 1913 г. формально на себя ответственность за Малиновского, а, проводя его в Думу и в Ц. К., несли ее по существу, а потому, судя Малиновского, до известной степени судили и самих себя.

4) Ганецкий также был связан с Малиновским, который был опорой для его политики в Польше.

5) Что Ленин и Зиновьев все это чувствовали и сознавали, видно из того, что они запретили свидетелю Бухарину рассказывать кому бы то ни было о составе комиссии.

6) Телеграммы в Петербург с реабилитацией Малиновского, якобы установленной комиссией, посылались тогда, когда комиссия только приступала к допросу свидетелей. Резолюция по делу Малиновского была вынесена комиссией лишь в сентябре—октябре 1914 г. в Швейцарии<sup>23</sup>.

7) Комиссия отказалась допросить меня лично и удовлетворилась моим письменным показанием из Вены.

8) На запросы по поводу всех этих неправильностей, требовавших опровержений и заявлений в печати, члены комиссии все время указывали, что все будет исправлено, и этими обещаниями, к которым мы питали доверие, лишили меня возможности выступить с освещением дела раньше.

9) Допрос свидетелей велся пристрастно.

10) В резолюции многие показания были искажены (Бухарина), а другие совсем оставлены без внимания (Елены Федоровны Розмирович).

11) Несмотря на обилие обвинявших Малиновского данных, комиссия даже не усомнилась в его честности.

Особенно много данных могла указать Елена Федоровна Розмирович, которая была секретарем фракции и в течение нескольких месяцев снимала комнату в квартире Малиновского.

Когда разнесся в начале войны слух о смерти Малиновского, то в органе Ленина «Социал-демократ» № 33<sup>24</sup> была помещена хвалебная статья в честь Малиновского. Статья эта кончалась заявлением: Говорят Малиновский перед смертью написал своим друзьям письмо, в котором он прощал своих клеветников. Это его личное дело,— говорил «С.-Д.»,— но партия не может их простить и должна разоблачить их гнусные приемы политической борьбы.

Война заставила забыть дело Малиновского.

О нем снова напомнил Марков 2-ой своим заявлением в Думе<sup>25</sup>, кажется, в начале 1917 г. или в конце 1916. Я тотчас обратился в редакции зарубежных революционных изданий с письмом, в котором настаивал на расследовании дела Малиновского, но ничего от этого не вышло.

Вскоре после этого я встретился вместе с Дмитрием Александровичем Страховым с бельгийским солдатом, говорящим по-русски, Lambert'ом, который рассказал о деятельности Малиновского в плену. Сначала он рассказывал охотно, а потом стал уклоняться от разговоров, боясь неприятностей для себя.

От него мы узнали, что Малиновский развивал большую деятельность в лагере и пользовался сначала там большой популярностью, но потом у него оказался недочет в деньгах, и он устранен был из всех комитетов.

Затем оказалось, что он доносил немецким офицерам на русских солдат, из-за чего их призывали к столбам. Выяснилось, что он, будучи старшим в бараке, бил солдат, ссылаясь на то, что «мы, социал-демократы, за порядок и дисциплину». Lambert говорил, что там, в лагере, образовалась группа лиц во главе с одним (фамилии не помню) артистом Александровского театра и фотографом из Читы, которая, ничего не зная о существовавших когда-то подозрениях против Малиновского, решила собрать материал о его деятельности в лагере и ознакомить с ним русское общество.

Для характеристики Малиновского могу прибавить, что он из лагеря писал в Лозанну в комитет помощи военнопленным, в котором председательствует Альшванг. В одном из писем он благодарил комитет за присылку нелегальной литературы и просил присылать еще, тогда как этот комитет рассылкой нелегальной литературы не занимался и состоял в большинстве из лиц, которые совсем не были склонны заниматься ей.

## ПОКАЗАНИЯ В. Ф. ПЛЕТНЕВА

10 июня 1917 года

Я познакомился с Романом Вацлавовичем Малиновским осенью или зимой 1909—1910 года в Москве. Он тогда служил в Сокольничьем парке токарем. А я тогда работал в профессиональном союзе текстильщиков. Познакомившись с Малиновским, я получил впечатление, что это — человек деятельный, с большой инициативой, хороший оратор, а в смысле фракционном — он был меньшевик и примыкал к умеренным течениям. И вот в то время было у нас создано совещание в связи с начавшимся тогда профессиональным строительством; совещание имело полупартийный характер. На нем был и Малиновский. После совещания были произведены аресты участников его. Но эти аресты (были арестованы представители портных) были тогда нами объяснены как общими причинами, так и личными связями арестованных. Но подозрения против Малиновского еще не возникло.

Затем летом 1910 года я встретился с Малиновским у него в квартире в Сокольниках. Там была его жена, некий имевший кличку «Кацап» и приехавший член Госуд [арственной] думы Захаров. Здесь в разговоре между прочим Малиновский упоминал, что на днях будет обнаружен ряд провокаторов. Затем из полупонятного разговора Кацапа с Малиновским я понял, что они

собираются в Тулу. После того действительно я узнал, что Малиновский был в Туле, и там были аресты.

С этого времени впервые среди товарищей стали появляться намеки, хотя и легкие, на то, что Малиновский как бы ставится под сомнение, но эти намеки погашались другого рода разговорами о том, что выдвигается кандидатура Малиновского в Госуд[арственную] думу.

Далее были такие события. Осенью 1910 года перед созывом съезда фабричных врачей, предполагавшегося весной 1911 года, — у нас было созвано совещание представителей профес[сиональных] союзов. На квартире, где жили союзы бухгалтеров, золотосеребряников и столов (на 1-й Мещ[анской] улице) было это совещание. Там был и я. Был и Малиновский, как работавший на 1-м съезде фабр[ичных] врачей. На собрание нагрянула полиция, и все 9 представителей были арестованы. Мой товарищ Алексей Григорьевич Козлов тогда при аресте шепнул мне, что Роман (т. е. Малиновский) — провокатор. Под арестом мы пробыли 2—3 суток, причем нам объясняли, будто вменяется нам в вину, что мы подготавливали демонстрацию против смертной казни. С этого момента у нас Малиновский в кругу товарищей был взят под подозрение.

Зимой 1910 года под Новый год мы гуляли в компании товарищей в числе 10—12 человек, в числе которых были я, Михаил Павл. Быков, Вас. Семен. Бронников<sup>26</sup>, Алексей Григ. Козлов (упомянутый выше) и др. и Малиновский. Были в театре Незлобина, потом встречали Новый год у Марьи Ив. Лазаревой на Смоленск[ом] бульваре. Самый факт этого сам по себе не имел никаких последствий, но это пребывание с Малиновским важным оказалось впоследствии, о чем я скажу сейчас.

Весной 1911 года перед съездом фабричных врачей я получил от Малиновского письмо<sup>27</sup>, в котором он просил добыть меня для него мандат от союза текстильщиков, но я ему не мог достать такового, а сам имел мандат. В конце марта или первых числах апреля (а съезд был назначен 14 апреля) мы вчетвером с товарищами (в том числе Быков, Бронников и Козлов) были арестованы на Смоленском бульваре. На съезде, таким образом, мы не могли быть. Однако оказалось, что нас привлекли по 38 ст. Устава о нак[азаниях] и в апреле или мае, когда нас судил мир[овой] судья, мы были оправданы. Когда еще мы были арестованы, то у нас возникла мысль о Малиновском и тогда от других содержащихся там товарищей, кажется, Бухарина, узнали, что перед съездом был арестован и один харьковский делегат<sup>28</sup>, у которого было письмо к товарищу о том, чтобы его познакомили с Малиновским. Мы содержались в Сушевской части. Тут произошло интересное обстоятельство, которое указало на связь нашего ареста с осведомленностью Малиновского. Дело в том, что к Козлову приходил отец его (ныне покойный), который встретился со своим кумом, бывшим кондуктором или контролером ж. д., а потом бывшим агентом Охранного отделения, и этот кум сказал отцу Козлова, — он, по-видимому, узнавши в Охранном отделении, рассказывал это, — о том, как мы проводили канун Нового года, т. е. оказалось известным Охранному отделению наше проведение времени среди тесного кружка товарищей в тот именно день, когда среди нас был Малиновский. Тогда, с того времени мы уже более насторожились, чем раньше, против Малиновского, и у нас возникало подозрение в его провокаторской деятельности.

Затем, апрельский арест повлек за собой предъявленное нам Охранным отделением обвинение в принадлежности к с.-д. партии, и после 4 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> месяцев ареста я был выслан в Вологодскую губ. Там уже, в Вологодской губ., мы слышали, что Малиновский выдвинут кандидатом и прошел в Госуд. думу. Мы следили по газетам за его выступлениями. Первое время я еще был с ним в переписке, даже получил от него 5 рублей, а затем всякая переписка кончилась.

Обсуждая с товарищами вопрос о подозрительной провокаторской деятельности Малиновского мы думали, что нужно бы об этом предупредить товарищей по партии, но находили, что у нас нет все-таки документальных доказательств.

Когда я был в ссылке в Вологодской губ., мы узнали, что за границей собирались сведения о Малиновском в Центр. Комитете. Я слышал от Кржижановского<sup>29</sup>, что приехал из-за границы какой-то товарищ с целью узнать от нас какие-нибудь сведения о Малиновском. Я лично опасался, что сведения или, вернее, подозрения, которые я имел, окажутся, с одной стороны, недостаточными, а с другой — могут быть использованы фракционно. Я сказал тогда Кржижановскому, что если бы была образована Следственная комиссия, тогда я решился бы высказать свои подозрения против Малиновского.

Затем, уже во время войны, или нет до войны, я узнал, что Малиновский сложил полномочия [члена] Госуд. думы. В июне 1914 г. я вернулся из ссылки из Вологод[ской] губ., а в 1915 году в июле был арестован вновь в Петрограде за принадлежность к организации Р.С.Д.Р.П. и был выслан в Сибирь. Наконец, после революционного переворота, когда я вернулся в Петроград в конце марта этого года, я узнал, что Малиновский объявлен провокатором, и о нем собираются сведения. Тогда я решил написать в Чрезвычайную следственную комиссию, что желаю дать показание о Малиновском и указал другого свид[етеля] — своего товарища упомянутого Козлова. Письмо — это самое, которое я послал в Комиссию (предъявлено письмо, присланное при треб[овании] чрезвычай[ной] след[ственной] комиссии от 10 июня п. г. № 20013). Более по делу объяснить ничего не могу. Об обстоятельствах, при которых происходили выборы Малиновского в Госуд. думу, о деятельности Д-та полиции и Охр[анного] отделения в смысле провокации — не могу ничего более показать. Где находится Малиновский, не знаю, но в 1915 году в мае я видел в Петрограде у товарища (фамилии не помню) в больничной кассе «Треугольника» открытку Малиновского, адресованную его жене, из которой было видно, что он жил в Магдебурге, [в] лагере<sup>30</sup> военнопленных.

12 июня 1917 года

На предложенные мне Вами вопросы относительно моего знакомства с Романом Вацлавовичем Малиновским и об обстоятельствах, сопровождавших выборы в IV Государственную думу по рабочей курии в Москве могу объяснить следующее. Впервые я узнал о Малиновском, вероятно, в сентябре 1912 года. Я был выбран от рабочих Пехорской мануфактуры в уполномоченные по избранию выборщиков; Малиновский также попал в число таковых от красочно-аппретурной фабрики Фермана в Ростокине. На этой почве в Москве на собрании уполномоченных и произошло наше с ним знакомство. Узнав, что я, как деятель кооперативов, имею значительное влияние среди рабочих, Малиновский подошел ко мне и сразу заявил мне, что он член Центрального Комитета Р.С.Д.Р.П. Предварительно он лишь осведомился у меня, принадлежу ли я к социал-демократам, и получил утвердительный ответ, сообщил о своем положении в партии, что меня весьма удивило, ибо он меня совсем не знал раньше. Тут же от Малиновского я узнал, что он кандидат в Думу от Ц. К. Я, было, сначала не поверил, а затем получил подтверждение этого заявления Малиновского от присяжных поверенных А. М. Никитина и Д. И. Курского. А не поверил я тогда лично Малиновскому потому, что он произвел на меня впечатление Хлестакова. Во все последующее время выборов Малиновский чрезвычайно энергично хлопотал о том, чтобы пройти в Думу, и в этом отношении особенно ухаживал за мной. Я могу смело сказать, что, если бы не я, никогда Малиновскому не пройти в Государственную думу, а я бы никогда его кандидатуры не поддержал, если бы не знал, что Малиновский — кандидат «Ленина» и вообще Ц. К. 30 сентября состоялись выборы 9 выборщиков. Из общего количества 230 уполномоченных (приблизительно) я получил 175 голосов, Малиновский — 170, остальные — меньше. При этом надлежит отметить, что в числе предполагавшихся кандидатов в выборщики был и член 2-ой Думы Морев<sup>31</sup> от Коломны. Малиновский вел энергичную компанию за то, чтобы не Морев, а кто-либо другой прошел в выборщики от Коломны, он намекал, что у Морева была какая-то история, что его в чем-то подозревали. Должен сказать, что Морев и сам отказался от своей кандидатуры. Решено было проводить в выборщики Безлепкова, которого рекомендовал как деятельного один доктор, и Малиновский поддерживал эту кандидатуру. Нужно еще сказать, что Малиновский давал здесь деньги на приезды в Москву по 2, по 3 рубля (я знаю, что после он отчитывался в израсходование денег перед А. М. Никитиным). Я денег от Малиновского не взял. Безлепкову же он, я видел, дал 10 рублей. Тем временем я написал в редакцию петроградской «Правды» с целью получить подтверждение того обстоятельства, что Малиновский — кандидат ЦК. Однако ответ на мое письмо некий студент, именовавшийся Виктором<sup>32</sup> привез лишь через месяц, когда уже выборы Малиновского в Думу состоялись: кем был подписан этот ответ с уведомлением, что Малиновский действительно кандидат Ц.К., я не помню. Я ни этого письма, ни других относящихся к выборам материалов у себя не сохранил. Подробнейший же отчет — целую историю московских выборов я представил в Краков Ленину.

Но возвращаясь к продолжению своего рассказа об истории московских выборов в IV Думу. Я приезжал тогда в Москву по воскресеньям и каждый раз виделся с Малиновским. Безлепков на эти предварительные собрания не приезжал. Из остальных же на частном совещании я получил, кажется, 3 голоса, Малиновский — 4. Словом, я имел на 1 голос меньше его. Однако я решил поддерживать партийного кандидата и отказался от мысли пройти самому в члены Думы. Это определилось приблизительно в половине октября 1912 года, и потому, я думаю, что Малиновский мог вполне в тот период времени надеяться на успехи при выборах. Его смущало только отсутствие Безлепкова. Последний приехал лишь накануне выборов, т. е. 25 октября. В это время в одной из московских газет появилось сообщение, что Безлепкова на выборах собираются проводить в Думу от рабочей курии правые. Малиновский был вне себя от этого известия, заявлял, что все пропало. Я его успокаивал, говоря, что Безлепков не пойдет против товарищей. Однако оказалось, что Безлепкову самому, видимо, очень хотелось пройти в члены Государственной думы. На предвыборном собрании 25 октября в доме Мазинга<sup>33</sup> произошло настолько бурное наше совещание, что г. Мазинг принужден был прийти к нам с просьбой не так шуметь, ибо на улице все слышно. При этом Малиновский разгорячился до того, что ударил Безлепкова в грудь. После совещания я стал уговаривать Безлепкова не выставлять своей кандидатуры, на что он возразил, что не уверен, действительно ли Малиновский проводится Лениным, или же нет, и что уж очень, по его мнению, Малиновский «лезет в Думу» и не ошибиться бы нам с его избранием. Тогда я уговорил его пойти утром для разрешения всех сомнений к Алексею Максимовичу Никитину, Безлепков на это согласился, и Никитин подтвердил ему решение Центрального Комитета относительно кандидатуры Малиновского. Так было подготовлено прохождение последнего в Думу. Однако правые чуть не перевернули все по-своему. Мы могли рассчитывать провести своего кандидата только голосами Прогрессивного блока, из коего некоторые смущались польским происхождением Малиновского и предпочитали провести русского рабочего; посему были в блоке колеблущиеся. Учтя это, правые стали уговаривать Безлепкова баллотироваться, а мы, напротив, не советовали ему это делать. Безлепков заколебался, но, в конце концов, все-таки отказался выставить свою кандидатуру. Тогда и прошел Малиновский голосами блока относительным большинством (кажется, 37 голосов из 94). Если бы Безлепков стал баллотироваться, то, вероятно, он бы и прошел. Вот история выборов Малиновского, в которой видную роль сыграло желание Ц.К., и вследствие этого поддержка А. М. Никитина и моя. После того Малиновский высказывал мне, однако, сомнение, будут ли утверждены его выборы, так как на заводе Фермана он не

дослужил что-то около двух недель до 6-месячного ценза из-за недоброжелательства мастера завода, который боялся его конкуренции на заводе, ибо Малиновский на вопросы хозяина Фермана объяснял, что он — шляхтич, и что если состоит рабочим на заводе, то это для того, чтобы хорошо изучить дело и быть в состоянии самому сделаться мастером. В конце концов Малиновского обвинили в слишком большом якшании с рабочими, что ему было необходимо для того, чтобы пройти в полномоченные; администрация завода его уволила, но, по словам Малиновского, здесь, в Москве, это дело удалось уладить: какой-то конторщик согласился его зачислить отпущенным в отпуск, а не уволенным, и тогда он не лишился ценза. Малиновский рассказывал, что конторщик тот был уволен, и что хозяин завода писал какой-то протест по поводу выборов Малиновского в полномоченные. Однако в Москве все как-то уладилось и он опасался лишь, как бы не отменили его выборов в Петрограде. О том, чтобы мастер завода Ферман Кривов был когда-либо арестован, я совершенно не знаю. О судимости Малиновского за кражи мне решительно ничего не было известно до газетных о нем разоблачений. Могу сказать, что Малиновский еще в Москве, а затем в особенности в Петрограде жил явно не по средствам. В Москве на мои распросы Малиновский объяснял по этому поводу, что накопил некоторую сумму, заработанную сотрудничеством в газете. Могу еще добавить о нем следующее. Осенью 1912 года, перед отъездом Малиновского в Думу, у прис[яжного] повер[енного] Никитина, Малиновского и у меня возникла мысль устроить в Москве издательство рабочей газеты. Малиновский в организации этого предприятия принимал весьма живое участие. Однако в марте 1913 года в связи с предполагавшимся выпуском «Нашего пути» были арестованы Лобов, Федорков, Алексеев (химик) и Голубев<sup>34</sup> и подвергнуты затем высылке. Лобов, однако, вскоре был возвращен в Москву и сделался активным работником по созданию «Нашего пути», которого и вышло около 16 номеров, после чего 13 сентября газету приостановили. Затем Малиновский принимал участие в петроградской «Правде» и я знаю, что одно время, кажется, уже в 1914 году жена Малиновского (имени ее не знаю, но, кажется, Софья<sup>35</sup>) была даже издательницей этой газеты.

От Малиновского я одновременно из Петрограда получал письма, причем он постоянно требовал, чтобы я ему сообщал подробно все, что делается на местах. Я, однако, избегал об этом писать. Между прочим, Малиновский присылал мне отпечатанные на машинке резолюции партийных совещаний с просьбой их перепечатать и распространять среди товарищей; посылал ли он такие резолюции также и другим лицам, я не знаю. После выхода Малиновского из Думы я узнал от депутата Петровского, что против Малиновского возникали сомнения во фракции относительно провокаторства, но не было никаких доказательств. Во фракции также, по словам Петровского, возникал вопрос о том, что Малиновский живет не по средствам; однако Малиновский уверил товарищей, что жена его получила наследство от родственников. Что касается до думского раскола с.-д. фракции, то после того как он состоялся, Малиновский усиленно настаивал передо мной в письме и, кажется, еще через кого-то, чтобы мы выносили резолюции для поддержки шестерки, что и было вслед затем исполнено.

Малиновский приезжал в Москву в 1912 году перед Рождеством, или на святках, причем, кажется, он приезжал к нам из-за границы, потом перед Пасхой 1913 года, затем после отпуска Думы на каникулы; все время выпуска в свет «Нашего пути» Малиновский был в Москве. Затем в последних числах ноября или начале декабря 1913 года меня вызвал из Павловского посада на дачу на Лосиный остров Алексей Иванович Лобов письмом по важному делу. Там оказался и Малиновский и еще какая-то женщина, работница с Урала<sup>36</sup>, которая ездил на сентябрьское совещание к «Ленину». Малиновский смутился, увидев меня. Поэтому я подумал, что он приезжал в Москву конспиративно. Особенно ничего в этот раз Малиновский мне не рассказывал. Больше я Малиновского не видал. Во время поездок Малиновский в кружках рабочих при фабриках и заводах делал доклады о деятельности в Думе и о заграничных поездках. Малиновский здесь подчеркивал правильность позиции, занятой в IV Думе шестеркой, и всегда просил рабочих выносить соответствующие резолюции. На таком собрании на Климовском заводе было около 600 рабочих и Малиновский перед ними отстаивал большевистские позиции. При этом я, впрочем, не был, но я слышал от тех членов социал-демократической местной организации, которые лично присутствовали на докладе Малиновского.

Какое отношение было Московского охранного отделения к Малиновскому, я не знаю; сам Малиновский еще в период выборов говорил, что за ним всюду следят «шпики»; я хотел посмотреть хоть одного такого «шпики» и поехал для этого с Малиновским на завод Фермана, но никаких «шпики» там не оказалось, что Малиновский объяснял простой случайностью. Я могу сказать, что от жены «Ленина» Надежды Константиновны Крупской (Ульяновой) я получал письма по адресу, который скоро был, однако, обнаружен и мне пришлось получать письма уже из главного почтамта обозначенные «до востребования». Я сам отвечал Крупской шифром, данным мне Малиновским...

*(Продолжение следует)*

#### Примечания

<sup>1</sup> Шер В. В.— социал-демократ с 1905 г., меньшевик-ликвидатор, деятель профсоюзного движения. В 1908—1911 гг. работал в Москве, в 1911—1913 гг. находился в ссылке, затем в эмиграции.  
<sup>2</sup> Слова Малиновского были вымыслом или преувеличением, так как меньшевики считали его нефракционным социал-демократом вплоть до избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу.

<sup>3</sup> «Социал-демократ» — центральный орган РСДРП, издавался с февраля 1908 г. по январь 1917 г. в Париже; с декабря 1911 г. — орган большевиков.

<sup>4</sup> Чиркин В. Г. — рабочий, в революционном движении с 1903 г., социал-демократ с 1905 г., меньшевик. В 1918 г. отошел от меньшевиков, с 1920 г. в РКП(б).

<sup>5</sup> Имеется в виду красильно-аппретурная фабрика В. Фермана в Ростокинском уезде Московской губернии, куда Малиновский поступил работать в феврале — марте 1912 г.

<sup>6</sup> IV съезд Социал-демократии Латышского края проходил в Брюсселе с 13 по 20 января (с 26 января по 2 февраля) 1914 г.

<sup>7</sup> В ЦК РСДРП были кооптированы два депутата: Г. И. Петровский и А. Е. Бадаев.

<sup>8</sup> Дашинский Игнаци — польский политический деятель, в 1892—1919 гг. возглавлял Польскую социал-демократическую партию Галиции и Силезии.

<sup>9</sup> Полетаев Н. Г. — рабочий, социал-демократ с 1904 г., большевик, депутат III Государственной думы от рабочих Петербургской губернии.

<sup>10</sup> Раскол социал-демократической фракции IV Государственной думы произошел в ноябре 1913 г., шесть депутатов-большевиков образовали самостоятельную фракцию — «Российскую социал-демократическую рабочую фракцию» (РСДРФ), председателем ее был избран Малиновский.

<sup>11</sup> Об этих подозрениях сообщил В. И. Ленину Н. И. Бухарин.

<sup>12</sup> Азев Е. Ф. — с 1892 г. секретный сотрудник Департамента полиции, один из организаторов партии эсеров, член ЦК и руководитель ее Боевой организации. Разоблачен в 1908 г.

<sup>13</sup> Начиная со слов «Продолжаю свое показание...», показания В. И. Ленина записаны следователем Н. А. Колоколовым.

<sup>14</sup> Сталин (Джугашвили) И. В. — социал-демократ с 1898 г., большевик; в январе 1912 г. заочно кооптирован в ЦК РСДРП.

<sup>15</sup> В действительности Ленин и Малиновский сначала приехали в Париж, а оттуда направились в Брюссель. На парижском реферате Малиновского Ленин присутствовал.

<sup>16</sup> Трояновский А. А. — социал-демократ с 1904 г., большевик, с 1917 по 1921 г. — меньшевик, с 1923 г. — снова в РКП(б). С 1910 г. — в эмиграции в Вене, член редакции журнала «Просвещение», участник Краковского и Поронинского совещаний ЦК РСДРП с партийными работниками.

<sup>17</sup> Краковское совещание проходило с 26 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. (с 8 по 14 января 1913 г.).

<sup>18</sup> Черномазов М. Е. («Мирон») — социал-демократ, большевик. С мая 1913 г. по февраль 1914 г. — иочий (выпускающий) редактор «Правды». С 1913 г. — секретный сотрудник Петербургского охранного отделения.

<sup>19</sup> Шотман А. В. — рабочий, социал-демократ, с 1899 г., большевик. После Поронинского совещания кооптирован в состав ЦК РСДРП.

<sup>20</sup> 2-й Всероссийский кооперативный съезд проходил в Киеве в июне 1913 г.

<sup>21</sup> «Летним» называлось по соображениям конспирации Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, в действительности проходившее 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 г.

<sup>22</sup> Белецкий С. П. — в 1910—1911 гг. вице-директор, в 1911—1912 гг. исполняющий обязанности директора, в 1912—1914 гг. (до 28 января) директор Департамента полиции.

<sup>23</sup> Заключение комиссии ЦК РСДРП по делу Малиновского, подготовленное в июле 1914 г., предполагалось опубликовать в «Правде», но разгром газеты сделал это невозможным. Краткие сведения о составе, работе и выводах комиссии впервые сообщила газета «Социал-демократ» 31 января 1917 г.

<sup>24</sup> Некролог «Роман Вацлавович Малиновский» был написан В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым и опубликован без подписи в газете «Социал-демократ» 1 ноября 1914 г. (См.: Зиновьев Г. Е. Воспоминания. Малиновский. // Известия ЦК КПСС, 1989. № 6. С. 199—200).

<sup>25</sup> Марков Н. Е. (Марков 2-й) — помещик, депутат III и IV Государственных дум от Курской губернии, один из лидеров правых.

<sup>26</sup> Быков М. П. и Бронников В. С. — рабочие-меньшевики. Бронников работал в московском союзе золотосеребряников и бронзовщиков, в 1906 и 1910 гг. был членом Пресне-Хамовнического районного комитета РСДРП.

<sup>27</sup> В письме В. Ф. Плетневу от 27 марта 1911 г., изъятом у него при обыске, не Малиновский, а И. Скабыш просил повлиять на правление московского союза текстильщиков, чтобы оно представило Малиновскому полномочия делегата 2-го Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей.

<sup>28</sup> Письмо, с которым приехал на съезд делегат харьковского союза портных, было написано Г. М. Беком и адресовано И. А. Пильщикову (см. «История СССР. 1991. № 1. С. 181. Примеч. 7). В письме содержалась просьба распросить Малиновского о высланном в Харьков петербургском рабочем-металлисте Ф. А. Семенове (Булкине). Письмо было отобрано у Пильщикова при обыске.

<sup>29</sup> Кржижановский Г. М. — социал-демократ с 1893 г., большевик, в качестве заведующего трансформаторно-кабельным отделом московской электростанции Общества 1886 года способствовал трудоустройству политически неблагонадежных рабочих.

<sup>30</sup> Лагерь военнопленных, в который попал Малиновский, находился в Альтен-Грабове близ Магдебурга.

<sup>31</sup> Имеется в виду И. П. Марев, рабочий Коломенского завода, социал-демократ, депутат II Государственной думы, уполномоченный от рабочих завода на выборах в IV Думу.

<sup>32</sup> Виктор, по-видимому, Тихомирнов В. А. — социал-демократ, большевик, студент Москов-

ского коммерческого института. В конце 1912 — начале 1913 г. входил в московскую инициативную группу большевиков и в городскую социал-демократическую студенческую организацию.

<sup>33</sup> Мазинг К. К. — педагог, владелец частной гимназии в Москве, член кадетской партии.

<sup>34</sup> Федорков М. Ф. — рабочий, социал-демократ, большевик, выборщик в IV Государственную думу от рабочей курии Московской губернии; И. М. Голубев — рабочий, социал-демократ с 1900 г., большевик, в 1912—1913 гг. член московской инициативной группы большевиков, Алексеев Н. Л. — рабочий. Арестованы 19 марта 1913 г.

<sup>35</sup> Жена Малиновского Стефанида (Стефания) Андреевна в январе — мае 1914 г. являлась официальной издательницей газеты «Путь правды».

<sup>36</sup> Работница с Урала — по-видимому, С. И. Дерябина — участница Поронинского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками.

© 1991 г.

## ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В 1905—1907 ГОДАХ

### Документы и материалы

Процесс формирования многопартийной системы в нашей стране в условиях перестройки стимулировал интерес исследователей и широкой общественности к дооктябрьскому периоду отечественной истории, когда многопартийность в России была живой реальностью. Начиная с первой народной революции 1905—1907 гг. и вплоть до установления однопартийной системы в России возник и действовал конгломерат политических партий и организаций, отражавших интересы и настроения различных классов и социальных слоев многонационального российского общества. Хотя многие из существовавших тогда политических партий получили освещение в исследовательской литературе<sup>1</sup>, некоторые изучены еще далеко не достаточно. Важнейшим условием преодоления сложившейся в историографии ситуации является восстановление начатой в 20-е и прерванной в середине 30-х гг. серии публикаций архивных документов и материалов по истории политических партий России. Осознание необходимости качественных изменений в деле публикации партийных источников привело составителей нижепубликуемых материалов к идее о подготовке для печати документов российских партий либерального лагеря. Первые шаги в осуществлении этого замысла были сделаны журналом «Вопросы истории», недавно приступившим к публикации протоколов заседаний ЦК партии кадетов, левого фланга российского либерализма<sup>2</sup>. В данной публикации вниманию исследователей и широкого читателя предлагаются документы ЦК правого крыла российского либерального лагеря — партии октябристов.

«Союз 17 октября», получивший свое название от царского Манифеста 17 октября 1905 г., был организационно оформлен в ноябре 1905 г. После того, как в результате Всероссийской политической стачки царизм был вынужден пойти на уступки и издать манифест о введении в стране гражданских и политических свобод, о созыве законодательной Думы, умеренно-либерально настроенные слои населения заявили о своей поддержке правительства и стремлении совместно с ним поставить заслон дальнейшему развитию революции. Именно после издания Манифеста 17 октября представители служилого дворянства, «цензовой» интеллигенции, крупной буржуазии и либерально настроенные помещики объединились в партию октябристов. Программа этой партии по своему содержанию представляла собой один из наиболее умеренных и консервативных вариантов либерально-буржуазного решения коренных вопросов российской действительности. В ней нашли выражение и защиту интересы тех слоев крупных помещиков и торгово-промышленной буржуазии, которые ратовали за проведение ряда умеренных реформ, направленных на некоторое усовершенствование и приспособление сложившейся системы общественно-экономических отношений к новым историческим условиям эпохи империализма<sup>3</sup>.

Одновременно с организационным оформлением партии с осени 1905 г. начала складываться сеть местных отделов «Союза 17 октября». Во главе партии находился Центральный комитет, состоявший из двух отделов — Петербургского и Московского. Отделы ЦК возглавляли соответственно крупный землевладелец, директор Общества освещения газом Петербурга, действительный статский советник бар. П. Л. Корф (1837—1913) и крупный землевладелец, действительный статский

советник и камергер, видный общественный деятель Д. Н. Шипов (1851—1920), который до осени 1906 г. одновременно являлся председателем всего ЦК. После того, как в «Союз 17 октября» влились представители других партий и организаций крупной торгово-промышленной буржуазии («Торгово-промышленной партии», «Партии правового порядка» и др.), а ее центральное руководство объявило о поддержке столыпинского правительственного курса, включая военно-полевые суды, из ЦК вышли Д. Н. Шипов, гр. П. А. Гейден, М. А. Стахович и др., возглавившие вновь созданную «Партию мирного обновления». 29 октября 1906 г. председателем ЦК был избран директор правления Московского Учетного-банка и страхового общества «Россия», крупный общественный деятель А. И. Гучков (1862—1936). В мае 1907 г. «двоецентрие» в партии было ликвидировано, и местом пребывания единого Центрального комитета стала Москва.

Ядро ЦК октябристов составляли представители высших слоев интеллигенции и чиновничества, помещики и деятели торгово-промышленного мира кн. Н. С. Волконский, гр. В. В. Гудович, Ф. Е. Енакиев, И. А. Лихачев, К. Э. Линдеман, Ф. М. Плевако, Г. А. Крестовников, бар. А. Л. Кноп, гр. Л. А. Камаровский, Г. Г. Лерхе, Ю. Н. Милютин, гр. Д. А. Олсуфьев, М. В. Родзянко, А. А. Столыпин, П. С. Чистяков, Н. А. Хомяков и др. ЦК «Союза 17 октября», численность которого не была стабильной (в 1905—1907 гг. — 66 человек, в 1908—1914 гг. — 108), вырабатывал стратегию и тактику партии, созывал общепартийные съезды и конференции, контролировал выполнение их решений, руководил партийным строительством на местах, поддерживал тесные связи с думской фракцией.

Подавляющее большинство местных октябристских отделов (227) находилось в столичных, губернских и уездных городах, и только 33 из них функционировали в сельской местности. В ряде высших учебных заведений Петербурга, Москвы, Казани и других университетских городов были созданы немногочисленные октябристские студенческие фракции. В Петербурге, и Москве, в Прибалтике и ряде поволжских и юго-западных губерний возникли немецкие группы октябристов. Кроме того, в 1905—1907 гг. к октябристам на автономных началах присоединились 23 политические организации, близкие им в программно-тактическом отношении. Общая численность «Союза 17 октября» в годы первой российской революции не превышала 80 тыс. членов.

Как и организационная структура партии, в целом довольно рыхлая и аморфная, тактика «Союза 17 октября» была весьма изменчивой, зависимой от политической ситуации в стране. В период высшего подъема революции 1905 г. готовые на сговор с царизмом октябристы одними из первых вступили в переговоры с правительством С. Ю. Витте. В отличие от кадетов, пытавшихся заключить сделку с монархией на основе вполне определенной политической программы, которая предусматривала введение в стране конституционно-парламентского строя, октябристы, по словам В. И. Ленина, понимали под этой сделкой «не ту или иную политическую систему, не парламентаризм, а соглашение нескольких лиц или главарей с придворной камарильей в интересах прямого подчинения правящей буржуазии неповоротливой, тупоумной и азиатски-продажного русского чиновника»<sup>4</sup>. В условиях подъема революции такой сделки либералам заключить не удалось. Тем не менее эти переговоры на деле показали контрреволюционную природу российского либерализма его стремление не допустить развития революционного процесса в стране. В полной мере существо политического курса октябристов проявилось в декабре 1905 г., когда лидеры недавно возникшей партии стали оказывать идеологическую, моральную и материальную помощь правительству в деле подавления революции. Объясняя позднее свое неприятие революционных методов политической борьбы, А. И. Гучков говорил: «Мы представители тех имущих буржуазных классов, которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства и на которые в случае потрясений обрушится первый удар»<sup>5</sup>. О том, что главной задачей своей деятельности они считают борьбу с революцией и левыми партиями, неоднократно указывали в своих изданиях и местные отделы «Союза 17 октября».

Позиция октябристов, занятая ими в период высшего подъема революции, не могла не сказаться на результатах выборов в I Государственную думу. Несмотря на довольно интенсивную предвыборную кампанию, октябристам, выступавшим в блоке с тремя другими крупнобуржуазными партиями, удалось провести в Думу лишь 16 депутатов, которые были избраны главным образом по землевладельческой курии. Будучи малочисленной и не имевшей влияния в Думе группой, октябристы, естественно, не могли активно влиять на выработку и принятие ее решений. Ситуация несколько изменилась после роспуска Думы и прихода к власти П. А. Столыпина. Лидер октябристов А. И. Гучков сразу и безоговорочно высказался за поддержку выдвинутого Столыпиным пакета реформ, а также одобрил введение новым премьером военно-полевых судов. Открытое

письмо А. И. Гучкова кн. Е. Н. Трубецкому от 10 октября 1906 г., в котором он выразил свое полное согласие с политикой Столыпина, явилось принципиально важной вехой в эволюции «Союза 17 октября». Недаром с этого момента современники, имея в виду Манифест 17 октября, стали называть октябристов «партией пропавшей грамоты».

Окровенное восхваление Гучковым столыпинского курса вызвало замешательство даже среди некоторых его коллег по Центральному комитету. Именно тогда и в этой связи из партии вышел Д. Н. Шипов, по мнению которого «скрострельная» военно-полевая юстиция могла лишь еще больше революционизировать и политизировать общество. Однако большинство октябристских лидеров одобрило позицию А. И. Гучкова, который вскоре был единогласно избран председателем ЦК партии.

Междоусобица в верхних «этажах» «Союза 17 октября» усилила дезорганизацию местных отделов партии, свыше 60 которых распались после роспуска I Думы. Постепенно стал меняться и их политический облик. «Ряды октябристов,— писал в своих воспоминаниях кадет В. А. Маклаков,— стали пополняться людьми, к Манифесту равнодушными, осуждающими политику не только Гучкова, но и Столыпина. Они шли в партию не по сочувствию к ее либеральной программе, а потому, что она была более приличной фирмой, чем правые»<sup>6</sup>. В ходе избирательной кампании во II Думу октябристы стали чаще блокироваться с правыми черносотенными партиями и организациями, не без основания усматривавшими в «Союзе 17 октября» партию «государственного порядка»<sup>7</sup>. В результате подобной тактики в новой Думе им удалось обеспечить себе 43 депутатских мандата. Поскольку по всем основным вопросам во II Думе октябристы поддерживали курс премьера, их все чаще и чаще стали называть столыпинской правительственной партией.

\* \* \*

Предлагаемые читателю документы и материалы ЦК партии октябристов являются одним из базовых источников, позволяющих проследить процесс выработки и принятия ими политических решений как бы «изнутри». Содержание публикуемых документов раскрывает не только существо деятельности этой умеренно-либеральной партии, но и освещает широкий круг вопросов политической жизни России начала XX в. Симптоматично, что по своей стилистике и оформлению большинство документов октябристского ЦК напоминают «произведения» российских департаментов и канцелярий. В то же время, судя по сохранившимся документам, внутривнутрипартийное делопроизводство «Союза 17 октября» велось крайне небрежно и нерегулярно. Так, протоколы Петербургского отдела ЦК партии почти за весь первый год его существования (с осени 1905-го до осени 1906 г.) представляют собой, за редким исключением, беглые черновые заметки Ю. Н. Милютина, выполнявшего обязанности секретаря вплоть до своего избрания в середине сентября 1906 г. товарищем председателя ЦК. В дальнейшем, когда секретарями ЦК были бар. В. А. Каульбарс, Н. И. Монахов и А. И. Мазинг, заседания руководящего органа партии протоколировались более или менее регулярно.

Всего в настоящую публикацию вошло около 100 документов, так или иначе связанных с деятельностью октябристского ЦК в годы первой российской революции. Это — постановления и протоколы заседаний ЦК собственно и его совместных заседаний с представителями столичных участков и местных комитетов партии, членами комиссий Комитета, депутатами Думы и членами Государственного совета. Примерно половина этих документов представляют собой автографы в основном секретарей ЦК, треть полностью или частично отпечатана на пишущей машинке. При наличии нескольких вариантов протокольной записи одного и того же заседания ЦК публикуется наиболее полный вариант, а разночтения приводятся в примечаниях. Неавторизованные беловые копии протоколов и постановлений ЦК (чаще машинописные) атрибутированы. Воспроизводимые в тексте зачеркнутые места даются в угловых скобках. Неразборчиво написанное слово обозначено \*, два и более слов — \*\*.

Кроме протоколов ЦК «Союза 17 октября» в публикацию включены: журнал первого и стенографический отчет второго общего собрания членов «Союза 17 октября» в Петербурге (соответственно 4 декабря 1905 и 29 января 1906 г.), протоколы двух майских (14 и 19) 1907 г. совещаний ЦК с членами партии в Петербурге, а также запись беседы членов Московского ЦК с руководителями кадетской партии (Ф. Ф. Кокошкиным, В. А. Маклаковым и др.), состоявшейся в Москве 20 ноября 1906 г.

Лишь в сравнительно небольшом количестве случаев за неимением подлинных протоколов засе-

даний ЦК составители были вынуждены обращаться к октябристским газетам, изредка помещавшим отчеты о таких заседаниях. В основном же настоящая публикация выполнена на базе подлинных документов, отложившихся в фондах ЦГИА СССР в Ленинграде (ф. 869) и ЦГАОР СССР (ф. 115). В первом из них сосредоточены документы семьи Милютиных, один из членов которой, Юрий Николаевич, как указывалось, являлся секретарем Петербургского отдела ЦК «Союза» в 1905—1906 гг. Основная часть документов нынешнего фонда «Союза 17 октября» в ЦГАОР СССР (ф. 115), включая нижепубликуемые материалы, была перевезена в Москву в 1930 г. из Ленинграда в связи с так называемым «делом С. Ф. Платонова». В своем теперешнем виде фонд в основном сложился лишь к середине 70-х гг. Материалы фонда были переданы из Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне ЦГАДА), где они первоначально хранились, в ЦГАОР СССР и заново описаны.

За исключением протокола соединенного заседания Петербургского и Московского отделов ЦК «Союза» 8—9 января 1906 г., стенограммы второго общего собрания членов партии 29 января 1906 г., опубликованные в 1929 г. В. Рейхардом<sup>8</sup>, и единичных газетных отчетов о заседаниях ЦК, все остальные материалы публикуются впервые.

Публикация подготовлена доктором исторических наук В. В. Шелохаевым и кандидатом исторических наук Д. Б. Павловым.

## Примечания

<sup>1</sup> Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984; Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989 и др.

<sup>2</sup> См.: Вопросы истории. 1990. № 2, 5, 6, 9, 12.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 51—71.

<sup>4</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 14. С. 25.

<sup>5</sup> ЦГАОР СССР. ф. 555 (А. И. Гучков), оп. 1, д. 505, л. 19.

<sup>6</sup> Макаков В. А. Вторая Государственная дума: Воспоминания современника. Париж, 1942. С. 53.

<sup>7</sup> Труды II съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1907. С. 33.

<sup>8</sup> См.: Красный архив. 1929. Т. 4(35); Т. 5(36).

## № 1. [Протокол заседания ЦК] 4. XI.05 [г.]

[Присутствовали:] Красовский Мих. Вас.<sup>1</sup>, Тизенгаузен гр.<sup>2</sup>, Неклюдов<sup>3</sup>, Люстих<sup>4</sup> (пришел позже), Притвиц<sup>5</sup>, Крючков<sup>6</sup>, Лихачев Ив. Ал.<sup>7</sup>, Лерхе<sup>8</sup>, Марков<sup>9</sup>, Корф б[арон] П. Л., Тарасов<sup>10</sup>, Брафман Алдр Як.<sup>11</sup>, Гучков А. И., Стахович М. А.<sup>12</sup>, Перцов Н. Н.<sup>13</sup>, Шипов Д. Н., Беляев<sup>14</sup>, Триполитов<sup>15</sup>, Енакиев Фед. Григ.<sup>16</sup>, Столыпин<sup>17</sup>, Милютин<sup>18</sup>, Гудович<sup>19\*</sup>. Председательствует Красовский. Гудович вернулся\*\*. Секретарствуют: Брафман, Стол[ыпин] и я.

Гучков читает воззвание<sup>20</sup>. После введения, вопрос[ов], обсуждаем по отделам или\*.  
Неклюдов о слове\*. Воззвание м[ожет] б[ыть] исправлено ред[акционной] комиссией.

П. 1. Корф против «культурного самбопределения». Споры.

По 2. п. Много споров. Решено о всеобщей употребить выражение Манифеста. Оно\*\* крепкая власть.

П. 3. Мил[ютин], Трип[олитов], Столы[пин] и др. Решено: про все правда.

П. 4. От\* заголовка\* Учр[едительное] собр[ание], в мотивах развить.

Об отдельных вопросах\*\*. Отложить на завтра в 10 ч. \*\*21

*ЦГИА СССР. ф. 869 (Милютины), оп. 1, д. 1287, л. 3—3 об.*

## № 2. Журнал заседания СПб. Центрального Комитета Союза 17 октября.

21 ноября 1905 г.

Председательствовал — барон П. Л. Корф. Присутствовали: А. Я. Брафман (только в конце заседания), гр. В. В. Гудович, Ф. Е. Енакиев, М. В. Красовский, Г. Г. Лерхе, Ю. Н. Милютин, А. Н. Никитин<sup>22</sup>, Н. Н. Перцов и Н. А. Тарасов.

Постановлено: 1) Под печатающимся воззванием поставить имена и адреса всех членов Центрального Комитета, слева председателя, потом членов по алфавиту, потом кандидатов по алфавиту; В. О. Люстиха согласно его решительному заявлению считать отказавшимся от участия в Комитете и имени его в числе членов Комитетов не помещать.

2) Напечатать пока 10 тысяч экземпляров воззваний, но набор оставить, не разбирая, чтобы можно было напечатать еще как можно быстрее. Печатать в той же губернской типографии. Следить за этим поручить Г. Г. Лерхе.

3) Местом пребывания канцелярии Комитета оставить контору газеты «Слово».

4) На первоначальные расходы по канцелярии разрешить Ю. Н. Милютину, как секретарю, брать средства из собранных по подписке денег в размере надобности до 500 рублей.

5) Ему же поручить заказать каучуковую печать и квитанционные книги.

6) Приглашительные письма на предварительное совещание с представителями других партий поручить разослать бар. П. Л. Корфу за своею подписью.

7) Следующее заседание назначить в четверг 24 ноября в 3 1/2 часа в Депутатском собрании.

8) Составить алфавитный список всем лицам, примкнувшим к Союзу, по карточной системе.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1284, л. 3<sup>23</sup>.*

### **№ 3. СПб. ЦК. 24 ноября 05 [года] <sup>24</sup>.**

[Присутствовали:] [председатель] Корф. Члены: Гудович (ух[одит] до конца), Енакиев, Тарасов, Милютин, Перцов, Лерхе, Красовский. Кандидаты: Лихачев (уходит рано), Столыпин.

Заслушано письмо А. А. Ильина <sup>25</sup>, коим он отказывается от участия в Комитете до января. Принять к сведению: не исключать из списка. Прочтен и утвержден журнал <sup>26</sup>.

А. А. Тарасов <sup>27</sup> докладывает, что им заказано много воззваний на свой счет. Массовая рассылка воззваний — Слово и Нов[ое] вр[емя] бесплатно в приложении. Просить и немецкие газеты, Рассвет, Пб. Вед[омости]. Просить \*\* не надо. Отпечатать 200 тыс. экз. Новый адрес \* в Пол[итическом] Клубе <sup>28</sup>. Напечатать ее частями \*\*.

О провинции. Краткие воззрения: Чайная (Красовский), (Гуд[ович]). Предво[дители] и предс[едатели] управ. Также с Неклюдовым пока отклонить. Желательна рассылка по губ[ерниям] и уездам. Установить телефонное сообщение с Москвой. Скорее проект Шипова. Узнать, кому писали москвичи. Знакомых просить везде. Лерхе предлож[ил] проект Врем. Ком[итета] распростра[нить] воззвание пр[отив] отделения <sup>29</sup>. Разрешено. Кр[асовский] говор[ит], что будет собрание банкиров, куда приглашают его и барона [Корфа]. Корфу и мне разрешить рассылать кому \* надежные справки.

Читается брошюра Волконского <sup>30</sup>. Решено издать с подписью «издание Союза 17 октября». Поручается Перцову. 200 тыс. экз.

Купит машину и множительн[ый] аппарат.

О завтр[ашнем] конгрессе <sup>31</sup>. Студентов, приглашенных Тизенгаузеном, не пускать, о чем предупредить графа, чтоб он им сообщил. Поручить это Красовскому. Вообще допускать только с полномочиями. Прочих всех вон.

Мы оставляем самостоятельность всем союзным партиям. Предлагаем союзные действия на выборах. Енакиев предлагает всем им сделать одинаковое заявление Витте, что ждать нельзя. Тарасов [говорит], что со всеми сразу нельзя сговариваться.

Минимальная программа: важность 17 октября и скорейший созыв Думы. Все остальное второстепенно.

Завтра собраться в 2 часа.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 2—2 об.*

### **№ 4. [Протокол заседания] ЦК. 2 декабря 1905 г.**

[Присутствовали:] Корф, Перцов, Енакиев, Красовск[ий], Брафман, Милютин, Тарасов, Гудович, Никитин, Столыпин, Волконск[ий].

Заслушана речь государя <sup>32</sup>. Постановлено напечатать ее вместе с Манифестом 17.X. для раздачи народу. 100 тыс. \*\* Продавать по 1 к[оп] на улицах \*\*, раздать чл[енам] партии пр[авово]

го] пор [ядка], ДСК<sup>33</sup>, фабр. инспекторов, союзных партий. Доклад Ю. М [илютин] о засед [ании] 1 дек.<sup>34</sup> Утверждено с поправками.

Гуд [ович] говори [т], что в Ливнах устроено отделение [Союза 17 октября]. Входит граф А. А. Мусин-Пушкин<sup>35</sup> из Минска. Берется устроить в Минске местн [ый] коми [тет] вместе с Шаманским \*, им обоим. Он же предлагает квартиру — Загородный [проспект], 68, даром.

Об общ [ем] собр [ании]<sup>36</sup>. Впускать или по повесткам или по листкам удостоверени [ям] членов Комитета. Листы для записи имен и адресов. Численность обеспечена. Комитет за столом. 15 моск. Вступительная аллюция<sup>37</sup> Корфа, речь Красовского, деловая речь Милютин \*\*.

Входит Ник. Степ. Авдеев из Харькова (Европ [ейская] г. [остинница]). Об устр [ойстве] местного отделения.

Прод [олжение] об общ. собр. Пригласить и запис [ать] на местах желающих работать. Письмо Шипова раздавать при входе с возван [ием]. Корф объяснит, что мы не самозванцы \*\*. О прак [ических] дела [х] говорить Ю. М [илютину]. Будет чайная комната (платная) \*\*.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 6—6 об.*

### **№ 5. Журнал первого общего собрания Союза 17 октября. 4 декабря 1905 г.**

На собрание прибыли члены С.-Петербургского Центрального Комитета и около 500 членов Союза 17 октября. Председ [атель] Центрального Комитета объявил собрание открытым и предложил избрать председателя. Собрание избрало председателем бар [она] П. Л. Корфа.

Председатель бар. Корф доложил собранию краткую историю возникновения Союза и Центрального Комитета, состав которого позволяет себе оставаться в занимаемых ими должностях до конца декабря впредь до следующего общего собрания, когда сочтет своим долгом сложить свои полномочия. Казначейми избраны: гг. Нобель<sup>38</sup> и Лерхе; секретарем Ю. Н. Милютин. Деятельность Комитета выразилась в разработке Воззвания, издании нескольких брошюр, организации провинциальных отделений и в работе по объединению деятельности всех умеренных партий в одном Соединенном Комитете Конституционных партий. Предпринимается издание газеты для народа<sup>39</sup>.

Н. Ю. Милютин<sup>40</sup> — доложил об открытых пока отделениях в Нарве, Ямбурге, Рыбинске, Вильне, Ливнах и др. Отделения открываются постепенно, одно за другим, подать сведения о их количестве и организации невозможно, так как деятельность Союза в этом направлении только что открылась.

Г. Величко<sup>41</sup>, председатель Рыбинского Отделения, указал на то, что в провинции наибольшей популярностью пользуются две партии: Партия правового порядка и Союз 17 октября. Но в программе последнего определенно проведен принцип сохранения монархического строя, а так как Россия с ее стомиллионным крестьянским населением не допускает мысли об уничтожении монархии, то Союз 17 октября находит большее число приверженцев. Необходима усиленная пропаганда здравых идей в темной массе населения, где до сих пор действовали одни социалисты; они ошибаются, думая, что привлекают к себе население; они его только возмущают, разжигая дикие инстинкты и толкая на грабежи и восстание. Народ подымется, пойдет к своему царю, но это движение грозит уничтожить нашу культуру; мы должны всеми силами бороться с этим движением, бороться с его виновниками революционерами.

Представители местных комитетов кн. [М. В.] Оболенский<sup>42</sup> — Ямбургского; бар. Тизенгаузен<sup>43</sup> — Нарвского; Поливанов — Новгородского Валдайского у [езда]; Шереметев<sup>44</sup> — Ливенского — подтвердили слова г. Величко и доложили о присоединении к Союзу целого ряда земств, городских дум и др [угих] учреждений и лиц.

М. В. Красовский формулирует задачи, преследуемые Союзом, указывает на бедственное положение России и на разрушительный характер стремлений крайних партий, радующихся разгрому России:

Враги соединились в мощную организацию; задача их разрушать. Они надеются, что из разрушенного возникнет нечто новое и прекрасное. Это — утопия. Необходимо и нам организовать могущественную организацию, которая объединила бы все солидные элементы общества, всех понимающих цену культуре. Мы все должны сплотиться против революции, потому что она надвигается. До сих пор, видя беспорядок в правящих сферах, мы косвенным образом поддерживали отрицательное отношение к ним крайних партий своим молчанием; но тепень наступило время дать отпор революционному движению, и партия 17 октября решила вступить в союз с остальными уме-

ренными партиями. Нам должны оказать поддержку все, кому дороги судьбы нашего Отечества. Безразличие в политических убеждениях в настоящее время есть государственное преступление. Переживаемый момент слишком важен. Революционные партии превосходят нас тем, что в их рядах много молодежи, увлекающейся утопиями, но способной к самоотверженной деятельности, к самопожертвованию; мы большей частью люди зрелых лет. Чтобы привлечь на свою сторону, нам надо воздействовать на массы путем печати. Необходима также широкая материальная помощь.

Ю. Н. Милютин, приглашая всех членов к деятельности, указывает на то, что надо делать: во-первых, высказывать громко и безбоязненно свои убеждения и привлекать новых сторонников; во-вторых, необходимо бойкотировать революционные издания, не покупать их ради праздного любопытства, т[ак] к[ак] каждый пятак идет на дело революции; в-третьих, нужно оказывать посильную материальную поддержку Союзу, и в-четвертых, нужна практическая деятельность, нужны люди; у кого какие способности, тот в этом направлении и должен работать. Лица, желающие иметь воззвания, издаваемые Союзом, лица, желающие пропагандировать на митингах, должны сообщить свои фамилии и адреса. Нам надо выработать ораторов; мы ими беднее, чем революционные партии, но достигнуть успехов в этом отношении не так трудно; необходимы только решимость и сознание своего долга, и способность свободно говорить публично скоро разовьется.

Желающие работать по издательству, по распространению брошюр и воззваний и, наконец, те, кто пожелал бы оказать поддержку Союзу в издании дешевой народной газеты также должны обращаться к Союзу. В заключение предложил всем, желающим отозваться на призыв к деятельности, записаться на особых листах при выходе из собрания.

Г. Шереметев — указывает на тяжелое положение, в котором находится деревня, где закон в глазах населения потерял всякую силу; целый ряд преступлений: поджогов, грабёжей, насилий, революционной пропаганды с призывом к вооруженному восстанию, издевательство печати над религиозным и национальным чувством народа — остаются безнаказанными. Народ не знает, что законно, что нет; что дозволено, что запрещено; полный сумбур господствует в умах и совести крестьянского населения. Главная вина в этом падает на правительство, действия представителей которого разрозненны, противоречивы, неопределенны, непонятны, слабы. Следует обратиться к нему с указанием на наше опасное положение и требовать защиты со стороны закона и законной власти; только при этом условии станет возможна наша деятельность.

Г. Чистяков<sup>45</sup> надвигающаяся революция грозит нам всем; она грозит будущности наших детей; мы должны воспрепятствовать ей, поэтому нам нужна сила; мы должны быть сильными; а сила — в единении; нам нужна организация. Нам нечего оперировать над теми фракциями народа, которыми уже завладел красный флаг; они не так многочисленны. У нас найдется достаточно сторонников и в городах, и среди крестьян. Но мы должны идти навстречу городскому населению и крестьянской массе, а для этого нужна твердая экономическая программа. Нужен суровый прогрессивный налог, нужно решить квартирный и многие другие вопросы. В аграрном вопросе тоже лучше примириться на известном соглашении, чем идти к взаимному истреблению. Нужны местные комиссии с большим представительством от крестьян, и пусть эти комиссии и выработают соглашение. Мы должны быть не только партией 17-го числа, но и партией народной.

Г. Коваленский<sup>46</sup> предлагает здесь же произвести сбор в фонд Союза и указывает на прием государем депутатов от московских хоругвеносцев и от союза землевладельцев. «Нам известен ответ этим представителям революционных элементов с другой стороны». Этот акт обнаруживает столько любви к России, что нельзя нашему собранию обойти его молчанием. Спасти Россию может только единение общества с царем. В Царском Селе при дворе существуют различные течения, но государь сумел стать выше их.

М. В. Красовский — также подтверждает радостное чувство, охватившее всех после слов государя; это великий исторический акт, который мы должны приветствовать и провозгласить «ура!» нашему государю.

Собрание покрывает слова г. Красовского громовым, неоднократно повторяемым криком «ура!» и, стоя, принимает предложение г. Председателя о посылке государю императору телеграммы.

Н. И. Гучков<sup>47</sup>. Вчера я присутствовал на первом общем собрании членов Союза 17 октября в Москве<sup>48</sup>; сегодня я присутствую на таком же собрании в Петербурге. Я счастлив видеть собрание, одушевленное теми же высокими патриотическими чувствами, счастлив приветствовать единомышленников и выражаю пожелание, чтобы это единение распространилось на всю Россию.

Затем говорят несколько молодых ораторов (гг. Демчинский<sup>49</sup>, Грюнвальд<sup>50</sup> и др.) о практической деятельности Союза, главным образом о словесной пропаганде на митингах, собраниях и т. под., и предлагают себя и своих товарищей в распоряжение Центрального Комитета.

А. Я. Брафман в горячей речи призывает присутствующих и всех любящих свою родину к бодрости духа, к служению высоким идеалам и началам гражданственности. Нечего бояться ни реакции, ни анархии. Одни трусы бегут за границу. Наше дело — оставаться здесь на месте и всеми силами нашего духа работать на спасение России.

В заключение собрание единогласно приняло две резолюции, выработанные Центральным Комитетом:

1. Послать государю императору телеграмму: «Царское Село. Его императорскому величеству. Первое С.Петербургское общее собрание Союза 17 октября повергает перед Вами, государь, свои чувства благодарной радости по поводу знаменательных слов Вашего императорского величества представлявшимся 1 декабря и полной грудью провозглашает ура конституционному царю свободного народа».

2. Передать Председателю Совета министров гр. С. Ю. Витте следующее постановление собрания: «Первое С. Петербургское общее собрание Союза 17 октября постановляет: выразить полную готовность всеми своими силами содействовать правительству, твердо проводящему в жизнь начала Манифеста 17-го октября».

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1286, л. 20—26.*

#### **№ 6. ЦК 14 дек[абря 1905 г.]**

[Присутствовали:] Корф, Красовск [ий], Перцов, Енакиев, Никитин, Тарасов, Брафман, Милютин, Столыпин, Лихачев, Крючков, Трубников<sup>51</sup>, Бильдерлинг<sup>52</sup>, Попов<sup>53</sup>.

1) Предложение Милютина и Енакиева<sup>54</sup>. Предложение Милютина отклонено. Постановлено постановить резолюцию, что ЦК берет на себя не исполнять поручения общ. собр. о доверии [правительству] в виду последних действий правительства, вызывающих общественное [недовольство] (предложение Столыпина)<sup>55</sup>.

Красовский — предлагает другую редакцию письма. Принято это.

2) Для одобрения срочных воззваний избрать комиссию из Столыпина, Перцова и Милютина.

3) Прочитано письмо г-жи Гембиц.

4) Прочитано письмо бар [она] Штейгера<sup>56</sup> и Воронова<sup>57</sup>.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 7.*

#### **№ 7. ЦК 18 декабря [1905 г.]**

[Присутствовали:] Корф председ [атель], Тарасов, Брафман, Гудович, Милютин, Лерхе, Енакиев, Перцов, Никитин, Гейден<sup>58</sup>, Лихачев, Столыпин, Бильдерлинг, Пушкин<sup>59</sup>, Волконский, Оболенский<sup>60</sup>, Трубников, Рейнбот<sup>61</sup>.

1) Доложены разные письма и т. п.

2) Казн [ачей] доложи [л] справку о денеж [ных] сумм [ах]. Всего собрано 12685 [руб.] 35 [коп.]. [Остаток] 11809 [руб.] 73 [коп.]. Имеются \* на 1227 [руб.] 40 [коп.]. Свободн [ый] остаток 10582 [руб.] 33 [коп.].

3) Предс [едатель] доложил ответ Витте. Спрашиваем: печатать ли? Решено: нет.

Перцов о речи Витте в Сов [ете] Мин [истров] и вообще его окаянн. Енакиев подтверждает.

4) Корф докладывает св [ой] разговор с Дедюлиным<sup>62\*\*</sup>. Кому можно и кому нельзя собираться, и предлагает нам явиться к начальству с просьбою, чтоб нам позволили. Гр. Гейден возражает против преферанса. Столып [ин] — тоже. Никитин — тоже. Лерхе — тоже. Енакиев — надо требовать улучшения закон [а] 12 окт [ября]<sup>63</sup>. Милютин — то же. Многие говорят в том же смысле; те же. Брафман, Никитин.

Написать постановление протеста в виде ходатайства государю, которое [составит] Брафман<sup>64</sup>; и напечатать. 1. Выборной редакционной комиссией: Милютин, Столыпин, Перцов собраться во вторник в 4 часа.

5) Доклад Оболенского; о программе его команды. Никитин, Милютин, Енакиев, Столыпин, Лерхе, Никитин, Корф, Рейнбот, Оболенский, Гейден, Бильдерлинг, Рейнбот, Корф, Енакиев, Перцов, Милютин, Гудович, Тарасов, Перцов, Гейден<sup>65</sup>.

Поручить Брафману надзор за программой пропаганды. Просить Рейнбота присутствовать. Благодарить Оболенского и 10 ораторов. Столыпин предлагает безымянное воззвание к рабочим. Рейнбот, Пушкин \*\*.

- 6) Трубников об изданиях. Разрешено рассылать даром \* до 100 экз. Когда нужно и больше.
- 7) Ред [акционной] комис[сии] открыть кредит на издание до 3000 р.
- 8) Пушкин о местн[ых] отд[елениях]. Корф, Перцов и др.
- 9) Разрешить [нанять] секретаря на 100 р. в месяц. Квартиру искать, ибо Клуб невыгоден <sup>66</sup>. След [ующий раз собраться] во вторник [в] 4 часа.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 10—10 об.*

#### **№ 8. ЦК 26. XII.05**

[Присутствовали:] Корф, Красовский, Никитин, Лерхе, Енакиев, Брафман, Перцов, Милютин, Гудович, Тарасов, Лихачев, Столыпин, Волконский.

Одобрены рекомендации Корфа, доложено письмо Шипова и ответ. Тел[еграмма] Корфа. Идти в 6 час. к Витте. Завтра ЦК в 3 часа.

Корф уходит в 4 1/2 ч. Красовс[кий] председательствует. Красовский читает какой-то проект организации предвыборной агитации.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 12.*

#### **№ 9. ЦК 27. XII.05**

[Присутствовали:] Красовский, Лерхе, Енакиев, Брафман, Тарасов, Никитин, Милютин, Перцов, Корф (приходит под конец), Лихачев, Столыпин, Волконс[кий].

- 1) О подписке «Маленькой газеты». Доложено письмо Ячевского <sup>67</sup>. Разрешить.
- 2) Доложены телеграммы из Одессы, Каргополя и Твери <sup>68</sup>. Поручено ответить.
- 3) Печатать ли [отчет] о приеме у Витте? (переходит на прения о том, надо ли нам проводить в Думу рабочих в тех местах, где их много. Решено: да, если они наших убеждений). Намечены пункты, о чем сообщать и о чем нет для печати о свидании с Витте. Редакция поручена Перцову <sup>69</sup>.
- 4) Петицию с подписями <sup>70</sup> отложить в Архив по крайней мере до общего собрания с москвичами.
- 5) Доклад Волконского о соединении Комитета с его \* обратиться к правительству.
- 6) < Ввиду нового обстоятельства отказаться от участия в обращении к правительству от имени Соединенного Комитета >. Обращение С [оединенного] К [омитета] отложить ввиду новых обстоятельств по крайней мере до нашего заседания с москвичами:
- 7) Доложено о состоявшемся собрании Пб. \* Союза.
- 8) Доложена просьба г. Рабиновича о субсидии ему на издание в Ревеле газеты — 1500 р.— отказать.

*ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 13—13 об.*

#### **№ 10. [Газетный отчет о заседании ЦК 6 января 1906 г.]**

6-го января в помещении Клуба общественных деятелей состоялось заседание С.-Петербургского Центрального Комитета Союза 17 октября. На одном из предшествовавших заседаний Союза и объединившихся с ним конституционно-монархических партий Демократическим союзом конституционалистов было предложено ввиду того, что в настоящее время многие фабрики закрыты и тысячи рабочих лишены заработка и обречены на голодовку, открыть вблизи одного из заводов бесплатную столовую. Эта мысль была поддержана представителем Партии правового порядка и между присутствовавшими был произведен сбор. На собранные деньги открыта столовая вблизи Семяниновского завода за Невской заставой.

Положение рабочих по Шлиссельбургскому тракту, по сведениям, собранным г. Енакиевым, чрезвычайно тяжело. Благодаря забастовкам множество рабочих остались без всякой поддержки и потому крайне озлоблены против революционеров. Дела по ведению пропаганды среди рабочих были поручены Партии правового порядка и Демократическому союзу конституционалистов. Настоящий момент, по мнению г. Енакиева, представляется весьма благоприятным для воздействия

на рабочих и для привлечения их в свои ряды. Союз 17-го октября должен помочь деятельности этих партий и ассигновать необходимые суммы.

Мысль о поддержке открывшейся столовой встречает сочувствие, но возникают и принципиальные затруднения. Поддержка забастовщиков не является ли нарушением программы партии? Не будет ли это отдалять тот момент, когда рабочие, наконец, образуются и приступят к работе?

Чтобы избежать этого, решено оказать лишь единовременную поддержку столовой, достаточную для того, чтобы она могла функционировать до открытия заводов, которое должно состояться в непродолжительном времени.

В этот же день вечером многие из членов Центрального Комитета Союза выехали в Москву на общий совет партии 17-го октября.

*«Слово». 1906. 7(20) янв.*

*(Продолжение следует)*

## Примечания

<sup>1</sup> Красовский М. В. (1851—1911) — тайный советник (тс) в отставке, председатель Петербургской городской думы, крупный землевладелец.

<sup>2</sup> Тизенгаузен В. А. — граф, тс, сенатор, председатель «Конституционно-монархического правого союза», примкнувшего к «Союзу 17 октября».

<sup>3</sup> Неклюдов С. М. — потомственный дворянин, земле- и домовладелец.

<sup>4</sup> Люстих В. О. (р. 1836) — присяжный поверенный, юрисконсульт Уральско-Волжского металлургического общества.

<sup>5</sup> Притвиц А. И. — барон, секретарь петербургского дворянства.

<sup>6</sup> Крючков И. С. — 1-й гильдии купец, коммерции советник, председатель Петербургской купеческой управы, крупный домовладелец.

<sup>7</sup> Лихачев И. А. (р. 1861) — инженер путей сообщения, статский советник (сс), директор, председатель и член правления Донецкого металлургического общества штампов, Общества московских электромеханических и машиностроительных заводов, Общества екатеринославских железодельных и сталелитейных заводов, Московской конно-железной дороги, Казанской и Курской городских железных дорог, Общества финляндского пароходства; публицист.

<sup>8</sup> Лерхе Г. Г. (р. 1868) — сс, старший инспектор Государственного банка, директор Русско-Персидского горнопромышленного общества, председатель правления общества Либавских железодельных и сталелитейных заводов, домовладелец.

<sup>9</sup> Марков В. П. (р. 1837) — действительный статский советник (дсс), председатель Петербургской губернской земской управы.

<sup>10</sup> Тарасов Н. А. — инженер путей сообщения, сс, председатель Петербургского городского кредитного общества, домовладелец.

<sup>11</sup> Брафман А. Я. (р. 1856) — потомственный дворянин, присяжный поверенный, председатель Наблюдательного комитета Петербургского городского кредитного общества, домовладелец.

<sup>12</sup> Стахович М. А. (1861—1923) — дсс, камергер, в 1896—1907 — Орловский губернский предводитель дворянства крупный землевладелец, видный земский деятель.

<sup>13</sup> Перцов Н. Н. (р. 1855) — инженер путей сообщения, сс, редактор-издатель газеты «Слово».

<sup>14</sup> Беляев С. П. (р. 1847) — потомственный почетный гражданин, член Совета Государственного банка, председатель правления товарищества «П. Беляева наследники», крупный домовладелец.

<sup>15</sup> Триполитов М. Н. (р. 1854) — инженер-технолог, товарищ председателя Общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, председатель Петербургского ЦК «Прогрессивно-экономической партии».

<sup>16</sup> Енакиев Ф. Е. — инженер путей сообщения, сс, директор и член правления Компании петербургских металлургических заводов, Русско-Персидского горнопромышленного общества, Русско-Бельгийского металлургического общества.

<sup>17</sup> Столыпин А. А. — публицист, сотрудник газеты «Новое время»; брат П. А. Столыпина.

<sup>18</sup> Милютин Ю. Н. (1856—1913) — потомственный дворянин, сын тс, товарища министра внутренних дел, активного деятеля реформ 60-х гг. XIX в. Н. А. Милютина; журналист и общественный деятель.

<sup>19</sup> Гудович В. В. — граф, шталмейстер, в 1904—1908 предводитель дворянства Петербургской губернии, крупный земле- и домовладелец.

<sup>20</sup> Имеется в виду программное воззвание «Союза 17 октября», опубликованное в середине ноября 1905 г. в Москве.

<sup>21</sup> Записи протокола заседания ЦК от 5 ноября 1905 г. не обнаружено.

<sup>22</sup> Никитин А. Н. (р. 1849) — сс, директор 1-го Петербургского общества взаимного кредита, один из старейших гласных Петербургской городской думы (с 1879 г.).

<sup>23</sup> Машинописная копия протокола хранится в ЦГАОП СССР, ф. 555 (А. И. Гучков), оп. 1, д. 1484, л. 1—3.

<sup>24</sup> Оригинал протокола ошибочно датирован 24 октября 1905 г.

<sup>25</sup> Ильин А. А. (р. 1857) — дсс, член Совета Государственного банка, владелец крупнейшего в России картографического «заведения», домовладелец. Его упомянутое письмо на имя П. Л. Корфа хранится в фонде «Союза 17 октября» в ЦГАОР СССР (ф. 115, оп. 1, д. 13, л. 146—146 об.).

<sup>26</sup> Имеется в виду журнал предыдущего заседания ЦК.

<sup>27</sup> Тарасов А. А. — потомственный почетный гражданин, член правления императорского Общества рыбоводства и рыболовства, домовладелец, председатель Петербургского ЦК «Партии правового порядка»; брат Н. А. Тарасова.

<sup>28</sup> Петербургский политический клуб, или Петербургский клуб общественных деятелей (1905—1913) — межпартийная организация, способствовавшая сближению конституционно-монархических партий вокруг «Союза 17 октября». Инициатором создания и бессменным председателем клуба был М. В. Красовский.

<sup>29</sup> Вероятно, имеется в виду вопрос о предоставлении автономии Польше, поднятый на сентябрьском и ноябрьском 1905 г. земских съездах и вызвавший резко негативную реакцию со стороны будущих октябристов.

<sup>30</sup> Волконский Н. С. (1848—1910) — князь, дсс, один из старейших земских деятелей, крупный землевладелец, публицист, автор работ по вопросам помещичьего землевладения и финансов.

<sup>31</sup> Имеется в виду совещание представителей ЦК «Союза 17 октября» с делегатами 10 других, родственных «Союзу» партий и групп («Партии правового порядка», «Союза мирной борьбы за обновление», «Всероссийского торгово-промышленного союза» и др.), состоявшееся 25 ноября 1905 г. в зале Дворянского собрания в Петербурге. На совещании был образован «Соединенный комитет умеренных партий» для «совместной» — главным образом предвыборной — «деятельности». — Новое время. 1905. 27 нояб.; ЦГАОР СССР, ф. 1822 («Соединенный комитет умеренных партий»), оп. 1, д. 4, л. 8.

<sup>32</sup> Имеется в виду речь Николая II, произнесенная 1 декабря 1905 г. на приеме депутатских черносотенных организаций. В ней император подчеркнул, что манифест 17 октября «есть полное и убежденное выражение» его «непреклонной» воли и «акт, не подлежащий изменению» (Слово. 1905. 3 дек.).

<sup>33</sup> «Демократический союз конституционалистов» образован в Петербурге в начале ноября 1905 г. (первое организационное собрание состоялось 5 ноября). Выступал за установление в России конституционной монархии с приданием «собранию народных представителей», образованному на основе всеобщих, прямых и равных выборов, законодательных функций и права законодательной инициативы; за уничтожение сословных привилегий и установление полного гражданского равенства. Путь решения крестьянского вопроса «Союз» видел в поднятии культуры обработки земли, а также в увеличении крестьянской запашки за счет удельных, кабинетских и частновладельческих земель, выкупаемых «по справедливой оценке». В рабочем вопросе программа «Союза» содержала требования свободы союзов, собраний и стачек и установления («постепенного введения») 8-часового рабочего дня. (Слово. 1905. 9 нояб.)

<sup>34</sup> Протокол заседания ЦК 1 декабря 1905 г. не обнаружен.

<sup>35</sup> Вероятно, граф А. А. Мусин-Пушкин — минский губернатор.

<sup>36</sup> Имеется в виду первое общее собрание членов «Союза 17 октября» в Петербурге (см. документ № 5).

<sup>37</sup> Обращение.

<sup>38</sup> Нобель Э. Л. — 1-й гильдин купец, коммерции советник, директор Русского общества для выделки и продажи пороха и Товарищества «Братья Нобель», крупный нефтепромышленник, заводчик и домовладелец.

<sup>39</sup> Вероятно, П. Л. Корф имел в виду газету «Новый путь», которая начала выходить под редакцией М. В. Красовского с января 1906 г.

<sup>40</sup> Так в тексте. Правильно — Ю. Н. Милютин.

<sup>41</sup> Величко И. Н. — отставной лейтенант, петербургский домовладелец; один из руководителей Рыбинского отдела «Союза 17 октября».

<sup>42</sup> Оболенский М. В. — князь, член бюро Ямбургского отдела «Союза 17 октября».

<sup>43</sup> Тизенгаузен Д. О. — барон, председатель Ямбургской уездной земской управы, член комитета Нарвского отдела «Союза 17 октября».

<sup>44</sup> Шереметев А. Ф. — сс, ливенский (Орловский губ.) уездный предводитель дворянства, крупный землевладелец, председатель ливенского отдела «Союза 17 октября».

<sup>45</sup> Чистяков П. С. (р. 1862) — потомственный дворянин, отставной надворный советник, присяжный поверенный, юрист-консульт Управления железными дорогами МПС, директор правления Петербургского общества страхования, Русского нефтепромышленного общества, Общества пароходства по Днепру и его притокам и Каменноугольного общества Нижней Крынки.

<sup>46</sup> Коваленский Г. Г. — сс, старший начальник 2-го департамента Сената, член правления Общества «Кавказ» и Русского нефтепромышленного общества.

<sup>47</sup> Гучков Н. И. — потомственный почетный гражданин, надворный советник, с ноября 1905 г. московский городской голова, директор Товарищества чайной торговли «Боткина Петра сыновья», домовладелец; брат А. И. Гучкова.

<sup>48</sup> Первое собрание организации «Союза 17 октября» в Москве состоялось 3 декабря в зале Охотничьего клуба в присутствии 218 чел. (Слово. 1905. 14 дек.)

<sup>49</sup> Демчинский Н. А. (р. 1851) — инженер путей сообщения, надворный советник, публицист, сотрудник «Нового времени».

<sup>50</sup> Грюнвальдт Э. В. — коллежский советник.

- <sup>51</sup> Трубников Ю. В. (р. 1857) — потомственный дворянин, сс.
- <sup>52</sup> Бильдерлинг П. П. — барон, помощник петербургского уездного предводителя дворянства, титулярный советник.
- <sup>53</sup> Попов В. Ф. — личный почетный гражданин, управляющий заводом «Н. Я. Паль».
- <sup>54</sup> Текста предложений Ю. Н. Милютина и Ф. Е. Енакиева в деле не имеется.
- <sup>55</sup> Имеется в виду временный запрет петербургского градоначальника на проведение в столице и ее пригородах «всяких публичных и частных собраний политического и экономического характера». (Слово. 1905. 12/25/ дек.) Запрет действовал до 22 января 1906 г.
- <sup>56</sup> Штейгер А. Э. — барон, сс, камергер, служащий канцелярии его императорского величества по принятию прошений.
- <sup>57</sup> Текстов писем Гембиц, Воронова и Штейгера в деле не имеется.
- <sup>58</sup> Гейден П. А. (1840—1907) — граф, тс, опочечкий (Псковской губ.) уездный предводитель дворянства, крупный землевладелец, видный земский деятель.
- <sup>59</sup> Бобрищев-Пушкин А. В. — потомственный дворянин, присяжный поверенный, член Совета «Конституционно-монархического правового союза», публицист, драматург.
- <sup>60</sup> Оболенский А. В. — князь, коллежский асессор, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, организатор «Рабочей партии „Союза 17 октября“» в Петербурге.
- <sup>61</sup> Рейнбот П. Е. — сс, присяжный поверенный.
- <sup>62</sup> Дедюлин В. А. — генерал-майор, петербургский градоначальник.
- <sup>63</sup> См. примечание № 64.
- <sup>64</sup> На л. 11—11 об. настоящего дела отложился машинописный текст, озаглавленный «Приложение к заседанию 12 дек. 1905. Мотивировка Брафмана»: «6-го августа 1905 года был издан закон о Государственной думе, а 12-го октября того же года опубликованы законоположения о собраниях, в соответствии с предосторожиями населению выборными в Г. Д. действиями. 17-го октября того же года высочайшею властью обнародован Манифест о даровании населению всех гражданских свобод и распубликованы распоряжения правительства о неуклонном исполнении и незыблестности начал этого манифеста.
- Между тем целым рядом следующих распоряжений правительства высочайшей властью дарованные права населению были фактически отменены и обнародованный 10 декабря закон о расширенных выборах правах в Г. Д. застаёт население империи лишенным всех прав, возведенных Манифестом 17 октября. Принимая во внимание, во-первых, что таковые действия правительства являют собой акты, идущие вразрез с волею государя; во-вторых, что таковые действия правительства не могут быть оправданы исключительно революционным движением, ибо Манифест 17-го октября дарован народу именно в революционное время и на предмет успокоения такового; в-третьих, что таковые действия Правительства отнюдь не стесняют активной деятельности анархических союзов, проявленной с особою силою в Московском мятеже; в-четвертых, что таковые действия правительства бесцельно подавляют инициативу союзов конституционно-монархических и мешают пропаганде их закономерных идей среди широкого круга населения и, в пятых, что таковые действия правительства не только не парализуют деятельности крайних элементов, но возбуждают неудовольствие в кругах лиц, имеющих оказать самое широкое содействие правительству в трудное время, переживаемое Родиной.
- С.-Петербургский Центральный комитет Союза 17 октября постановил: войти по сему предмету со всеподданнейшим на имя государя императора прошением».
- Никаких других сведений о заседании ЦК 12 декабря 1905 г. в деле не имеется.
- <sup>65</sup> Перечень выступивших по докладу А. В. Оболенского.
- <sup>66</sup> Имеется в виду Петербургский клуб общественных деятелей, в котором в это время ЦК арендовал помещение для своих заседаний.
- <sup>67</sup> Ячевский А. А. — потомственный дворянин, землевладелец, член Распорядительного комитета Имперского совета «Партии правового порядка»; издатель «Маленькой газеты», начавшей выходить в Петербурге в январе 1906 г. Письма А. А. Ячевского в деле не имеется.
- <sup>68</sup> Телеграмм в деле нет.
- <sup>69</sup> Речь идет о приеме графом С. Ю. Витте 11 членов Петербургского ЦК «Союза 17 октября» во главе с бароном П. Л. Корфом. Отчет об этой встрече был опубликован в газете «Новое время» 28 декабря 1905 г.
- <sup>70</sup> См. примечание № 64.





## С О О Б Щ Е Н И Я

© 1991 г.

Н. Ф. БУГАЙ

### 40-Е ГОДЫ: «АВТОНОМИЮ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ ЛИКВИДИРОВАТЬ...»

Одной из серьезных причин обострения национальных проблем в нашей стране являются последствия насильственного переселения народов, в том числе и советских немцев. Их история 40—50-х гг. слабо разрабатывалась исторической наукой. В 1958 г. вышла в свет книга Луи де Йонга. В наши дни эта тема освещается в основном в публицистике и воспоминаниях<sup>1</sup>.

В данном сообщении сделана попытка проследить историю депортации советских немцев на основе документов НКВД СССР тех лет, хранящихся в ЦГАОР СССР.

К началу XX в. на территории России было расселено значительное количество лиц немецкой национальности, предки которых особенно активно переселялись в Российскую империю во времена Екатерины II.

В 1918 г. декретом В. И. Ленина была учреждена Трудовая коммуна немцев Поволжья, преобразованная в 1924 г. в автономную республику. Советские немцы, проживавшие в других регионах, имели национальные районы и сельские Советы. Однако в 30-е гг. эти национально-административные единицы были ликвидированы.

По данным статистики, на начало 1939 г. в СССР насчитывалось 1 427 222 немца, из них: в Краснодарском крае — 34 287, Ставропольском — 45 689, Приморском — 911, Хабаровском крае — 5696, Кабардино-Балкарской АССР — 5327, Калмыцкой — 4140, Крымской — 51 299, Северо-Осетинской — 2924, Чечено-Ингушской — 858, Дагестанской — 5048, Башкирской АССР — 3299, Чувашской автономной области — 1025 человек. Они проживали и в других областях РСФСР. Всего в Российской Федерации их насчитывалось 700 231 человек, в Украинской ССР — 392 458, в Белорусской ССР — 8448, Азербайджанской ССР — 23 133, в Киргизии — 8426, Грузинской ССР — 20 527, Армянской ССР — 433 человека<sup>2</sup>.

Нападение фашистской Германии на СССР все нации нашей страны, в том числе и советские немцы, восприняли как общенародную трагедию, поднявшись на защиту Родины. 15 июля 1941 г. «Правда» писала: «В дни Отечественной войны трудящиеся республики немцев Поволжья живут единым чувством со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма».

В первые месяцы войны от трудящихся республики немцев Поволжья поступило 2500 заявлений с просьбой направить их добровольцами на борьбу с фашистами. 8000 советских немцев вступили в ряды ополчений<sup>3</sup>. Многие из них были удостоены высоких наград Родины.

Безусловно, война вскрыла и глубину противоречий, таившихся в нашем обществе, заметно изменила политическую ситуацию в стране. Ухудшение военной, экономической обстановки вселяло неуверенность в прочности социализма, приводило к обострению криминальной ситуации. Не отличались в этом отношении и районы автономной республики немцев Поволжья. Кроме того, летом

---

**Бугай Николай Федорович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Группы по истории национальных отношений советского общества Института истории СССР АН СССР.

1941 г. здесь выявилось недовольство молодежи тем, что военкоматы отказывали ей в призыве в действующую армию.

В июле 1941 г. в республику немцев Поволжья прибыли Л. П. Берия и В. М. Молотов, в результате визита которых был сделан вывод о необходимости депортации всего народа.

Как правильно отметил в своей статье Г. Вормсбежер, «драматизм судьбы поволжских немцев заключен в том, что их судьбы неправомерно, но последовательно связывались с отношением между нашей страной и Германией»<sup>4</sup>.

28 августа 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21—160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». В нем необоснованно утверждалось, что, по данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья... Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий, говорилось далее в документе, Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и другие соседние местности.

В августе было направлено на места письмо за подписью наркома внутренних дел СССР Берии, где указывалось, что постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) немцы Поволжья переселяются в районы Казахской ССР и Сибири. Их надо расселить «городских — в городах, сельских — через доселение целых колхозов и в существующие колхозы и совхозы». Указывалось также, что расселение и хозяйственное устройство «возлагается на облисполкомы и обкомы ВКП(б), которые отвечают «за готовность приема переселенцев». Определялась и численность групп, которые должны были принять районы Сибири. Так, в Красноярском крае предписывалось расселить 21 450 семей, в Барнауле — 27 150, в Новосибирской обл. — 28 600, в Омской — 24 300 семей.

С целью проверки готовности к размещению Переселенческое управление при СНК СССР направило в восточные районы РСФСР своего штатного сотрудника Еременко, пять работников Наркомзема, уполномоченных НКВД СССР. Последовало и строгое указание «начать отправку эшелонов 3 сентября 1941 г.» Операцией руководил И. А. Серов, один из заместителей Берии.

Задолго до начала запланированной акции Управление Народного комиссариата внутренних дел по республике немцев Поволжья получило строгое указание центра «сообщить данные о численности немцев, проживающих в республике». Такие сведения НКВД СССР были получены. Общее число немцев, как отмечалось в справке НКВД республики, составляло 374 225 человек (более 60% населения республики), в большинстве своем дети (до 16 лет) и старики.

В соответствии с полученными данными операция должна была обеспечиваться необходимыми средствами: подвижным составом, водителями и т. д. В ходе операции оказалось, как сообщил Серов 20 сентября 1941 г. Берии, что «не все население немецкой национальности было учтено местным НКВД», а потому из бывшей республики было отправлено 438 280 немцев (по другим данным — 446 480). В справке министра внутренних дел СССР С. Круглова и Генерального прокурора СССР Г. Сафонова, направленной на имя Берии в январе 1946 г., сказано, что немцы Поволжья (всего 447 168 чел.) высланы были на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060—935С от 12 августа 1941 г. Из-за нехватки вагонов, сообщал Серов, «пришлось отправить 8200 чел. водным транспортом».

28 октября 1941 г. из автономной республики сообщили, что «операция по переселению немцев закончена успешно». Однако в действительности она затянулась на длительное время.

При отъезде разрешалось взять с собой только минимум вещей, поэтому большинство переселенцев не было готово к жизни в новых условиях, испытывало огромные материальные затруднения. Многие не выдерживали тяжелых условий в пути и местах нового поселения и погибали. О величине потерь можно судить по данным, приведенным Г. Вормсбежером: в одном из отрядов из 2000 человек остался в живых один<sup>5</sup>. По воспоминаниям рабочего Пермского велосипедного завода Р. Гофмана, из 2114 человек, тянувших с ним лагерьную лямку на Гремячинской шахте в Молотовской (ныне Пермской) обл., к весне 1945 г. в живых осталось чуть более семисот...<sup>6</sup> Э. Ф. Айрих пишет, что из прибывших в феврале 1942 г. в Богословский лагерь НКВД СССР 15 тыс. немцев через год осталось в живых только 3 тыс.<sup>7</sup>

Автономная республика немцев Поволжья прекратила свое существование. Ее районы — Балцерский, Золотовский, Кашенский, Терновский, Куккусский, Зельманский, Красноярский, Маркштадтский, Лизандергейский, Мариентальский, Экзеймский — были включены в состав Саратовской области, остальные 7 районов — в состав Сталинградской области. Так был реализован приказ «автономию немцев Поволжья ликвидировать...»

Осенью 1941 г. следуют на восток одна за другой группы немцев, якобы замеченных, как говорится в документах, «в выступлениях против Советской власти». Так, из Тамбовской обл. было переселено 158 человек из 980 проживавших там, из Ивановской обл. — 125 из 676, из Ярославской — 166 из 483, из Пензенской — 228 из 2096, из Свердловской — 194 из 1695, из Чувашской автономной обл. — 123 из 153, из Воронежской обл. — 5013 человек. В частности, в одной из записок, подготовленной ГУЛагом НКВД СССР для Берии и Сталина, отмечалось: «В Воронежской области проживает 5125 человек немецкого населения, в том числе членов и кандидатов ВКП(б) — 45 чел., членов ВЛКСМ — 143 чел. На учете как активный и сомнительный элемент состоит 112 человек. В целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих в Воронежской области немцев НКВД СССР считает целесообразным состоящий на учете как антисоветский и сомнительный элемент арестовать, а оставшуюся часть немецкого населения в числе 5013 чел. переселить в Новосибирскую область»<sup>8</sup>.

Депортации были подвергнуты и те, кто защищал страну от фашистских захватчиков. В 1942—1945 гг. были демобилизованы с фронта в срочном порядке все военнослужащие немецкой национальности — 33 516 человек (1609 офицеров, 4292 сержанта, 27 724 чел. — рядовой состав). Значительная часть их была направлена в Трудовую армию. Например, только в Челябинске на стройке металлургического завода было занято более 25 тыс. трудмобилизованных немцев.

Немцы-трудармейцы работали также в Котласе, Воркуте, Кемерово, Копейске и других городах и поселках Севера и Сибири. В чрезвычайно сложных условиях они добывали уголь, работали на лесоповале.

Незначительная часть советских немцев (3402 чел.) была переселена в южные районы Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР и использовалась как в сельском хозяйстве (животноводстве), так и в горнодобывающей промышленности.

Депортации в 40-е гг. подверглись и немцы, проживавшие на территории Крымской автономной республики. Часть из них была переселена в июне 1941 г. вместе с греками, армянами и болгарями. К началу 1942 г. общая численность переселенных из этой республики составила более 62 тыс.

С сентября 1941 г. по январь 1942 г. проводились акции по депортации трудящихся немецкой национальности, проживавших в районах Дона и Северного Кавказа (Ростовская обл., Дагестанская АССР, Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР). В конце 1941—1942 г. было отправлено на восток 99 900 немцев из Ставропольского и Краснодарского краев. Приказом Берии от 22 сентября 1941 г. определялись силы и методы действий НКВД, осуществлявшего отправку:

«...4. Операцию начать 25 сентября и закончить 10 октября с. г.

5. Для проведения операции по переселению зам. наркома тов. Обручникову командировать: в Орджоникидзевский край 250 сотрудников НКВД и 1000 работников милиции; в Краснодарский край — 100 сотрудников НКВД и 250 работников милиции; в Кабардино-Балкарскую АССР 50 сотрудников НКВД и 200 работников милиции; в Северо-Осетинскую АССР 25 сотрудников НКВД и 100 работников милиции.

6. Для обеспечения операции по переселению войсками НКВД генерал-майору тов. Аполлонову командировать: в Орджоникидзевский край — 2300 красноармейцев, в Краснодарский край — 2000, в Кабардино-Балкарскую АССР — 300, в Северо-Осетинскую АССР — 100, в Тульскую обл. — 50 красноармейцев.

7. Зам. наркома тов. Обручникову и генерал-майору тов. Аполлонову обеспечить направление и прибытие к местам назначения командируемых не позже 24 сентября с. г.

8. На основании агентурно-оперативных материалов местных органов НКВД учесть антисоветский элемент и перед операцией арестовать его и его семьи переселить в общем порядке.

9. Перед началом операции совместно с советско-партийным активом провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств, ответственность за них будет нести глава семьи в уголовном порядке, а остальные члены семьи будут репрессированы.

10. В случае отказа отдельных членов семейств, подлежащих переселению, выехать в места расселения, таких лиц арестовать и перевезти на место расселения в принудительном порядке.

11. Предупредить весь оперативно-чекистский состав, что при операции должны действовать без шума и паники. В случае возникновения волюнок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений принимать решительные меры к их ликвидации.

12. При проведении операции руководствоваться прилагаемой при этом инструкцией по переселению немцев».

В Краснодарском крае опустели многие селения и станицы, где ранее жили немцы. Так, обезлюдело с. Джигинское Анапского района, наполовину убавилось население в станице Юрьевской (Первомайской) и многих других. Всего же из Краснодарского края было выселено 37 723 человека.

С территории Северного Кавказа в восточные районы страны было переселено 198 097 немцев, из них в Алма-Атинскую обл., например, прибыло 6180 человек (в том числе 1932 ребенка до 16 лет), вскоре численность немцев в области возросла до 9000 чел., в Восточно-Казахстанской обл. проживало 22 195 немцев и т. д.

В это же время принудительная миграция шла из Закавказья. По данным официальных правительственных органов, на территории Азербайджанской ССР в это время проживало 23 593 гражданина немецкой национальности, Армянской ССР — 212. Все они были переселены с сентября 1941 г. по январь 1942 г.

Перед этими акциями оказался бессильным и Союз немецкого трудового народа, призванный защищать национальные интересы немцев, проживавших в Грузинской ССР<sup>9</sup>. 23 580 немцев из этой республики также были переселены.

На их место планировался перевод в принудительном порядке 2350 хозяйств из малоземельных районов Грузии. Однако, несмотря на целый ряд льгот (безвозмездная передача насаждений, госкредит на приобретение построек, оборудования, скота по балансовой стоимости и т. д.), из-за явного нежелания крестьян обживать новые хозяйства к 10 декабря 1941 г. план по их освоению был выполнен только на 30%.

Приказом ГКО СССР № 1123 СС от 10 января 1942 г. немцы (мужчины и женщины в возрасте 17—50 лет), годные к физическому труду, переселенные в Новосибирскую, Омскую области, Красноярский и Алтайский края, Казахскую ССР были объединены в рабочие колонны и поступили на время войны в ведение Наркоматов внутренних дел и путей сообщения. Приказом ГКО № 2383 СС от 7 октября 1942 г. была объявлена дополнительная мобилизация в рабочие колонны немцев в возрасте 15—16 лет и 51—55 лет. Они направлялись на строительство Бокальского, Богословского заводов, железнодорожных веток Сталинск — Абакан, Сталинск — Барнаул, Акмолинск — Павловск и др. Уже 14 сентября 1941 г. в Красноярский край прибыло два эшелона: 2270 человек — для поселения в районе Большая Мурда и 2336 человек — в Шараповском и Усть-Абаканском районах.

17 сентября 1941 г. на станцию Ачинск поступил эшелон с 650 немецкими семьями (2318 чел.). Из них 2000 человек были погружены на баржи и по р. Чулым направлены для расселения в Бирюлюсском районе. Остальные 318 человек были размещены в Ачинском районе. Всего же в Красноярский край, как сообщал начальник УНКВД по краю И. П. Семенов в докладе на имя Берин, прибыли только из Поволжья 67 264 немца.

Огромное число эшелонов приводило к большой путанице. Многие из них прибывали не в те пункты, которые намечались планом депортации первоначально. Так, эшелон № 883 предназначался для расселения в районе Барнаула. Однако по ошибке транспортной службы он был направлен в Красноярский край, где оставлен.

По данным архива Отдела спецпоселений НКВД СССР, в 1941 — первой половине 1942 г. было доставлено на восток страны в 344 эшелонах 1 084 828 немцев. Всего в 1941—1942 гг. было переселено 1 209 430 немцев. При этом в ряде документов отмечалось, что «по государственному заданию» переселялось 856 340 человек (560 112 взрослых), на репатрированных приходилось 203 796 человек (134 014), мобилизованных — 48 001 (35 555). Значительная часть переселенных оставалась в Казахской ССР — 444 005 человек (283 937), из них депортированных «по государственному заданию» было 333 775 человек (230 643 взрослых). А всего в Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР было расселено 786 279 советских немцев.

Готовы ли были к встрече немцев на местах? В Алтайском крае, по сводкам, поступавшим с мест, было подготовлено 10 202 дома, рассчитанных на проживание в них 34 586 человек. Однако органы власти сообщали, что они готовы принять 100 тыс. человек. Проверкой же истинного поло-

жения дел никто не занимался. В донесении из Омска указывалось: «Все 42 района к приему подготовлены. Однако есть опасения, что прибывших в Омск 23 тыс. переселенцев местный транспорт не может своевременно доставить в районы». В донесении из Викуловского района Омской обл. сообщалось: «Расселение прибывших немцев в области проходит нормально». Управление НКВД по Омской обл., давая сводку о работе со спецпоселенцами, сообщало: «Местное население встречает немцев хорошо. Поселенцы активно включаются в работу колхозов по уборке урожая». Аналогичные сообщения поступали в это же время из районов Новосибирской обл., Красноярского края; из Карташского и Чулымского районов Новосибирской обл. сообщали, что «все переселенцы приступили к работе в колхозах по уборке урожая». В сводке из Красноярска читаем: «Подавляющее большинство переселенцев включалось в производственную жизнь, главным образом по уборке урожая. Никаких происшествий, эксцессов во время разгрузки и расселения не было. Увеличен вывоз хлеба нового урожая». За благополучными отчетами скрывались, однако, тяжелые условия, в которые попали депортируемые. Многие семьи спецпоселенцев оставались продолжительное время не только без минимума продовольствия, но и без крова. Не хватало одежды, обуви, других предметов первой необходимости. «Размещение переселенцев встречает большие трудности, жилищный фонд абсолютно не удовлетворяет потребностей переселенцев», — указывалось в донесении из Кировского района Южно-Казахстанской обл.

Подобного рода факты зачастую не принимались во внимание; все объяснялось обстановкой военного времени. Об этом свидетельствует сообщение заместителя наркома внутренних дел СССР В. Н. Меркулова, направленное начальнику Отдела спецпоселений НКВД СССР Иванову (5 ноября 1941 г.). Меркулов, в частности, писал: «Операция по расселению немцев-переселенцев проходит удовлетворительно. Несмотря на широкие масштабы и предельно сжатые установленные правительством сроки, транспорт и территориальные органы НКВД СССР в условиях военного времени сумели организовать относительно быструю и слаженную переброску переселяемых немцев к пунктам их расселения». Таким же было и заключение руководства.

Партийные организации, органы власти, местное население в целом сочувственно относились к нуждам переселенцев, проделали большую работу по подготовке жилья, запасов продовольствия. Среди немцев-спецпоселенцев значительным был контингент колхозного населения, которое вливалось в местные колхозы. Так, из всех переселенных в Новосибирскую, Северо-Казахстанскую, Омскую области городские жители немецкой национальности составляли всего лишь 10—15%, в Красноярском крае — 60%. Всего же в Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР 77 359 человек были городскими жителями. 90% переселенцев размещалось здесь в колхозах. Однако только 50% немецкого населения, попавшего в деревню, было наделено приусадебной землей.

Имелись районы, где сразу не удалось обеспечить работой спецпоселенцев. Так, из Казахской ССР сообщалось, что «в казахские школы специалисты идут неохотно, мотивируя это незнанием местного языка, обычая». Местные партийные организации ждали «особых указаний из центра, что отрицательно сказывалось на настроении масс, способствовало порождению различных негативных суждений, клеветы, обвинений в адрес немецкого населения». В отчете начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР Иванова от 16 декабря 1941 г. читаем, что в Семипалатинской обл. «ни в отделе эвакуации при облисполкоме, ни в УНКВД не знают, в каком районе и сколько проживает немцев... Земельные органы ничего не предприняли для нарезки немцам-переселенцам приусадебных земельных участков».

Позднее в области был проведен строгий учет переселенцев. 11 738 из 20 829 человек были распределены по колхозам, 2241 — по совхозам, 2155 — в промышленности и на стройке, 4695 — в прочих организациях.

Несмотря на трудности, переселенцы повсеместно включались в производственную деятельность и, как сообщали с мест партийные органы, «оказывали большую помощь в завершении уборочных полевых и других работ». Среди них имелись и передовики производства. Так, в колхозе «Советская Сибирь» Залесского района Алтайского края по-ударному трудились комбайнер Я. Я. Шандер, тракторист Э. К. Вейс и многие другие.

Отдельные группы спецпоселенцев-немцев были переданы в ведение Наркома нефтяной промышленности. Например, как сообщалось из УНКВД Ярославской обл., на заготовке дров и на предприятиях Наркомнефти был занят 231 немец и финн.

По сводкам Отдела спецпоселений, на март 1945 г. в системе наркоматов было расселено 503 265 советских немцев (258 273 взрослых), из них трудоспособных — 219 252 человека. Предполагалось занять в системе наркоматов 203 917 человек.

Наркоматы создавали целые серии инструкций по использованию прибывшей рабочей силы. Так, нарком угольной промышленности издал 13 ноября 1943 г. инструкцию-приказ по использованию мобилизованных немцев, в которой предписывалось сформировать отряды и колонны при трестах из немцев, которые и будут использованы на шахтах и стройках. Устанавливался особый режим, лишавший немцев гражданских прав и каких бы то ни было гражданских свобод.

Режим бесправия даже в военных условиях вызывал недовольство. 8 января 1945 г. СНК СССР с учетом имевшихся фактов нарушений на этой почве производственного процесса принял постановление № 35 «О правовом положении спецпоселенцев, работающих в угольной промышленности», на основании которого последние в своих правах и обязанностях приравнивались к «рабочим и служащим тех предприятий, где они работали», и на них распространялось действующее законодательство о труде.

В очень тяжелом положении находились немцы-трудармейцы. Один из них, пенсионер Ф. Лореш, попавший в трудовой лагерь «Гимшер», вспоминает, что жилье трудармейцев «представляло собой помещение с двухэтажными сплошными нарами по обеим сторонам прохода... В бараке царил мрак, оконные проемы вместо стекла состояли из стелкянных банок, стоявших рядом, друг на друге. Разутые и раздетые, мы получали в день по 300 граммов хлеба и два раза в день жиденькую баланду... В лагере свирепствовали инфекционные заболевания, среди которых первое место занимала дизентерия. У крайне ослабевших и истощенных она очень быстро заканчивалась смертью. Умирили трудармейцы десятками в день»<sup>10</sup>.

Актами переселения из основных районов проживания депортация не заканчивалась. Она растянулась на долгое время. В сентябре 1945 г. в порядке репатриации прибыли на Украину 2214 немцев — граждан СССР. В том же году они были переселены в Коми АССР и Молотовскую область, как отмечалось в документах, «с целью использования в местной промышленности». Из числившихся на начало октября 1945 г. на спецпоселении 2 230 500 человек было 687 300 немцев.

Депортированным пришлось пережить и второй этап переселений — перемещение в том регионе, куда они были привезены. Так, в письме заместителя наркома внутренних дел С. Н. Круглова от 29 июля 1942 г. на имя А. И. Микояна указывалось: «Нами направляются на спецпоселение в Омскую область 10 000 советских немцев с целью работы на рыбных промыслах». Несмотря на приказ «использовать по назначению и обеспечить переселявшихся жильем», немцы, прибывшие в Омскую область, неоднократно перебрасывались из района в район.

Аналогичные акции предпринимались в Красноярском крае, куда было переселено в апреле 1942 г. 18 895 человек из Ленинградской области и 12 632 человека из других областей.

Средства, выделяемые правительством для устройства жилья, питания из-за хищений и различных махинаций часто просто не попадали по назначению. Ряд районов, предназначенных для проживания немцев, не были, да и не могли быть готовыми к их приему. Так, в Новосибирской обл., куда только в распоряжение исполкома областного Совета депутатов трудящихся было переправлено 15 000 спецпоселенцев, значительная часть прибывших (11 020 чел.) была определена на рыбные промыслы в Нарымский округ, где положение с жильем и до их приезда было крайне напряженным.

К 1945 г. относится начало третьего этапа, коснувшееся тех, кто оставался на территории, освобожденной Красной Армией, а также советских немцев-репатриантов, прибывавших из-за рубежа. Подробные сведения об их депортации содержит составленная в 1957 г. справка начальника 4-го спецотдела МВД СССР Б. В. Новикова. Из нее следует, что в 1945 г. в основном депортировались немцы из Прибалтики, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР. Это переселение затянулось почти на всю вторую половину 40-х гг.

7 февраля 1945 г. МВД СССР издало приказ № 1—2120 СС о выселении немцев из пограничных районов указанных республик. По данным МВД Литовской ССР, с территории Клайпедской обл. было выселено 264 немецкие семьи (850 чел.). Распоряжением МВД СССР от 13 апреля 1945 г. они были направлены на спецпоселение в Таджикскую ССР. В эшелоне № 65086 из Литовской ССР прибыла 261 семья (219 мужчин, 372 женщины, 263 ребенка). В тот же день на основе полученной директивы НКВД СССР № 2144 началось выселение немцев из Эстонской ССР и Латвийской ССР (430 семей — 1400 человек). Спецпоселенцы, а это были в основном репатриированные граждане СССР, направлялись в Коми АССР и другие северные области.

На основании указа НКВД СССР № 1—2749 от 24 февраля 1946 г. 1969 немцев направлялись из Закарпатской обл. в Тюменскую обл. В 1949 г. из Закарпатской обл. был депортирован дополнительно 701 гражданин немецкой национальности.

Директивой НКВД СССР № 181 от 11 октября 1945 г. все возвратившиеся по репатриации в прежние места проживания переселялись сразу же в восточные районы СССР. В мае—декабре 1945 г. проводилось переселение немцев на основе указа НКВД СССР № 1—4534 от 10 февраля 1945 г. Из Молдавской ССР из 668 человек было вывезено в Коми АССР 333 человека, в Молотовскую обл. — 335 человек. В это же время прибыли немцы-репатрианты в Чкаловскую обл. — 1381 человек, Удмуртскую АССР — 382 человека. В ноябре 1945 г. на комбинат «Березовскзолото» прибыли одновременно 2217 человек (628 семей).

Представители немецкой национальности — жители Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и т. д., мобилизованные в 1942—1943 гг. военкоматами и направленные в ведущие отрасли промышленности, до конца 1945 г. проживали в так называемых зонах. Затем зоны ликвидировались, и мобилизованные на основе директивы МВД СССР и наркоматов передавались в постоянные кадры промышленности и переводились на положение спецпоселенцев. Их проживание на спецпоселении определялось постановлением МГБ СССР и Прокуратуры СССР № 00913—227 от 21 декабря 1951 г.

Начальник УНКВД по Красноярскому краю И. П. Семенов докладывал о том, что с сентября по декабрь 1945 г. в край прибыло 1099 семей немцев-репатриантов (4090 чел.). Все они были расселены в 7 административных районах края и в Красноярске и использовались для работы на судоремонтном, дементном и гидрوليэном заводах, на судоверфях Енисейска и Придвинска, Канском лесозаводе, в леспромпхозе «Краслес» и т. д.

Немцы-репатрианты в 1946 г. прибывали также в Хабаровский край (18 420 чел.), в Нижне-Амурскую обл. (1000 чел.), Сахалинскую обл. (1200 чел.), в Амурскую обл. (1628 чел.). Они направлялись на работу в «Приморзолото», «Райчихуголь», «Сахалинуголь», «Сахалинминнефть» и т. д.

На Дальнем Востоке в системе «Дальстрой» трудились немецкие батальоны (трудмобилизованные) численностью в 582 человека, которые директивой МВД СССР № 63 от 24 мая 1946 г. были также переведены из трудмобилизованных на положение спецпоселенцев. Всего же в системе «Дальстрой», по данным МВД СССР, трудилось 21 898 спецпоселенцев различных национальностей.

К концу 1946 г. в Коми АССР было переселено для проживания 4146 семей (12 393 чел.) немцев-репатриантов. Из них было трудоустроено 6392 человека. Заместитель министра внутренних дел В. Зазегов сообщил Кузнецову, что репатрианты к труду относятся добросовестно, а производственные нормы значительная часть из них выполняет на 100% и выше.

На основе указаний МВД СССР от 5 февраля 1948 г. МВД Белорусской ССР издало 16 июля 1948 г. постановление № 1—9755 о выселении немцев-репатриантов в Иркутскую обл. В Иркутск было направлено 454 человека, проживавших на оккупированной территории, выезжавших в Германию и возвратившихся оттуда в порядке репатриации. Дополнительно было выселено из республики 273 немецкие семьи (944 чел.) и 63 одиночки.

В январе-марте 1947 г. в Читинскую обл. было переселено 711 немцев из Каслага и Вятлага МВД СССР. Как отмечал начальник ОСП НКВД СССР в письме начальнику УНКВД по Читинской обл., этот контингент — немцев Поволжья — не следует рассматривать как «спецпоселенцев». Он считал, что направлены немцы в Читинскую обл. «были ошибочно в нарушение директивы ГУЛага и ОСП НКВД СССР № 42/79512—52/8713 от 22 декабря 1945 г. и директив МВД СССР от 1946 и 1947 гг.», в которых четко указывалось, что «мобилизованные немцы (граждане СССР), работающие в исправительно-трудовых лагерях, на стройках НКВД СССР при их демобилизации должны направляться администрацией лагеря (стройки) к семьям в местах поселения немцев, т. е. в Казахскую ССР, Якутскую АССР, Коми АССР, Алтайский край, Иркутскую, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области.

Что касается демобилизованных немцев, направленных в Читу, то они имели семьи в Алтайском крае и Казахской ССР. Однако исправлением этой ошибки уже никто не стал заниматься. Разумеется, область не была готова к приему этого контингента, все вопросы решались в спешном порядке в условиях нехватки жилья, продовольствия, так как для этой цели не были предусмотрены фонды. Как указывалось в докладной записке И. Б. Портнова (10 янв. 1948 г.) в ОСП НКВД СССР, немцы были взяты на учет как спецпоселенцы и распределены в Могочинском (87 чел.), Зейском (71 чел.), Балейском (456 чел.), Нюгжинском (87 чел.) районах.

Во второй половине 40-х гг. был пополнен и контингент немцев-спецпоселенцев в Бурят-Монгольской АССР. На этот раз по просьбе, поступившей в ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова от партийных и советских органов республики. В августе 1949 г. министр внутренних дел Круглов ответил на запрос Маленкова, что министерство на основании распоряжения Совета Министров

СССР от 30 июня 1949 г. (№ 19092 РС) направило в распоряжение совхозов республики 500 спецпоселенцев-немцев: в совхоз «Эрдели» — 300 человек, «Ервинский» — 200. В просьбе направить немцев и в Боргойский совхоз было отказано, так как «совхоз располагался в пограничной зоне».

Начиная с 1946 г. провоздилось переселение всех контингентов спецпоселенцев с восточно-европейской территории Российской Федерации. Немцы были заняты во многих сферах промышленного производства, и особенно в нефтяной, лесной и других отраслях. Так, в Вологодской, Горьковской, Кировской, Костромской, Куйбышевской, Рязанской и Ульяновской областях на предприятиях нефтяной промышленности трудились работоспособные из 1528 немецких семей (всего 6335 чел.), в Костромской обл. — 1688 семей (6122 чел.), в Ивановской — 567 семей (2270 чел.), в Куйбышевской — 1529 семей (6335 чел.).

Новые переселения наносили ущерб производству. В 1948–1949 гг. из областей РСФСР последовал ряд обращений в МВД СССР с просьбой не проводить необдуманное повторное переселение. 18 марта 1949 г. к начальнику 9-го управления МВД СССР В. В. Шияну обратился с просьбой отсрочить переселение начальник управления МВД по Вологодской обл. К. Боровков. Эта же просьба излагалась в письме за подписью секретаря Вологодского обкома ВКП(б) Дербинова и председателя исполкома областного Совета Корепанова. В Вологодской обл. проживало 6665 немецко-спецпоселенцев, из них на производстве было занято 3684 человека. Как отмечалось в письме, «специалисты приобрели навыки для работы на лесозаготовках, значительная часть из них получила необходимую подготовку и стала квалифицированными рабочими лесной промышленности». Наряду с этим отмечалось также, что «многие из спецпоселенцев имели свои дома».

С просьбами аналогичного содержания обращались партийные и советские органы Ивановской обл. (здесь проживало 567 немецких семей — 2270 чел.), Костромской обл. (1688 семей — 6122 чел.). Просьбы были удовлетворены, о чем сообщалось в письме министра внутренних дел Круглова на имя Берии 6 мая 1949 г., а также в других донесениях. По всем областям была дана отсрочка по вторичному переселению немцев в восточные районы СССР.

По отношению к переселенцам политика дискриминации продолжалась. В указе от 26 ноября 1948 г., в частности, утверждалось, что немцы, как и калмыки, ингуши, чеченцы, карачаевцы, балкарцы, крымские татары и представители других народов, переселены навечно, и выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами сроком в 20 лет.

Продолжались акции по передислокации контингентов спецпереселенцев. Так, в середине 1951 г. были переселены немцы, работавшие на строительстве Сталинградской ГЭС (116 чел.). Новым местом их проживания объявлялись Алтайский край, Новосибирская и Омская обл. Начальник управления МГБ по Сталинградской обл. А. Бесчастный причину переселения объяснял тем, что якобы «немцы недостаточно хорошо ведут себя среди местного населения, плохо относятся к труду, устраивают скандалы, драки с рабочими русской и других национальностей».

В середине ноября, а затем 3 декабря 1951 г. в Политбюро специально рассматривался вопрос о немцах-спецпоселенцах, мобилизованных для работы в промышленности. Министерство госбезопасности СССР выступило с предложением «не считать этих немцев спецпоселенцами». Предложение не было реализовано и, как отмечается в докладе В. В. Шияна на имя министра госбезопасности С. Игнатьева (27 июня 1952 г.), «был оставлен прежний порядок их сохранения».

И только 13 декабря 1955 г. на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР были сняты ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении. Однако права возвращения на места, откуда они были выселены, немцы по-прежнему были лишены. Лишь по прошествии десяти лет, в 1964 г., были сняты с советских немцев обвинения. Они освобождались из-под административного надзора. Но только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в родные места. Указ особо акцентировал внимание на недопустимость унижения, оскорбления национального достоинства каждого из народов СССР. Но автономия немцев Поволжья не была восстановлена.

Депортация немецкого населения, как и других народов страны, нарушение конституционного права многих народов, ставших фактически объектом политической дискредитации, манипуляций со стороны Сталина и его административно-командного аппарата, принесли огромные страдания, вызвали гибель большого числа людей. Поволжский регион, в котором ликвидированная в 1941 г. АССР немцев Поволжья занимала достойное место, понес тяжелые экономические потери.

В противовес нормам, определенным Конституцией СССР, создавалось по сути параллельное законодательство, выражавшееся в противозаконных актах гражданских и военных ведомств, не имевших ничего общего с провозглашенными Советским государством принципами национальной политики. Альтернативы этим акциям не предлагалось.

От демократической общественности нашей страны потребуется много усилий, чтобы преодолеть тяжелое наследие сталинских времен, в том числе в сознании трудящихся нашей страны, и добиться того, чтобы немецкий народ снова занял достойное место среди народов Советского Союза.

### Примечания

<sup>1</sup> Люфт Г. Республика немцев Поволжья перед третьей пятилеткой // Революция и национальности. 1937. № 6—7; Йонг Луи де. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958; Айрих Э. Ф. Письмо в редакцию // Огонек. 1988. № 32. С. 5; Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 10; е го же. В поисках утраченных душ // Комсомольская правда. 1989. 19 августа; Савельев В. Наши немцы // Мы не пыль на ветру. Темиртау, 1989; Забаров И. Р. Немецкий вопрос // Комсомольская правда. 1989. 15 июля; Эрик К., Бухтаров А. К интернационализму через национальное // Журналист. 1989. № 10; Выжитович В. Перевод с немецкого // Известия. 1990. 20 января; Исаков К. 1941: другие немцы. Была ли в Поволжье «пятая колонна»? // Новое время [М.]. 1990. № 17; Медведев Р. Трагические цифры // Аргументы и факты. 1989. № 5.

<sup>2</sup> Здесь и далее цифровые данные взяты из коллекции документов ЦГАОР СССР. Другие источники указаны в сносках.

<sup>3</sup> ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 86, д. 6, л. 9.

<sup>4</sup> Вормсбехер Г. Немцы в СССР. С. 194.

<sup>5</sup> Вормсбехер Г. Немцы в СССР. С. 197.

<sup>6</sup> Известия. 1990. 20 января.

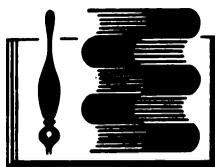
<sup>7</sup> Огонек. 1988. № 32. С. 5.

<sup>8</sup> Исаков К. Указ. соч. С. 39.

<sup>9</sup> Мерквилладзе В. Н. Создание и укрепление советской государственности в Грузии (1921—1936 гг.). Тбилиси, 1969. С. 191—192.

<sup>10</sup> Neues Leben. [М.]. 1989. 18 Oktober.





# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## ЕЩЕ ОДИН ВЗГЛЯД НА НЭП

Книга Ю. П. Бокарева\* увидела свет, когда общество болезненно переживает ломку фундаментальных идеологических представлений. Этот процесс не мог не затронуть историческую науку и прежде всего историю советского общества. Рухнул концептуальный каркас, на котором держался огромный фактический материал, накопленный наукой, возникла потребность в переоценке прошлого, исходя из заново формирующейся системы ценностей. Ученые оказались в эпицентре общественных дискуссий, среди которых остротой и продолжительностью выделяется спор о закономерности выбора страной исторического пути.

В центре внимания исследователя — взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства. Задача, которую он ставит перед собой, — выявить противоречия, под воздействием которых эволюционировали связи города и деревни, — чрезвычайно сложна. Эти связи реализовывались через торговлю, денежное обращение, кредитную систему, транспорт. И методика, и источниковая база изучения механизмов обмена разработаны в нашей историографии слабо. Автор во многом идет по исследовательской целине, используя то, что было сделано экономистами и специалистами по математическому анализу рынков. Он, по существу, впервые вводит в научный оборот крупные комплексы источников, содержащие информацию о развитии торговли, денежном обращении, движении цен. Для обработки статистических данных автор прибегает к широкому спектру математических методов. Фундаментальность источниковой базы и изощренность методики являются сильной стороной обсуждаемой монографии.

Задачи исследования определили структуру монографии. Первые три главы посвящены проблемам источниковедения. Автор стремится изучать «совокупности источников, объединенных по признаку общности информации» (с. 9). Он подробно анализирует комплекс материалов, сложившийся в ходе конъюнктурных обследований, балансы народного хозяйства, индексы цен. Посредством интеграции сведений, содержащихся в разных источниках, в работе воссоздана целостная картина функционирования рынка в 20-е гг. В четвертой и пятой главах рассматривается суть применяемых автором методов обработки данных и математического моделирования. Можно, конечно, спорить о том, насколько целесообразно включать в основной текст монографии, рассчитанной на историков, разделы, заполненные сложными математическими выкладками. Но нельзя не отметить подробность и обстоятельность характеристик каждого метода. Во второй части книги речь идет о процессе перехода к рыночным отношениям. Здесь анализируется, как воздействовало развитие торговли, кредита, денежного обращения на взаимоотношения промышленности и крестьянских хозяйств. В третьей части работы раскрываются причины разрыва смычки между городом и деревней.

Конечной целью своего исследования автор считает создание «теории взаимоотношений между социалистической промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами» (с. 5). Уже в такой постановке оно требует от автора обобщения большого фактического материала и высокой методической культуры. По существу содержание книги еще шире. Автор

**Ю. П. Бокарев.** Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М.: Наука, 1989. 310 с. Тир. 1850.

исходит из того, что создание экономической смычки города и деревни было основным содержанием нэпа. Поэтому от изучения взаимоотношений социалистической промышленности с мелким крестьянским хозяйством он закономерно переходит к вопросу о причинах отказа от политики нэпа и формирования административно-командной системы. Тем самым автор оказывается вовлеченным в одну из наиболее острых дискуссий последних лет, в ходе которой сформировались две принципиальные позиции.

Одни считают, что усиление воздействия государства на хозяйственные процессы стало магистральной линией развития социалистической экономики на всем протяжении ее истории. Поэтому политика, проводившаяся в 20-е гг., могла быть эффективна только в специфических условиях восстановления народного хозяйства. Когда же последствия разрухи были ликвидированы, то на первый план выдвинулись методы директивного централизованного планирования. Характер решавшихся в конце 20-х — 30-е гг. задач (необходимость структурной перестройки промышленности, повышения темпов экономического роста) ускорил этот процесс, но в целом он носил объективный характер.

Другие полагают, что нэп мог обеспечить поступательное развитие страны и позволял вести социалистическое строительство, не прибегая к мерам чрезвычайного характера (принудительный труд, снижение жизненного уровня населения, ограбление деревни). В этом смысле он оказался гуманной демократической альтернативой системе, сложившейся в 30-е гг. Поскольку потенциал нэпа к концу 20-х гг. был раскрыт далеко не полностью, причины его ликвидации нужно искать в сфере надстроечных явлений. По-видимому, позиции участников дискуссии определяются не столько результатами изучения периода 20-х гг., сколько их взглядами на современные проблемы нашего общества. В этой ситуации автору удалось остаться в рамках научного исследования. От многих вышедших в последнее время работ по проблемам нэпа рецензируемая книга отличается именно аргументированностью содержащихся в ней основных положений.

Автор стремится ответить на вопрос: почему на рубеже 20—30-х гг. новая экономическая политика сменилась господством административно-командной системы? Он указывает, что «одних надстроечных явлений недостаточно, чтобы объяснить трансформацию хозяйствен-

ной системы» (с. 258). Причиной ликвидации нэпа явился конфликт между крупной промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, который присущ любому обществу (с. 3). В условиях России он выражался в неустойчивости хозяйственной смычки города и деревни (с. 237). Обеспечение бесперебойного товарообмена между промышленностью и сельским хозяйством требовало постоянных усилий со стороны государственных органов, которые могли использовать для сохранения баланса интересов либо экономические, либо административные рычаги. Ошибка в одном из звеньев хозяйственной политики через сложную систему взаимосвязей могла вывести из равновесия всю систему. Тогда для ликвидации диспропорций приходилось прибегать к административным методам. Соответственно, чем глубже была ошибка, тем шире использовались внеэкономические рычаги. Пусковым механизмом возникновения диспропорций становились обычно неверные решения в области кредитной политики, денежного обращения, регулирования цен.

Так, самым простым способом стимулирования заготовок сельскохозяйственной продукции казалось широкое кредитование за счет денежной эмиссии (с. 236). В результате увеличивались цены на сырье для промышленности, дорожало продовольствие и снижался жизненный уровень рабочих. Начинала расти зарплата. Промышленность для того, чтобы покрыть издержки производства, либо увеличивала цены, либо обращалась за кредитами, а это, в свою очередь, требовало нового расширения эмиссии, которая подхлестывалась необходимостью заготавливать новый урожай. Начинался следующий виток спирали инфляции, пресечь которую можно было лишь административным путем. До определенного момента цены, количество денег в обращении, спрос и предложение промышленной и сельскохозяйственной продукции удавалось поддерживать в равновесии, хотя оно постоянно нарушалось некомпетентным вмешательством в экономику. Но затем разбалансированность достигла такого уровня, что использовать экономические рычаги регулирования стало вообще невозможно. Это и означало утверждение административно-командной системы.

Автор считает, что «нэп исчерпал себя уже к концу 20-х гг., т. е. гораздо раньше, чем кто-либо (из современников.— М. С.) рассчитывал» (с. 295). В то же время крах новой экономической политики не был предопреде-

лен. Если бы представления о закономерностях функционирования рыночной экономики были более глубокими, то «история нашего общества и судьбы мирового социализма могли бы быть иными» (с. 275). Реальную альтернативу утверждению административно-командной системы автор связывает с планом сокращения эмиссии и кредитования, разработанным Наркомфинном в 1926 г. Однако были приняты предложения Госплана, предусматривавшие выпуск в обращение новой массы денег, и рыночные отношения в нашей стране оказались обреченными.

Концепция эволюции нэпа, предложенная в монографии, привлекает тщательностью проработки деталей, учетом широкого круга факторов. В то же время она не может не вызвать споров и возражений. В книге закладывается основа еще одного взгляда на причины ликвидации нэпа и утверждения административно-командной системы. Суть его в том, что управленческие решения (каждое из которых несущественно с точки зрения глубинных экономических процессов) могут привести к качественному изменению всей хозяйственной системы. Представляется, что корни подобных изменений должны лежать гораздо глубже.

На протяжении всего исследования подчеркивается, что «командные методы ведения хозяйства были допущены при нэпе, а с возникновением хозяйственных трудностей их роль возросла» (с. 295). Перестройка хозяйственных отношений, создавшая условия для ведения рыночного хозяйства была в основном, как справедливо указывается в монографии, завершена к осени 1923 г. (с. 187). И практически одновременно с этим, с конца 1923 г. стала расширяться практика административного вмешательства в экономику. Именно на этой основе был ликвидирован «кризис сбыта» (с. 244). Ю. П. Бокарев подчеркивает, что «распространение командных методов принимает характер раковой опухоли: волюнтаристские решения порождают новые проблемы для общества, а попытки выйти из этих проблем ведут к дальнейшему распространению командных методов. В итоге общество оказывается в тисках административно-хозяйственного механизма» (с. 277). Уже в 1925/26 г., т. е. через два года после того как сложилась хозяйственная система нэпа, «рыночная экономика распалась столь стремительно, что никто уже не в силах был остановить этот процесс» (с. 276). Таким образом, несмотря на предпринимавшиеся попытки укрепить товарно-денежные отношения посредством

стабилизации курса рубля, развязки горюлки, расширения кредита, тенденция к усилению административных мер прокладывала себе дорогу. При этом все складывалось на пользу этой тенденции. В 1924/26 г. возник дефицит промышленных товаров — выход из сложившейся ситуации был найден в ужесточении командных методов (с. 269). В 1927/28 г. прямо противоположные условия — не реализовано 39,7% всей предложенной рынку промышленной продукции, но административное воздействие на экономику продолжает усиливаться (с. 291). Вероятно, у тенденции к усилению командных методов были более глубокие объективные основы, чем ошибки, совершавшиеся отдельными ведомствами.

Еще одна черта экономической системы 20-х гг., подробно рассмотренная в книге, это легкость выведения этой системы из состояния хозяйственного равновесия. Причины могли быть самыми различными. Так, завышенные цены на промышленную продукцию привели осенью 1923 г. к «кризису сбыта» (с. 240), пониженный урожай 1924 г. и повышение хлебных цен — к усилению «товарного голода» (с. 250), высокий урожай 1925 г. и неудачное проведение хлебозаготовок — к обострению дефицита (с. 268), ускоренное развитие тяжелой промышленности — к росту запасов нереализованной продукции (с. 291). Все эти диспропорции возникали и обострялись в условиях, когда валовые объемы производства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, увеличивались впечатляющими темпами, т. е. экономика страны, казалось бы, находилась на подъеме. Получается, что рыночные механизмы вопреки своей сути не обеспечивали автоматического восстановления равновесия. Для этого требовались чрезвычайные меры, в свою очередь сужавшие сферу действия товарно-денежных отношений.

Почему же рынок в 20-е гг. был столь неустойчив? В исследовании дан исчерпывающий ответ на этот вопрос: «чрезмерная централизация промышленности, позволившая ей диктовать цену рынку, не давала возможности использовать рыночный механизм для ликвидации хозяйственных затруднений» (с. 243). Цены на индустриальную продукцию определялись не конъюнктурой, а политикой трестов и синдикатов, которые, в свою очередь, выполняли указания директивных инстанций (с. 240). И если в 1923—1925 гг. цены, пусть и с искажениями, отражали соотношение спроса и предложения, то начиная с 1926 г. они утратили значение регуляторов производства (с. 258)

Особое положение промышленности на рынке объяснялось тем, что она представляла своего рода сверхмонополию, владельцем которой выступало государство. Оно, как подсчитал автор, распоряжалось 45,8% всей товарной продукции в стране (с. 209). Нельзя не согласиться с его замечанием о том, что «наличие собственности на основные средства производства в руках государства, быстрое расширение социалистического уклада, усиление его воздействия на другие уклады задавали определенный тип экономического развития» (с. 213). В полном согласии с существующими теоретическими представлениями этот тип развития отождествляется в книге с «закономерностями социалистической формации» (с. 213).

Сверхмонополия могла функционировать только на основе административных методов управления. Категории цены, прибыли, себестоимости служили для нее лишь «правилами игры», которые можно ввести, а можно и отменить. Факты и наблюдения, содержащиеся в шестой главе (раздел «Хозяйственная перестройка»), показывают, как система главков механически преобразовывалась в систему трестов, которые строились по тому же принципу объединения однородных производств без топливных, сырьевых, потребительских баз. Тресты получали предприятия независимо от того, могли ли они обеспечить их нормальную работу. Монопольное положение позволило переключать на потребителя высокие издержки производства, а значит, вести хозяйство неэффективно (с. 240). Таким же образом развивались отрасли, продукция которых не пользовалась спросом. Так, проведенный в работе математико-статистический анализ данных о потреблении сельского населения показал, что товары легкой промышленности играли большую роль в функционировании крестьянского двора, чем продукция производственного назначения (с. 230). Казалось бы, логично было расширять производство продукции, предназначенной для широкого рынка, и таким путем стимулировать развитие сельского хозяйства. Но даже в условиях дефицита потребительских товаров государство проводило политику перераспределения кредитов в пользу тяжелой промышленности (с. 265). Как считает автор, одной из причин, ускоривших проведение коллективизации, была необходимость создать спрос на средства производства со стороны крестьянства. Оказалось проще изменить систему производственных отношений в деревне, чем перестроить структуру промышленности (с. 292).

Все факты и наблюдения, приведенные в книге, вопреки выводам самого автора, убеждают читателя в том, что причины утверждения административно-командной системы нужно искать не в той или иной конкретной ситуации, сложившейся в народном хозяйстве в 20-е гг., а в структуре собственности, которая утвердилась в результате преобразований, проводившихся после Октябрьской революции.

В заключительном разделе книги указывается, что, «когда цена не обеспечивает равновесия на рынке, государство не может не принять на себя регулирование всего общественного производства» (с. 295). Но в еще большей степени государство толкает к этому то, что оно выступает «хозяйником» общественного производства, а значит, отвечает за его функционирование. «Хозяйская» роль государства в экономической системе 20-х гг. особенно наглядно проявлялась в самоубийственной финансовой политике, столь подробно проанализированной в работе. Эмиссия и кредит использовались для решения текущих задач, хотя это и приводило к разрушению основы благополучия страны — устойчивого денежного обращения. Но государство не могло отделить свои интересы от интересов ведомств и предприятий и пользовалось бюджетом так же, как домохозяйка кошельком. Отрыв цен от рыночного равновесия, как и другие диспропорции, был не причиной, а результатом такого способа хозяйствования.

Нельзя не согласиться с автором в том, что смычка между городом и деревней была противоречива в своей основе. Но это не было следствием конфликта между крупной промышленностью и мелкими крестьянскими хозяйствами, присущего, как он считает, любому обществу (с. 3, 296). В рамках единого народнохозяйственного комплекса существовало две подсистемы, одна из которых функционировала по принципам рынка, а другая основывалась на административно-командных методах управления. Столкновения между ними были неизбежны.

Вызывает возражения и то, как определяются в книге причины возникновения «социалистически-бюрократической альтернативы» в развитии нашей страны. С точки зрения автора, бюрократия усиливалась тогда, когда распадался союз рабочих и крестьян. Она получала известную самостоятельность, пользуясь ослаблением двух основных классов общества (с. 293—295). Представляется, что корни бюрократизации — в ускоренном процессе обобществления средств производства, начавшемся после революции. Как убед-

тельно показали классики марксизма, процесс обобществления носит объективный характер, и его размах и темпы определяются тем, как идет развитие производительных сил. По мере увеличения единичной мощности агрегатов, усложнения технологических цепочек производство все в большей степени приобретает общественный характер. Однако искусственное подстегивание этого процесса без создания соответствующих экономических предпосылок приводит к тому, что вместо технологических связей возникают административные. Начинается катастрофический рост бюрократического аппарата. Он занимает ключевые позиции в управлении производством, и это определяет его влияние в обществе.

Сомнительным представляется и утверждение в монографии, что проведение «правильной» экономической политики могло обеспечить победу рыночных отношений (с. 275, 294). Если у формирующейся административной системы была столь мощная объективная основа, то тенденция к расширению сферы действия командных методов все равно проложила бы себе дорогу. В этом смысле можно сказать, что нэп как попытка создания рыночной экономики исчерпал себя, еще не начавшись, в период национализации промышленности. Другое дело, что административно-командная система могла сложиться в различных конкретных формах. Трагедия нашей страны в том, что эта система приобрела у нас черты поистине варварские.

Исторические события, как известно, не повторяются, но сопоставление хода развития СССР в 20-е гг. с тем, что происходит или происходило в странах, вынужденных решать сходные социально-экономические задачи, делает нагляднее внутренний механизм становления административно-командной системы. В этой связи уместно привести выводы английского исследователя К. Крука в результате изучения им тенденций развития экономики «третьего мира» в 60—80-е гг. Он отмечает, что все страны, сделавшие ставку на создание мощного государственного сектора, начинали с развития импортозамещающих отраслей, таких, как химическая, сталелитейная, машиностроительная. Одним из следствий концентрации ресурсов для создания индустриальных гигантов, не связанных с удовлетворением потребностей широкого рынка, стало обострение экономических диспропорций. Приходили в упадок традиционные виды занятий. «Но как ни удивительно, это оказалось не самой сложной из возникших проблем.

Наличие аппарата, который решал, что нужно стране, определял отрасли, которые следовало бы поощрить, устанавливал необходимые тарифы и льготы, заставляло правительство вмешиваться в деятельность экономики в целом, во всех деталях.

Стало обычным такое явление — вмешательство для того, чтобы как-то сладить с трудностями, порожденными предшествующими актами вмешательства в экономические процессы. Затем возникла нужда в дальнейшем вмешательстве, чтобы разобраться в неразберихе, порожденной предшествующими действиями, и так до бесконечности»<sup>1</sup>. К. Крук изучал страны, различающиеся по уровню их развития, характеру общественного строя, обеспеченности природными ресурсами. Но во всех случаях разрастание государственного сектора приводило к возникновению диспропорций, инфляции, бюрократизации управления. Таким образом, речь идет о таких же явлениях, о которых пишет и Ю. П. Бокарев.

Динамичный период 20-х гг. дает богатый материал для понимания сути процессов, происходящих сегодня в народном хозяйстве. Пожалуй, впервые в нашей историографии настолько рельефно показано значение системы распределения для нормального функционирования экономики. Согласно подсчетам автора, потребление хлеба в 1918/19 г. по сравнению с довоенным временем сократилось всего на 6% (с. 143). Но в условиях, когда хозяйственные связи были разорваны, этого оказалось достаточно, чтобы начался жестокий голод. Принципиально важным является вывод, что восстановление равновесия на рынке невозможно без роста цен и снижения жизненного уровня населения (с. 291, 295). На конкретном материале в книге показано, что расширение кредитования и увеличение денежных выплат населению само по себе не только не способствует насыщению рынка, а лишь усугубляет кризис. Сегодня, когда правительство стало сначала увеличивать всем зарплату, затем решило исправить положение, наращивая выпуск потребительских товаров, а потом заговорило о радикальной реформе, издержки которой должны быть полностью компенсированы населению, исторический опыт 20-х гг. мог бы послужить грозным предостережением. Это придает книге Ю. П. Бокарева не только научную, но и общественно-политическую актуальность.

Нельзя здесь обойти и методическую сторону рецензируемой работы. Автор — горячий сторонник применения количественных методов

исследования, которые выступают «основным инструментом выявления скрытой в комплексе источников информации» (с. 90). Следует согласиться с автором в том, что характер имевшихся в его распоряжении материалов требует широкого применения статистических методов. В то же время математика используется иногда без достаточных оснований. Например, подсчитываются коэффициенты корреляции величины государственного бюджета с отдельными его статьями (с. 40; см. также с. 51 и др.). Очевидно, что сумма бюджета складывается из доходных статей, и она зависит прежде всего от поступлений по наиболее крупным из них. В таких случаях применение математики не только не дает дополнительной информации, но и затемняет суть дела.

Наибольший интерес представляют использованные в монографии методы имитационного моделирования. Автор является одним из пионеров их применения в исторических исследованиях. С его точки зрения, они служат эффективным средством научного познания и позволяют «не только устанавливать основные закономерности, но и изучать не реализовавшиеся в истории альтернативы, оценивая тем самым достигнутый прогресс» (с. 91).

В исследовании ставится вопрос: «была ли в начале 20-х годов административно-хозяйственная система реальной альтернативой излупу?» (с. 160). Ответ на него автор ищет с помощью ряда математических моделей. На основе регрессионного уравнения он рассчитывает, сколько сельских коммун и артелей оказалось бы в РСФСР к 1922 г., если их создание шло бы теми же темпами, что и в феврале 1919 – марте 1921 г. Поскольку коллективных хозяйств в феврале 1919 г. было очень немного, то даже небольшой абсолютный прирост, выраженный в процентах, выглядит очень внушительно. Поэтому экстраполяция тенденции, существовавшей в период «военного коммунизма», показывает, что уже к концу 1922 г. число артелей и коммун превысило бы количество колхозов, существовавших в стране после завершения массовой коллективизации (с. 161). Затем, используя дифференциальные уравнения, автор устанавливает, как изменился бы объем промышленного и сельскохозяйственного производства в условиях натурального обмена продуктами между городом и деревней (с. 161–166). Он приходит к выводу, что в случае ликвидации денежного обращения «страна не достигла бы тех экономических успехов, которые были достигнуты

в 1920-е гг. Только деньги позволяли регулировать экономические отношения между социалистической промышленностью и мелко-отварным крестьянским производством, направлять экономическое развитие страны в нужное для партии русло» (с. 166).

Вопрос о правомерности использования имитационных моделей для изучения прошлого до сих пор является предметом дискуссий среди историков. И тот подход, который продемонстрировал Ю. П. Бокарев, вызывает ряд серьезных возражений. Имитация как метод научного познания оказывается эффективной «при том неременном условии, что моделируются реально имевшие место альтернативы, а не альтернативы, сконструированные историком»<sup>2</sup>. В начале 20-х гг. развал хозяйства и обострение социальной напряженности происходили поистине на глазах. Было ясно, что сохранение военно-коммунистической системы приведет страну к катастрофе. Автор признает, что «открытое недовольство крестьянина и средних слоев города существующей хозяйственной политикой обращает в ничто шансы ее сохранения» (с. 151). Несколько дальше он отмечает, что «отмена денег влекла за собой серьезные проблемы, в большинстве случаев неразрешимые» (с. 151). Таким образом, признается, что система «военного коммунизма» была обречена. А затем строится математическая модель, которая основывается на предположении, что натуральный обмен мог просуществовать еще длительное время. Какой же смысл в имитации процессов, которые, как явствует из анализа реальной ситуации, не могли происходить?

Не вполне убедительными представляются аргументы, посредством которых доказывается корректность построенной модели. Ю. П. Бокарев считает, что «общие закономерности модель улавливает достаточно точно», так как она «показывает отставание развития промышленности от темпа роста сельскохозяйственного производства в первой половине 1920-х гг., продовольственные затруднения 1927–1929 гг.», т. е. реально происходившие процессы. Но при этом как-то упускается из виду, что последние развивались в экономике, основанной на товарно-денежных отношениях, а в модели рассматривается совершенно иная ситуация. Было бы удивительно, если бы в условиях господства натурального обмена ничего не изменилось. Вероятно, сопоставление с реальностью вообще не может служить методом проверки истинности имитационных моделей, поскольку они ориентированы на соз-

дание иной по сравнению с действительной картины прошлого.

В то же время в качестве примера удачного использования имитационной модели можно привести предпринятый автором анализ кредитно-эмиссионного плана Наркомфина. На основе регрессионных уравнений было рассчитано, как сказалось бы предложенное Наркомфином сокращение денежного обращения на величине товарооборота, уровне доходов населения, объеме промышленного производства. В данном случае анализируются последствия реально выдвигавшегося управленческого решения, и результаты моделирования позволяют глубже понять его суть и значение.

Определяя место рецензируемой монографии в современной научной литературе, посвященной проблемам нэпа, нужно учесть следующее. В 60-е — начале 70-х гг., когда в историографии повысился интерес к изучению нэпа, основной пафос исследований заключался в доказательстве того, что можно использовать хозрасчет для стимулирования социалистической экономики. Все явления экономической жизни 20-х гг. разделялись как бы на две категории. К одной относилось все то, что способствовало укреплению плановых начал в хозяйственной жизни, преодолению стихийности. Эта тенденция, по мнению историков, отражала фундаментальную закономерность строительства социализма — рост воздействия государства на экономику и оценивалась однозначно положительно. Предполагалось, что она будет развиваться вплоть до полного огосударствления средств производства и ликвидации других форм собственности. К другой категории явлений относилось все, что было связано с функционированием досоциалистических укладов в народном хозяйстве, действием рыночных механизмов. Они расценивались как досадная помеха делу строительства нового общества. Любое их ослабление рассматривалось как успех хозяйственной политики. Нетрудно заметить в этой схеме воздействие идей экономической реформы 1965 г., творцы которой исходили из того, что общее направление развития выбрано правильно и нужно лишь слегка подкорректировать его за счет использования таких показателей, как цена, прибыль и т. д.

Опыт двух с лишним десятилетий, прошедших с тех пор, показал, что советская экономика нуждается в радикальных преобразованиях. Если раньше целью и мерой развития выступало увеличение валовых объемов производства, то теперь общепризнано, что без сбалансированности отдельных компонентов народного хозяйства его нормальное функционирование невозможно. Все в большей степени осознается значение рынка в качестве механизма регулирования экономики. В теоретическом плане книга Ю. П. Бокарева основана на подобных представлениях. Его исследование отражает такое состояние нашей общественной мысли, когда негативные последствия существования административно-командной системы уже очевидны, а причины, породившие ее, неясны. Их изучение началось с факторов, как бы лежавших на поверхности. Сначала в центре внимания историков оказались события, которые непосредственно привели к утверждению командных методов управления экономикой. Автор делает еще один шаг вперед в понимании механизма возникновения административной системы. Предметом анализа в его книге явилось состояние рынка на всем протяжении 20-х гг. Но, попытавшись объяснить кризис нэпа воздействием конъюнктуры, он пришел к ряду выводов, которые с точки зрения сегодняшних представлений о развитии нашего общества должны быть признаны неполными. Задача состоит в том, чтобы раскрыть глубинные причины формирования административно-командной системы. В ее решении книга Ю. П. Бокарева является важным этапом. Следует высоко оценить научную принципиальность автора, который приступил к изучению механизмов функционирования рынка 20-х гг. еще в то время, когда этот сюжет отнюдь не считался приоритетным в нашей историографии.

**М. А. Свищев**

#### **Примечания**

<sup>1</sup> За рубежом. 1990. № 3. С. 10—11.

<sup>2</sup> Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 410.

## АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ И РУССКИЕ РЕАЛИИ

Неизменный интерес исследователей к сочинениям иноземцев, в которых содержатся впечатления о России феодальной эпохи, теперь может быть утолен более, чем когда бы то ни было. Отечественный книжный рынок не знавал подобного обилия записок, дневников, мемуаров, отчетов западноевропейского происхождения. Обычно это новые издания уже известных русскоязычному читателю переводов, публиковавшихся по преимуществу в XIX — начале XX в. Пока еще не поколеблено давно бытующее представление, что самые содержательные повествовательные источники, возникшие за рубежом, уже известны у нас, переведены и прочно утвердились в научном обиходе. Эта иллюзия надежно ограждена от сомнений языковым барьером (а он возрастает с древностью источника). Но и из напечатанных в русском переводе иностранных источников мы вправе лишь сравнительно немногие счесть полноценно внедренными в науку. Наше источниковедение неохотно обращается к ним; чаще всего дело ограничивается некоторыми элементами внешней (в более или менее кратких предисловиях) и внутренней (лапидарный комментарий) критики. Публикации, включающие в себя помимо перевода (о желании видеть рядом с ним и оригинал даже упоминать неловко — это роскошь, в нынешней ситуации почти недоступная) углубленное исследование, довольно-таки редки.

На подобном общем фоне хорошо выглядит выпускаемая издательством МГУ серия публикаций, сопровождаемых критическим анализом. Рассчитанная, судя по большим тиражам, на массового читателя, она незаменима и для специалистов по отечественной истории.

Серия пополнилась сочинениями Дж. Горсея\* (редколлегия: А. А. Севастьянова, А. Л. Хорошкевич, В. Л. Янин / отв. ред./, вступительная статья, перевод и комментарий А. А. Севастьяновой). Издание содержит полные русские переводы трех сочинений английского купца и дипломата, проведшего в Московии 18 лет (с 1573 по 1591 г., с перерывами): «Путешествие сэра Джерома Горсея», «Торжественная... коронация Федора Ивановича...» и «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея...» В приложениях помещены «Жалобы „Русской компании“

английских купцов на Горсея», 5 писем самого Дж. Горсея и «Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века», принадлежащие Дж. Турбервиллю, поэту и секретарю английского посольства в Москву 1568—1569 гг.

Сочинения иностранцев о России могут вообще иметь тройное значение: как источники — по нашей отечественной истории либо по истории международных связей, как памятники общественной мысли. Предпосланное переводу исследование А. А. Севастьяновой (названное «Предисловием», хотя по жанру это, безусловно, введение) охватывает существеннейшие стороны внешней критики источников, призванной установить их происхождение: изучены биография автора, его деятельность в России (с помещением в общий контекст англо-русских торговых и дипломатических отношений), обстоятельства, цели и время написания. Важнейшими — для XVI в. — весьма сложным компонентом источниковедческой работы явилось определение путей получения англичанином информации. А. А. Севастьяновой удалось выделить сведения, извлеченные им из устных рассказов, из документов, а также записанное по его собственным впечатлениям.

Анализ текстов и их истории увенчался, кроме того, несомненным достижением исследователя, установившего, что тексты Дж. Горсея имеют разновременные слои, и эти наблюдения, убедительно и развернуто аргументированные, должны многое прояснить специалистам.

Внутреннюю критику текстов содержит исследовательский комментарий, определивший соответствие сведений Горсея исторической действительности. Тем самым решена основная задача источниковедческого анализа — стали возможны «добротные рекомендации» (выражение А. А. Севастьяновой) историкам. Теперь, когда надежно изучены многие подпадающие проверке факты и сведения в трудах англичанина, гораздо проще определить степень возможного доверия к известиям уникальным, отсутствующим в других документах эпохи. Кроме того, самостоятельный интерес представляет археографическое введение, посвященное изданиям и переводам Горсея (с. 30—37).

\* Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII в. Изд-во МГУ. 1990. 288 с. Тир. 100 000.

Ограничившись этой общей оценкой результатов, достигнутых в изучении опубликованных сочинений, хотел бы сосредоточиться на самой существенной, по-моему, стороне дела.

Из оживленной полемики между исследователями по поводу толкования того или иного места у Горсея видно, что спор идет не столько вокруг сообщенных им сведений, сколько вокруг их русского перевода. А. А. Севастьянова, не удовлетворенная более ранними переводами Н. А. Белозерской<sup>1</sup> и Ю. В. Толстого<sup>2</sup>, предложила собственный, стремясь к «максимально точной передаче текста подлинника» (с. 40) и исходя из справедливого соображения: «поиск терминологических соответствий нужно рассматривать не как отвлеченное средство точности перевода, а как попытку источниковедческого анализа сообщаемых источником сведений, от которой и будет зависеть точность перевода»<sup>3</sup>. Убежденно разделяя эту мысль, я бы только изменил редакцию: речь в данном случае должна идти об основополагающем аспекте анализа всякого иноязычного источника. Иными словами, языковая проблема является здесь в равной мере и источниковедческой. Ведь абсолютное большинство специалистов по русской истории работает не с оригиналами — с переводами иностранных повествовательных источников, и избыточный смысловыми неточностями перевод, скорее, уже не источник, а скорбный монумент над ним.

Между тем теория (или, лучше сказать, технология) научного перевода таких источников отсутствует, и не видно, чтобы в обозримом будущем появилась.

А. А. Севастьянова не только существенно уточнила прежние переводы, но, что особенно ценно, сформулировала некоторые подходы к научному переводу. Бесспорным видится основной принцип, суть которого в том, что переводчик должен установить «условное однозначное соответствие» между терминами оригинала и терминами на русском языке: «однозначное, так как английскому термину соответствует один и только один русский, а условное, так как термин перевода не гарантирует абсолютную правильность выбора именно этого, а не сходного по употреблению другого термина»<sup>4</sup>.

Такой подход является единственным способом не ввести (причем намеренно!) в заблуждение читателей, «которые рассматривают терминологию перевода как терминологию автора источника»<sup>5</sup>. Исследователям очень поможет таблица условных однозначных соответствий основных английских и русских терми-

нов, помещенная в рецензируемом издании (с. 40—41).

Впрочем, в реализации провозглашенного переводчиком принципа можно обнаружить непоследовательность. Вот несколько характерных примеров, по-видимому, существенных для понимания текста.

*Counsell* переведен как «совет» (с. 57, 66, 146, 161), однако на с. 91 — как «собор» и на с. 255 *the counsayll of Russia* — «боярская дума». *Parliament* и *counsell royall*, как можно заключить из текста, для Горсея синонимы: «... парламент, или царский совет» (с. 66). В переводе первый термин, как правило, просто транслитерирован — «парламент» (с. 66, 142, 145, 147), но, дважды употребленный почти по соседству — на с. 145, переведен по-разному: в одном случае *the parliament house* — «палата Думы».

Горсей знал русское слово «воевода», и на страницах своих сочинений многократно приводил его в латинской графике: *viovod*, *viovode* (с. 56, 57, 110, 126, 128 и др.). Однако этим словом переведены и другие термины: *lieftennant* (с. 87), *pallatine* (с. 136), *the prince pallintine* (с. 134). При этом *lieftennant* (*liefftennant*, *livtennant*) в других случаях переводится иначе: *chieff livtennant* — «высокий военачальник» (с. 57), *lieftennant-general* — «военачальник» (с. 122), но однажды *livtennant of the Empire* — «военный наместник» (с. 145); на той же странице *livtennant* — просто «наместник».

Похоже, Горсей был склонен синонимично употреблять еще один термин, ибо о Борисе Годунове однажды читаем — *governor or livetenant*, переведенное А. А. Севастьяновой как «правитель», или «наместник» (с. 145), а выше (с. 128) *chief governor* — «главный наместник города». Однако на с. 59 *governors* — «управляющие чиновники». Между тем словом «чиновник» обычно переводится *officer* (с. 88, 129 и др.); иногда же этот термин передан как «дьяк» (с. 89, 90 и др.). Последнее русское слово мы можем встретить и в качестве эквивалента *secretarie* (с. 82, 153), причем наряду с переводом «секретарь». Так, Савелий Фролов — «главный государственный секретарь» (*chief secretarie of estate* — с. 76) и «царский дьяк» (*kings secretarie* — с. 82). С другой стороны, *officers* по крайней мере однажды — «приказные» (с. 152). В близкой связи с вышесказанным отмечу, что термин *master of the horse* (опускаю варианты, не изменяющие смысла) получает в переводе разные толкования: «старший конюх» (Иван Обросимов,

с. 62), «главный служитель конюшни» (Иван Волков, с. 104) и «конюший» (Борис Годунов, с. 145).

*King* применительно к царю чаще всего переводится как «король» (с. 84, 88, 110 и др.), иногда же — «царь» (с. 74, 166), но в титуле взойшедшего на престол Бориса Федоровича ... *King of Kasan*... — «... правитель Казани...» (с. 133), а *kingdom* — «государство» (с. 139). Русских царей в Западной Европе и в XVI в., и позднее (до октября 1721 г.) нередко именовали императорами. Этот титул неоднократно звучит и на страницах опубликованных в рецензируемом издании текстов. А. А. Севастьянова стремится избежать прямого перевода: *his Imperiall* — «его величество» (с. 67), *Imperiall magesty* — «его царская милость» (с. 67—68), *the Emperower* — «царь» (с. 135) и т. п.; на с. 145 *the empire* оставлено без перевода. Правда, однажды (с. 239) «проскакивает»: «император России». *The protector* (о Борисе Годунове) — обычно «правитель» (с. 87, 104), но на с. 156 — «протектор».

Английское *factor* в одном случае «приказчик» (с. 198), в другом — «фактор» (с. 234). Но как «приказчики» переведено и слово *masters* (с. 111); думаю, здесь все же имеются в виду капитаны (шкиперы) торговых судов.

Кажется небезобидными разночтения в переводе обычного для Горсея оборота *all sorts of people*, который передан как «все люди» (с. 136, 138), но также и как «все сословия» (с. 66). Более предпочтительным я вижу перевод «люди всякого звания». Тем более, что совершенно надежно как «все сословия государства» переведено *all estates of the kingdom* (с. 139). «Простое сословие» переводчик воспринимает как эквивалент слову *commons* (с. 60), но и а *meane sinaboarscie* — «простой сын боярский» (с. 89). Вероятно, в последнем случае *meane* — все-таки «худородный».

Принцип условных однозначных соответствий, даже и последовательно проводимый (что, как мы видели, на практике очень непросто), сам по себе еще едва ли в состоянии обеспечить «максимально точную передачу текста подлинника». Разным терминам оригинала должны соответствовать и разные русские; иначе говоря, употребленным уже в переводе термином не следует передавать иные английские, в том числе и в случаях, когда есть авторские указания на синонимичность. Нежелательны также контаминации, напр.: *act of Parliament* — «указ парламента» (с. 60), ибо в понимании Горсея речь идет о парламентском акте.

Постоянным источником недоразумений оказывается недостаточно определенная позиция переводчиков по отношению к передаче на русском языке наших отечественных реалий. Убежден, что нельзя вкладывать в уста иноземного современника эпохи термины, обозначающие специфически российские явления, если сам он таковых не употребил. Исследователя не может не насторожить то обстоятельство, что автор одни термины (*viuod*, *sinaboarscie* и т. д.; см. тщательно составленный А. А. Севастьяновой «Список русских слов, транслитерированных Горсеем», с. 277) полагает целесообразным передать в латинской графике, другие (*parliament*, *counsell* и т. д.) предпочитает повсеместно употреблять, пользуясь английскими эквивалентами (или словами, близкими, на его взгляд, к эквивалентным). А ведь Горсей, без сомнения, за 18 лет превосходно изучил основные реалии, не мог не знать их русских названий. Употребление транслитерации может означать, что он не сумел подобрать пригодного английского эквивалента, и это неудивительно: весьма нелегко найти хотя бы самое приблизительное терминологическое соответствие, скажем, «сыну боярскому», а калька («сын боярина») явно введет читателя в заблуждение. С другой стороны, транслитерированное слово способно придать тексту привкус экзотичности, вовсе не лишней для читающей публики на Британских островах.

Вместе с тем автор, адресующий сочинение своим соотечественникам, естественно, заинтересован в том, чтобы быть адекватно понятым, а увлечение словами, заведомо незнакомыми английскому читателю, с неизбежностью затруднило бы восприятие текста. Разумеется, я далек от мысли приписывать Горсею, человеку, в общем, невысокой образованности, ясные (и нынешние!) представления о терминологической строгости. Но, возможно, эти мои размышления окажутся бесполезными при изучении других авторов.

Переводчика, особенно если он одновременно специалист-историк, повсеместно подстерегает искушение приблизить русский язык перевода к языку XVI столетия и передать, скажем, *prostrats himself* как «бить челом» (с. 60). Но ведь *to petition unto him* тоже, оказывается, «бить ему челом» (с. 102), а *the petition* — «челобитная» (с. 133). Эти примеры свидетельствуют не только о нарушении жесткого принципа условных однозначных соответствий. Не менее существенно другое. Горсей мог знать русский термин (или оборот), а мог и не знать.

Но если он употребляет нейтральное слово (здесь — *petition*), я думаю, переводчик должен писать «прошение», больше доверяя автору и избегая привносить в текст оттенки, не заложенные в нем.

Равным образом едва ли оправданно *the original* перевести как «грамота» (с. 64), тем более, что *instrument* (в тексте опечатка: *instrumentl*) — тоже «грамота» (с. 137). Стоило бы, наверное, воздерживаться от употребления слов «опала», «опальный» как сугубо русских, а *discontented nobillitie* (с. 66) переводить: «знать, навлекшая на себя недовольство»; *displeasur* (с. 101) — тоже как «недовольство, неудовольствие, немилость» царя. Подобную природу имеет появление в переводе слова «людюшки» (*creatures*, с. 133); к тому же здесь по смыслу речь, скорее всего, идет о Kreatурах нового монарха.

Может быть, самый яркий пример свободно обращения с оригиналом — перевод слова *castell* («зámok») как «Кремль» (с. 74 и др.). Не приходится сомневаться, Горсей твердо знал, что такое московский Кремль, и если предпочел нейтральное «зámok», то мы опять же не вправе уточнять, додумывать за него.

Итак, высказанные здесь соображения сводятся к тому, что переводчик, свободно ориентирующийся в реалиях русской жизни того времени, испытывает труднопреодолимый соблазн перевести английский текст не только на русский язык, но одновременно в русскую систему понятий. Соблазн тем более сильный, что препарированный таким образом источник приобретает как бы более русское звучание, колорит. Однако достигнутый антураж опять-таки способен ввести в заблуждение: читателю предлагается не то, что написал иноземный автор, а то, что домыслил за него переводчик.

Исповедуя принцип невмешательства в авторский менталитет, предпочтительнее вообще воздерживаться от привнесения в русский текст специфически русских понятий и терминов — дьяк (и особенно «великий дьяк»), приказ, приказной, приказчик, Боярская дума, собор, наместник, челобитная, грамота, указ, опала. Ограничиваясь терминами нейтральными или просто транслитерированными с языка оригинала, мы вернее устраним почву для недоразумений. Там, где Горсей оперирует английскими реалиями, а нейтральные термины подобрать невозможно, правомерно вслед за А. А. Севастьяновой переводить: «лорд Борис Федорович» (с. 89, 236). Правда, тогда и *the Lord Treasurer* (П. Н. Головин) пусть будет не «казначей» (с. 146), а «лорд-казначей» и т. п.

Весьма затруднительно, конечно, избежать термина «приказ» при переводе *office*. По-видимому, для подобных случаев (их немного) достаточно специальной оговорки. Только неуклонное следование сформулированным принципам позволит предотвратить ситуацию, когда *shieff officers* — «важные чиновники» (с. 88), *great officers* (Щелкаловы) — «великие дьяки» (с. 89), *great officers of estate, the Shalkans* — «великие государственные дьяки Щелкаловы» (с. 90), *chieff officer of ambasages Andrew Shalcan* — «главный чиновник посольств Андрей Щелкан» (т. е. Щелкалов) (с. 129), а *offyce of ambasages* — «Посольский приказ» (с. 167).

Перелагая старые тексты на современный нам русский язык, нужно избегать намеренной архаизации, ибо любое слабое движение в этом направлении уже неостановимо; в конечном счете можно дойти до попыток перевода на русский язык, современный иностранному источнику. С другой стороны, нежелательна и модернизация языка. В данном случае *collections* — предпочтительнее не «коллекции» (с. 132), а «собрания».

Заметки о рассматриваемом издании не обошлись без некоторых более общих рассуждений, поскольку слишком остра проблема перевода источников, всегда сопряженного с огромными трудностями, которые каждый пытается преодолеть в одиночку. Разработка технологии перевода остается несущей источником задачей: наша историческая наука непредставима без корпуса иностранных известий как существенной части документальной базы. Но сегодня приходится ставить под сомнение адекватность большинства уже имеющихся русских переводов (особенно старых, авторы которых куда менее бережно, чем А. А. Севастьянова, относились к смысловым и стилистическим нюансам оригинала). А ведь иная переводческая ошибка, как известно, способна вызвать к жизни заведомо ложные концепции.

Редкая добросовестность переводчика проявилась в том, что в каждом неясном или сомнительном случае помещены в круглых скобках слово или слова оригинала (откуда я и взял вышеприведенные примеры). В целом же новые переводы сочинений Горсея нужно признать удачными, а все издание — подготовленным тщательно и профессионально. Читатели впервые получили надежную публикацию на русском языке ценного источника по отечественной истории XVI — начала XVII в.

## Примечания

<sup>1</sup> Россия в конце XVI столетия: Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея / Пер. с англ. Н. А. Белозерской. СПб., 1909.

<sup>2</sup> Путешествия в Московию Еремея Горсея / Пер. с англ. Ю. В. Толстого. М., 1907.

<sup>3</sup> Севастьянова А. А. Записки о Московии Джерома Горсея. (К вопросу о принципах научного перевода терминов при публика-

ции источников) // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 78.

<sup>4</sup> Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII веков (Разновременные слои источника и их хронология) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сборник трудов. М., 1974. С. 85.

<sup>5</sup> Севастьянова А. А. Записки о Московии... С. 73.

## Соловьева А. М. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ В XIX в. М.: Наука, 1990. С. 272. Тир. 2050

Автор рецензируемой монографии многие годы плодотворно работает над изучением сложных аспектов истории дореволюционного промышленного развития нашей страны. Ссылки на результаты исследований А. М. Соловьевой стали уже неотъемлемой частью наиболее крупных работ по экономической истории России XIX—XX вв., вышедших как в СССР, так и за рубежом; некоторые работы этого автора опубликованы в переводе на иностранные языки<sup>1</sup>.

Анализ проблемы промышленной революции в России рассматривается в книге в сложной и противоречивой взаимозависимости основных ее сторон — технической, экономической и социальной (с. 3). Это обстоятельство следует подчеркнуть особо, так как некоторые зарубежные ученые — авторы первоклассных исследований, посвященных промышленным революциям, происходившим в мировой истории, собравшие огромный фактический материал, подчас трактуют этот термин неоправданно расширительно, делая аморфным и сам предмет своего исследования. В частности, итальянский исследователь К. Чиполла понимает под промышленной революцией «все социальные, экономические и культурные процессы, происходившие в Европе с 1750 по 1900 г.»<sup>2</sup>

Отличительная особенность рассматриваемой работы — ее богатая не только чисто статистическая, но и собственно источниковая база; в монографии использованы документы почти трех десятков фондов ленинградских и московских архивов. Убедительно показано, что промышленная революция в России подчинялась общим мировым закономерностям, однако, в то же время имела и свои отличительные черты, обусловленные прежде

всего наличием многочисленных крепостнических пережитков. Принципиальный характер носит следующий вывод: «Особенностью России по сравнению с развитыми капиталистическими странами Запада являлось то, что не только возникновение, но и мануфактурный период капитализма в деформированном виде протекал в исторических условиях господства феодально-крепостнической системы хозяйства» (с. 31). Детально прослежено пореформенное становление крупной машинной индустрии в России, трактуемое как многофазисный, противоречивый и неравномерный процесс и в разных отраслях промышленности, и в отдельных регионах страны. В России в силу ее относительной экономической отсталости весьма долго существовали предприятия промежуточного типа, где функционировала как машинная техника, так и ручной труд.

Хронологические рамки промышленной революции в России, по мнению автора, охватывают период с 50-х до середины 90-х гг. XIX столетия, при этом выделяются этап первого пореформенного двадцатилетия («экстенсивный этап развития промышленной революции») и «завершающий, интенсивный этап» развития промышленной революции, ключевым результатом которого было формирование промышленно-технической базы российского капитализма (с. 268—269). Представляется, что это обобщение автора важно не только для углубленного понимания и осмысления российской промышленной революции, но и для трактовки данного феномена в контексте всемирного исторического процесса. Характерно, что данный вывод А. М. Соловьевой созвучен наблюдениям чехословацкого ученого Я. Пурша (см. его книгу «Промышленная революция.

Развитие, понятия о концепции»<sup>3</sup>), а также немецких специалистов в области экономической истории, в том числе одного из самых известных современных историков-экономистов — Ю. Кучинского<sup>4</sup>.

В трактовке автора монографии наиболее существенное значение имеет завершающая фаза промышленной революции, в которую Россия вступила с 80-х гг. XIX в. — именно тогда возникли глубинные сдвиги в структуре промышленного производства (быстрый рост тяжелой промышленности, энерговооруженности и производительности труда в базисных отраслях) и произошло гигантское обобществление труда на крупнейших фабрично-заводских и транспортных предприятиях в качестве наиболее весомого результата промышленной революции. В книге уделено большое внимание проблемам тяжелой промышленности, в частности, трудностям ее структурной перестройки, представлен большой фактический материал, касающийся процессов промышленной революции в отраслях производства предметов потребления (прежде всего в текстильной промышленности, где промышленная революция началась). Как известно, доминантность тяжелой промышленности зачастую приобретала в историографии нашей экономической истории самодовлеющий характер, а развитие легкой как бы элиминировалось. Между тем известный немецкий историк-экономист К. Лермер в ряду других факторов, характеризующих критерий заключительной фазы промышленной революции (в частности, преобладание машинного труда в ключевых отраслях хозяйства, формирование буржуазии и пролетариата как двух основных социальных классов, возможность перехода к новой фазе индустриализации и т. д.), указывает также на конституирование отраслей группы А (производство средств производства) и группы Б (производство предметов потребления)<sup>5</sup>. Существенно, что этот вопрос не обойден и в рецензируемом исследовании.

Обсуждаемая проблема промышленной революции (как российской, так и в других странах мира) всегда отличалась остротой, причем споры по этим вопросам все еще далеки от завершения. Среди специалистов по экономической истории России основную полемику вызывает вопрос о конечной стадии промышленной революции: одни ученые склоняются к тому, что в России она завершилась на рубеже 70—80-х годов, другие датируют ее итоговую стадию серединой 90-х годов. А. М. Соловьева привела наиболее развернутую и четкую аргументацию в пользу второй точки зрения.

Возможно, кому-то она покажется недостаточной. Тем не менее, совершенно очевидно, монография Соловьевой, как всякое крупное исследование, дает пищу и импульсы для дальнейшего анализа специфики завершающей стадии промышленной революции в России. Каково качественное соотношение между конечной фазой промышленной революции и началом процесса индустриализации? Как данная стадия промышленной революции в России вписывается в мировой индустриальный процесс? Над всеми этими вопросами необходимо поразмышлять в будущих исследованиях.

При рассмотрении противоречий промышленного развития России автор видит как тенденции бурного и прогрессивного капиталистического роста, так и сохранявшиеся черты отсталости. Однако в ряде случаев необходим был многомерный анализ тех или иных явлений. Справедливо выделяя крепостное право в качестве «основной причины технической отсталости горнозаводского Урала» (с. 102) и следуя в этом за ленинской оценкой<sup>6</sup>, А. М. Соловьева, по-видимому, не склонна замечать другие факторы. Американский историк Дж. Маккей, обратив внимание на то, что уральская металлургия оказалась неспособной в условиях крепостничества взять на вооружение «методы промышленной революции» и фактически «стагнировала», резонно заметил, что «положение здесь не улучшилось и при переходе на вольный наем»<sup>7</sup>. Вероятно, стоило бы обратить внимание на то обстоятельство, что застой уральской металлургии, вызванный крепостничеством, протекал в условиях общих понижательных трендов в развитии мировой металлургии, и в особенности производства чугуна.

Большое внимание в работе уделено использованию различных видов энергетического топлива в российской дореволюционной экономике. Подчеркивается крупная роль «остатков» нефтеперегонного производства (мазута), которые использовались вместо каменного угля в народном хозяйстве России (с. 233—234). И все же, на мой взгляд (автору этих строк также довелось заниматься исследованием данного вопроса)<sup>8</sup>, некоторые проблемы и их значимость охарактеризованы здесь несколько локально: ведь речь шла о явлении, обусловившем столь слабое развитие (по сравнению с тогдашними мировыми тенденциями) российского угледобытия, что дало возможность А. А. Радцигу сказать о «малом значении для России» ее каменноугольной промышленности<sup>9</sup>.

Новая работа А. М. Соловьевой, без сомнения, займет достойное место в историографии.

**И. А. Дьяконова**

#### Примечания

<sup>1</sup> Назовем (из числа вышедших в самое последнее время) две фундаментальные монографии японских авторов: Накаяма Х. Иэйсэй-Росия то гайкоку сихон (Царская Россия и иностранный капитал). Токио, 1988. С. 13; Росия-тэйкокусюги кэнкю (Очерки по истории империализма в России). Киото, 1989. С. 332; а также статью крупного японского историка С. Ито — Дайитидзи-сэ-кай-тайсэндзэн-но Росия-но сихон юю (Российский импорт капитала накануне первой мировой войны) // Тотисэйдо-сигаку. 1987. № 115. С. 18; Solov'eva A. M. The Railway System in the Mining Area of Southern

Russia in the Late nineteenth and Early Twentieth Centuries // The Journal of Transport History (Manchester) 1984, № 2, p. 66—81; Solov'eva A. M. Die Industrielle Revolution in Russland // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte (Berlin). 1986. № 1. S. 91—107.

<sup>2</sup> Europäische Wirtschaftsgeschichte/Hg. v. C. M. Cipolla. Bd. 3. Die industrielle Revolution. Stuttgart; N. Y., 1985. S. 211.

<sup>3</sup> See: Purvs J. Prumyslova revoluce: Vyvoj pojmu a koncepcie. Praha, 1973. S. 693.

<sup>4</sup> See: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1985. № 4. S. 47—48.

<sup>5</sup> See: Ibid. 1988. 4. S. 48—49.

<sup>6</sup> См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 485—486.

<sup>7</sup> Mc Kay J. P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885—1913. Chicago/L., 1970. P. 112.

<sup>8</sup> См.: Дьяконова И. А. Нобелевская корпорация в России. М., 1980.

<sup>9</sup> См.: Радциг А. А. Каменноугольная промышленность всего света: добыча, потребление, цены. СПб., 1898. С. 11.

## РУССКОЕ ОБЩЕСТВО 30-х ГОДОВ XIX в. ЛЮДИ И ИДЕИ. Мемуары современников. Изд-во МГУ, 1989. 438 с., тир. 142 000

Рассматриваемая книга, вышедшая под редакцией И. А. Федосова (составители А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев, С. Л. Чернов), посвящена тому времени, когда, по словам А. И. Герцена, после подавления восстания декабристов ошеломленная Россия начала приходить в себя. В эпоху николаевской реакции свободная мысль русского общества не остановилась в своем развитии и проявлялась в самых разных формах: от беспощадно разоблачительных «Философических писем» П. Я. Чаадаева, ухода в католичество В. С. Печерина до юношеских исканий Константина Кавелина и Константина Аксакова — в дальнейшем занявших противоборствующие позиции в станах западников и славянофилов. Именно на эти годы приходится фундаментальнейшая научная подготовка (в России и за границей) Т. Н. Грановского, ставшего в 40-е гг. блестящим профессором всеобщей истории Московского университета, кумиром передовой Москвы.

Имена этих замечательных русских людей и представлены в данном сборнике. И можно согласиться с его составителями, что «в настоящее издание вошли воспоминания из золотого фонда русской мемуаристики» (с. 47).

Правда, возникает вопрос: следовало ли печатать исторические документы, которые совсем недавно были переизданы большим тиражом? Мы имеем в виду «Воспоминания студентства» К. С. Аксакова, которые помещены в сборнике воспоминаний современников о Московском университете<sup>1</sup>, а также мемуарный очерк К. Д. Кавелина «Авдотья Петровна Елагина», помещенный в сборнике его статей<sup>2</sup>.

Думается, что в данном случае для подобных сомнений нет оснований. Ведь воспоминания К. С. Аксакова, как бы продолжая мемуарные произведения его отца, Сергея Тимофеевича, дают характеристику Московского университета — центра притяжения лучших сил русского общества 1830-х гг. «...Мы мало почерпнули из университетских лекций и много вынесли из университетской жизни», — подчеркивал К. С. Аксаков (с. 313).

В последнее время идет и переоценка значения деятельности К. Д. Кавелина — выдающегося историка, публициста, философа, одного из основателей «государственной школы» русской историографии, популярнейшего лектора Московского университета в 1844—1848 гг., имя которого студенты называли зачастую после имени Грановского... Формиро-

вание взглядов Кавелина происходило именно в 30-е гг. Большое влияние на него, несомненно, оказывали В. Г. Белинский, который готовил его к поступлению в университет, а также студенческий кружок в самом университете, куда входили К. Д. Кавелин, А. А. Фет, А. А. Григорьев, Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, В. А. Черкасский и др. (об этом кружке рассказано в воспоминаниях Фета). Но не меньшей была и роль салона Елагиной, который, по словам Кавелина, был «одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей». Бывая в доме Авдотьи Петровны у Красных ворот, «юноши, только что сошедшие со студенческой скамьи, получали доступ в лучшее общество, где им было хорошо и свободно благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах. Здесь они встречались и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-помалу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям» (с. 139).

Объединенные общим замыслом документальные памятники дают возможность читателю представить и осмыслить эпоху 30-х гг.

Книга заслуживает высокой оценки с археографической точки зрения: все источники опубликованы без купюр, по автографам из различных архивохранилищ Москвы и Ленинграда (особо хотелось бы отметить большую работу, проделанную С. Л. Черновым по подготовке воспоминаний В. С. Печерина). Исключение составляют лишь воспоминания Я. М. Неверова о Т. Н. Грановском, при подготовке к переизданию которых следовало бы обратиться к материалам Государственного Исторического музея, где хранится рукопись этих воспоминаний<sup>3</sup>.

Сборник открывает «Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве» М. И. Жихарева. Эти малоизвестные современному читателю мемуары рисуют яркий, запоминающийся портрет П. Я. Чаадаева, рассказывают о его жизни, начиная с блестящей карьеры гвардейского офицера, открывавшейся в 1812 г., и кончая последними днями опального московского мыслителя. Интересны и рассуждения самого Жихарева на тему «Чаадаев и Пушкин», а также рассказ о «Деле Чаадаева».

Читая воспоминания Жихарева и сочинения самого Чаадаева, приходишь к мыс-

ли о том, что чаадаевский взгляд на Россию был чем-то сродни лермонтовскому «люблю отчизну я, но странною любовью!» «Философические письма» написаны человеком, глубоко любившим Россию и вместе с тем трезво оценивавшим ее положение «среди мертвого застоя». Чаадаев полемически направлял острие своего беспристрастного аналитического ума против патриотизма казенного, бюрократического: совершенно справедливо говорится в предисловии, что «его позиция зеркальна официальным воззрениям» (с. 35).

Собственно то же можно сказать и о «Замогильных записках» В. С. Печерина, который, прожив свыше 30 лет в Западной Европе, из них четверть века католическим священником, писал в конце своей длинной жизни: «От России я никак отделиться не могу. Я принадлежу ей самой сущностью моего бытия, я принадлежу ей моим человеческим значением» (с. 311). О пророческом звучании многих высказываний Печерина говорилось не раз. Трудно удержаться, чтобы не привести еще одно, слишком актуально оно звучит: «...Пора России перестать младенчествовать и обезьянничать Францией и Англиєю. Ей должно идти самостоятельным путем практического материального развития. Наша тесная дружба с Северной Америкой есть одно из знамений времени. Может быть, не в очень далеком будущем свет увидит две исполинские демократии — Россию на Востоке, Америку на Западе: перед ними смолкнет земля» (с. 307).

Вообще, сама по себе публикация записок Печерина в какой-то мере поставила составителей в сложное положение. С одной стороны, в них даны яркие картины России 30-х гг., Петербургского университета, настроений различных кругов русского общества. С другой — автобиография Печерина столь занимательна, что несколько уводит читателя от основного замысла книги. И в этом отношении чрезвычайно уместны два следующих документа — воспоминания К. Д. Кавелина и К. С. Аксакова, о значении которых уже говорилось.

Завершают сборник воспоминания Я. М. Неверова «Тимофей Николаевич Грановский», на наш взгляд, одни из лучших в галерее многочисленных памятников мемуаристики о Грановском.

Привлекает внимание написанное Н. И. Цимбаевым предисловие к книге «Под бременем познания и сомненья... Идеиные

искания 1830-х гг.» Лаконичны, но вместе с тем весьма информативны комментарии в книге. Так, краткие биографические справки органически переплетены с текстом и позволяют представить себе не только место того или иного человека в истории России, но и его облик. Интересной и оригинальной представляется схема «Вокруг Авдотьи Петровны Елагиной» (с. 428—429), включающая около 70 имен.

С некоторыми положениями составителей книги хотелось бы поспорить.

Представляется безапелляционным утверждение, что «имя Владимира Сергеевича Печерина неизвестно современному кругу читателей» (с. 381). В конце концов, его «Замогильные записки» были впервые изданы уже в советское время в 1932 г. (правда, небольшим тиражом — 5000 экз.), и к этому интересному источнику не раз обращались исследователи. Говоря о поступлении К. С. Аксакова в университет пятнадцати лет «в виде исключения» (с. 416), можно было бы вспомнить, что и Тютчеву было столько же, когда он в 1818 г. поступил в Московский университет.

Несколько тенденциозно освещена деятельность графа С. Г. Строганова (с. 14). Безусловно, нельзя преувеличивать степень либеральности взглядов Строганова, но, думается все же, что он не «играл роль просвещенного вельможи», а был таковым: ведь именно в бытность его попечителем Московского учебного округа Московский

университет стал средоточием молодых прогрессивно мыслящих ученых. Не распространяясь о его заслугах перед отечественной наукой и просвещением, укажем лишь на документ из самого сборника: письмо С. Г. Строганову от В. С. Печерина, которого трудно заподозрить в неискренности (с. 172—174).

В целом книга, на наш взгляд, интересна и полезна для самых широких читательских кругов. Представляется целесообразным продолжить в той же серии «Университетской библиотеки» издание книг, посвященных следующему, не менее замечательному десятилетию русской истории — 40-м гг. прошлого века. Это могла бы быть серия мемуаров, не переиздававшихся долгое время, либо вообще впервые публикуемых архивных документов под общим названием «Люди сороковых годов».

**Ф. А. Петров**

#### Примечания

<sup>1</sup> Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 182—189.

<sup>2</sup> К а в е л и н К. Д. Наш умственный строй: Статья по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 320—336.

<sup>3</sup> ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 345, д. 30.

## ИСТОРИЯ УРАЛА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 605. Тир. 4100

Монография представляет собой первый том \* многотомного труда, издание которого предпринято Институтом истории и археологии Уральского отделения АН СССР совместно с учеными Москвы и уральского региона. В книге дано представление о развитии и разложении двух общественно-экономических формаций — первобытнообщинного и феодального строя на территории, составляющей ныне пять областей — Свердловскую, Челябинскую, Пермскую, Курганскую, Оренбургскую — и две автономные республики — Башкирскую и Удмуртскую.

К достоинствам этого коллективного труда

относится, во-первых, то, что он проникнут стремлением воздать должное предшественникам в изучении истории Урала и выполнен с учетом последних достижений в разработке отдельных вопросов и, во-вторых, то, что авторы ввели в научный оборот большое количество неопубликованных документальных материалов из фондов местных и центральных государственных архивохранилищ. Анализ источников и литературы придал достоверность и убедительность многим выводам и наблюдениям.

Содержание и структуру книги скрепили несколько сквозных проблем, в числе которых

выделяются вопросы хозяйственного и промышленного освоения региона, социальных взаимоотношений в деревне и городе, внутренней политики и классово-борьбы, развития культуры.

В первой части книги, посвященной истории края в первобытнообщинный период, авторы проследили возникновение и развитие металлургии и скотоводства, предопределивших разделение труда, неравномерность социально-экономического развития областей региона, особенности миграционных процессов, этническую консолидацию народов в финно-угорский, индоевропейский и тюркский союзы племен, имущественную дифференциацию и изменения в духовной сфере. Материал, представленный в труде, не только знакомит читателя с процессом становления человеческого общества на Урале, но и убеждает в единстве путей исторического прогресса во всем мире, показывает вклад конкретных этнических общностей региона в развитие мировой культуры и прогресса. Заслуживает внимания обоснование содержащегося в литературе тезиса о первоначальном заселении Урала не с востока (из Сибири), а с юга (из Средней Азии) и юго-запада (через Русскую равнину). Однако поспешно и необоснованно, на наш взгляд, сделан вывод о созревании предпосылок возникновения производящего хозяйства в рамках неолита (с. 68).

При рассмотрении раннефеодальных отношений предложена классификация населения Урала X—XV вв., в которой выделены аборигенная, смешанная и позднереселенческая группы. Между тем этнический состав этих групп вызывает сомнения в правомерности подобного деления, да и названия групп представляются не очень удачными. К тому же и дальнейшие рассуждения в книге не связаны с такой схемой.

В заслугу авторам нужно поставить освещение роли болгарской и русской колонизаций в освоении края, выявление сложившихся еще в начале XII—XIII вв. экономических связей Приуралья с русскими княжествами, нередко при посредничестве Волжской Булгарии. Раскрыты истоки взаимообогащения культур народов на протяжении всей истории Урала.

Колонизация региона осуществлялась в различных формах, но не нарушила основных направлений миграции местного населения. В труде рассматриваются вопросы о перерастании имущественного расслоения в социальное, об усложнении социальной структуры населения. Отметим здесь некоторые неточности,

разнотечения, стилистические и терминологические погрешности. Так, включение Волжской Булгарии в состав Золотой Орды отнесено ко времени сразу же после 1236 г., хотя Золотоордынское государство появляется лишь семь лет спустя, в 1243 г. Едва ли можно согласиться с утверждением, что юридическое прикрепление крестьян произошло уже в 1579 г., задолго до Соборного уложения 1649 г. Неправоммерно говорить о «татарской колонизации» применительно к золотоордынскому периоду (с. 143), следовало назвать ее «золотоордынской». Нужно было отметить изменение содержания термина «татары», его эволюцию в этноним современных татар, так как читателю, не сведущему в этих вопросах, трудно уловить связь и разницу между «монголо-татарами», «татарами», «казанскими феодалами», татарскими (арскими) князьями, «булгарами», «казанцами». Наряду с терминами «Волжская Булгария», «булгары» употребляются термины «Волжская Болгария», «болгары». Трудно согласиться и с тем, что не включены в состав господствующего класса служилые люди «по прибору», помещенные между посадскими и ясачными людьми. Между тем они представляли собой низшую категорию господствующих сословий, «прибравшуюся», как правило, из числа нерусского населения и получавшего на условиях несения административной, военной и дипломатической службы свои ясачные жеребьи в поместье владение. Нельзя также забывать, что среди служилых Урала было много переселенцев из уездов Среднего Поволжья.

Недостаточно разработан, на наш взгляд, вопрос об организации управления и административно-территориального устройства края. Лишь мимоходом упоминается о введении на Урале воеводской системы; ошибочно утверждать, что Верхотурский и Пелымский уезды подчинялись в XVI в. Сибирскому приказу (с. 173—174) (вся восточная часть Российского государства до 1637 г. находилась в ведении Приказа Казанского дворца). Более того, и после создания Сибирского приказа часть территории Урала (Оса, Уфа, Мензелинск) продолжала управляться Приказом Казанского дворца. В целом убедительно проведено сравнение процессов, происходивших на Урале, с таковыми в Среднем Поволжье; однако не подчеркнута роль Казанского края в организации управления восточными районами государства, четко не выделено общее и особенное в административно-территориальном устройстве Урала.

В работе утверждается, что «до реформы 1708—1710 гг. территория Урала ... входила в состав... Уфимской провинции» (с. 295). Между тем эта провинция возникла лишь в 1719 г. (о чем в книге далее говорится) в составе Казанской губернии и только в 1744 г. вошла в состав Оренбургской губернии. Касаясь дальнейших изменений в государственном управлении, авторы ограничились рассказом о Пермском наместничестве, лишь упомянув о существовании Уфимского; не назвали области, вошедшие в состав этих наместничеств (с. 297—298). Думается, следовало подчеркнуть, что практически до начала XIX в. четкого административно-территориального деления Урала не существовало.

Процесс дальнейшего хозяйственного освоения края, роль и место уральской деревни в складывании всероссийского рынка и развития товарно-денежных отношений находятся в поле зрения при исследовании вопроса о сельском хозяйстве и промыслах Урала в XVIII в. Однако здесь не удалось избежать некоторой описательности.

Читателя заинтересует освещение промышленного освоения Урала в XVIII в., роли купцов, казны и дворянства в расширении горнозаводской промышленности, истории развития старых и создания новых городов, процессов формирования рабочих и мастеровых людей Урала. Обратят на себя внимание карта (с. 262), таблицы (с. 270) и приведенный в приложении указатель металлургических заводов (с. 572—576). Правда, на карте указаны не все заводы и ее данные не всегда сходятся с таковыми в указателе. Например, из двух Мазуевских заводов, соответственно вступивших в строй в 1704 и 1712 гг., на карте указан лишь один, отсутствует также Романовский завод, пущенный в 1716 г. Жаль, что не приведены источники построения таблиц.

В экономическом развитии Урала в первой половине XIX в. выделены два этапа, в зависимости от изменений в промышленном производстве. Выявлены причины замедленности технической перестройки, убедительно показано проникновение капиталистических отношений в уральскую деревню. Привлекает внимание предложенная классификация городов региона, интересно наблюдение авторов о том, что горнозаводские поселки, наряду с городами являлись экономическими центрами Урала. Вместе с тем трудно уяснить авторскую позицию о причинах застоя в металлургической промышленности: то утверждается, что к нему привело «преобладание феодально-крепостни-

ческих элементов в производственных отношениях» (с. 404), то эти причины усматриваются в «сокращении экспорта металла» (с. 405). К сожалению, не указано, чем были вызваны изменения цен на полосовое железо в первой половине века (с. 405—406).

В книге освещена внутренняя политика царского правительства в уральском регионе, которая носила специфические черты и наложила особый отпечаток на классовую борьбу. Освещен социальный протест трудовых масс, выразившийся, в частности, в неприятии принудительных цен на хлеб, устанавливавшихся властями, в борьбе за право переселений.

Богат по содержанию материал о дальнейшем развитии социальных противоречий межклассового характера в XVIII в. и первой половине XIX в. Отметим только, что применительно к XVIII в. излишне противопоставляется классовая борьба против феодальной эксплуатации борьбе против национального угнетения. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «рядовые башкиры насильно вовлекали феодалов в восстание» (с. 377). Зачем же это было делать рядовым башкирам? Зачем это феодалам и к каким социальным слоям они отнесены? И, наконец, какой же была борьба — классовой или межнациональной? Создается впечатление, что авторы четко этого себе не представляют. Вряд ли правомерно включение в состав народов Урала тептярей и бобылей (с. 376), поскольку это не народности, а социальные категории по существу одной этнической общности. Требуется содержательное пояснение и термин «мишари».

Говоря о волнениях горнозаводских людей в первой половине XIX в., авторы выделяют основные этапы в этой борьбе и обещает рассказать о таких волнениях на Сысертских, Симском и Белорецком заводах (с. 440). Однако речь идет далее только о положении дел на Сысертских заводах. Называя различные формы протеста заводского населения, авторы упомянули о 22 случаях отказа от выполнения работ за 1820—1860 гг., но не привели данных об общем количестве волнений за этот период (с. 442).

В главах, посвященных истории культуры уральского региона, делается акцент на культуре русского народа. Но возможности показа дальнейшего сближения народов в области духовной и материальной сфер реализуются не всегда. Кроме того, авторы ограничиваются исследованием в основном духовной культуры, крайне мало уделив внимания сфере мате-

риальной. За пределами книги остались также литература, театр, ювелирное и ичижное ремесла.

Материал монографии в очередной раз убеждает в необходимости работы по унификации и идентификации терминов с целью выработки одинакового смыслового понимания их значения и содержания, ибо механический перенос современных понятий на более ранние периоды и наоборот, конечно, недопустим. Вряд ли правомерно употребление в данной книге терминов «Татария», «Башкирия», «Удмуртия», «Казахстан», так как таких государственных образований история досоветского периода не знала. Правда, термин «Татария» существовал, но он имел совершенно другое содержание, чем в наши дни (с. 19).

В целом рецензируемая монография обогащает наши представления об отдаленных временах истории Урала, об истории этносоциальных политических и культурных процессов до середины XIX в. Она заинтересует

не только специалистов-историков, но и широкий круг читателей.

И. П. Ермолаев, Д. А. Мустафина

#### Примечание

\* Редколлегия: А. А. Преображенский (отв. ред.), А. С. Черкасова, В. Д. Викторова, В. А. Оборин, Р. Г. Пихоя, С. И. Сметанин. Коллектив авторов: И. Г. Акманов, А. С. Алферов, А. В. Бакунин, Г. В. Бельтикова, В. В. Блажес, В. А. Борзунов, Н. И. Бугаева, В. Д. Викторова, О. М. Власова, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина, М. В. Гришкина, Т. А. Демина, Т. А. Калинина, А. Ю. Каптиков, В. Т. Ковалева, Р. М. Лотарева, П. Е. Матвеевский, В. В. Мухин, В. А. Оборин, В. В. Овчинников, А. С. Орлов, Б. В. Павловский, Э. А. Пензин, Р. Г. Пихоя, В. Г. Плюшевский, А. А. Преображенский, В. В. Пундани, А. М. Раскин, Ю. Б. Сериков, С. И. Сметанин, В. Е. Стоянов, Б. А. Сутырин, А. С. Терехин, Л. И. Футорянский, Г. Н. Чагин, А. С. Черкасова, А. В. Черноухова, А. В. Шилов.



# ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

## РУССКИЕ МАСОНЫ И БОРИС САВИНКОВ

На страницах журнала «История СССР» (1989, № 6; 1990, № 1) В. И. Старцев опубликовал и прокомментировал интереснейшие документы русских политических масонов, хранящиеся сейчас в архиве Гугеровского института войны, мира и революции. Ценность любых материалов масонского происхождения чрезвычайно высока, ибо масоны, исходя из требований строжайшей конспирации, старались не оставлять никаких письменных свидетельств своей деятельности.

Часть документов русских масонов хранится в Париже. Ими пользовалась Н. Н. Берберова, автор книги «Люди и ложи», содержащей данные о 600 русских масонах. В советских архивах также имеются некоторые материалы о русском масонстве. В фонде Н. В. Чайковского (ЦГАОР СССР) в трех картонных папках хранятся черновики выступлений, записные книжки, дипломы лож «Северное сияние» и «Астрея». Владельцем всех этих масонских документов был в свое время Н. В. Чайковский, в прошлом революционер-народник, а после 1917 г. противник новой власти, оказавшийся уже в 20-е гг. во Франции, где он стал Председателем русского Капитула, руководителем русских масонов-эмигрантов. В списках, хранящихся в одной из папок, перечислены фамилии масонов лож «Астрея» и «Северное сияние», среди которых попадают и имена весьма известные: гр. Беннигсен, Фирстенберг, Аитов, Давыдов, Наградский, Мамонтов, Макшеев, Слиозберг, Мордвинов, Половцев, Шереметьев, Тхоржевский, проф. С. Г. Лианозов, гр. П. Бобринский, Каменка, кн. Кугушев, Лыщинский, Голеевский, Гофман, Веретенников, Сейделер, Бердин, Кочубей. Один из документов, напечатанный на бланке ложи «Астрея», привлекает особое внимание. Это письмо Н. В. Чайковскому, написанное Л. Д. Кандауровым, которого Н. Н. Берберова в уже упомянутой нами книге назвала «преданным масонству братом». Вот содержание этого документа:

ASTRÉE

Vall. de Paris

Le 16.3.25

*Доверительно*

Дорогой Николай Васильевич, считаю долгом обратить Ваше, как Предс[едателя] русского Капит[ула], внимание на появившиеся за последние дни сведения о предстоящем приезде во Францию Б. В. Савинкова, получившего, как сообщается, поручение от Советского правительства воздействовать на круги русской эмиграции в видах ее примирения с большевистским строем. На основании некоторых имеющихся у меня за последнее время секретных данных, означенные сведения представляются мне правдоподобными. Мне представляется также, что бр[ат] Савинков, в случае приезда сюда, попытается использовать в числе прочих своих шансов, также и свои ф[ранк] — м[асонские] отношения. Как Вы знаете, Борис Викторович, не состоя членом ни одной из русских л[ож], состоит тем не менее членом и учредителем нашего Капит[ула]. Хотя он имеет только гр[адус] Р[?] Кр[?], но уже давно избыл все сроки на 30\* и потому может легко получить его, если на это согласился бы В[ерховный] С[овет]. Сообщая Вам об изложенном, и считая, с своей стороны, появление среди нас бр[ата] Савинкова, если он действительно принял бы на себя поручение указанного выше характера, весьма для нас нежелательным и опасным, очень прошу Вас обдумать положение, которое могло бы таким образом создаться. Полагал бы также желательным, чтобы Вы, воспользовавшись Вашими личными связями, выяснили заблаговременно вопрос о том, как отнеслись бы к такому появлению демократические, а в частности социалистические, круги русской эмиграции.

Искренне Вам пред[анный]

К а н д а у р о в

ЦГАОР СССР, ф. 5805, оп. 1, д. 604, л. 25—26.

Б. В. Савинков «был только в 1917 г. введен в ложу Демьянова генералом Тепловым»\*\*. Таким образом, его масонский стаж в 1925 г. составлял 8 лет. После задержания его чекистами в Минске 16 августа 1924 г. и судебного процесса 27—29 августа 1924 г. Савинков отбывал во внутренней тюрьме ОГПУ назначенные ему 10 лет лишения свободы. На суде, как известно, он неожиданно для многих своих соратников выступил с откровенными разоблачениями действий русской контрреволюции и западных спецслужб против Советской России, призвав «всех любящих свой народ безоговорочно признать Советскую власть и подчиниться ей». Русская эмигрантская, а также польская, английская, французская печать пытались принизить значение столь внезапных «откровенный» одного из недавних лидеров активной контрреволюции. Чего только ни публиковали эти газеты о Савинкове в конце 1924—1925 гг., какие только «неопровержимые» факты, версии и легенды ни предлагались ошеломленным читателям. Кандауров в своем письме имел в виду именно эти публикации. Однако какая-то часть передаваемой газетами информации была, очевидно, верна так как подтверждалась масонскими «разведанными» из секретных источников.

Письмо Л. Д. Кандаурова было датировано 16 марта 1925 г., а через месяц с небольшим, 7 мая 1925 г., Савинков покончил жизнь самоубийством. Официальная версия, изложенная в «Правде» от 13 мая 1925 г., утверждала, что в этот день Савинков передал администрации тюрьмы письмо для Ф. Э. Дзержинского, в котором ставил вопрос о своем освобождении. Однако администрация тюрьмы высказала сомнение в положительном его решении. Савинков после этого разговора впал якобы из состояния сильной депрессии и, воспользовавшись моментом, выпрыгнул с пятого этажа в незарешеченное окно.

Такая версия самоубийства была бы вполне правдоподобной, если бы речь шла не о Савинкове, а о каком-нибудь другом человеке. Трудно поверить в столь простую, бесхитростную причину ухода из жизни человека с такой богатой, как у Савинкова, биографией, человека, приговоривавшегося к смертной казни еще в царские времена, обладавшего твердым характером, недюжинным умом и крепкой волей. Но Савинков был ко всему и авантюристом, «артистом авантюры», как назвал его А. В. Луначарский. Поэтому вполне можно предположить, что столь неожиданные признания и заявления на суде, письма за границу, последнее послание Дзержинскому и даже замена в приговоре смертной казни на десятилетнее заключение могли быть вызваны какими-нибудь «договорными» отношениями Савинкова с представителями Советской власти, какими-нибудь взаимными обязательствами сторон. Письмо Кандаурова Чайковскому служит очень серьезным подтверждением таким предположениям.

Полную правду по запутанному делу Б. В. Савинкова историки узнают только тогда, когда будут рассекречены материалы соответствующих архивных фондов некоторых советских ведомственных архивов.

**С. В. Безбережьев**

## **Примечания**

\*. Имеется в виду 30-й градус, довольно высокий в иерархической структуре масонов. Самой высокой степенью в ложах, входящих в «Великий Восток», был 33-й градус.

\*\* См.: История СССР. 1989. № 6. С. 121.



## 40-ЛЕТИЕ НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО КРУЖКА

Вот уже четыре десятилетия при Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) функционирует кружок источниковедения истории СССР. Все эти годы им бесценно руководит профессор С. О. Шмидт. Насколько известно, это единственный в истории отечественной исторической науки пример столь длительного существования научного студенческого объединения. За эти годы кружок приобрел популярность, статьи и заметки о нем публиковались не только в массовой прессе, но и в научных журналах. Сотни студентов получают в кружке исследовательские навыки, расширяют свой научный кругозор, знакомятся с достижениями источниковедения. Для студента-историка овладение основами источниковедения имеет особо важное значение в профессиональной подготовке. Занятия в кружке помогают будущему историку-архивисту более углубленно освоить эту дисциплину не только теоретически, но и практически.

Основы преподавания источниковедения в МГИАИ закладывали такие выдающиеся ученые, как М. Н. Тихомиров, М. Н. Сперанский, А. И. Андреев, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин, В. К. Яцунский, А. Ц. Мерзон. Здесь традиционно высок уровень преподавания этого предмета, охватывающего весь круг источников по отечественной истории. Бесспорно, это не могло не сказаться на работе кружковцев. Проблематика занятий кружка с самого начала его деятельности не была ограничена узкими тематическими или хронологическими рамками. Но главные направления определились почти сразу. Это — источниковедение проблемы и источниковедение вида источников. Наиболее устойчивым оказался интерес кружковцев к источникам по истории России XVI в., революционно-освободительного движения XIX—XX вв., истории культуры, истории исторического знания в самом широком смысле слова (историографии, в том числе и специальных исторических дисциплин, краеведения, охраны памятников культуры и т. д.). Важное место в деятельности кружковцев занимает изучение ленинских документов, особенностей их публикаций, документальных материалов по истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Летописи, акты и делопроизводственные источники, статистические материалы, мемуары и дневники, эпистолярные материалы, периодическая печать, кинодокументы — все это неисчерпаемый кладезь тем для самостоятельных научных изысканий кружковцев. С особым интересом изучают они вопросы теории источниковедения. Часто темы студенческих исследований касаются проблем источниковедения и смежных научных дисциплин — архивоведения, археографии, историографии, нередко в них сочетаются источниковедение и собственно историческое исследование.

При таком разнообразии проблематики студенческих работ особо важна помощь специалистов. В разное время научными работами кружковцев руководили такие видные ученые, как В. К. Яцунский, А. Ц. Мерзон, И. А. Кудрявцев, А. А. Зимин, М. Н. Черноморский, С. И. Якубовская, Е. А. Луцкий, И. А. Миронова, О. М. Медушевская, Л. М. Зак, Е. И. Каменцева, Е. В. Чистякова, А. И. Комиссаренко и др., а в последние годы — бывшие кружковцы С. М. Каштанов, А. Л. Станиславский, В. В. Кабанов, В. Ф. Козлов, С. Е. Князьков.

Отличительная черта кружка — совместная работа в нем людей разного возраста и даже разных поколений, студентов (и не только студентов МГИАИ) и выпускников института, «стариков» кружка. Такое неформальное объединение исследователей разного опыта и кругозора не только взаимно обогащает их в научном плане. Оно служит культивированию традиций служения научной истине, создает особую нравственную атмосферу.

Многие из кружковцев стали видными архивистами и археографами, историками и историко-

ведами. Среди них — научные сотрудники институтов истории СССР, всеобщей истории, славяноведения и балканистики, истории естествознания и техники Академии наук СССР, они работают почти во всех центральных государственных архивах, в рукописных отделах крупнейших библиотек. В числе тех, кто прошел «школу кружка», и некоторые видные работники Главархива СССР, архивных управлений союзных республик, ВНИИДАД, преподаватели (и заведующие) многих кафедр МГИАИ, а также многих университетов и педагогических институтов.

Для большей части кружковцев занятия в кружке открыли путь в науку. Темы, избранные в кружке студентами, нередко определяют тематику их докладов в спецсеминарах, курсовых, дипломных сочинений и даже диссертаций. Исследования кружковцев, как правило, основаны на выявлении и изучении прежде всего архивных материалов, связаны с научным описанием таких материалов, подготовкой их публикаций. Ведется достаточно многообразная и базирующаяся по преимуществу на архивных фондах исследовательская работа в области историографии источниковедения и других специальных исторических дисциплин, источниковедения, историографии и исторического краеведения, источниковедения истории науки и техники. Кружковцы занялись разработкой вопросов источниковедения истории архивного дела, источниковедения археографии, в частности «практической археографии» XVI—XVII вв., изучение которой ведется по древним архивным описям, журнальной археографии XVIII—XIX вв. Предприняты попытки реконструировать по личным фондам архивы периодических исторических изданий, исследовать историю преподавания специальных исторических дисциплин. Это же позволило в организованный по почину Археографической комиссии АН СССР работе по подготовке Каталога личных фондов историков широко использовать результаты научных изысканий кружковцев.

Для некоторых участников кружка студенческие годы стали не прологом профессии, а уже вступлением в нее. Не случайно первые печатные труды нынешних специалистов вышли в сборниках студенческих работ. Такие сборники издавались к 10-, 20- и 30-летию кружка, подготовлен такой сборник и к сорокалетию. К «научной продукции» кружка с полным правом можно отнести и 10 докторских и около 100 кандидатских диссертаций, защищенных его участниками, сотни монографий, документальных публикаций, тысячи статей.

15 апреля 1990 г. в МГИАИ состоялось заседание в честь сорокалетия кружка источниковедения, на которое собрались кружковцы всех поколений, в том числе и приехавшие из многих городов страны, а также немало почетных гостей. С речью к ним обратился бессменный руководитель кружка председатель Археографической комиссии АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор С. О. Ш м и д т. С сообщениями о научной работе кружковцев и деятельности кружка в последние годы выступали С. М. К а ш т а н о в, С. В. Ч и р к о в и С. В. Ж у р а в л е в. От Историко-архивного института собравшихся приветствовал проректор по научной работе доктор исторических наук В. А. М у р а в ь е в (бывший кружковец). С приветственными словами выступили кружковцы разных лет: А. А. А м о с о в (ведущий научный сотрудник Библиотеки АН СССР), Н. С. Л е б е д е в а (старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР), В. П. К о з л о в (ученый секретарь Отделения истории АН СССР), С. Б. Ф и л и м о н о в (доцент Симферопольского университета), Р. К а з а к о в (студент МГИАИ), а также профессора МГИАИ — Н. И. Б а с о в с к а я и А. И. К о м и с с а р е н к о. Были оглашены поздравления кружку от научных учреждений и издательств, коллег-ученых и ветеранов кружка. Академик Д. С. Лихачев приветствовал в своей телеграмме кружок как «товарищество старших и младших, утверждающее могучую преемственность нашей науки, лучших традиций русской исторической учености и интеллигентности». Академик Б. А. Рыбаков обратился в письме к кружковцам: «Вы делаете большое благородное дело, спасая и воскрешая ценнейшие памятники нашей родной культуры. Спасибо вам за то, что на протяжении стольких лет вы боретесь и продолжаете бороться за честность и чистоту нашей науки». В поздравлении академика-секретаря Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко говорится, что кружок — «необычное и замечательное явление в отечественной историографии последних десятилетий... Дух творчества, товарищества, взаимопомощи, свободный от догм и стереотипов мышления поиск исторической истины, характерные для кружка, обеспечивают высокий уровень научных „упражнений“ его членов, способствуют его постоянному пополнению студенческой молодежью, неизменно привлекают к участию в его работе маститых ученых, давних и недавних выпускников одного из авторитетных вузов нашей страны».

**С. В. Чирков**

## ПАМЯТИ Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

Отечественная культура, историческая наука понесли тяжелую утрату — не стало выдающегося ученого, археолога, востоковеда, историка культуры, действительного члена Академии наук СССР и Академии наук АрмССР Бориса Борисовича Пиотровского.

Научная деятельность Б. Б. Пиотровского продолжалась более 60 лет. Еще в 30-е гг. ученый приступил к многолетнему (1939—1941, 1945—1971 гг.) археологическому изучению памятников урартской культуры в разных районах Армении — горы Арагац, озера Севан, реки Раздан. Оно завершилось выдающимся открытием в 1939 г. древнеурартской крепости Тейшебаини. Богатейший материал, полученный при раскопках, был обобщен ученым в ряде монографий разных лет: «Урарту — древнейшее государство в Закавказье» (Л., 1939), «История и культура Урарту» (Ереван, 1944) — в 1946 г. работа удостоена Государственной премии, «Ванское царство» (М., 1959) и «Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э.» (Л., 1962). Эти книги принесли Б. Б. Пиотровскому мировую известность, они неоднократно издавались за рубежом.

Наряду с ведущей темой в древней истории — урартской — ученый занимался и другими ее сюжетами. Его теоретические статьи «О происхождении армянского народа» (Ереван, 1946), «Развитие скотоводства в Древнем Закавказье» («Советская археология». XXIII. 1955), «Основные этапы древнейшего земледелия в Армении» («Историко-филологический журнал» (Ереван). 1961. № 3—4), опубликованный в 1949 г. лекционный курс «Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.», «Скифы и Древний Восток» («Советская археология». XXIII. 1955) — работы синтетического характера, они раскрывают сложные этнические и хозяйственно-культурные взаимосвязи народов и племен, населявших Закавказье и контактировавших с ними в глубокой древности. Эти труды Б. Б. Пиотровского представляют громадную ценность как для археологов, так и для историков и этнографов.

Важное место в творчестве ученого занимала история Древнего Египта, интерес к которой пробудился у него еще в студенческие годы. В 60—70-е гг. этот интерес обрел реальные черты, когда экспедиция АН СССР по программе ЮНЕСКО стала работать в Египте в районе Ассуанской плотины. Археологический материал, а также изученные древнеегипетские надписи Вади Аллаки стали новыми страницами в истории Древнего Египта. Фундаментальная публикация «Древняя Нубия. Труды археологической экспедиции АН СССР» (М.; Л., 1964) и монография «Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи» (М. 1983) осветили материальную, духовную культуру и политическую историю Северной Нубии, окраинной области Древнего Египта. Существование международных связей этого государства со странами Передней Азии и Средиземноморья Б. Б. Пиотровский установил, изучая сокровища гробницы Тутанхамона, среди которых он обнаружил изделия и вещи неегипетского происхождения, в частности нубийские (см. сб. «Тутанхамон и его время» (М., 1976) и «Введение» к каталогу выставки «Сокровища гробницы Тутанхамона» (М., 1973)). Центры мировой науки в Лондоне, Париже, Праге, Флоренции, Дели удостоили его своими почетными учеными званиями и наградами.

Много сил и энергии отдал Б. Б. Пиотровский работе в Государственном Эрмитаже, куда он пришел работать в 1931 г. и в течение почти четверти века был его директором. Ученый стремился, чтобы музейные коллекции и собрания питали науку и обогащали культуру. Популяризация музейных сокровищ, обмен выставками с музеями разных стран — Англии, Италии, Франции, США, Мексики, Японии и др. — важная сторона ученой и гуманитарной деятельности Б. Б. Пиотровского. Всем нам памятен телесериал из 24 фильмов об Эрмитаже, каждый из которых предварял увлекательный рассказ ученого. Многочисленные каталоги и альбомы по собраниям Эрмитажа выходили при участии и редакции Б. Б. Пиотровского. При непосредственном его участии форми-

ровались богатейшие экспозиции уникального отдела Востока. Будучи заместителем председателя Комитета музеев СССР, членом Международного совета музеев (при ЮНЕСКО), он способствовал развитию и укреплению музейного дела.

Многогранной была общественная деятельность выдающегося ученого. В 1981—1982 гг. Б. Б. Пиотровский избирался академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, был членом Президиума Академии наук СССР, Бюро Национального комитета историков СССР, председателем Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» при секции общественных наук Президиума АН СССР. Он избирался депутатом Ленгорсовета X и XI созывов. Б. Б. Пиотровский — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств РСФСР и заслуженный деятель науки АрмССР. Правительственные награды — три ордена Ленина, три ордена Трудового Красного Знамени, медали — увенчали его труды.

Ушел из жизни большой ученый, человек редких дарований и личного обаяния.

---

# СОДЕРЖАНИЕ

*К 50-летию начала Великой Отечественной войны*

## **В помощь преподавателям и студентам**

История советского общества. Краткий очерк (1917—1945 гг.)

Глава шестая

**Куманев Г. А.** — В огне тяжелых испытаний (июнь 1941—ноябрь 1942 г.) 3

**Волобуев О. В.** (Москва), **Ильяшук Г. И.** (Минск) — Послеоктябрьский меньшевизм . . . . . 32

**Академик Ковальченко И. Д.** — Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) . . . . . 52

**Кучкин В. А.** — Города Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках (Крепость и посад; городское население) . . . . . 73

## **Советские и американские историки о политическом кризисе самодержавия**

**Литвак Б. Г.** — Реформы и революции в России . . . . . 85

**Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.** (Ленинград) — Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 годы . . . . . 96

**Фриз Г. Л.** (США) — Церковь, религия и политическая культура на закате старой России . . . . . 107

**Уортман Р.** (США) — Николай II и образ самодержавия . . . . . 119

## **Историография, источниковедение, методы исторического исследования**

**Литвак К. Б.** — Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов . . . . . 129

**Рянский Л. М.** (Курск) — Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (Опыт количественного анализа по данным Курской губернии) . . . . . 142

## **Публикации**

**Материалы** Революционного трибунала по делу провокатора **Малиновского**. Продолжение. 151

**Центральный комитет «Союза 17 октября»** в 1905—1907 годах. Документы и материалы. Составители **Шелохаев В. В., Павлов Д. Б.** . . . . . 160

## **Сообщения**

**Бугай Н. Ф.** — 40-е годы: «автономия немцев Поволжья ликвидировать...» 172

## **Критика и библиография**

**Свищев М. А.** — Еще один взгляд на нэп . . . . . 181

**Беспятых Ю. Н.** (Ленинград) — Английский язык Джерома Горсея и русские реалии 188

**Дьяконова И. А.** — Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. . . . . 192

<b>Петров Ф. А.</b> — Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников . . . . .	194
<b>Еромолаев И. П., Мустафина Д. А.</b> (Казань) — История Урала с древнейших времен до 1861 г. . . . .	196

*Письмо в редакцию*

<b>Безбережьев С. В.</b> (Петрозаводск) — Русские масоны и Борис Савинков . . . . .	200
---	-----

**Научная жизнь**

<b>Чирков С. В.</b> — 40-летие научного студенческого кружка . . . . .	202
<b>Памяти Б. Б. Пиотровского</b> . . . . .	204

## CONTENTS

*Toward 50 Years of the Great Patriotic War*

**For Lecturers and Students**

History of the Soviet Society. An Outline (1917—1945). Chapter 6.	
<b>Kumanev G. A.</b> — In the Fire of Severe Tests (June 1941 — November 1942) . . . . .	3
<b>Volobuev O. V.</b> (Moscow), <b>Ilyashchuk G. I.</b> (Minsk) — Post-October Menshevism . . . . .	32
<b>Acad. Kovalchenko I. D.</b> — Stolypin's Agrarian Reform (myths and realities) . . . . .	52
<b>Kuchkin V. A.</b> — Towns of North-West Russia in the XIII — XVth Centuries (fortress and settlement; townspeople) . . . . .	73

**Soviet and American Historians on the Political Crisis of the Autocracy**

<b>Litvak B. G.</b> — Reforms and Revolutions in Russia . . . . .	85
<b>Ananyich B. V., Ganelin R. Sh.</b> (Leningrad) — Crisis of Authority in Russia. Reforms and Revolutionary Process. 1905 and 1917 . . . . .	96
<b>Freeze G. L.</b> (USA) — Church, Religion and Political Culture in the Twilight of Old Russia . . . . .	107
<b>Wortman R.</b> (USA) — Nikolai II and the Image of Autocracy . . . . .	119

**Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research**

<b>Litvak K. B.</b> — Political Activity of Peasantry in the Light of Court Statistics of 1920's . . . . .	129
<b>Ryansky L. M.</b> (Kursk) — Dynamics of Peasant Population in the Period of Feudalism Crisis in Russia (a quantitative case study of the Kursk Province data) . . . . .	142

**Publications**

<b>Materials</b> of the Revolutionary Tribunal on the Provocateur Malinovsky Affair (cont. from the previous issue) . . . . .	151
<b>The Central Committee</b> of the «Union of October, 17» in 1995—1907. Documents and Materials. Compiled by Shelokhaev V. V., Pavlov D. B. . . . .	160

**Communications**

<b>Bugai N. F.</b> — The Forties: «autonomy of the Volga Germans to be abolished...» . . . . .	172
--	-----

## Book Reviews and Bibliography

<b>Svishchev M. A.</b> — One More View of NEP . . . . .	181
<b>Bespyatykh Yu. N.</b> (Leningrad) — The English Language of Jerome Gorsey and Russian Realities . . . . .	188
<b>Dyakonova I. A.</b> — Solovyeva A. M. Industrial Revolution in Russia in the 19th Century . . . . .	192
<b>Petrov F. A.</b> — Russian Society in the 1830's. People and Ideas. Contemporaries' Memoirs . . . . .	194
<b>Yermolaev I. P., Mustafina D. A.</b> (Kazan) — History of the Urals from the Ancient Times to 1861 . . . . .	196

### *Letter to the Editor*

<b>Bezbrezhyev S. V.</b> (Petrozavodsk) — Russian Masons and Boris Savinkov . . . . .	200
---	-----

## Academic Life

<b>Chirkov S. V.</b> — 40 Years of a Students' Scholarly Circle . . . . .	202
<b>In Memory of B. B. Piotrovsky</b> . . . . .	204

## РЕДАКЦИЯ:

Секиринский С. С.	— Отдел истории СССР советского периода
Петров Ю. А.	— Отдел истории СССР периода капитализма
Швейковская Е. Н.	— Отдел истории СССР периода феодализма
Костина Р. В.	— Отдел истории народов СССР
Елисеева Н. В.	— Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Новикова М. А.	
Юрасовский А. В.	— Отдел истории СССР за рубежом
Польский М. П.	— Отдел критики и библиографии
Полторацкая Л. Н.	— Старший литературный сотрудник
Шляхтина М. В.	— Младший редактор

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

---

Сдано в набор 06.12.90. Подписано к печати 25.01.91 Формат бумаги 70×100<sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Офсетная печать Усл. печ. л. 16,9 Усл. кр.-отт. 488,2 тыс. Уч.-изд. л. 24,9 Бум. л. 6,5  
Тираж 26 150 экз. Заказ 802 Цена 2 р. 10 к.

---

Адрес редакции: 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93  
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6